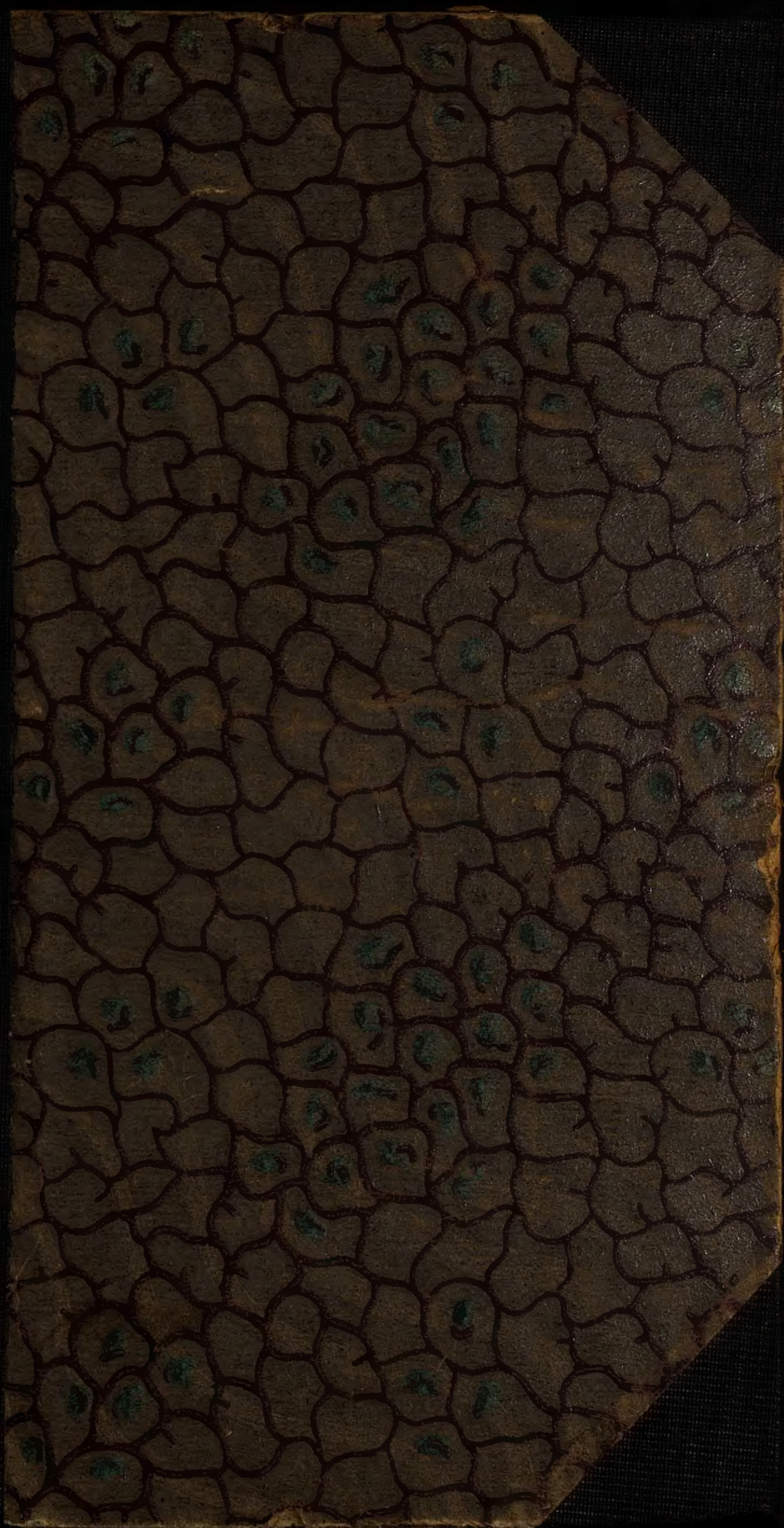

К. Ф. Хартулари.

ПРАВО СУДА И ПОМИЛОВАНІЯ

КАКЪ

ПРЕРОГАТИВЫ РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВНОСТИ.

«Дискреціонная власть, дѣйствующая «ради общественнаго блага, внѣ закона «и даже вопреки закону, именуется «прерогативою».
John Locke: «Two treatises of Goverment». Book II, ch. XIV «Of Prerogative» (Works, London, 1714).

(Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе).

ОБЩАЯ И ОСОБЕННАЯ ЧАСТИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1899.

Глубокоуважаемому Константину Константиновичу Арсеньеву, от искренно уважающего его

К. Ф. Хартулари. 11/XII 1898.

ПРАВО СУДА И ПОМИЛОВАНІЯ

КАКЪ

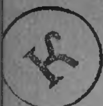
ПРЕРОГАТИВЫ РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВНОСТИ.

«Дискреціонная власть, дѣйствующая «ради общественнаго блага, внѣ закона «и даже вопреки закону, именуется «прерогативою».
John Locke: «Two treatises of Governement». Book II, ch. XIV «Of Prerogativé» (Works, London, 1714).

(Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе).

ОБЩАЯ И ОСОБЕННАЯ ЧАСТИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1899.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

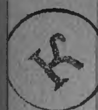
Посвящается

СВЯЩЕННОЙ И НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ

въ Бозѣ почивающаго

Государя Императора

АЛЕКСАНДРА III МИРОТВОРЦА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Настоящій трудъ посвящается всестороннему, по возможности, выясненію путемъ историческимъ, коренныхъ основъ такихъ, именно, могущественныхъ правъ и преимуществъ Россійской Державности, какими оказываются, съ одной стороны, право личнаго участія Монарха въ отправленіи правосудія, а съ другой право Его на помилованіе, изъ которыхъ первое, по несоотвѣтственности общему государственному принципу, вовсе неизвѣстно Западу, а второе, хотя и отождествляется внѣшними признаками съ правомъ, признаваемымъ за верховною властью всюду и всѣми законодательствами, независимо отъ господствующей формы государственнаго управленія, но, тѣмъ не менѣе, видимо отъ него отличается и своими основаніями и предѣлами.

Такая особенность въ правахъ Россійской Верховной Власти, сравнительно съ общими правами суверенитета по вопросамъ суда и помилованія,—находитъ себѣ объясненіе въ той своеобразности, какъ это будетъ доказано ниже, съ какою зародилось на Руси понятіе о власти и

начало самодержавія, подъ вліяніемъ отчасти родоваго славянскаго быта, послужившаго, какъ извѣстно, зародышемъ монархическаго принципа, отчасти-же подъ натискомъ послѣдующихъ историческихъ событій. Отношеніямъ и связи, чисто патріархальнаго свойства, непосредственно установившимся, въ силу родоваго начала и историческихъ причинъ, между княземъ и народомъ, *когда князь былъ первымъ его судьею, по всякаго рода дѣламъ, и семейнымъ, и общественнымъ, и государственнымъ*, а равно сознанію необходимости власти, выразившемуся въ народномъ убѣжденіи: *что безъ князя въ землѣ ни порядка. ни охраненія, ни суда, ни правды»*,—суждено было еще болѣе окрѣпнуть въ періодъ татарскаго погрома и московскаго единодержавія, съ котораго и начинается развитіе государственной жизни Россіи.....

При содѣйствіи церкви. въ особенности-же съ тѣхъ поръ, какъ русскіе князья получили царственное значеніе и стали преемниками чести древнихъ византійскихъ монарховъ, *помазанниками Божіими*,—на Руси, говоритъ Герберштейнъ [1]), укоренилось строго теократическое воззрѣніе на верховную власть и ея представителей: *«что «Царь, самодержавный владыка, дается отъ самого Бога, «и потому все что ни совершитъ, совершается по волѣ «Божьей, что даже самъ Государь, если его просили объ «освобожденіи узника, не иначе отвѣчалъ, какъ словами: «если Богъ повелитъ, освободимъ»*.

И подобное воззрѣніе народа на верховную власть вошло на столько въ его плоть и кровь, что на этомъ боготвореніи Царской особы, какъ на выраженіи прав-

---

[1]) Rerum Moscov. Comm. edit. Starcz. Стр. 12.

ственнаго его представленія объ исходѣ высшей власти отъ самого Бога,—почили какъ россійское самодержавіе, такъ и народное убѣжденіе въ томъ, что, послѣ Бога, только одному Царю, какъ нелицепріятному, милостивому и истинному отцу,—принадлежитъ право располагать совѣстью, жизнью и достояніемъ своихъ подданныхъ, и что ему одному, *какъ источнику высшей справедливости и всякаго закона въ землѣ*, — принадлежитъ право суда, а также заступничества за страждущаго, прибѣгающаго къ его защитѣ, ибо *«Царь, какъ Богъ, и покараетъ «и помилуетъ!»*.

Такимъ, именно, ореоломъ божескаго всемогущества и величія русскій народъ привыкъ, искони, окружать престолъ своихъ вѣнценосныхъ Монарховъ, и таковъ одинъ изъ тѣхъ крупнѣйшихъ и поразительной чистоты и блеска бриллiантовъ, который непосредственно вложенъ имъ въ корону Мономаха!......

А потому несомнѣнно, что всякое стремленіе не только къ умаленію самого права, но даже къ усложненію непосредственныхъ сношеній народа съ своимъ Государемъ, по разнаго рода ходатайствамъ о правосудіи и милостяхъ,—будетъ, независимо отъ нарушенія существенныхъ и личныхъ интересовъ самой Верховной власти, еще актомъ святотатственнаго оскорбленія какъ народныхъ традицій, такъ и народнаго чувства!.....

II.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ упомянуть о поводахъ, вызвавшихъ нашъ трудъ, а равно объ избранной нами системѣ изложенія предмета.

Не говоря уже о научной важности изслѣдуемаго вопроса, по которому въ нашей отечественной юридической литературѣ не существуетъ никакого отдѣльнаго и полнаго трактата, за исключеніемъ отрывочныхъ свѣдѣній, разбросанныхъ въ учебникахъ по государственному и уголовному правамъ, -- прямыми показателями необходимости и значенія историко-законодательнаго изслѣдованія вопроса о правѣ монаршаго суда и помилованія въ Россіи, въ интересахъ сохраненія этого права въ томъ, именно, видѣ, какой наиболѣе соотвѣтствовалъ-бы его основамъ и народному о немъ представленію, - послужили рядъ реформъ Коммисіи прошеній 1810—1890 гг., этого высшаго государственнаго учрежденія, посредствующаго между Государемъ и его вѣрноподданными по ходатайствамъ о правосудіи и о разнаго рода милостяхъ внѣ закона, а еще болѣе рядъ проектовъ о преобразованіи названнаго учрежденія, въ которыхъ нерѣдко предполагалась или реформа на основаніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ исторіею права и самого учрежденія, или-же совершенное его упраздненіе, въ качествѣ самостоятельнаго государственнаго органа.

Хотя упомянутымъ проектамъ не суждено было осуществиться, благодаря осторожности и осмотрительности особыхъ высшихъ Коммисій, на которыя возлагалась реформа, но повторенія подобныхъ попытокъ можно ожидать тѣмъ болѣе, если принять въ соображеніе, что реформированныя, въ минувшія царствованія, административныя, а въ особенности судебныя учрежденія, которыя прежде, въ первоначальномъ своемъ видѣ, сливались со всѣми остальными органами государственной власти, нынѣ, для такого сліянія и общей гармонической дѣя-

тельности, безусловно нуждаются въ соотвѣтствующей реорганизаціи остальныхъ государственныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и Коммисіи Прошеній, съ которою, по роду своей дѣятельности, наиболѣе соприкасаются. Но и при частичномъ преобразованіи Коммисіи Прошеній, если оно когда либо должно состояться, не слѣдуетъ упускать изъ виду той коренной исторической идеи, какая лежитъ въ основѣ этого учрежденія, въ противномъ случаѣ забвеніе упомянутой идеи будетъ имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нарушеніе личныхъ историческихъ правъ Россійскаго самодержавія.

Обращаясь къ избранной системѣ изложенія предмета, съ подраздѣленіемъ его на общую и особенную части, при чемъ первая предназначается общему историческому очерку одного только права помилованія, въ связи съ условіями зарожденія и развитія государственной идеи, среди каждаго народа въ отдѣльности, и при томъ въ различныя эпохи его политической жизни, а вторая— спеціальному изслѣдованію права суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской Державности,—считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы предпочли эту систему, имѣя цѣлью, сопоставленіемъ взгляда на упомянутое право древнихъ, средневѣковыхъ и современныхъ законодательствъ, а также науки, съ исключительнымъ правомъ, присущимъ Россійскому Самодержавію, рельефнѣе выставить всѣ особенности сего послѣдняго.

Въ стремленіи нашемъ къ достиженію намѣченной цѣли, ознакомившись предварительно съ источниками иностранной и отечественной литературы, какъ историческаго, политическаго, такъ и юридическаго содержанія, мы, быть можетъ, не избѣгнемъ упрека въ чрезмѣрной

растянутости настоящаго изслѣдованія переполненіемъ его и такими историческими фактами, которые не имѣютъ, повидимому, прямаго отношенія къ предмету, но оправданіемъ намъ служитъ общеизвѣстное безспорное положеніе, что въ дѣлѣ всякаго историческаго изысканія, незначительные, по виду, факты служатъ нерѣдко тѣми свѣтящимися точками на темномъ фонѣ историческаго прошлаго, которыя сами по себѣ, хотя и не выясняютъ изслѣдуемаго предмета, но, подобно маякамъ, указываютъ и освѣщаютъ истинный къ нему путь.....

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

ОБЩІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПРАВА ПОМИЛОВАНІЯ.

. . . .
«По принужденію милость
«Не дѣйствуетъ, а падаетъ она,
«Какъ тихій дождь, струящійся на землю
«Изъ облаковъ; благословеніе въ ней
«Сугубое; она благословляетъ
«Тѣхъ, кто даетъ и кто беретъ ее.
«Сильнѣй всего она въ рукахъ у сильныхъ;
«Она—царямъ приличнѣе вѣнца;
«Монарховъ скипетръ—знакъ временной ихъ силы,
«Онъ—атрибутъ величья; изъ него
«Исходитъ страхъ предъ властью государей.
«Но скиптра мощь предъ милостью ничто.
«Въ сердцахъ царей владычествуетъ милость,
«Какъ атрибутъ Всевышняго, и та
«Земная власть всѣхъ ближе къ власти Бога,
«Которая и правый судъ творитъ
«И милуетъ . . . .
Шекспиръ «Венеціанскій купецъ».

ГЛАВА I.

Опредѣленіе понятія помилованія въ его общемъ и спеціальномъ смыслѣ. Римская доктрина о правѣ помилованія, усвоенная новѣйшими законодательствами.

Подъ словомъ «помилованіе», въ его общемъ и обширномъ смыслѣ, разумѣются, обыкновенно, всѣ дѣйствія милосердія, основаннаго на альтруистическихъ чувствахъ любви и состраданія къ ближнему, а, слѣдовательно, на началѣ, явно противоположномъ строгой идеѣ права.

Въ спеціальномъ-же смыслѣ оно выражаетъ собою право, присущее державности, въ силу котораго, снисходя къ участи человѣка, преслѣдуемаго или

уже осужденнаго закономъ за извѣстное преступленіе,—она можетъ совершенно его простить и освободить отъ всякаго наказанія, или же ограничиться смягченіемъ таковаго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что происхожденіе изслѣдуемаго права теряется въ глубокой древности и современно зарожденію общественной и государственной жизни народовъ.

И дѣйствительно, оно было уже извѣстно египтянамъ и евреямъ, при чемъ у царей египетскихъ право помилованія являлось однимъ изъ ихъ общихъ божескихъ свойствъ, вслѣдствіе обоготворенія царей народомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ Діодоръ Сицилійскій, и что подтверждается текстомъ на греческомъ языкѣ, найденнымъ Шампольономъ младшимъ [1]) въ описаніи Розетты, въ которомъ египетскій царь Птоломей именуется: «Богомъ, рожденнымъ отъ бога и богини, подобно Горусу, сыну Изиды и Озириса» [2]).

Что же касается до евреевъ, то, по удостовѣренію извѣстнаго профессора Гётингенскаго университета Михаелиса [3]), право помилованія было исключительною прерогативою короны,—фактъ, который, по мнѣнію его, находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ примѣрѣ изъ «Книги Царей»:

Къ царю Давиду явилась женщина и заявила ему: «о Царь! помоги мнѣ. Я вдова, мужъ мой умеръ. «Твоя раба имѣетъ двухъ сыновей, которые во время «полевыхъ работъ поссорились и подрались между «собою, и такъ какъ никто не поспѣшилъ ихъ разнять, то одинъ братъ убилъ другаго. Между тѣмъ,

---

[1]) Champollion le jeune: «Lettres écrites d'Egypte et de Nubie».
[2]) Θεὸς ἐκ θεοῦ καὶ θεᾶς καθάπερ. Ὧρος, ὁ τῆς Ἴσιδος καὶ Ὀσίριδος.
[3]) Michaelis: «Mosaiches Recht»—S 58.

«вся семья возстала противъ твоей рабы, требуя «отъ нея выдачи убійцы, говоря, что, *въ отмщеніе* «за жизнь убитаго, они должны его умертвить. Та«кимъ образомъ, они желаютъ лишить меня послѣд«ней надежды, послѣдняго преемника моего мужа, «а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдней поддержки въ «жизни». Давидъ ей отвѣтилъ: *«иди въ домъ свой, и «такъ же вѣрно, какъ живъ Превѣчный Богъ, что ни «одинъ волосъ не спадетъ съ головы твоего сына»* [1]).

Такой отвѣтъ царя Давида, замѣчаетъ профессоръ Лувенскаго университета Тониссенъ [2]), обнаруживаетъ съ полною очевидностью, что цари израильскіе, даже въ началѣ монархическаго правленія, располагали правомъ не только прекращенія уголовнаго преслѣдованія и отмѣны наказаній, но даже воспрещенія семействамъ убитаго пользоваться *правомъ мести*, признаваемымъ за ними законами Моисея.

Столь же ясно и то, продолжаетъ Тониссенъ, что со времени возникновенія царской власти царямъ израильскимъ и іудейскимъ, вопреки даже законамъ Моисея, предоставлялась абсолютная власть надъ свободою, жизнью и достояніемъ своихъ подданныхъ, и что, въ числѣ другихъ важнѣйшихъ правъ, и преимуществъ, *имъ принадлежало и право помилованія обвиняемыхъ и осужденныхъ.*

Сообразно съ поступательнымъ развитіемъ государственной и общественной жизни древнихъ народовъ, право помилованія или расширялось или ограничивалось, при чемъ, мѣняя только своихъ факторовъ, то есть державныхъ лицъ или сословія, въ рукахъ которыхъ находилась высшая власть, начиная

---

[1]) 2-я книга царствъ, XIV, 5 и слѣдующіе; III, 1, 51, 52, 53.

[2]) Thonissen: «Etudes sur l'histoire du Droit criminel des peuples anciens»— V. II.

отъ народнаго представительства и кончая абсолютнымъ монархизмомъ,—оставалось, тѣмъ не менѣе, вѣрнымъ своему первоначальному назначенію: служить постояннымъ коррективомъ, восполняющимъ недостатки человѣческаго закона, съ которымъ имѣетъ одно общее основаніе «справедливость», состоящую въ обсужденіи и оцѣнкѣ всѣхъ особенностей въ положеніи лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній.

Но, если мы обратимся къ первоисточнику праваго понятія и взгляда на помилованіе, какія усвоены всѣми новѣйшими народами, независимо отъ ихъ политической организаціи, и признаны всѣми, безъ исключенія, законодательствами, за вѣчныя и неизмѣнныя въ своемъ существѣ,—то должны будемъ признать, что такимъ, именно, источникомъ оказывается доктрина, выработанная римскими стоиками въ эпоху окончательнаго развитія римскаго самодержавія: «что Государь есть на«чало всякаго правосудія и источникъ всякой мило«сти».

«Желаніе Государя есть законъ» [1]), заявляетъ Ульпіанъ, провозглашая, впервые, вмѣстѣ съ другими современными юрисконсультами Имперіи: Гаемъ, Папиньяномъ и Модестиномъ, торжество неограниченной власти, которое не только измѣнило весь современный политическій порядокъ древняго міра, но въ то же время противопоставило справедливость, наиболѣе согласную съ естественною правдою,—строгому римскому праву, основавшему семейство на власти, собственность на исключительномъ правѣ римскаго гражданства и святость договоровъ на письменныхъ условіяхъ.

[1]) Ulpian. L. 1. Dig «De Constitutionibus principum»: «Quod principi placuit, legis habet vigorem».

Такимъ образомъ, приведенная римская доктрина, по вопросу о правахъ верховной власти, введенная, затѣмъ, въ положительное законодательство, уже въ разработанномъ и аргументированномъ видѣ,— сдѣлалась впослѣдствіи достояніемъ всѣхъ новѣйшихъ европейскихъ народовъ, вмѣстѣ съ другими правовыми положеніями, оказавшими такое глубокое вліяніе на судьбу всего человѣчества...

И потому, въ историческомъ очеркѣ нашемъ о правѣ помилованія у древнихъ народовъ мы считаемъ возможнымъ ограничиться ученіемъ, по сему предмету, одного только Римскаго законодательства, тѣмъ болѣе, что въ этомъ законодательствѣ, по всѣмъ вообще вопросамъ античной жизни не только юридическаго, но и политическаго и соціальнаго характера, сохранились слѣды взгляда на нихъ и древняго образованнаго міра.

Заслуги же Рима состояли, какъ извѣстно, въ томъ, что онъ съумѣлъ развить эти взгляды и выразить ихъ, по обыкновенію, въ болѣе опредѣленныхъ, осязательныхъ и наглядныхъ формахъ.

ГЛАВА II.

Право помилованія по римскому законодательству.

Взглядъ на право помилованія, а также примѣненіе его къ отдѣльнымъ случаямъ, въ болѣе широкомъ или ограниченномъ видѣ, постоянно находились, какъ уже было замѣчено выше, въ непосредственной зависимости отъ данной политической организаціи страны.

Римъ не представлялъ собою въ этомъ отношеніи никакого исключенія, и, подобно тому, какъ въ

Греціи, или, собственно говоря, въ Аѳинской республикѣ, упомянутое право принадлежало народному собранію, а у евреевъ, въ періодъ римскаго владычества, правителямъ, дѣйствовавшимъ именемъ Кесаря (procurator Caesaris vice praesidis), въ Римѣ, сообразно съ перемѣнами въ его политическомъ строѣ, право помилованія находилось сначала въ рукахъ царей, затѣмъ консуловъ, которыхъ на основаніи «Lex Valeria» замѣнилъ народъ, и, наконецъ, силою закона «Lex Regia» или Lex de imperio principis»—перешло къ императорамъ.

Профессоръ Лейпцигскаго университета, Карлъ Людеръ подраздѣляетъ исторію права помилованія у римлянъ на два періода: [1]) первый относится ко времени республики, а второй къ кесарскому владычеству.

Въ первомъ періодѣ, идея помилованія у древнихъ римлянъ не могла еще имѣть никакихъ опредѣленныхъ основъ, но существовала только въ народномъ сознаніи, выражаясь въ троякой формѣ: а) въ правѣ убѣжища, б) въ заступничествѣ народнаго трибуна (intercessio), и в) въ видѣ согласія народа на добровольное изгнаніе преступника.

Помимо обыкновенныхъ преступленій, помилованіе примѣнялось, нерѣдко, и къ такимъ, которыя имѣли характеръ политическій, будучи совершены во время какихъ-либо внутреннихъ партійныхъ столкновеній, а по сему и помилованіе вызывалось необходимостью водворенія въ государствѣ полнѣйшаго мира и спокойствія.

Что же касается до способа и порядка примѣненія означеннаго права римлянами во времена республики, то профессоръ Людеръ замѣчаетъ, что право

---

[1]) Lueder: «Das Souveränetäts-Recht der Begnadigung»—Leipzig, 1860.

помилованія допускалось только *до* или же *во время производства слѣдствія*, но отнюдь не примѣнялось къ случаямъ, когда приговоръ уже былъ произнесенъ надъ обвиняемымъ, и, въ особенности, когда приговоромъ этимъ обвиняемый присуждался къ смертной казни.

Такая неумѣстность помилованія лица, уже осужденнаго на смертную казнь, объясняется религіознымъ воззрѣніемъ римскаго народа на преступленіе, какъ на актъ непосредственнаго оскорбленія боговъ, вслѣдствіе чего народъ не имѣлъ права прощать, а если и прощалъ, то лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ и выдающихся случаяхъ, принимая на себя всю вину преступника и гнѣвъ боговъ, для умилостивленія которыхъ назначались особенныя торжественныя искупленія (expiationes).

Исторія сохранила намъ единственный примѣръ помилованія римскимъ народомъ Горація, убившаго свою сестру, который былъ прощенъ, во вниманіе лишь къ тому, что, какъ лучшій изъ современныхъ отечественныхъ героевъ, не могъ подвергаться участи обыкновенныхъ преступниковъ [1]).

Обращаясь къ періоду кесарскаго владычества и преимущественно къ эпохѣ развитія римскаго самодержавія, необходимо замѣтить, что правило Дигестъ: «Quod principi placuit legis habet vigorem», появившееся почти одновременно съ признаніемъ права помилованія свойствомъ римской державности,—столь рельефно обрисовывало всемогущество римскаго императора, какъ главы государства,—что вводило въ заблужденіе многихъ ученыхъ и юристовъ, предпо-

---

[1]) Livius I. 26. Non tulit populus nec patris lacrimas nec ipsius parem in omni periculo animum: absolveruntque admiratione magis virtutis quam jure causae.

лагавшихъ, будто въ Римѣ волею Государя устанавливался и самый законъ.

Но въ дѣйствительности, хотя законодательная власть и была сосредоточена въ рукахъ римскихъ императоровъ, тѣмъ не менѣе, ихъ указы, повелѣнія и грамоты сохраняли силу закона только при жизни, послѣ же смерти пріобрѣтали значеніе вѣчнаго закона лишь тогда, когда утверждались сенатомъ при жизни, или послѣ смерти императоровъ [1]).

Не взирая на то, что единственнымъ основаніемъ права помилованія было *«милосердіе»*, а предметомъ— *«дѣйствія внѣ закона»*, и что, слѣдовательно, оно воплощало собою право, совершенно чуждое, по своему существу и характеру, строгому праву древняго Рима, недопускавшему иной истины, кромѣ формальной, какая могла быть установлена законами *«Двѣнадцати таблицъ»*,—однако-же римское законодательство, временъ имперіи, не только санкціонировало, но и регламентировало право помилованія.

Сообразно размѣрамъ милости, оказываемой императоромъ лицамъ, обращавшимся къ его милосердію [2]), которою устранялись или всѣ юридическія послѣдствія преступленія, или только одно главное наказаніе, оставляя придаточное въ своей силѣ, или уменьшалась мѣра наказанія, или-же, наконецъ, замѣнялось наказаніе болѣе строгое слабѣйшимъ,— римское законодательство подраздѣляло помилованіе прежде всего: на полное (restitutio in integrum) и не полное (indulgentia specialis), а затѣмъ, соотвѣтственно основаніямъ высочайшаго повелѣнія о милости, а также моментамъ его воспослѣдованія, то есть со-

---

[1]) Ernest Lavisse et Alfred Rambaud: «Histoire Générale du IV Siècle à nos jours» Paris, 1893. p. 13.

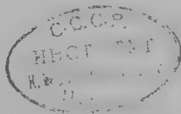
[2]) Примѣчаніе: Обращеніе къ милосердію императора именовалось «deprecatio».

стоялся-ли указъ послѣ окончательнаго судебнаго приговора объ обвиняемомъ, или же послѣ того, какъ осужденный отбылъ все или часть наказанія,— римская легислатура придала каждому отдѣльному виду монаршей милости особенное наименованіе.

Такъ, напримѣръ: а) помилованіе, вслѣдствіе доказанной невинности самого преступнаго дѣянія, называлось purgatio; б) отпущеніе дѣйствительной вины, въ моментъ предъявленія обвиненія, съ прекращеніемъ таковаго,—abolitio; в) отмѣна наказанія, къ которому присужденъ проситель окончательнымъ судебнымъ приговоромъ,—indulgentia specialis или aggratiatio и, наконецъ, г) возстановленіе преступника во всѣхъ потерянныхъ имъ по судебному приговору правахъ—«restitutio in integrum».

Первый изъ упомянутыхъ нами видовъ помилованія, т. е. purgatio или прощеніе по невинности или извинительности самого преступнаго дѣянія, примѣнялся, обыкновенно, къ случаямъ потери объектомъ преступленія его юридическаго характера, вслѣдствіе отказа отъ права самого владѣльца, или же когда происходило такое столкновеніе между правами, при которомъ одно изъ нихъ не иначе могло быть сохранено, какъ нарушеніемъ и пожертвованіемъ правомъ другаго. Вслѣдствіе сего пургація распространялась на всѣ случаи состоянія крайней необходимости (Nothstand) и необходимой обороны (rechte Nothwehr [1]), а также на столкновеніе между собственностью и собственностью, какъ напримѣръ: на самовольное разрушеніе домовладѣльцемъ строенія

[1]) Levite: «Das Recht der Nothwehr» 1856. «Justa defensio inculpatae tutelae moderatio».

сосѣда во время пожара, съ цѣлью спасанія своего собственнаго дома [1]), или выбрасываніе во время бури хозяиномъ корабля, нагруженнаго товаромъ, чужаго груза, для спасенія корабля отъ крушенія [2]).

Хотя подобнаго рода преступленія и проступки не были изъяты отъ наказанія,—по присутствію въ нихъ элемента публичнаго права, не устранимаго частнымъ соглашеніемъ [3]), но и они также нерѣдко прощались въ путяхъ милосердія, послѣ предварительной оцѣнки доказательствъ, представленныхъ просителемъ, относительно невинности или извинительности своихъ преступныхъ дѣйствій.

Что касается до аболиціи (abolitio), то ею прекращалось обвиненіе извѣстнаго лица и всякое, по сему обвиненію, производство, только въ моментъ его предъявленія,—нисколько, при этомъ, не отнимая у дѣянія, по которому было возбуждено уголовное преслѣдованіе, его преступнаго характера, вслѣдствіе чего обвиняемый могъ быть преданъ суду и приговоренъ къ наказанію за то-же преступленіе, по вновь предъявленному къ нему иску.

Въ эпоху Римской республики, а также во времена имперіи, существовала еще такъ называемая «abolitio generalis» или «abolitio publica», назначеніе которой состояло въ уничтоженіи всѣхъ наличныхъ исковъ и въ освобожденіи осужденныхъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, съ цѣлью умилостивленія боговъ въ минуты опасности, или же ознаменованія минутъ всенародныхъ радостей и торжествъ.

Въ позднѣйшія же времена появилась—«abolitio paschalis»,—силою которой, ежегодно, въ день еврей-

---

[1]) Dig. 1. 3. S 7. «De incendium».
[2]) Dig. 1. 14. pr. «De praesc. verb».
[3]) «Jus publicum voluntate privatorum mutare nequit».

ской Пасхи, евреямъ было предоставлено императоромъ право помилованія и освобожденія одного какого либо преступника [1]). И потому, когда евреи требовали отъ Понтія-Пилата освобожденія Варравы, вмѣсто Іисуса Христа, восклицая: «Tolle hunc et dimitte nobis Barrabam» [2]), то они заявляли такое требованіе не въ силу своего личнаго права. но именемъ императорской власти, которой исключительно принадлежало право помилованія, предоставленное ею еврейскому народу въ ограниченномъ видѣ.

Юридическія послѣдствія индульгенціи (indulgentia specialis), какъ третьяго вида помилованія, состояли въ пріостановленіи и въ отмѣнѣ лишь наказанія, къ которому присуждался преступникъ окончательнымъ судебнымъ приговоромъ [3]), при чемъ, освобождая преступника отъ будущаго наказанія, индульгенція не только не освобождала его отъ обязанности вознаградить третьихъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія [4]), но, не имѣя обратнаго дѣйствія, нисколько не умаляла значенія судебнаго приговора, относительно преступности самого дѣянія, а равно не возстановляла помилованнаго въ правѣ пользованія всѣми своими гражданскими и политическими правами въ будущемъ [5]).

Наконецъ, относительно четвертаго и послѣдняго вида помилованія, то есть возстановленія преступ-

[1]) «Per diem autem solemnem consueverat praeses populo dimittere unum vinctum quem voluissent».

[2]) «Казни его и освободи намъ Варраву».

[3]) Cujas: Comm. Cod. «De generali abolitione»: «Poenae iufflictae aut infligendae gratiam facit, impunitatem delicti tribuit».

[4]) L. 12. «De sententiam passis» et L. 12 ibid. et 9 Cod.: «Ad legem Coneliam de falsis»: «Princeps nunquam tollit jus quaesitum tertio».

[5]) L. 3. Cod. «De generali abolitione»: «Jndulgentia, patres conscripti, quos liberat notat, nec infamiam criminis tollit, sed poenae gratiam facit».

ника во всѣхъ утраченныхъ имъ по суду правахъ (restitutio in integrum), слѣдуетъ замѣтить, что, вслѣдствіе полнѣйшей зависимости отъ воли императора оказать просителю тотъ или другой видъ монаршей милости,—размѣры и послѣдствія реституціи опредѣлялись постоянно, въ каждомъ данномъ случаѣ, точнымъ содержаніемъ высочайшаго указа, но, при обыкновенной полнотѣ римской реституціи, она заключалась въ возвращеніи осужденному какъ общей гражданской правоспособности, такъ равно почестей, должностей, имуществъ и всего того, чего онъ былъ лишенъ по судебному приговору,—словомъ, преступникъ, силою реституціи, считался человѣкомъ, какъбы вовсе не совершавшимъ никакого преступленія [1]).

Императоръ Антонинъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ сущность реституціи, которою она отличалась отъ индульгенціи: «Да будетъ вѣдомо всякому, что реституціею я возстановляю тебя во всѣхъ твоихъ почестяхъ, званіяхъ и во всемъ прочемъ» [2]).

Въ заключеніе общаго обзора ученія римскаго законодательства о правѣ помилованія, считаемъ не лишнимъ присовокупить, что, при всемогуществѣ римскихъ императоровъ и при неограниченности предоставленнаго имъ народомъ права помилованія, они, однако-же, сами признали безусловно необходимымъ, въ интересахъ и общественныхъ и политическихъ, изъять отъ дѣйствія монаршаго милосердія нижеслѣдующихъ преступниковъ, признанныхъ виновными: въ оскорбленіи величества, въ разнаго рода политическихъ преступленіяхъ, въ святотатствѣ, прелюбодѣяніи, насиліи, кровосмѣшеніи, грабежѣ,

---

[1]) L. 3. S. 2. Cod. «De muner. et honor.»: «Perinde ac si nec damnatus ad munera vel honores vocatur».

[2]) L. 1. Cod.: «De sententiam passis»: «Ut autem scias quid sit in ntegrum restiti ere: honoribus et ordini tuo et omnibus coeteris te restituo»....

разрытіи могилъ, отравленіи, поддѣлкѣ монеты, поджогѣ, смертоубійствѣ, отцеубійствѣ, а также осужденныхъ вторично за какое либо преступленіе [1]) и, наконецъ, уличенныхъ въ недобросовѣстномъ обвиненіи [2]).

ГЛАВА III.

Право помилованія въ средніе вѣка. Распредѣленіе этого права между королями и феодальными владѣльцами. Политика германскихъ императоровъ и французскихъ королей, направленная къ исторженію права помилованія изъ рукъ феодаловъ. Результаты политики.

Разсмотрѣнными въ предъидущей главѣ четырьмя видами права помилованія, которыми располагали римскіе императоры, исчерпывается все регламентированное, по сему предмету, ученіе римскаго законодательства, а потому остается прослѣдить дальнѣйшее его развитіе въ средніе вѣка, подъ вліяніемъ какъ историческихъ событій этого періода времени, такъ равно и сознанія средневѣковыми народами той государственной идеи, съ которою неразрывно

---

[1]) L. 3. Cod. «De episcopali audientia»: «Iterata delicta veniam non morentur».

[2]) Примѣчаніе: Закономъ «Lex Remmia» предписывалось клеймить ложныхъ доносчиковъ выжиганіемъ у нихъ на лбу буквы C (calumniator), но законъ этотъ остался безъ примѣненія, такъ какъ кесари относились благосклонно къ лазутчикамъ и доносчикамъ, содѣйствовавшимъ успѣшному проведенію ихъ личныхъ интригъ, а потому имъ удалось даже провести законъ, по которому клеветникъ, своевременно отказавшійся отъ ложнаго доноса или обвиненія, освобождался отъ соотвѣтствующаго наказанія, силою судебнаго приговора или властью кесаря, и такой актъ помилованія назывался: «abolitio privata». Lueder: «Das Souveränetäts-Recht der Begnadigung»—1860. S. 3 Гл. III. «Die abolitio privata» Стр. 27.

связано и самое помилованіе, какъ часть общаго государственнаго права.

Обозрѣвая исторію среднихъ вѣковъ, среди разнообразныхъ о ней мнѣній литературы, нельзя не остановиться на одномъ общемъ впечатлѣніи и убѣжденіи относительно высокаго и всемірно историческаго значенія этого промежутка времени, по отношенію ко всѣмъ вопросамъ, касающимся развитія человѣческихъ интересовъ,—справедливо названнаго однимъ извѣстнымъ историкомъ [1]): «Le siècle du mérite ignoré».

И дѣйствительно, едва успѣлъ сойти съ исторической арены величественный Римъ, надменность котораго достигла уже своего апогея, благодаря всемірному владычеству, какъ на смѣну ему явилось новое человѣчество, положившее начало совершенно иной жизни, отличавшейся, до покоренія запада сѣверными народами, полнѣйшею безцвѣтностью, а затѣмъ открывшее собою эпоху, напоминающую древнія героическія времена....

Независимо отъ постояннаго стремленія къ личной независимости, а слѣдовательно и къ освобожденію элемента общечеловѣческаго отъ политическаго, который, такимъ образомъ, занялъ не принадлежащее ему мѣсто и, по выраженію Гюльмана [2]), сталъ даже выше государственнаго,—другимъ явленіемъ и отличительною чертою средневѣковаго періода, имѣвшею громадное и неотразимое вліяніе на всю духовную жизнь средневѣковыхъ народовъ, оказывается, по

---

[1]) Johannes Müller. См. J. C. L. Simonde de Sismondi: «Histoire des républiques Italiennes du Moyen Age». Paris. 1826. t. 1. Jntroduction p. XIV.

[2]) Hüllmann: «Staedtewesen des Mittelalters, IV. 60. «Das Menschliche steht über dem Bürgerlichen».

заключенію извѣстнаго ученаго Блунчли [1]),—религія, которая отвращала современное общество отъ земнаго міра и государства.

«Этими двумя рѣзкими чертами», замѣчаетъ Блунчли, «не только опредѣляется средневѣковое общественное и политическое развитіе, но въ то-же время объясняются и многіе историческіе явленія и факты, каковы напримѣръ: зарожденіе и быстрое развитіе феодализма,—неслыханное въ исторіи человѣчества рабство, при установившемся уже понятіи о личной собственности, и, наконецъ, грубое смѣшеніе въ средневѣковыхъ кодексахъ древнихъ варварскихъ обычаевъ и римскаго права.....

Законъ Моисея и христіанская религія, эллинская философія и римская юриспруденція, декреты папъ и обычное право,—все соединялось и смѣшивалось одно съ другимъ въ какое-то пестрое, странное и безформенное цѣлое.....».

Несомнѣнно, что при такомъ взаимномъ противорѣчіи между отдѣльными историческими явленіями и фактами, не имѣющими между собою никакой органической связи и не поддающимися, вслѣдствіе сего, никакому обобщенію,—задача какого-либо историческаго изслѣдованія становится безусловно трудною и почти невозможною.

Единственное и правильное заключеніе, какое только можно сдѣлать по интересующему насъ вопросу о степени сознанія и развитія у средневѣковыхъ народовъ общей государственной идеи, состоитъ въ томъ, что всякое изслѣдованіе въ этомъ направленіи будетъ безрезультатнымъ, такъ какъ подобной идеѣ и монархическому началу средневѣко-

---

[1]) Blountchly: «Geschichte des Allgemeinen Staatsrecht und der Politik», München 1864.

вые условія нисколько не благопріятствовали, а самыя отношенія, какія установились въ эпоху феодализма между монархическою властью и народомъ, слѣдуетъ скорѣе признать анти-государственными, въ отличіе отъ современныхъ отношеній подданныхъ къ власти.

Уступчивость королей, честолюбіе князей и эгоизмъ духовенства вызвали, въ средніе вѣка, постепенное раздѣленіе монархической власти между различными феодальными владѣльцами и оппозиціонными имъ сословіями, корпораціями и городами и такое же постепенное ослабленіе самой верховной власти, права и прерогативы которой вмѣстѣ съ правомъ миловать,—вслѣдствіе смѣшенія феодалами понятія о собственности съ понятіемъ о верховной власти [1]), перешли къ упомянутымъ вассаламъ, сословіямъ и корпораціямъ. Титулы же императора или короля, сохраняя за собою лишь внѣшнее значеніе и величіе, не давали уже монархамъ прежняго всемогущества, отъ котораго оставался одинъ только призракъ...

Словомъ, благодаря феодальной іерархіи, отношенія между королями и подданными совершенно перепутались, и всякая взаимная ихъ связь окончательно порвалась. Наступало, слѣдовательно, время, когда задача верховной власти состояла въ возстановленіи этой связи, т. е. въ обращеніи своего суверенитета въ государственное единодержавіе, которому были бы подчинены всѣ жители страны.

---

[1]) Въ XIII вѣкѣ существовала даже поговорка, что всякій баронъ есть верховный властелинъ въ своемъ помѣстьи: «Tout baron est souverain en sa baronnie», вслѣдствіе чего Гизо и характеризуетъ феодальное начало словами: «La confusion de la propriété et de la souveraineté».—Histoire Générale: Lavisse et Rambaud. 1893. V. 2. Régime féodal.

Но удовлетворительное и быстрое разрѣшеніе такой задачи представлялось дѣломъ не легкимъ, при единичныхъ силахъ королевской власти, въ виду, съ одной стороны, преобладанія и господства враждебнаго государственной идеѣ духовно-религіознаго начала и полнѣйшей зависимости государства отъ церкви, а съ другой—по причинѣ преимущественнаго развитія въ это время дѣятельности общинъ и сословій, не знавшихъ по вопросамъ общественнаго управленія ни государственныхъ законовъ, ни какого-либо государственнаго управленія.

Ясно, что успѣшное разрѣшеніе упомянутой задачи и достиженіе преслѣдуемой цѣли обусловливалось энергическимъ содѣйствіемъ какъ враговъ папскаго всевластія и защитниковъ римской идеи государства со всею его самостоятельностью, такъ равно и разумною королевскою политикою, по отношенію къ вассаламъ, городскимъ общинамъ и сословіямъ.

Въ защитникахъ величія имперіи и державности государства, сохранившихъ воспоминаніе о государственномъ ученіи древности и мечтавшихъ о возстановленіи римской имперіи, недостатка не было.

«Саксонское зерцало» Эйке фонъ-Репгова,—«Coutumes de Beauvoisis» Бомануара [1]) и, наконецъ, рѣчи и законы германскаго императора Фридриха Барбароссы и французскаго короля Людовика Святаго—служатъ живыми памятниками того явнаго протеста, какой поднимался въ средневѣковомъ обществѣ противъ зависимости государства отъ церкви. Къ сожалѣнію, однако-же, не смотря на всю энергичность и основательность такого протеста, онъ только подгото-

---

[1]) Примѣчаніе: «Coutumes de Beauvoisis» Бомануара—представляется драгоцѣннымъ памятникомъ французскаго обычнаго права временъ Людовика Святаго.

вилъ почву для будущаго обновленія государственной жизни въ XVI столѣтіи, въ эпоху реформаціи,— но въ данное время не могъ еще измѣнить основнаго взгляда средневѣковаго міра какъ на государство, такъ и на верховную власть, всѣми правами которой, въ томъ числѣ и правомъ суда и помилованія, по прежнему самовольно располагали феодальные герцоги, князья, графы и бароны....

Что же касается до королевской политики по отношенію къ вассаламъ, городскимъ общинамъ и сословіямъ, съ цѣлью возврата коронѣ самовольно захваченныхъ у нея правъ и прерогативъ,—то въ подобной политикѣ Германіи и Франціи замѣчаются два діаметрально противоположныхъ направленія. Въ то самое время, какъ римско-германскіе императоры, устрашенные силою и могуществомъ городскихъ общинъ и трепетавшіе за свою, въ дѣйствительности, уже не существовавшую державность, искали союза и расположенія феодальныхъ владѣльцевъ, помогая имъ въ борьбѣ съ городскими конфедераціями и лицами,—французскіе короли, съ своей стороны, не только содѣйствовали организаціи городскихъ общинъ, но и защищали ихъ отъ нападенія феодаловъ.

Результаты такой императорской и королевской политики, направленной къ одной и той-же цѣли, не замедлили, однако-же, доказать все благоразуміе и тактичность въ образѣ дѣйствій французскаго двора, и обратно—непростительную ошибку германскихъ императоровъ, которымъ отнюдь не удалось упрочить монархическую власть, и Германія, за недостаткомъ необходимаго единства, являла, по прежнему, собою видъ какого-то конфедеративнаго государства, въ которомъ отдѣльныя княжества представляли рядъ ограниченныхъ монархій, только фор-

мально подчиненныхъ императору, но, въ дѣйствительности, совершенно самостоятельныхъ и отъ него независимыхъ, не говоря уже о томъ, что всѣ прерогативы верховной власти были ограничены избирательными капитуляціями, имперскими законами, а также, и еще болѣе, обычаями и правами имперскихъ чиновъ, въ лицѣ свѣтскихъ и духовныхъ князей, которые, имѣя свой отдѣльный и самостоятельный судъ, продолжали пользоваться всѣми правами короны, въ томъ числѣ и правомъ помилованія, какъ главными аттрибутами державности.

Между тѣмъ, совершенно иныя послѣдствія усматриваются въ политикѣ королевской власти во Франціи.

Заручившись преданностью и признательностью городскихъ общинъ,—короли Франціи, отъ вниманія которыхъ не ускользнула уязвимая ахиллесова пята кажущагося политическаго могущества вассаловъ, — могущества, которое обусловливалось, главнѣйшимъ образомъ, самовольнымъ захватомъ и пользованіемъ правами и прерогативами верховной власти,—начали съ того, что стали постепенно сосредоточивать всѣ права и прерогативы въ своихъ рукахъ и, такимъ образомъ, нанесли вѣрный и рѣшительный ударъ феодаламъ.

Съ этой, именно, цѣлью, король Филиппъ-Августъ, 1180—1223 г., успѣвшій, послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ феодалами и духовенствомъ, подчинить ихъ своей власти, прежде всего [1]), изъялъ важнѣйшія уголовныя дѣла изъ компетенціи феодальнаго суда, опредѣляя ихъ подсудность королевскому суду [2]), а затѣмъ установилъ

---

[1]) Histoire Générale du IV siècle à nos jours: E. Lavisse. A. Rambaud. 1893. II V. p. 365.

[2]) Примѣчаніе: Дѣла эти именовались «cas royaux» или «cas d'épée»

право апелляціи, т. е. право всѣхъ гражданъ приносить жалобу королю на неправильное правосудіе (fausser le jugement), съ учрежденіемъ для сего отдѣльныхъ органовъ, такъ называемыхъ «baillis», а король Людовикъ Святой съ тою же цѣлью создалъ въ половинѣ XIII вѣка высшее судилище или парламентъ (parlement [1]), который, подобно baillis, для правильнаго отправленія правосудія, обязанъ былъ строго руководствоваться римскимъ или каноническимъ правомъ, выработавшимъ, впослѣдствіи, извѣстное «droit commun».

Исторженіе правъ и преимуществъ короны изъ рукъ вассаловъ послѣдовало, правда, не вдругъ, но постепенно, въ теченіи трехъ вѣковъ, и первая попытка къ возврату, между прочими прерогативами, права помилованія, выразившаяся въ королевскомъ указѣ 1359 года воспрещеніемъ примѣненія этого права безъ особаго разрѣшенія верховнаго совѣта короля [2],—оказалась неудачною, съ одной стороны, вслѣдствіе отсутствія строгаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ упомянутаго королевскаго указа и разразившейся, въ это время, во Франціи фанатической, религіозно-политической вражды, которая заставила французскій народъ переживать всѣ ужасы внутренняго раздора, поколебавшаго общій государственный порядокъ,—а съ другой—благодаря нарушенію указа 1359 года самими королями, предоставлявшими нѣкоторымъ изъ своихъ вассаловъ, а также городамъ и епископамъ, силою отдѣльныхъ королевскихъ грамотъ, право примѣненія помилованія въ случаяхъ, ограниченныхъ и точно опредѣленныхъ

---

[1]) Примѣчаніе: Число такихъ парламентовъ доходило до 15-ти.

[2]) Ordonnance de Charles, régent en l'absence de Jean le Bon. 1359. «Les grâces ne peuvent être accordées sans la permission du grand conseil».

отдѣльнымъ королевскимъ указомъ, при чемъ имъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность, при обнародованіи самого помилованія, объявлять во всеобщее свѣдѣніе: *«что оно даруется по особому на то уполномочію короля»*.

Такъ, въ 1380 году, Карлъ VI уступаетъ означенное право герцогу Берійскому [1]), а Карлъ VII предоставляетъ въ 1428 году городу Вандому [2]) право ежегоднаго помилованія и освобожденія одного преступника въ Пятницу вербной недѣли, во вниманіе къ обѣту, данному въ 1428 году Людовикомъ Бурбонскимъ, графомъ Вандомскимъ.

Освобожденіе преступника производилось не иначе, какъ по постановленію особаго совѣта, состоявшаго изъ Bailli d'Épée [3]) города Вандома,—начальника этого города, чиновъ юстиціи, настоятеля монастыря и двухъ канониковъ.

Людовикъ XI, въ 1477 году, призналъ за герцогомъ Ангулемскимъ право освобожденія, за исключеніемъ признанныхъ виновными въ оскорбленіи величества и въ поддѣлкѣ монеты [4]),—всѣхъ остальныхъ, содержавшихся въ тюрьмахъ тѣхъ именно городовъ, которые входили въ составъ его владѣній, но подъ условіемъ примѣненія упомянутаго права къ случаямъ только перваго въѣзда герцога въ одинъ изъ своихъ городовъ. Наконецъ Францискъ I предоставилъ въ 1539 году право помилованія во Франціи своему врагу Карлу-Пятому.

---

[1]) Lettres patentes de Charles VI.

[2]) Voeu de Louis de Bourbon, comte de Vendôme 1428: «La ville de Vendôme a le privilège de délivrer, tous les ans, un prisonnier, le jour de vendredi avant les Rameaux.

[3]) Уѣздный королевскій судья.

[4]) Lettres de Louis XI. 1477: «Il est permis au comte d'Angoulême d'élargir les prisonniers à son entrée dans les villes de son duché, excepté les criminels de lèse-majesté et de fausse monnaie».

Бывали случаи, и таковыхъ не мало, въ особенности въ разгаръ внутреннихъ смутъ, когда право помилованія самовольно присвоивалось, безъ всякаго королевскаго разрѣшенія, князьями и духовными лицами, а что еще знаменательнѣе,—папскими делегатами во Франціи, временъ папы Иннокентія III, преслѣдовавшими, при этомъ, болѣе опасную, для страны, политическую цѣль подчиненія ея непосредственному вліянію римскаго первосвященника, и которые, съ этою, именно, цѣлью, миловали осужденныхъ во всѣхъ провинціяхъ, ими посѣщаемыхъ, не отдавая никакого въ томъ отчета судебной власти.

Одинъ изъ типичныхъ примѣровъ захвата упомянутаго права являетъ собою поступокъ герцога Карла Майнцкаго, который, во время войны съ французскимъ королемъ Генрихомъ III, завладѣвъ Парижемъ, покинутымъ королемъ, бѣжавшимъ въ Блоа,—позволилъ себѣ обнародовать указъ, которымъ предписывалъ, чтобы на будущее время всѣ грамоты о помилованіи исходили отъ него и писались не именемъ короля, а его именемъ, начинаясь словами: «Charles duc de Mayenne, pair et lieutenant général de L'Etat et royaume de France»—вмѣсто: «Henri, par la grâce de Dieu...».

Но такое положеніе вещей не могло долго оставаться. Совершенно основательныя опасенія политическихъ людей Франціи за ея будущность и политическую свободу вызвали необходимость еще бòльшаго усилія значенія и правъ королевской власти, въ абсолютности которой, опирающейся на Corpus Juris императора Юстиніана,—какъ французскій дворъ, такъ равно среднее сословіе, а еще болѣе классъ легистовъ или юристовъ, этихъ непримиримыхъ враговъ феодализма и ревностныхъ защитниковъ королевской власти, перефразировавшихъ извѣстный

принципъ Ульпіана: «quod principi placuit...» въ положеніе: «si veut le roy, si veut la loi»,—усматривали единственное и надежное средство къ уничтоженію феодальныхъ оковъ и къ укрощенію терзавшихъ страну религіозно-фанатическихъ партій.

И потому, когда политическій порядокъ былъ возстановленъ, то Людовикъ XII, двумя указами, изданными въ 1498 [1]) и 1507 [2]) годахъ, поспѣшилъ напомнить французскому народу, что право помилованія принадлежитъ исключительно королю.

Затѣмъ въ указѣ Карла IX—1571 года, мы встрѣчаемъ слѣдующее, весьма интересное разъясненіе принадлежности права помилованія одной только верховной власти, поставленное подъ угрозу строгой отвѣтственности, въ случаѣ присвоенія и примѣненія этого права лицами высшаго сословія.

«Король, говорится въ указѣ, пользуется правомъ «помилованія, какъ въ силу своего царскаго досто«инства, такъ и по принципу, признанному всѣми «криминалистами, на основаніи котораго правомъ «помилованія могутъ располагать лишь государи, ко«торые не знаютъ надъ собою никакой иной выс«шей власти. А между тѣмъ, среди высшаго сословія «оказываются лица, которые дерзаютъ присвоивать «себѣ всѣ права верховной власти, но лица эти не«медленно падутъ подъ ударами усиливающейся коро«левской власти, такъ какъ уже съ начала XVI вѣка «ученіе о томъ, что право помилованія принадле-

---

[1]) Ordonnance de Louis XII, 1498: «Au roi seul appartient le droit de faire grâce, il est défendu à toutes personnes d'entreprendre d'exercer ce droit».

[2]) Ordonnance de Louis XII, 1507: «Le roi seul peut donner grâce, pardon et rémission. Tous les pouvoirs donnés, à cet effet sont révoqués; les grâces ne peuvent donc plus être accordées par les gouverneurs de province».

«жить одному королю, не встрѣчаетъ болѣе противниковъ» [1]).

Въ свою очередь и высшая судебная власть, сосредоточенная, въ то время, въ парламентахъ, поспѣшила обосновать такое исключительное право королевской власти довольно вѣскими юридическими доводами.

Вслѣдствіе сего, въ 1558 году было обнародовано постановленіе Парижскаго парламента, которымъ устранялось всякое право протеста или отказа въ утвержденіи королевскихъ грамотъ о помилованіи [2]).

Далѣе, постановленіемъ того-же парламента 7-го Декабря 1605 года, доводилось до всеобщаго свѣдѣнія, что одинъ изъ духовныхъ судей [3]), получивъ нѣсколько грамотъ о помилованіи отъ бывшаго посла папы во Франціи, кардинала де-Плезансъ (de Plaisance), позволилъ себѣ ихъ утвердить, въ явное нарушеніе существующихъ законовъ, за что и привлекается парламентомъ къ уголовной отвѣтственности [4]).

Наконецъ, постановленіемъ парламента 24 Августа и указомъ Людовика XIV 26 Августа 1670 года, на всегда прекращены всякіе захваты права помилованія со стороны дворянства и духовныхъ лицъ, при-

[1]) Gouraincourt: «Traité du Droit de Grâce sous la République». 1881.

[2]) Arrêt du parlement de Paris, 1558.: «Les seigneurs hauts justiciers ne peuvent jamais être reçus à former opposition à l'entérinement des lettres de grâce».

[3]) Примѣчаніе: Духовные судьи: «Officialités» существовали для сужденія о дѣлахъ лицъ духовнаго званія, такъ какъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ духовенство пользовалось отдѣльною юрисдикціею и не позволяло, чтобы свѣтская власть судила духовное лицо. «Officialités» были организованы точно такъ же, какъ и современные французскіе суды, для которыхъ они послужили образцами.

[4]) Gouraincourt: «Traité du Droit de Grâce». J. Legoux: «Du Droit de Grâce» 1865.

знаніемъ сего права прерогативою одной только верховной власти.

Приведеннымъ указомъ мы заканчиваемъ описаніе послѣдствій той борьбы и разумной политики королевской власти во Франціи, которая была направлена противъ феодализма и къ возстановленію, вмѣстѣ съ правами короны, политической самостоятельности и независимости страны,—политики, увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ, тогда какъ германскіе императоры достигли тѣхъ-же окончательныхъ результатовъ лишь въ половинѣ XVII столѣтія [1]).

ГЛАВА IV.

Ученіе германскаго и французскаго средневѣковыхъ законодательствъ о правѣ помилованія [2]).

До великаго переселенія народовъ, всѣ преступленія въ древне-германскомъ правѣ имѣли значеніе скорѣе частнаго, нежели публичнаго правонарушенія

[1]) Carl Lueder: «Das Souveränetäts-Recht der Begnadigung». Leipzig. 1860.

[2]) Примѣчаніе: Мы совершенно умалчиваемъ въ настоящей главѣ о положеніи и взглядѣ на права и прерогативы верховной власти средневѣковыхъ законодательствъ Англіи, Италіи, Испаніи и т. д., съ цѣлью избѣгнуть, по возможности, повторенія однихъ и тѣхъ-же историческихъ причинъ и ихъ послѣдствій. Такъ напримѣръ, если-бы мы пожелали представить историческій очеркъ положенія и развитія монархической власти въ Англіи, въ теченіи среднихъ вѣковъ, начиная съ норманскаго завоеванія, то должны были-бы отмѣтить, въ этомъ очеркѣ, тѣ-же три періода въ судьбѣ верховной власти, чрезъ которые она прошла уже въ Германіи и во Франціи, такъ напримѣръ, начало XII столѣтія является періодомъ всесилія королевской власти, затѣмъ, въ началѣ XIII вѣка, въ эпоху развитія феодализма, такое-же ограниченіе этой власти и всѣхъ ея правъ силою Великой Хартіи (Magna Charta libertatum), изданной въ 1215 году, и подъ вліяніемъ которой развиваются парламентскія учрежденія, и, наконецъ, въ періодъ, предшествовавшій реформаціи и наступившій послѣ паденія феодализма и прекращенія междоусобій,— такое-же единодержавіе, въ лицѣ Генриха VI Тюдора, въ концѣ XV-го столѣтія.

и по своему теократическому характеру признавались дѣйствіями, непосредственно оскорблявшими неумолимое божество, вслѣдствіе чего вѣдались и обсуждались жрецами, которые и приговаривали виновныхъ къ разнаго рода искупленіямъ, или же къ уплатѣ виры (Wihrgeld), за исключеніемъ, впрочемъ, преступленій религіознаго свойства, за которыя полагалась смертная казнь.

Взимаемая съ преступника вира поступала, обыкновенно, частью въ пользу потерпѣвшаго или его родственниковъ и наслѣдниковъ, частью-же, въ виду одновременнаго нарушенія преступникомъ и общественнаго порядка,—въ пользу короля, общины и членовъ суда.

Такимъ образомъ, право помилованія предоставлялось непосредственно тому, въ чью пользу слѣдовала вира.

Вскорѣ, однако-же, послѣ великаго переселенія народовъ, въ германскомъ правѣ совершенно исчезло понятіе о преступленіи, какъ объ актѣ, оскорбляющемъ божество, и оно получаетъ уже значеніе дѣйствія, нарушающаго королевскій миръ (Bruch des Königsfriedens).

Вслѣдствіе сего, королю принадлежало абсолютное право судить, наказывать или же миловать всякаго преступника, въ тѣхъ весьма многочисленныхъ случаяхъ, когда виновный оказывался несостоятельнымъ къ уплатѣ виры.

Такимъ образомъ, на основаніи древне-германскаго права, преступникъ уплатою виры освобождался отъ всякаго наказанія за совершенное имъ преступленіе, и только, въ случаѣ имущественной несостоятельности, участь его была въ рукахъ судебной власти или же короля.

Съ теченіемъ времени, значеніе виры, какъ сред-

ства, освобождающаго отъ наказанія, измѣнилось, и когда число примѣровъ примѣненія подобнаго рода наказанія дошло до своего минимума,—то судьямъ, именемъ королевской власти, было предоставлено право уменьшать или же отмѣнять наказаніе, т. е. миловать по всѣмъ безусловно проступкамъ, а также и по такимъ преступленіямъ, по которымъ сами потерпѣвшіе изъявляли согласіе на прощеніе виновныхъ,—но со взысканіемъ, при этомъ, виры въ пользу судей.

По мѣрѣ того, какъ усиливалась верховная королевская власть, начиная съ XII столѣтія, къ ней, вмѣстѣ съ другими прерогативами державности, перешло и право помилованія, которое, послѣ паденія въ Германіи феодализма, въ половинѣ XVII вѣка, стало исключительнымъ правомъ германскихъ монарховъ.

Право верховной власти на помилованіе признавалось въ Германіи абсолютнымъ, если не считать тѣхъ двухъ ограниченій, какія ею добровольно были допущены въ XVII вѣкѣ, по отношенію къ такимъ преступленіямъ, какъ отцеубійство и поджогъ, но и эти ограниченія были устранены, de facto, въ половинѣ XVIII столѣтія.

Обращаясь къ ученію о правѣ помилованія французскаго средневѣковаго законодательства, слѣдуетъ замѣтить, что не смотря на столь, повидимому, категорично выраженную, въ указѣ парламента 26 Августа 1670 года, абсолютность права помилованія, предоставленнаго королямъ Франціи, въ дѣйствительности же это право было ограничено, и король, по мнѣнію криминалистовъ, не пользовался правомъ безусловнаго помилованія всѣхъ, безъ исключенія, преступниковъ, въ особенности же осужденныхъ: за убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, или же неудовлетворившихъ, предварительно, потер-

пѣвшихъ лицъ за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ.

Свѣдѣнія о такого рода ограниченіяхъ мы встрѣчаемъ въ сочиненіи извѣстнаго итальянскаго криминалиста Фаринаціуса [1]), который, упоминая о юридическихъ послѣдствіяхъ помилованія, удостовѣряетъ, согласно съ заключеніемъ остальныхъ криминалистовъ [2]), что простое помилованіе, дарованное королевскою властью, не снимало съ осужденнаго безчестія, подобно полному возстановленію его въ правахъ, и что различіе между простымъ и полнымъ помилованіемъ опредѣлялось формою и непосредственнымъ содержаніемъ высочайшихъ указовъ, которые давали возможность юристамъ отличать одни отъ другихъ, и такое подраздѣленіе вошло, затѣмъ, въ самое законодательство.

Въ указѣ короля Людовика XIV-го, 26 Августа 1670 года, спеціально трактующемъ о правѣ помилованія, предоставленномъ королевской власти [3]), перечислены нижеслѣдующіе восемь видовъ высочайшихъ повелѣній или грамотъ о помилованіи: 1) объ отмѣнѣ (les lettres d'abolitions particulières), 2) о снисхожденіи (les lettres de rémission), 3) о прощеніи (les lettres de pardon), 4) о возвращеніи изъ ссылки и каторжныхъ работъ (rappel de ban et de galères), 5) о возстановленіи честнаго имени (les lettres de réhabilitations), 6) о смягченіи наказанія (les lettres de commu-

---

1) Farinacius: «Praxis et theoria criminalis»: «Et hinc est quod hodie de generali consuetudine non solent principis hujus modi gratias facere, aut delinquentes remittere nisi parti concordata».

2) Тамъ-же: «Et quia in materia potest dari pro regulâ quod per simplicem indulgentiam non censeatur restituta fama, secus per restitutionem in integrum gratiosam».

3) Примѣчаніе: «Содержаніе указа Людовика XIV, 26 Августа 1670 г., какъ закона основнаго, по вопросу о правѣ королевской власти на помилованіе, мы приводимъ дословно въ приложеніи, помѣщенномъ въ концѣ общей части книги.

tations), 7) о явкѣ въ судъ (les lettres d'ester à droit et de révision) и 8) амнистія (l'amnistie).

Послѣдствія королевской грамоты объ отмѣнѣ были различны, сообразно съ моментомъ воспослѣдованія высочайшаго повелѣнія: до или послѣ окончательнаго судебнаго приговора. Въ первомъ случаѣ, отмѣною воспрещалось всякое судебное преслѣдованіе, а во второмъ—уничтожалось и самое судебное производство объ осужденномъ.

Основаніями же, коими обусловливались законность и дѣйствительность королевскихъ грамотъ объ остальныхъ видахъ помилованія, служили обыкновенно: а) для снисхожденія—невольное убійство, или же совершеніе его въ состояніи необходимой законной обороны, б) для прощенія—убійство, совершенное въ дракѣ, в) для возвращенія изъ ссылки и каторжныхъ работъ,—когда осужденному предоставлялось судомъ, по истеченіи извѣстнаго срока, возвратиться въ общество, г) для возстановленія честнаго имени,—когда наказаніе было уже примѣнено, и преступникомъ возмѣщены всѣ гражданскіе убытки, д) для смягченія—возможность замѣны тягчайшаго наказанія болѣе легкимъ и, наконецъ, е) для явки въ судъ—обнаруженіе существенныхъ погрѣшностей въ судебномъ по дѣлу производствѣ или въ самомъ приговорѣ суда.

Потье [1]) и Мюаръ де Вугланъ [2]) придаютъ слѣдующій общій юридическій смыслъ и значеніе всѣмъ вышепоименованнымъ королевскимъ грамотамъ о помилованіи. По мнѣнію этихъ криминалистовъ, грамоты объ отмѣнѣ, снисхожденіи и прощеніи представляли собою одинъ только опредѣленный, по сво-

---

[1]) Pothier (Robert-Joseph): «Traité de la proc. crimin. sect. 7 S. 8.

[2]) Muvart de Vouglans: «Jnst. 3 part. chap. 4 S. 6 et «Lois crimin. liv. 1. tit. 4 S. 4.

имъ послѣдствіямъ, родъ монаршей милости, которою отмѣнялись всѣ наказанія, какими угрожалъ законъ просителямъ, за извѣстные, совершенные ими преступленія или проступки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановлялось ихъ доброе имя.

Что-же касается до значенія и послѣдствій остальныхъ грамотъ, какъ-то: о смягченіи наказанія, о возвращеніи изъ ссылки или каторжныхъ работъ, о возстановленіи честнаго имени и о явкѣ въ судъ, то грамотами о смягченіи измѣнялось только наказаніе, самое же обвиненіе по судебному приговору оставалось въ своей силѣ; грамотами о возвращеніи изъ ссылки или каторжныхъ работъ не возстановлялось доброе имя преступника, утраченное по суду; грамотами о возстановленіи честнаго имени осужденному возвращались, единственно, его гражданскія права, причемъ онъ отнюдь не освобождался отъ обязанности возмѣстить убытки, нанесенные третьимъ лицамъ и, наконецъ, грамотами о явкѣ въ судъ, которыя выдавались, какъ мы уже замѣтили, только въ случаяхъ, когда въ судебномъ производствѣ или въ приговорѣ объ осужденномъ усматривались какія либо существенныя погрѣшности фактическаго или юридическаго свойства, или-же, когда проситель представлялъ вѣскія доказательства своей невинности, или-же такія, которыя не были еще въ виду суда, при первоначальномъ обсужденіи и разрѣшеніи дѣла,—просителю предоставлялось лишь право новаго судебнаго разбирательства или пересмотра дѣла, безъ всякой, при этомъ, отмѣны послѣдствій уже состоявшагося судебнаго приговора.

Послѣднимъ видомъ королевскихъ грамотъ о помилованіи были: «Les lettres d'abolition générale»—или амнистія, подробному обзору которой, какъ совершенно неизвѣстной ни древнимъ народамъ, ни

римскому законодательству, мы посвящаемъ ниже спеціальную главу. Обращаясь къ выясненію способа и порядка осуществленія королевскою властью права помилованія, на основаніи собранныхъ нами, по сему предмету, историческихъ данныхъ, слѣдуетъ замѣтить, что непосредственными и ближайшими совѣтниками короля, по дѣламъ подобнаго рода, были постоянно придворныя высокопоставленныя лица, пользовавшіяся его полнымъ довѣріемъ, и хотя король предоставлялъ имъ и самое рѣшеніе вопроса объ уважительности извѣстнаго всеподданнѣйшаго ходатайства о помилованіи, но, тѣмъ не менѣе, сохранялъ за собою право не соглашаться съ ихъ мнѣніемъ [1]).

Такъ, при королѣ Карлѣ V, обязанность по пріему и разсмотрѣнію всеподданнѣйшихъ прошеній о помилованіи лежала на мундшенкѣ [2]), а при Карлѣ VI—на канцлерѣ Франціи [3]), въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ, согласно указу короля Генриха II 1554 года, эта обязанность возлагалась на уголовныхъ судей, именовавшихся: les lieutenants criminels [4]).

Постановленіемъ Парижскаго парламента 1572 г. было опредѣлено, чтобы всеподданнѣйшія прошенія о помилованіи подавались предсѣдателямъ мѣстныхъ королевскихъ судовъ (présidiaux du ressort), а въ случаѣ ихъ отсутствія—членамъ тѣхъ-же судовъ («bailli») [5]).

---

[1]) Gouraincourt: «Traité du Droit de Grâce». Paris 1881.

[2]) Lettres patentes de Charle V le Sage. 1366: «Le bouteiller de France a le droit de faire grâce».

[3]) Mandement de Charles VI, 1401: «Le chancelier de France a le droit d'accorder les lettres de grâce et de rémission».

[4]) Déclaration de Henri II, 1554: «Les lieutenants criminels auront connaissance des lettres de grâce pour délits commis dans leurs territoires»

[5]) Arrêt du parlement de Paris, 1572. «Les grâces se doivent adresser par-devant les présidiaux du ressort ou, en défaut, par-devant le bailli ou son lieutenant». Бальи (Bailli), англійскіе Бэйлефъ (Baillif), именовались королевскіе чиновники, завѣдывавшіе извѣстнымъ королевскимъ удѣломъ и обязанные наблюдать за дѣйствіями судей этого округа или удѣла. Такихъ

Высочайшимъ повелѣніемъ Карла IX, 1573 года, предписывалось чинамъ военнаго округа (les officiers de la connétablie) разсматривать всѣ дѣла по ходатайствамъ о помилованіи, возбуждаемымъ преступниками, принадлежащими къ военному сословію или-же къ военному вѣдомству [1]).

Наконецъ, Людовикъ XIII, указомъ, распубликованнымъ въ 1632 году, предписывалъ, чтобы, на будущее время, всякаго рода королевскими грамотами объ опалѣ, помилованіи и проч.—завѣдывали исключительно сенешалы (sénéchaux [2]).

До 1670 года, перечисленныя нами королевскія грамоты о разныхъ видахъ помилованія, писавшіяся на пергаментѣ, съ приложеніемъ малой государственной печати (petit sceau),—препровождались, обыкновенно, на утвержденіе мѣстныхъ, по объявленію приговора, парламентовъ, которые весьма часто злоупотребляли этимъ предоставленнымъ имъ правомъ и отказывали въ утвержденіи даже такихъ грамотъ о помилованіи, необходимость которыхъ вызывалась или обстоятельствами самого дѣла, явно извращенными въ обвинительномъ приговорѣ, или-же особенными условіями, въ какихъ находился осужденный на казнь.

Одно изъ подобныхъ и весьма типичныхъ постановленій парламента, относящееся къ 30 Августа

округовъ (bailliages) было четыре. Въ порядкѣ надзора они были подчинены сенешаламъ. Въ предѣлахъ своего округа каждый bailli принималъ отъ частныхъ лицъ разнаго рода жалобы и прошенія, адресованныя на имя короля. Вообще-же «бальи» представляли собою учрежденіе, подобное missi dominic Карла Великаго.

[1]) Ordonnance de Charles IX, 1573: «Les officiers de la connétablie connaissent des lettres de rèmission, pardon et autres semblables pour crimes commis par les gens de guerre et autres personnes de leur compétence».

[2]) Edit de Louis XIII, 1632: «Les sénéchaux connaitront seuls des lettres de ban, pardon, rappel de ban, etc. Сенешалы завѣдывали собственными дѣлами королей и производили судъ именемъ короля.

1585 года, коимъ отказано было въ утвержденіи королевской грамоты о помилованіи, и которымъ, въ то-же время, доказывается необыкновенная настойчивость парламента въ дѣлѣ ограниченія означенной прерогативы суверенитета, съ цѣлью возвысить въ глазахъ народа власть парламента и непоколебимость его постановленій,—приведено почти дословно Мерленомъ (Merlin de Douai), знаменитымъ юристомъ и политическимъ дѣятелемъ временъ французской революціи 1789 года, въ редактированномъ имъ въ 1777 году юридическомъ лексиконѣ. «Répertoire de jurisprudence» [1]).

Какая-то женщина, говоритъ Мерленъ, была изобличена въ отравленіи своего мужа и судебнымъ приговоромъ, утвержденнымъ постановленіемъ парламента, осуждена на сожженіе; но, такъ какъ оказалась беременною, то смертная казнь была отсрочена. Воспользовавшись этимъ промежуткомъ времени, осужденная обратилась къ милосердію короля и получила грамоту на смягченіе наказанія, замѣною смертной казни вѣчнымъ тюремнымъ заключеніемъ, *однако-же парламентъ утвердилъ эту грамоту короля только послѣ четырехкратнаго его приказанія, а затѣмъ заключилъ осужденную въ женскій монастырь, и въ постановленіи своемъ объ утвержденіи королевской грамоты помѣстилъ особый пунктъ, на основаніи котораго ей воспрещалось всякое новое ходатайство о дальнѣйшемъ смягченіи своей участи*... Между тѣмъ, несчастной удалось впослѣдствіи испросить себѣ цѣлый рядъ новыхъ грамотъ объ отмѣнѣ тюремнаго заключенія, *но ни одна изъ нихъ не была утверждена парламентомъ*......».

Бывали также случаи, что парламентъ или признавалъ осужденнаго недостойнымъ полученной имъ

[1]) Merlin: Répertoire de jurisprudence, aux mots: «Mo t civile».

грамоты на помилованіе и немедленно казнилъ его, или-же обусловливалъ примѣненіе къ преступнику дарованнаго помилованія предварительною и даровою его службою въ королевской арміи въ теченіи опредѣленнаго времени, а иногда и обязательнымъ совершеніемъ со стороны помилованнаго паломническаго путешествія къ святымъ мѣстамъ, причемъ разстояніе этого путешествія сообразовывалось съ значеніемъ учиненнаго имъ преступленія [1]).

Правда, что и со стороны королевской власти нерѣдко, благодаря придворнымъ интригамъ, выдавались грамоты о помилованіи такимъ лицамъ, которыя вовсе его не заслуживали, факты, вызывавшіе серіозныя опасенія въ обществѣ, которые и побудили народное собраніе, въ 1356 году, сдѣлать наслѣднику французскаго престола Карлу V-му, старшему сыну короля Іоанна II-го, представленіе о той опасности, какою угрожаетъ общественному порядку и спокойствію народа безнаказанность преступниковъ. Вслѣдствіе такого представленія народнаго собранія, необыкновенно добрый и уступчивый Карлъ V ограничилъ себя въ правѣ миловать и высочайшимъ указомъ, 3 Марта 1356 года, объявилъ, что: «il ferait «et ferait faire bonne justice, en merlant clémence, miséri«corde et pitié, là où il appartiendrait à faire de raison, et «que, dorénavant, il ne ferait pardon, ni rémissions «de meurtres, de mutilations de membres faits et perpétrés «de mauvais agait, de trièves, asseurrements ou paix jurées «rompues ou brisées par semblable manière, ni de sauve«gardes enfreintes, ni autres cas semblables plus graves»,— присовокупляя далѣе: «Si fait était par importunité, nous «voulons qu'il ne vaille et que obéi n'y soit».

Но если самоограниченіе въ правѣ оказывать милосердіе осужденнымъ со стороны Карла V-го ста-

[1]) Jousse Traité de la justice criminelle, 3-e partie, liv. 2, tit. 20.

новится понятнымъ, въ виду той кровавой эпохи, въ какую онъ вступилъ на престолъ, когда королевская власть во Франціи колебалась подъ давленіемъ какъ внѣшнихъ враговъ, такъ и внутренней смуты, то подобное-же самоограниченіе короля Генриха III въ 1579 году, т. е. двѣсти лѣтъ спустя, оказывается необъяснимымъ. А между тѣмъ, указомъ, изданнымъ въ 1579 году въ Блоа (Ordonnance de Blois), Генрихъ III предоставилъ парламенту право отказывать въ регистраціи его королевскихъ грамотъ, коль скоро онѣ будутъ касаться преступленій, безусловно изъятыхъ отъ всякаго помилованія, каковы: дуэль, отцеубійство, насиліе и похищеніе женщинъ, оскорбленіе лицъ судебнаго сословія или исполнительныхъ органовъ судебной и правительственной власти, предложеніе услугъ для убійства, сокрытіе виновныхъ, преслѣдуемыхъ судебною властью, а также всякаго рода преступленія по расколу, оскорбленію величества и поддѣлкѣ монеты [1]. Ко всему этому король Генрихъ III добавляетъ въ указѣ: «Et si par importunité aucunes étaient accordées «par nous ne voulons nos juges y avoir aucun égard, «quelques jussion ou derrogation que nous ferions ci—après à «la presente ordonnance» [2].

Таковы условія, въ какихъ находилась во Франціи настоящая прерогатива верховной власти до 1670 года, когда послѣдовалъ, наконецъ, указъ короля Людовика XIV-го (Глава XVI ст. 4 указа 1670 г. [3]),

---

[1]) Gouraincourt: «Traité du Droit de Grâce» 1881. (c. p. 10).

[2]) Legoux: «Du Droit de Grâce» 1865. (c. p. 13).

[3]) Ordonnance de Louis XIV, 1670: «Les cours et les juges doivent entériner les lettres de grâce sans examiner si elles sont conformes aux charges, sauf auxdites cours à représenter au roi ce qu'elles jugeront à propos, et aux autres juges à faire leur représentations au chancelier. Il est défendu aux lieutenants criminels et à tout autres juges, ainsi qu'aux greffiers et aux huissiers, de prendre et recevoir aucune chose pour l'entérinement des lettres de grâce».

отмѣнившій всякія ограниченія права короля на помилованіе, и утвержденію подлежали всѣ, безъ исключенія, данныя на сей предметъ королевскія грамоты, хотя-бы онѣ имѣли предметомъ преступленія, не подлежавшія прощенію, съ сохраненіемъ лишь за парламентомъ права, по утвержденіи грамотъ, оговаривать незаконность оказываемой милости [1]).

Одновременно съ обнародованіемъ постановленія Парижскаго парламента 1670 года, измѣнился и самый порядокъ пріема и разсмотрѣнія ходатайствъ о помилованіи, которыя обсуждались уже верховнымъ совѣтомъ [2]), а докладчикомъ этого рода прошеній въ совѣтѣ былъ Статсъ-Секретарь короля у принятія прошеній (Mâitre des Requêtes de l'Hôtel du Roi).

Иногда, въ чрезвычайныхъ, впрочемъ, случаяхъ, королями выдавались непосредственно и простыя грамоты о помилованіи, дѣйствительность которыхъ обусловливалась, однако-же, представленіемъ ихъ со стороны помилованнаго, въ теченіи 6 мѣсяцевъ, со дня выдачи, въ канцелярію особо организованнаго высшаго учрежденія, извѣстнаго подъ именемъ: «Audience de France»,—президентомъ котораго состоялъ государственный канцлеръ.

Лица, обращавшіяся къ милосердію короля, содержались, обыкновенно, въ тюрьмахъ, впредь до разрѣшенія возбужденныхъ ими ходатайствъ, хотя

---

[1]) Примѣчаніе: Обрядовая сторона утвержденія парламентомъ грамотъ о помилованіи, согласно парламентскому постановленію 1670 года, состояла, между прочимъ, въ томъ, чтобы таковая высочайшая грамота представлялась парламенту самимъ осужденнымъ лично, причемъ, стоя на колѣняхъ, съ обнаженною головою, онъ долженъ былъ, послѣ торжественнаго оглашенія парламентомъ содержанія грамоты, заявить о совершенной справедливости всего въ ней изложеннаго, и что онъ проситъ парламентъ объ ея утвержденіи, дабы воспользоваться даруемою ему милостью.

[2]) Верховный Совѣтъ соотвѣтствовалъ нашему Государственному Совѣту.

были случаи освобожденія преступниковъ личнымъ приказомъ короля, до утвержденія грамотъ парламентами. Число грамотъ о помилованіяхъ, исходившихъ отъ королевской власти, было особенно велико въ послѣднюю половину средневѣковаго періода, и такъ какъ нѣкоторыя имѣютъ извѣстное историческое значеніе, то приведеніе ихъ будетъ не лишнимъ.

Въ 1370 и 1378 годахъ, мы находимъ двѣ грамоты о помилованіи королемъ Карломъ V: Арну Дампьера (Arnould de Dampierre), виновнаго въ самовольныхъ арестахъ, и графини Фландрской, по приказанію которой былъ совершенъ рядъ преступленій.

Въ 1463 году, такою-же грамотою короля Карла VI освобожденъ отъ наказанія Іоаннъ Безстрашный, герцогъ Бургундскій, убившій герцога Орлеанскаго. Основаніемъ милости короля къ герцогу Іоанну Бургундскому послужила побѣда, одержанная имъ надъ люттихскими войсками.

Людовикъ XI, грамотою 1467 года, замѣняетъ вѣчнымъ тюремнымъ заточеніемъ смертную казнь, къ которой былъ приговоренъ герцогъ Алансонскій за составленіе заговора противъ короля.

Въ царствованіе Франциска I, нѣкто Жанъ де Поатье (Jean de Poitiers seigneur de Saint-Vallier), присужденный къ смертной казни, въ моментъ уже приступа къ ея совершенію, былъ прощенъ королемъ, замѣнившимъ лишеніе жизни вѣчнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Тотъ-же король Францискъ I объявляетъ, въ 1541 году, помилованіе адмиралу Шабо (Chabot), приговоренному за измѣну къ смертной казни.

Въ 1605 году, король Генрихъ IV выдаетъ грамоты о помилованіи двумъ лицамъ: графу Овернскому и Антрагу, приговореннымъ Парижскимъ парламентомъ къ смертной казни, причемъ первому

смертная казнь замѣнена вѣчнымъ заточеніемъ въ Бастиліи, а второму—ссылкою.

Наконецъ, въ 1617 году, королемъ Людовикомъ XIII былъ помилованъ капитанъ гвардіи маркизъ де Витри (de Vitry), который, подстрекаемый фаворитомъ короля Альбертомъ де Люинъ (Albert de Luynes), убилъ маршала д'Анкръ.

Наслѣдниками Людовика XIV не было допущено никакихъ измѣненій въ основномъ законѣ о помилованіи, какимъ былъ парламентскій указъ 1670 года, а указами Людовика XV: 1729, 1753 и 1758 годовъ, подтвержденъ только уже существовавшій обычай помилованія преступниковъ въ дни коронаціи и рожденія членовъ царской семьи, а также ограничено дарованное архіепископу Орлеанскому право освобожденія извѣстнаго числа преступниковъ, въ день его торжественнаго въѣзда въ свою резиденцію.

ГЛАВА V.

АМНИСТІЯ.

Исторія амнистіи и ея особенный характеръ, которымъ она отличается отъ простого права помилованія. Подраздѣленіе амнистіи на общую. частную и условную. Субъектъ и объектъ права амнистіи. Примѣненіе амнистіи и ея юридическія послѣдствія.

Съ точки зрѣнія современнаго права, подъ амнистіею разумѣется одинъ изъ такихъ актовъ монаршаго милосердія, которымъ освобождаются отъ всякаго слѣдствія и суда, а равно отъ всякаго наказанія, цѣлыя группы лицъ, виновныхъ въ покушеніи, или же въ совершеніи какого либо политическаго преступленія.

Хотя этимологія слова «амнистія», какъ слова греческаго (ἀμνηστεία), означающаго въ переводѣ «забвеніе», и указываетъ, повидимому, на то, что происхожденіемъ своимъ она обязана Греціи, но, въ дѣйствительности, подобный видъ помилованія, въ смыслѣ прерогативы верховной власти, вовсе не былъ извѣстенъ ни древнимъ евреямъ, ни грекамъ, такъ какъ у народовъ этихъ общественное мнѣніе имѣло весьма слабое вліяніе на умы, и партійный антагонизмъ заканчивался, обыкновенно, совершеннымъ уничтоженіемъ одной изъ враждующихъ партій.

Что-же касается до нѣкоторыхъ примѣровъ, заимствованныхъ частью изъ еврейскихъ лѣтописей, частью изъ исторіи Греціи, и цитируемыхъ поборниками мнѣнія о существованіи амнистіи и въ древнія времена, въ родѣ прощенія царемъ Соломономъ Адонія и всѣхъ его приверженцевъ, желавшихъ завладѣть его престоломъ, или поступка Фрасивула, убѣдившаго афинскихъ гражданъ отказаться отъ всякой кровавой расправы съ 30-ю тиранами и ихъ сторонниками, ниспровергнутыми имъ и ненавистными народу, и предать забвенію (ἀμνηστεία) ихъ прежнія дѣйствія, то всѣ эти примѣры, нисколько не подтверждая существованія у древнихъ евреевъ и грековъ амнистіи, въ томъ именно смыслѣ, какой придается такому виду монаршаго милосердія нынѣ существующими законодательствами, выражаютъ собою лишь единичный, и при томъ случайный, великодушный порывъ царя и народа, не пожелавшихъ омрачить извѣстное радостное политическое событіе местью и казнями.

Основательность-же нашего предположенія находитъ себѣ подкрѣпленіе въ римскомъ законодательствѣ, въ которомъ, какъ извѣстно, отразилось все античное право древняго міра, а потому, если-бы

амнистія дѣйствительно существовала у древнихъ народовъ, въ видѣ прерогативы державности, то римляне несомнѣнно поспѣшили-бы облечь ее въ форму положительнаго закона.

Между тѣмъ, въ приведенныхъ законоположеніяхъ Рима о правахъ и преимуществахъ верховной власти, мы не только не встрѣчаемъ амнистіи, а напротивъ, въ числѣ преступленій, совершенно изъятыхъ отъ дѣйствія аболиціи, замѣчаются такія, какъ оскорбленіе величества и разнаго рода политическія преступленія, которыя служатъ, обыкновенно, объектами амнистіи.

Наконецъ, достаточно принять во вниманіе, что общественное и правовое развитіе еврейскаго народа находились постоянно внѣ всякаго вліянія естественныхъ условій и дѣйствительной жизни, дабы убѣдиться въ томъ, что при выработавшемся у евреевъ, подъ вліяніемъ закона Моисея, понятіи объ амнистіи, какъ о правѣ, принадлежащемъ одному только Богу,—они, очевидно, не могли уже присвоивать его себѣ, а еще менѣе, передавать представителямъ мірской власти.

Такимъ образомъ, съ наибольшею достовѣрностью можно сказать, что амнистія является институтомъ позднѣйшихъ временъ и существованіемъ своимъ обязана, съ одной стороны, широко развитой христіанствомъ идеѣ всепрощенія и забвенія обидъ, а съ другой —условіямъ внутренней государственной политики.

Совмѣщая въ себѣ, одновременно, всѣ видовыя понятія римскихъ: abolitio, indulgentia и restitutio in integrum,—амнистія, въ то же время, отличается отъ нихъ какъ сущностью своею, являясь, въ большинствѣ случаевъ, актомъ политическимъ, нежели актомъ, примѣняемымъ въ условіяхъ обычнаго правосудія,

такъ равно и своею цѣлью, состоящею въ томъ, чтобы, во имя какихъ либо политическихъ принциповъ, предать забвенію не только виновныхъ, но и самое преступное событіе.

Такое отличіе амнистіи отъ простой аболиціи замѣчается, прежде всего, въ объектахъ того и другого вида права помилованія. И дѣйствительно, предметами простого помилованія бываютъ, обыкновенно, единичное преступленіе и индивидуальная личность, нуждающаяся въ милосердіи,—объектами-же амнистіи—коллективная личность и политическое преступное событіе, не поддающееся, кромѣ амнистіи или забвенія, никакимъ другимъ репрессивнымъ мѣрамъ, отъ которыхъ вынуждена отказаться и сама легислатура, по невозможности обосновать наказаніе какимъ либо общественнымъ интересомъ. Простое помилованіе обусловливается фактомъ предварительнаго осужденія виновнаго судебною властью, тогда какъ амнистія предшествуетъ не только судебному приговору, но даже возбужденію уголовнаго преслѣдованія.

Наконецъ, амнистія исходитъ вообще въ западно-европейскихъ государствахъ отъ законодательной власти, а помилованіе принадлежитъ, обыкновенно, главѣ исполнительной власти.

Относительно-же цѣли амнистіи, воспрещающей всякое судебное преслѣдованіе, или-же прекращающей уже возбужденное,—слѣдуетъ замѣтить, что она служитъ обыкновенно самымъ вѣрнымъ политическимъ средствомъ для умиротворенія страны или цѣлой области, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ознаменовываетъ какое либо радостное для государства событіе, въ родѣ: заключенія мира, восшествія на престолъ и т. п.

Амнистія можетъ быть общая или частная, абсо-

лютная или условная. Амнистія становится общею, когда, касаясь извѣстнаго рода преступленій, не дѣлаетъ исключеній и не поименовываетъ виновниковъ; частною - же, когда допускаетъ извѣстныя исключенія въ преступленіи или въ личностяхъ виновниковъ и, наконецъ, условною, когда примѣненіе ея поставлено въ зависимость отъ какихъ либо предварительныхъ мѣропріятій, или-же отъ исполненія помилованными обязанности по отношенію къ третьимъ лицамъ, пострадавшимъ отъ ихъ преступленій [1]).

Субъектомъ права амнистіи можетъ быть только представитель власти, которому это право должно принадлежать *исключительно* и *нераздѣльно*, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онъ пользуется правами заключенія политическихъ союзовъ, мирныхъ трактатовъ, а также правомъ помилованія.

Объектами амнистіи могутъ быть всякаго рода преступныя дѣянія, политическаго или публичнаго характера, начиная съ болѣе тяжкихъ, угрожающихъ государственнымъ основамъ и общественной безопасности и кончая ничтожными проступками, до дисциплинарныхъ нарушеній включительно.

Переходя къ порядку примѣненія амнистіи и опредѣленія ея юридическихъ послѣдствій, нельзя не заключить, въ виду существенной характеристической черты этого вида монаршаго милосердія, какъ акта, аболирующаго цѣлое преступное событіе и какъ-бы вычеркивающаго его изъ памяти всѣхъ и каждаго на всегда, что амнистія одинаково примѣняется и распространяется на всѣхъ участниковъ въ

---

[1]) Примѣчаніе: Подобно простой аболиціи и амнистія, какъ будетъ указано ниже, не въ одинаковой степени предоставляется верховной государственной власти, нынѣ дѣйствующими европейскими законодательствами.

совершеніи означеннаго преступленія, если только не имѣетъ характера частной или условной.

Юридическія-же послѣдствія амнистіи состоятъ: 1) въ преданіи полному забвенію самого преступнаго факта, которымъ вызванъ актъ объ амнистіи, со вмѣненіемъ въ нравственную обязанность подданнымъ, по возможности, подавить въ себѣ и отказаться отъ всякаго чувства вражды, злобы и раздраженія по отношенію къ виновникамъ преступнаго событія, 2) въ запрещеніи всякаго преслѣдованія виновныхъ, а если таковое уже возбуждено, то въ его прекращеніи и, наконецъ, 3) въ освобожденіи осужденныхъ отъ наказанія.

Что-же касается интересовъ потерпѣвшихъ отъ преступленія, то за каждымъ изъ нихъ сохраняется право на соотвѣтствующее вознагражденіе, если само правительство не приняло на себя этой обязанности, при самомъ объявленіи амнистіи.

ГЛАВА VI.

Параллель между ученіемъ римскаго и средневѣковаго законодательствъ, по вопросу о помилованіи.

Намѣченные нами общіе, и наиболѣе выдающіеся историческіе факты и событія средневѣковаго періода, въ связи съ спеціальными законоположеніями,— представляютъ собою тотъ единственный матеріалъ, на основаніи котораго приходится судить о степени развитія государственной жизни средневѣковыхъ народовъ, сравнивать ихъ учрежденія и законы, и во взаимной связи исторіи государствъ, съ исторіею права, искать твердыхъ реальныхъ основаній, для правильнаго вывода и опредѣленія современнаго по-

ложенія державности или суверенитета, со всѣми его правами и прерогативами.

Между тѣмъ, матеріалъ этотъ, по необыкновенному обилію, разнородности и безсвязности, входящихъ въ его составъ отдѣльныхъ фактовъ, имѣющихъ извѣстное историческое значеніе, какъ мы уже замѣтили, не поддается никакому обобщенію, столь необходимому въ дѣлѣ всякаго точнаго изслѣдованія.

Весь юношескій пылъ съ его увлеченіями, стремленіями и самонадѣянностью, какъ слѣдствіе безграничной увѣренности въ свои личныя физическія и духовныя силы, вмѣстѣ съ легкомысленнымъ возрѣніемъ на жизненныя явленія, безъ какой либо, при этомъ, исторической или логической ихъ критики, наложили свою особенную печать на всю средневѣковую эпоху.

Вгляды и принципы, цѣли и дѣйствія, не смотря на взаимное противорѣчіе, усвоивались въ упомянутую эпоху на вѣру, и пріобрѣтали право гражданства.

При идеализированіи жизни, которое, казалось, должно было развить въ каждомъ чувство справедливости и уваженія къ человѣческимъ правамъ,— замѣчаются, напротивъ того, полнѣйшее ихъ нарушеніе и хищническія наклонности, направленныя къ захватамъ чужого достоянія силою...

При безусловномъ благоговѣніи предъ святостью всего, до чего прикасалась, или-же что отмѣчалось рукою папы и его духовныхъ миссіонеровъ, а также при совершенномъ презрѣніи къ міру, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма,—рядомъ уживалась чрезвычайная надменность, по отношенію къ низшей братіи, — чувство, которое видимо противорѣчило основнымъ началамъ библейской этики, проповѣды-

вавщей смиреніе, любовь и снисхожденіе къ ближнему.

Въ этихъ разнообразныхъ, до безконечности, историческихъ явленіяхъ и замѣчается тотъ, именно, специфическій духъ средневѣковаго періода, который препятствовалъ ясному выраженію извѣстной политической идеи и развитію монархическаго принципа.

Но, тѣмъ не менѣе, и среди подобнаго политическаго хаоса, всетаки замѣчалось, въ болѣе ясной формѣ, общее стремленіе къ ограниченію правъ державности, которое выразилось въ отрицаніи права помилованія, какъ исключительной прерогативы императорской или королевской власти, предоставленіемъ его, на однихъ и тѣхъ-же основаніяхъ, въ распоряженіе какъ феодальныхъ владѣльцевъ, сословій, городовъ, такъ и духовенства.

Однако-же упомянутое ограниченіе общихъ правъ суверенитета не имѣло никакого вліянія ни на самое существо права помилованія, ни на его видовое подраздѣленіе, котораго de facto одинаково придерживались всѣ средневѣковыя государства, и если сопоставить установленное указомъ Парижскаго парламента, 20 Августа 1670 года, видовое различіе въ правѣ помилованія съ тѣмъ, какое существовало въ римскомъ правѣ, то можно убѣдиться вполнѣ, что оно непосредственно было заимствовано изъ римскаго законодательства временъ имперіи.

Такъ: королевскія грамоты объ отмѣнѣ наказанія (les lettres d'abolitions patriculières), имѣвшія своими юридическими послѣдствіями, сообразно съ моментомъ ихъ обнародованія, прекращеніе судебнаго преслѣдованія только что возбужденнаго, или же уничтоженіе всего судебнаго производства,—безусловно соотвѣтствовали римской abolitio,—грамоты о снис-

хожденіи (les lettres de remission) и грамоты о прощеніи (les lettres de pardon), которыя давались въ случаяхъ невольнаго убійства, или убійства при необходимой и законной оборонѣ,—представляютъ собою римское purgatio; грамоты о смягченіи наказанія (les lettres de commutations) соотвѣтствовали римской indulgentia specialis, и, наконецъ, грамоты о возстановленіи честнаго имени (les lettres de réhabilitations)—являли собою римское restitutio in integrum.

Дополнительными видами къ ученію римскаго законодательства о помилованіи были упомянутыя въ томъ-же указѣ 20 Августа 1670 года: а) Les lettres d'ester à droit et de révision, или грамоты на явку въ судъ, съ цѣлью возбужденія новаго судебнаго производства или пересмотра судебнаго приговора,—каковой видъ монаршаго милосердія вовсе не былъ извѣстенъ Риму и б) Les lettres d'abolitions générales, или *амнистія*,—отвергнутая римскими императорами, такъ какъ объектомъ ея служили политическія преступленія, совершенно изъятыя, въ числѣ другихъ, отъ дѣйствія императорскаго милосердія.

Къ приведеннымъ фактамъ и соображеніямъ, указывающимъ на тождество ученія средневѣковаго и римскаго законодательствъ, по вопросу о помилованіи, слѣдуетъ еще присоединить и упомянуть о поводахъ, какими, подобно римской имперіи, и въ средневѣковыхъ государствахъ, была вызвана абсолютность монархической власти, со всѣми ея чрезвычайными правами и прерогативами.

Главнѣйшимъ поводомъ и цѣлью было то-же стремленіе средневѣковыхъ народовъ къ политической централизаціи, которое создало и римское самодержавіе съ неограниченною монархическою властью.

Такая цѣль представляется на столько общею всѣмъ средневѣковымъ государствамъ европейскаго

континента, что, говоря, напримѣръ, о причинахъ, создавшихъ абсолютную монархію во Франціи, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяемъ условія, какими было вызвано то-же политическое явленіе въ остальныхъ государствахъ.

Терзаемое внутренними политическо-религіозными партіями, а также политическими происками римской куріи, средневѣковое высшее французское общество пришло къ сознанію въ необходимости сильной руки, которая могла бы, съ одной стороны, соединить различные сословные элементы въ одно цѣлое—націю, а съ другой—прекратить партійную вражду и поставить предѣлъ политическимъ намѣреніямъ римскаго двора.

Такою рукою могла быть, очевидно, только рука короля, какъ единственнаго лица въ государствѣ, стоявшаго внѣ всякихъ сословій и партій.

Вмѣстѣ съ высшими сословіями, къ тому-же сознанію въ необходимости абсолютной королевской власти, для подавленія всеобщей анархіи, господствовавшей во Франціи, пришелъ и самъ народъ, угнетаемый помѣщиками и духовенствомъ, который могъ найти себѣ защиту единственно во всемогуществѣ короля, сдѣлавшагося, такимъ образомъ, главою дворянства, арміи, церкви и народа.

ГЛАВА VII.

Возрожденіе политической идеи и науки государственнаго права въ XVI столѣтіи. Ученіе о государствѣ и о верховной власти наиболѣе выдающихся политическихъ мыслителей XVI, XVII, XVIII и XIX столѣтій.

Придерживаясь той-же системы изслѣдованія положенія и правъ державности въ каждую данную

историческую эпоху, въ связи съ предварительнымъ изслѣдованіемъ свойственныхъ этой эпохѣ: положенія и развитія общегосударственной идеи и монархическаго начала, въ область которыхъ входятъ, по своимъ теоретическимъ основаніямъ, и всѣ права суверенитета,—мы считаемъ необходимымъ, обращаясь уже къ обзору ученія, по сему предмету, современныхъ западно-европейскихъ законодательствъ, прежде всего, коснуться исторіи возрожденія, направленія и дальнѣйшаго развитія общей политической идеи, подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ событій, послѣдовавшихъ за средневѣковымъ періодомъ.

Съ поворотомъ общественнаго направленія въ XVI столѣтіи въ великую эпоху реформаціи, и послѣ отчаянной борьбы съ феодализмомъ и папскимъ всевластіемъ, за величіе имперіи и державность государства,—снова наступилъ моментъ возрожденія государственнаго начала и обновленія науки государственнаго права.

Древне-римская имперія и классическая государственная литература, проповѣдовавшія о государствѣ, какъ о высшемъ идеалѣ человѣческаго бытія, стали воскресать въ памяти народовъ названной эпохи и сдѣлались предметами глубокаго изученія политическихъ мыслителей тогдашняго вѣка, задавшихся цѣлью выработать и обосновать такую, именно, политическую форму, которая могла-бы объединить государственную власть,—объединеніе, въ которомъ, какъ мы уже замѣтили, безусловно нуждались народы, истерзанные и утомленные внутренними и внѣшними политическими неурядицами.

Къ числу такихъ политическихъ мыслителей и, въ то-же время, энергическихъ приверженцевъ абсолютной монархіи, конца XVI вѣка, слѣдуетъ отнести,

послѣ Макіавелли,—Бодена [1]), которому принадлежитъ починъ выясненія понятія о державности, на основаніи юридической теоріи государственнаго устройства.

Опредѣляя *государство* въ смыслѣ правовой организаціи многихъ семействъ и общаго имъ имущества подъ державною властью [2]) и устанавливая, такимъ образомъ, три существенныхъ признака *для понятія о государствѣ:* семью, общее имущество и верховную власть,—Боденъ останавливается, въ заключеніи, на третьемъ и послѣднемъ признакѣ, то есть на *державности*, въ которой, преимущественно, находитъ государственное свойство и видитъ въ ней высшее, одному Богу подчиненное, постоянное всевластіе.

Отстаивая, затѣмъ, абсолютность верховной власти, - Боденъ мотивируетъ свое мнѣніе тѣмъ, что: «въ качествѣ высшей, окончательно рѣшающей государственной воли, власть эта не должна быть ограничена никакою другою государственною силою и не можетъ подчиняться никакой иной власти, ибо самъ законъ получаетъ отъ нея свое начало, а слѣдовательно не верховная власть должна зависѣть отъ закона, но законъ отъ нея, и такъ какъ она создаетъ его, то можетъ и не слѣдовать ему и даже лишать его силы [3]). «Ejusdem est abolire cujus est condere».

Главнѣйшія-же свойства, признаваемыя Боденомъ за верховною властью, заключаются: а) въ правѣ издавать законы, б) въ правѣ объявлять войну и за-

---

[1]) Bodin et son temps: «Tableau des théories politiques et des idées économiques au seizieme siècle par Henri Baudrillart 1853».

[2]) Bodin: «De la République 1. 1576».

[3]) Примѣчаніе: Въ этомъ опредѣленіи правъ верховной власти, Боденъ, несомнѣнно, повторяетъ извѣстное римское положеніе: «Princeps legibus solutus est», т. е. правитель независимъ отъ законовъ.

ключать миръ, в) въ правѣ назначать высшихъ правительственныхъ лицъ, г) въ правѣ представлять собою высшую инстанцію по дѣламъ судебнымъ, д) въ правѣ чеканить монету и, наконецъ, е) *въ правѣ помилованія и возвращенія наложенныхъ пеней и штрафовъ.*

Изъ государственныхъ-же формъ Боденъ признаетъ основными только три: монархію, аристократію и демократію, отвергая всѣ остальныя.

«Если державность, или суверенитетъ, говоритъ онъ, принадлежитъ одному лицу, мы называемъ эту форму государства *монархіей;* если народъ имѣетъ въ ней долю, мы говоримъ, что это государство есть *демократія;* если она принадлежитъ меньшей части народа, мы называемъ государство аристократіей».

Таковы принципы всеобщаго государственнаго права, и такова теорія Бодена о государствѣ и о верховной власти; хотя она и выработана имъ согласно съ духомъ современнаго ему французскаго государства, но въ ней ясно выражена истина, высказанная еще Аристотелемъ: «что въ каждомъ государствѣ есть единая верховная власть, въ которой оно находитъ свое высшее выраженіе, и которая поэтому опредѣляетъ основной характеръ государственной формы».

Другимъ мыслителемъ, и такимъ-же ревностнымъ поборникомъ абсолютности государственной власти, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, но уже на основаніяхъ естественнаго права, является въ Англіи, въ половинѣ XVII столѣтія, Томасъ Хоббсъ, который, въ извѣстномъ своемъ политическомъ сочиненіи *«Левіафанъ, или о существѣ, формы и силы духовнаго и гражданскаго государства»* [1]), высказываетъ

---

[1]) «Leviathan oder von dem Wesen der Form und der Macht des geistlichen und bürgerlichen Staates»—1651. См. Блунчли: Geschichte des Allgemeinen Statsrechts und der Politik.—1864).

взглядъ на *государство*, какъ на созданіе искусства, вызванное, при этомъ, безсиліемъ естественнаго закона, необезпечивающаго людямъ достаточной и необходимой безопасности.

«При эгоистическомъ чувствѣ, врожденномъ человѣку отъ природы, замѣчаетъ Хоббсъ,—онъ естественно стремится къ тому, что доставляетъ ему наслажденіе и удовлетвореніе его потребностей, и столь же естественно отвращается отъ того, что препятствуетъ его благополучію. Въ этихъ индивидуальныхъ корыстныхъ стремленіяхъ всѣхъ и каждаго люди сталкиваются между собою, враждуютъ и спорятъ за обладаніе предметомъ, на которомъ скрещиваются ихъ интересы, и сильный побѣждаетъ слабаго. Но, такъ какъ подобное состояніе становится опаснымъ и невыносимымъ, то люди, изъ страха, стараются обезопасить себя и съ этою цѣлью ищутъ союза съ другими». Такимъ образомъ, опасеніе зла, по мнѣнію Хоббса, оказывается истинною причиною государства, а цѣль его: гарантія безопасности и помощи всѣмъ и каждому.

Переходя, за тѣмъ, къ опредѣленію *суверенитета* или *державности*, Хоббсъ продолжаетъ: «для образованія-же такой общей силы, которая именуется государствомъ, необходимо, чтобы отдѣльныя воли соединялись въ одну общую, и чтобы эта общая воля признавалась волею всѣхъ. Человѣкъ или правительство, въ которомъ соединится такая общая воля, получаетъ, вслѣдствіе сего, высшую власть, верховное господство, *которое должно быть абсолютнымъ*, ибо безъ этой абсолютности нарушилось бы необходимое единство и могущество государства. Такой властитель, сравниваемый Хоббсомъ съ душою государства, пользуется также и мечемъ правосудія противъ злодѣевъ, постановляетъ приговоръ о пра-

вомъ и неправомъ, устанавливаетъ общія правила о моемъ и твоемъ, о пользѣ и вредѣ, о добромъ и худомъ и съ этою цѣлью издаетъ законы. Самъ-же онъ, чтобы ни творилъ, не можетъ подлежать никакому наказанію и не связанъ никакими законами, такъ какъ было бы безсмысленно связывать закономъ того, кто самъ его издаетъ, и чья воля является волею всего государства».

Обращаясь къ опредѣленію обязанности властителя, Хоббсъ замѣчаетъ, «что она должна состоять въ заботахъ о народномъ благосостояніи: «salus populi suprema lex», — при чемъ исключительно его личному усмотрѣнію должно быть предоставлено разрѣшеніе вопроса, чего требуетъ народное благосостояніе».

Одинаковаго мнѣнія съ Томасомъ Хоббсомъ, относительно необходимости абсолютной верховной власти, съ разницею лишь во взглядѣ на происхожденіе государства,—придерживается и Самуилъ Пуфендорфъ, создавшій впервые систему естественнаго народнаго права, который, въ своемъ сочиненіи: «De jure naturae et gentium libri octo» 1674,—признаетъ, подобно Аристотелю, что способность и побужденіе къ образованію государства заключаются въ самой человѣческой природѣ, такъ какъ человѣкъ есть существо государственное (ζῶον πολιτικόν)—и потому самое государство, по мнѣнію Пуфендорфа, отнюдь не оказывается произведеніемъ непосредственно дѣйствующей природы, какъ предполагаетъ Хоббсъ, но произведеніемъ высшей человѣческой культуры».

Опредѣляя такимъ образомъ происхожденіе государства, Пуфендорфъ называетъ его составнымъ нравственнымъ лицомъ, воля котораго, связанная и соединенная волею многихъ, считается всеобщею, съ правомъ пользованія личными и имущественными

силами отдѣльныхъ лицъ, для общественной безопасности и мира [1]).

Одобряя сравненіе Хоббса верховной власти съ душею государственнаго тѣла, должностныхъ лицъ его отдѣльными членами, милости и наказанія его двигательными нервами, имущество лицъ его крѣпость и силу, благо народа его задачами, а законы его умомъ,—Пуфендорфъ присовокупляетъ: «что общая гармонія и порядокъ въ дѣлѣ правильнаго функціонированія всѣхъ этихъ элементовъ государственнаго тѣла, обусловливается непремѣнною связью ихъ въ одной высшей власти. Такая власть, продолжаетъ онъ, есть власть верховная (summum imperium), которая должна быть свободною и внѣ всякаго подчиненія или какой либо отвѣтственности, такъ какъ она выше человѣческихъ законовъ, ею-же создаваемыхъ».

Въ подобнаго рода свойствахъ, приписываемыхъ имъ верховной власти, Пуфендорфъ видитъ логическое слѣдствіе ея верховнаго положенія въ государствѣ, такъ какъ «если-бы судъ имѣлъ право привлекать ее къ отвѣтственности, то такой судъ стоялъ бы выше государя, располагая относительно бо̀льшею властью, нежели онъ самъ, и наконецъ, если бы государь подчинялся законамъ, то онъ подчинялся бы только самому себѣ».

Даже такой либеральный политическій мыслитель и врагъ абсолютной власти, какимъ былъ въ Англіи въ концѣ XVII столѣтія Джонъ Локкъ, современникъ 2-й англійской революціи и апологетъ переворота, совершеннаго Вильгельмомъ Оранскимъ, во

---

[1]) D. J. N. et G. VII. 2. 13. «Unde civitatis haec commodissima videtur definitio, quod sit persona moralis composita, cujus voluntas ex plurium partis complicita et unita, pro voluntate omnium habetur ut singularum viribus et facultatibus ad pacem et securitatem communam uti posset».

второмъ изъ своихъ двухъ трактатовъ о государственномъ управленіи [1]), основывая происхожденіе государства на «свободной волѣ индивидуумовъ, соединившихся въ одинъ политическій организмъ, т. е. на договорѣ,»—признавая верховною властью исключительно законодательную, какъ важнѣйшую и высшую изъ государственныхъ учрежденій, съ непремѣннымъ подчиненіемъ ей всѣхъ прочихъ властей,—въ то-же время посвящаетъ спеціальную главу (14), для опредѣленія понятія и основаній всѣхъ правъ и прерогативъ, предоставляемыхъ имъ исполнительной власти.

«Законодатель, говоритъ онъ, можетъ, съ одной стороны, не предусмотрѣть всѣхъ фактовъ жизни, и не въ состояніи заранѣе опредѣлить ихъ, а съ другой—примѣненіе правилъ закона, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, можетъ оказаться даже вреднымъ, и потому, въ виду подобныхъ, именно, фактовъ и недостатковъ дѣйствующаго закона, должно быть, по мнѣнію Локка, предоставлено исполнительной власти въ лицѣ государя, право, по личному и свободному его усмотрѣнію, устранять всѣ вредныя послѣдствія, происходящія отъ непредусмотрительности или же отъ излишней строгости закона. Такая власть, дѣйствующая по личному и *свободному своему усмотрѣнію*, безъ законныхъ предписаній, и даже вопреки правиламъ закона, какъ напримѣръ: при *помилованіи* и награжденіи—*называется прерогативою, основанною на позволеніи народа властителю дѣйствовать по его усмотрѣнію для общественнаго благополучія тамъ, гдѣ въ законѣ оказывается недосмотръ или же пробѣлъ*».

Минуя имена и произведенія остальныхъ мысли-

---

[1]) John Locke «Two treatises on Governement». Book II, ch. XIV «Of Prerogative» (Works, London 1714.

телей, въ области государственной науки конца XVII и первой половины XVIII столѣтій, изъ которыхъ одни являются послѣдователями, а другіе противниками ученій: Гуго-Гроція, Бодена, Хоббса и Пуфендорфа, по вопросамъ о происхожденіи государства, а также о державности и ея правахъ,—считаемъ необходимымъ упомянуть еще о двухъ великихъ дѣятеляхъ научной политики, а именно: о великомъ государственномъ человѣкѣ XVIII вѣка, какимъ былъ король прусскій Фридрихъ Великій, и о не менѣе знаменитомъ французскомъ политическомъ философѣ Монтескьё [1]).

Первый изъ нихъ, въ своемъ научно-государственномъ трактатѣ: «о формахъ правленія и объ обязанностяхъ государей» [2]), высказываетъ, между прочимъ, слѣдующій взглядъ на задачи монархической власти: «Государь, говоритъ онъ, отправляетъ въ государственномъ организмѣ тѣ-же обязанности, какія голова по отношенію къ тѣлу отдѣльнаго человѣка,—онъ долженъ быть его зрѣніемъ, его мыслью и направлять дѣйствія всего государственнаго тѣла къ одной только цѣли, а именно къ возможно большему пріобрѣтенію имъ благъ. Если желаютъ, чтобы люди предпочли монархическую форму правленія республиканской, то монарху надлежитъ дѣйствовать разумно, пользоваться безупречной репутаціей и всѣми силами стараться оправдать свое призваніе».

«Для государя существуетъ одно только благополучіе—продолжаетъ Фридрихъ Великій, благополучіе государства. Государь долженъ часто вспоминать о положеніи бѣдныхъ людей и, ставя себя въ поло-

---

[1]) «Charles de Secondat, baron de la Brède et de Montesquieu».

[2]) «Versuch über die Regierungsformen und über die Pflichten der Souveräne».

женіе крестьянина или фабричнаго рабочаго, задаваться вопросомъ: «чего бы я желалъ отъ государя, если бы родился простымъ гражданиномъ».

Благодаря подобному взгляду на задачи монархической власти, которыя Фридрихъ Великій старался осуществлять въ теченіи всей своей жизни,— онъ успѣлъ включить Пруссію въ число великихъ европейскихъ государствъ...

Еще болѣе ревностнымъ защитникомъ суверенитета, не смотря на свое критическое отношеніе къ абсолютной монархіи и на свою восторженность англійскою конституціею, оказывается Монтескьё, авторъ знаменитаго, обратившаго на себя общее вниманіе Европы, сочиненія: «Esprit des lois», изданнаго имъ въ 1748 году, которое положило начало новому періоду въ развитіи общей политической идеи, а также новому ученію о внутреннихъ формахъ государственнаго управленія, и имѣло громадное вліяніе какъ на сѣверо-американскія, такъ и на всѣ послѣдующія европейскія государственныя реформы.

Провозвѣстникъ конституціонизма, увлеченный своей системою о принципахъ и формахъ государствъ, которые онъ допускаетъ лишь въ трехъ видахъ: 1) республика (демократія и аристократія), 2) монархія и 3) деспотія,—Монтескьё, останавливаясь, главнѣйшимъ образомъ [1], на конституціонной монархіи, съ строгимъ подраздѣленіемъ въ ней общей государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, *съ представительствомъ въ лицѣ короля, какъ на лучшей изъ всѣхъ политическихъ формъ, обезпечивающихъ одновременно и народную и индивидуальную свободу,* и обращаясь, затѣмъ, къ праву помилованія, какъ прерогативѣ конституціон-

---

[1]) «Esprit des lois» liv. VI, Chap. XI.

наго монарха, замѣчаетъ: «что милосердіе должно быть исключительнымъ достояніемъ одних только монарховъ. Въ республикѣ-же, принципомъ которой должна служить политическая добродѣтель, оно менѣе необходимо».

Не останавливаясь на группѣ политическихъ мыслителей второй половины XVIII и начала XIX-го столѣтій, явившихся проповѣдниками новыхъ государственныхъ идей, созданныхъ ученіемъ о государственномъ устройствѣ Жанъ-Жакъ Руссо [1], вызвавшимъ демократическую революцію,—Бенжамена Констана [2]) и, наконецъ, Канта и Фихте, такъ какъ подробное изложеніе всѣхъ государственныхъ теорій не соотвѣтствовало бы программѣ нашего труда, замѣтимъ только, что политическое воззрѣніе восемнадцатаго столѣтія привело къ разрушенію сначала церкви, а затѣмъ и государства, и что французская революція, подготовленная ученіемъ Руссо, проявила собою абсолютный протестъ какъ противъ католицизма, такъ и противъ монархической власти.

ГЛАВА VIII.

Современное положеніе права помилованія и амнистіи, какъ прерогативы суверенитета, и условія отправленія этихъ правъ въ государствахъ европейскаго континента.

При всемъ, однакоже, разнообразіи государственныхъ типовъ, сложившихся подъ вліяніемъ изложенныхъ нами теорій государственнаго устройства, а еще болѣе подъ вліяніемъ философіи XVIII столѣтія,—сущность правъ суверенитета, или держав-

[1]) Jean Jaques Rousseau: «Du Contrat social», 1762.
[2]) Benjamin Constant: Cours de politique constitutionelle; avec une introduction et des notes par. Ed. Laboulaye. Paris. 1861. 2. Vol.

ности, въ томъ числѣ право помилованія и амнистіи,—осталась неизмѣннною съ тою лишь разницею, что въ государствахъ, имѣющихъ политическую централизацію, къ которымъ слѣдуетъ отнести всѣ абсолютно-монархическія и монархическо-конституціонныя державы, соединеніе правъ суверенитета предполагается въ рукахъ одного лица, физическаго или юридическаго, и подчиненныхъ ему органовъ власти всѣхъ родовъ и степеней, а въ государствахъ демократическихъ, для отправленія правъ суверенитета (exercitium juris), созданы и имѣются нѣкоторыя общія установленія.

Правильность такого заключенія о современномъ положеніи суверенитета явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ, нынѣ дѣйствующихъ, по сему предмету, европейскихъ законодательствъ.

Выше, говоря объ амнистіи, мы уже замѣтили, что хотя, повидимому, во всѣхъ, не только абсолютно-монархическихъ, но и въ монархическо-конституціонныхъ государствахъ, право помилованія признается прерогативою королевской власти, но европейскія законодательства не въ одинаковой степени предоставляютъ ей это право, въ обѣихъ его формахъ, т. е. въ видѣ простой аболиціи и амнистіи.

Такъ въ главѣ IV, книги I, англійской конституціи: «объ исполнительной власти» упоминается: «*что первая прерогатива короля состоитъ въ управленіи правосудіемъ*», или въ такъ называемомъ Justizverwaltung, въ отличіе отъ Rechtssprechung, имѣющей предметомъ отправленіе правосудія.

По выраженію перваго пункта означенной главы конституціи: «*король является источникомъ всякой судебной власти и представителемъ всѣхъ судебныхъ учрежденій, а потому судьи играютъ роль только его помощниковъ. Всякое судебное дѣйствіе совершается его*

именемъ и самые судебные приговоры утверждаются его печатью и исполняются его чиновниками».

«*Король*, говорится далѣе въ 3 пунктѣ,—*имѣетъ право помилованія, то есть вправѣ отмѣнить наказаніе, къ которому приговоренъ обвиняемый*».

Но, при всей кажущейся полнотѣ правъ англійскаго короля на помилованіе и амнистію, тѣмъ не менѣе, права эти ограничены постановленіемъ, приведеннымъ въ главѣ VI конституціи, силою которой «*король, пользуясь правомъ помилованія, въ то-же время не только не можетъ освобождать преступниковъ отъ обязанности удовлетворенія третьихъ лицъ, пострадавшихъ отъ преступленія, но еще въ виду положительнаго закона, коимъ признается, что въ случаѣ убійства, вдова убитаго или его ближайшіе наслѣдники, имѣютъ право самостоятельнаго преслѣдованія убійцы,—всякое помилованіе королемъ такого убійцы, оказанное до или послѣ постановленія судебнаго приговора, согласно возбужденному уже потерпѣвшимъ лицомъ уголовному преслѣдованію* (Appel), *въ теченіи года и одного дня,—считается недѣйствительнымъ, и не можетъ быть примѣнено къ помилованному*» [1]).

Равнымъ образомъ, по акту «of settlement» 1701 года, *королю не предоставляется права помилованія министровъ, осужденныхъ по обвиненію нижней палаты, такъ какъ, иначе, обвиненіе министровъ сдѣлалось бы фиктивнымъ*.

Осуществленіе, или exercitium juris, права помилованія, со стороны королевской власти въ Англіи, производится чрезъ посредство отвѣтственнаго министра, статсъ-секретаря министерства внутреннихъ дѣлъ (Secretary of state home departemant), которому представляются всѣ прошенія о помилованіи и въ

---

[1]) Delolme: «Constitution d'Angleterre».

вѣдѣніи котораго находятся тюрьмы, а также лица, приговоренныя къ извѣстному наказанію.

Въ такомъ-же, болѣе или менѣе ограниченномъ видѣ, право помилованія предоставляется королю и въ нижеслѣдующихъ европейскихъ государствахъ.

Статьею 64 акта Бельгійской конституціи, 7 Февраля 1831 года, постановлено: «*что ни одинъ изъ королевскихъ актовъ не можетъ воспріять законной силы до тѣхъ поръ, пока этотъ актъ не будетъ скрѣпленъ министромъ, который одинъ отвѣчаетъ за его содержаніе*».

Затѣмъ, въ статьѣ 73, той-же конституціи, сказано: «*Король имѣетъ право отмѣнить или смягчить наказаніе, назначаемое по судебному приговору* (prononcées par les juges), *но ему не принадлежитъ право помилованія министровъ, осужденныхъ по обвиненію нижней палаты*».

Общій смыслъ приведенной 73 статьи конституціи, заставляетъ предполагать, что въ Бельгіи за королевскою властью вовсе не признается права амнистіи, а только право помилованія, въ тѣсномъ его смыслѣ, и дѣйствіе королевской милости простирается лишь на лицъ, осужденныхъ по суду. Что-же касается до помилованія министровъ, то, подобно Англіи, и по тѣмъ же соображеніямъ, право это предоставлено королю, ст. 91 конституціи, условно, а именно не иначе какъ съ согласія палатъ.

Болѣе категорически противъ права королевской власти на амнистію высказываются конституціи: а) румынская, предоставляющая королю лишь право помилованія [1]), и б) нидерландская, которая, хотя и признаетъ за королемъ право помилованія осужденныхъ, но не иначе, какъ по выслушаніи мнѣнія, по

---

[1]) § 739, Глава XV, уст. угол. судопр. 15 Ноября 1851 года.

сему предмету, судебной инстанціи, постановившей приговоръ [1]).

Право-же амнистіи принадлежитъ исключительно законодательному собранію.

Совершенно одинаковаго содержанія съ постановленіями бельгійской конституціи, относительно правъ королевской власти на помилованіе и амнистію оказываются постановленія конституцій: шведской и норвежской.

Шведскою конституціею «*королю предоставляется право помилованія въ дѣлахъ уголовныхъ, отмѣнять смертную казнь и позорящія наказанія, а также возвращать осужденному секвестрованное въ казну имущество*».

Въ Швеціи, прошенія о помилованіи подаются осужденными верховному суду (Hogsta-Domstoien), но самое помилованіе можетъ послѣдовать со стороны короля не ранѣе, какъ по выслушаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта объ уважительности ходатайства просителя, причемъ помилованному лицу предоставляется—воспользоваться дарованною милостію или-же отбыть наказаніе, къ которому онъ приговоренъ.

Далѣе, въ той-же шведской конституціи [3]), упоминающей о чрезвычайномъ судѣ (Riks-Rätt), которому подсудны министры за злоупотребленія по должности,—сказано: ...... «Никто не имѣетъ права измѣнять своихъ постановленій. *Однако-же право помилованія осужденнаго (министра) принадлежитъ королю, но безъ права предоставленія ему прежней должности*».

Норвежская конституція, повторяющая, почти дословно, постановленія шведской, устанавливаетъ еще одно ограниченіе, относительно примѣненія помило-

---

[1]) Ст. 66 Нидерландской конституціи.
[2]) Ст. 25 Regewings-Formen.
[3]) Ст. 102.

ванія, которое можетъ послѣдовать, независимо мнѣнія Государственнаго Совѣта, лишь тогда, когда королю будетъ представлено и постановленіе верховнаго суда (Höieste-Rätt), по вопросу объ уважительности петиціи осужденнаго.

Наконецъ, по дѣламъ о преступленіяхъ министровъ, подсудныхъ «Rigs-Rätt»—король, на основаніи ст. 20 Законовъ основныхъ, можетъ только освобождать ихъ отъ смертной казни.

Въ Даніи, силою § 31 конституціи 5 Іюня 1849 года, королю предоставляется право амнистіи и помилованія *всякаго рода преступниковъ, за исключеніемъ министровъ, освобожденіе которыхъ отъ наказаній, къ коимъ они присуждены Ригсретомъ* [1]), можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія Фолькетинга (Folkething [2]).

Изъ остальной группы европейскихъ монархическо-конституціонныхъ державъ, условно признающихъ за верховною властью право на помилованіе и амнистію, мы приводимъ постановленія конституцій: *Испанской, Португальской, Бразильской, Греческой, Прусской, Баварской, Виртембергской* и *Французской.*

Параграфомъ 3, статьи 54, испанской конституціи, обнародованной въ 1845 году, король пользуется правомъ помилованія преступниковъ, но при осуществленіи этого права *обязанъ принимать въ соображеніе общіе дѣйствующіе законы.*

Кромѣ того, относительно преступленій по службѣ,—статьею 14 закона, изданнаго 22 Іюня 1864 г., постановлено, что: «тѣ изъ чиновниковъ, которые

---

[1]) Примѣчаніе: «Rigsret» представляетъ собою особый чрезвычайный судъ въ Даніи, организуемый ad hoc, т. е. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда необходимо обсудить неправильныя дѣйствія министровъ.

[2]) Folkething—вторая палата законодательнаго собранія въ Даніи, или нижняя палата («Folk»—народъ и «thing»—собраніе).

будутъ признаны виновными въ злоупотребленіи власти, *могутъ быть помилованы только тогда, когда Государственный Совѣтъ предварительно убѣдится въ своевременности такого монаршаго милосердія»*.

Слѣдовательно, право помилованія и амнистіи, какъ прерогативы королевской власти, ограничено испанскою конституціею, какъ общими, такъ и спеціальными законами.

Согласно королевскому указу 16 Апрѣля 1736 г., всѣ ходатайства о помилованіи вѣдаются, въ Испаніи, «*министерствомъ помилованія и правосудія*».

Если осужденный находится на свободѣ, то прошеніе должно быть послано имъ на имя короля чрезъ то судебное мѣсто, которое постановило обвинительный приговоръ; буде-же проситель содержится въ тюрьмѣ, то чрезъ директора тюрьмы, который, въ свою очередь, препровождаетъ прошеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, а сей послѣдній сообщаетъ его министру помилованія и правосудія.

По обвиненіямъ въ убійствѣ, осужденные обязаны непремѣнно представлять при своемъ прошеніи о помилованіи также и формальный актъ [1]), въ которомъ-бы родственники убитаго, имѣющіе одинаковое право съ представителемъ публичной власти на преслѣдованіе убійцы, изъявляли согласіе на его помилованіе.

По поступленіи прошенія, министръ помилованія и правосудія сносится немедленно съ судомъ, постановившимъ приговоръ, требуя не только все производство по дѣлу, но и мнѣніе суда объ уважительности ходатайства просителя [2]).

---

[1]) Ст. 42., книги XII Испанской конституціи.

[2]) Примѣчаніе: Согласно сохранившемуся до сихъ поръ старинному испанскому обычаю, на страстной недѣлѣ, министръ юстиціи подноситъ королю или королевѣ, въ церкви, всѣ приговоры къ смертной казни. Приговоры эти ле-

Переходя къ изложенію постановленій португальской конституціи по вопросамъ о помилованіи и амнистіи, считаемъ не лишнимъ привести, въ извлеченіи, тѣ весьма интересныя общія соображенія, которыя послужили основаніями для этихъ постановленій и помѣщены въ новомъ, нынѣ дѣйствующемъ, въ Португаліи, уложеніи о наказаніяхъ.

Авторомъ упомянутаго уложенія былъ извѣстный въ Португаліи юристъ Леви Марія Жордао (Lévy Maria Jordao), который въ § 1, главы XIII уложенія, посвященномъ праву помилованія, отмѣчаетъ весьма важное, по его словамъ, нововведеніе относительно условій, устанавливаемыхъ португальскимъ уголовнымъ кодексомъ, для примѣненія сего права, а именно: «чтобы оно даровывалось осужденному только тогда, когда онъ докажетъ свое исправленіе, а въ случаѣ рецидива, отбудетъ, предварительно, $^{2}/_{3}$ наказанія, къ которому приговоренъ».

«Въ этомъ ограниченіи, говорится въ проектѣ уложенія, и заключается то высокое нравственное основаніе, которое отсутствуетъ въ другихъ иностранныхъ законодательствахъ и, на принятіи котораго, такъ энергически настаивалъ Боневиль (Bonneville), въ своемъ извѣстномъ сочиненіи (Traité des constitutions politiques—стр. 114 и 161),—ограниченіе, безъ котораго невозможно соглашеніе милосердія со справедливостью».

И потому, коммисія, по составленію уложенія,

жать на серебрянномъ подносѣ, который держитъ въ рукахъ министръ. Король или королева протягиваютъ надъ подносомъ руки и говорятъ: «Да проститъ имъ Господь, такъ какъ я имъ прощаю!» Лишь только слова эти будутъ произнесены, министръ тотчасъ замѣняетъ черныя ленты, которыми перевязаны документы приговоренныхъ къ смерти, бѣлыми лентами и, приговоренные считаются помилованными.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1894 года, церемонія эта повторилась въ Мадридѣ; королева-регентша помиловала 11 осужденныхъ, которые ожидали казни.

поспѣшила обусловить примѣненіе права помилованія не только двумя означенными ограниченіями, но также и фактомъ предварительнаго удовлетворенія, со стороны осужденнаго просителя,—ущерба, нанесеннаго третьимъ лицамъ, или же представленія вѣрнаго обезпеченія и поручительства въ томъ, что онъ возмѣститъ эти убытки въ будущемъ.

Послѣднее условіе, хотя и въ иной формѣ, замѣчаетъ составитель уложенія, существовало еще въ старомъ португальскомъ законодательствѣ, какъ это видно изъ указа 7 Ноября 1611 года, на основаніи котораго взыскивалось за помилованія, оказанныя разнымъ лицамъ верховнымъ судомъ, ежегодно до 200.000 рей, въ пользу госпиталя Св. Антонія въ Мадридѣ.

Наконецъ, если обратиться къ далекому прошлому, то можно встрѣтиться съ подобнымъ условіемъ даже въ XVI вѣкѣ, доказательствомъ чему служитъ помилованіе, оказанное въ 1553 году королемъ донъ-Жуаномъ III (don Juan III), знаменитому португальскому поэту Камоенсу (Louis de Camoens), который ранилъ нѣкоего Гонзаго-Боргеса и былъ освобожденъ отъ наказанія, подъ условіемъ уплаты 4.000 рей на дѣла благотворительности [1]).

Всѣ эти ограниченія, по мнѣнію составителей португальскаго уложенія, нисколько не умаляютъ значенія самого права, ни въ абсолютно-монархическихъ, ни въ конституціонно-монархическихъ государствахъ.

---

[1]) **Примѣчаніе:** Мы предполагаемъ, что подобный видъ искупленія преступникомъ своей вины, путемъ благотворительности, заимствованъ Португаліею отъ мавровъ, покорившихъ ее въ VIII вѣкѣ, такъ какъ по ученію Алькорана, которое будетъ приведено ниже, этотъ видъ экспіаціи преступленія былъ уже извѣстенъ мусульманамъ и является обыкновенно дополнительнымъ наказаніемъ, которому подвергаетъ себя, добровольно, каждый масульманинъ-преступникъ, съ цѣлью заручиться прощеніемъ неба.

Самыя-же постановленія португальской конституціи объ амнистіи и помилованіи гласятъ: «что амнистія, даруемая верховною властью, останавливаетъ начало и продолженіе всякаго уголовнаго производства, а также отмѣняетъ наказаніе, со всѣми его послѣдствіями, къ которому приговорены виновные, *за исключеніемъ ограниченій, съ точностью означенныхъ въ самомъ актѣ амнистіи»* [1]).

«Актъ амнистіи [2]) долженъ быть составленъ въ ясномъ и опредѣленномъ смыслѣ, дабы не могъ допускать никакой интерпретаціи. Въ случаѣ какого либо сомнѣнія въ истинномъ смыслѣ акта амнистіи, право интерпретаціи принадлежитъ исключительно судебной власти, уполномоченной на примѣненіе амнистіи».

Относительно-же юридическихъ послѣдствій простой аболиціи или помилованія, конституціоннымъ актомъ постановлено: «помилованіе, оказанное осужденному, прекращаетъ всякое наказаніе, но при этомъ не служитъ ему препятствіемъ къ возбужденію ходатайства о пересмотрѣ судебнаго приговора въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ. Помилованіемъ осужденный не освобождается отъ обязанности удовлетворить третьихъ лицъ за ущербъ или убытки, причиненныя преступленіемъ» [3]).

«Помилованіе можетъ состояться лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если осужденный доказалъ дѣйствительное свое нравственное исправленіе, 2) если свѣдѣнія о его личности и поведеніи, доставленныя администраціею мѣста заключенія и государственнымъ прокуроромъ, окажутся вполнѣ благо-

---

[1]) Ст. 161, Отдѣлъ II. Португальской конституціи.
[2]) Ст. 162—тамъ-же.
[3]) Ст. 163—тамъ-же.

пріятными, 3) если онъ обязался вознаградить потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ и представилъ съ этою цѣлью вѣрное обезпеченіе или поручительство и наконецъ, 4) если онъ рецидивистъ, то предварительно отбылъ $^2/_3$ или 12 лѣтъ тюремнаго заключенія или первоклассной ссылки».

«Упомянутыя условія помилованія не примѣнимы къ обвиняемымъ въ преступленіяхъ чисто политическаго характера или же въ проступкахъ. По отношенію къ симъ послѣднимъ совершенное помилованіе осужденнаго или же смягченіе и уменьшеніе наказанія, къ которому онъ приговоренъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, можетъ быть примѣнено, подъ условіемъ уплаты мѣстному, по совершенію проступка, благотворительному учрежденію, извѣстной суммы, назначенной королевскимъ указомъ» [1]).

«Помилованіе не считается дѣйствительнымъ, если оно будетъ даровано въ нарушеніе вышеприведенныхъ условій, и если осужденный, котораго оно касается, при своей имущественной состоятельности, не исполнитъ лежащей на немъ обязанности уплаты, какъ убытковъ, нанесенныхъ третьимъ лицамъ, такъ равно и судебныхъ издержекъ, или же не представитъ надлежащаго по сему предмету обезпеченія» [2]).

«Смягченіе или уменьшеніе наказанія осужденному всегда бываетъ условнымъ и тотъ изъ помилованныхъ, который не будетъ продолжать вести себя хорошо, лишается всего или части дарованнаго ему смягченія или уменьшенія наказанія» [3]).

«О всякаго рода милостяхъ, въ видѣ смягченія или уменьшенія наказанія, оказаннаго королевскою властью, послѣ утвержденія ихъ королевскимъ су-

---

[1]) Ст. 164, Отдѣлъ II, португальской конституціи.
[2]) Ст. 165—тамъ-же.
[3]) Ст. 166—тамъ-же.

домъ, сообщается въ мѣста заключенія осужденныхъ» [1]).

Бразильскою конституціею [2]) императору предоставлено не только право совершеннаго помилованія осужденныхъ, или смягченія и уменьшенія наказаній, назначенныхъ имъ судебными приговорами, но также и право амнистіи въ важнѣйшихъ случаяхъ, «*когда того требуютъ одновременно человѣколюбіе и благо государства*».

Въ тѣхъ же предѣлахъ пользуется правомъ помилованія и королевская власть въ Греціи [3]). Относительно амнистіи, примѣненіе ея предоставлено королю только къ преступленіямъ политическимъ и подъ отвѣтственностію министерства.

Прусскою конституціею [4]) за верховною властью признано право смягченія наказанія (Strafmilderung) и помилованія (Begnadigung).

О правѣ же амнистіи говорится косвенно, что «по отношенію къ лицамъ, противъ которыхъ возбуждено предварительное слѣдствіе, вопросы *о помилованіи или амнистіи подлежатъ обсужденію и разрѣшенію исключительно въ законодательномъ порядкѣ*» [5]), т. е. силою отдѣльнаго, спеціально изданнаго закона.

Такое постановленіе закона даетъ возможность предположить, что прусскою конституціею не отрицается право верховной власти на амнистію, но примѣненіе ея ограничено предѣлами уже состоявшагося привлеченія извѣстныхъ лицъ къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемыхъ, и производства самого суда надъ ними, до постановленія приговора включительно.

---

[1]) Ст. 167—тамъ-же.

[2]) §§ 8 и 9, статьи 100 Бразильской конституціи.

[3]) Ст. 39 Конституціи 28 Ноября 1864 г.

[4]) Ст. 49 Прусской конституціи.

[5]) Ст. 49, Отдѣлъ III.

А по сему, въ этихъ именно предѣлахъ примѣненіе права амнистіи со стороны верховной власти становится невозможнымъ, но, до начала слѣдствія и послѣ окончательнаго судебнаго приговора, оно составляетъ уже прерогативу королевской власти и имѣетъ весьма важное политическое значеніе, такъ какъ верховная власть вправѣ, послѣ всякихъ смутъ и политическихъ переворотовъ, когда слѣдственныя дѣйствія суда и администраціи могутъ поддерживать возбужденное состояніе страны,—объявить о преданіи забвенію всѣхъ дѣлъ, связанныхъ съ означенною смутою.

Весьма сходными съ постановленіями прусской конституціи, о правахъ королевской власти на помилованіе и амнистію, оказываются дѣйствующія по сему предмету правила Баварской и Виртембергской конституцій, изъ которыхъ въ первой [1]) упоминается, что: «королю въ дѣлахъ уголовныхъ принадлежитъ право помилованія, т. е. право отмѣны или же смягченія наказанія, *но король отнюдь не имѣетъ права пріостанавливать ни слѣдствія, ни хода судебнаго процесса*».

До изданія закона 6 Іюля 1861 года, вопросъ о правѣ баварскаго короля на возстановленіе честнаго имени осужденнаго, считался, въ нѣкоторой степени, спорнымъ,—обстоятельство, которое и вызвало необходимость подтвержденія и регламентаціи этого права путемъ законодательнымъ.

Вслѣдствіе сего, закономъ 6 Іюля постановлено: 1) что возстановленіе осужденнаго въ его гражданскихъ или политическихъ правахъ, утраченныхъ имъ по суду, за какіе либо преступленія или проступки, можетъ послѣдовать, въ путяхъ монаршаго милосер-

---

[1]) Глава VIII Баварской конституціи 26 Мая 1818 года.

дія, 2) что со дня обнародованія высочайшаго повелѣнія о помиловании, осужденный вступаетъ во всѣ права, которыхъ онъ былъ лишенъ судебнымъ приговоромъ, если только не будетъ какихъ либо ограниченій въ самомъ актѣ о помиловании, 3) что съ высочайшимъ указомъ о возстановленіи честнаго имени,—отнюдь не связано ни право требованія съ осужденнаго и взысканія съ него всякаго рода убытковъ и налоговъ, ни возвращеніе ему прежнихъ должностей, чиновъ и знаковъ отличій, а также какихъ либо привиллегій, утраченныхъ по суду, ни, наконецъ, права на стоимость конфискованныхъ у него вещей, какъ вещественныхъ доказательствъ совершеннаго имъ преступленія и т. д. и 4) что прошенія о возстановленіи честнаго имени, отвергнутыя королемъ, могутъ быть возобновляемы, но не ранѣе, какъ по истеченіи 3-хъ лѣтъ со дня отказа въ милосердіи.

Виртембергская конституція установляя [1]: а) что «судебные приговоры по дѣламъ уголовнымъ не нуждаются въ утвержденіи короля для приведенія ихъ въ исполненіе», и б) что «государь пользуется правомъ помилованія, причемъ можетъ проявить это право въ смыслѣ совершенной отмѣны судебнаго приговора и всякаго наказанія или только смягченія и уменьшенія сего послѣдняго, но не иначе, какъ согласно представленію о семъ суда, постановившаго приговоръ»—въ то же время присовокупляетъ, *«что государь равнымъ образомъ пользуется и такого рода правомъ помилованія,* которымъ, вслѣдствіе представленія министра юстиціи, онъ можетъ предупредить и воспретить возбужденіе всякаго уголовнаго преслѣдованія или же пріостановить уже возбужденное,

---

[1]) Ст. 96 и 97 Виртембергской конституціи.

подъ условіемъ, однакоже, заботы государя о томъ, чтобы подобное помилованіе не поколебало въ странѣ силы и уваженія къ дѣйствующему уголовному законодательству.

На основаніи французской конституціи, 28 Февраля 1875 года [1]), президентъ республики пользуется неограниченнымъ правомъ помилованія, но всѣ исходящіе отъ него, по сему предмету, акты должны быть непремѣнно скрѣплены однимъ изъ министровъ: юстиціи, военнымъ или же морскимъ, сообразно съ тѣмъ, постановленъ ли приговоръ гражданскими, военными или морскими судебными учрежденіями.

Такое ограниченіе права помилованія, предоставленнаго президенту республики, имѣетъ цѣлью, въ виду отвѣтственности министровъ предъ Палатами, предупредить акты милосердія, которые могутъ быть враждебно встрѣчены общественнымъ мнѣніемъ.

Что же касается до существующаго во французской республикѣ порядка возбужденія и разсмотрѣнія ходатайствъ о помилованіи, слѣдуетъ замѣтить, что представленія о лицахъ, осужденныхъ, прибѣгающихъ къ милосердію, дѣлаются обыкновенно президенту, каждымъ изъ министровъ по своему вѣдомству.

Спеціальнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ представленіями министровъ президенту о помилованіи или о смягченіи и уменьшеніи наказаній осужденнымъ, является особая канцелярія министерства юстиціи, начальникомъ которой состоитъ директоръ по дѣламъ уголовнымъ и о помилованіяхъ.

Составленіе прошеній о помилованіи не обуслов-

---

[1]) Статья 3,—«Traité du Droit de Grace sous la Rèpublique» par Gouraincourt 1881. (p. 61).

ливается никакими формальностями, и можетъ быть написано на простой бумагѣ, адресовано на имя президента, или на имя министра юстиціи, самимъ осужденнымъ, его родственниками, друзьями и даже посторонними лицами, интересующимися его участью.

По поступленіи прошенія въ особую канцелярію министерства юстиціи, по дѣламъ о помилованіяхъ,— канцелярія требуетъ немедленно необходимыя справки отъ генералъ-прокурора того апелляціоннаго суда, въ округѣ котораго послѣдовалъ приговоръ, съ приказаніемъ, впредь, до разрѣшенія ходатайства просителя, пріостановиться: взысканіемъ денежнаго штрафа, если проситель былъ къ нему присужденъ, или заключеніемъ его въ тюрьму, если онъ приговоренъ къ этому наказанію на срокъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ.

Равнымъ образомъ, если проситель присужденъ къ каторжнымъ работамъ, на срокъ не свыше 5-ти лѣтъ, то канцелярія предписываетъ пріостановиться ссылкою, впредь, до разрѣшенія поданнаго имъ прошенія и съ этою цѣлью сносится съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который обязанъ, съ своей стороны, сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія къ пріостановкѣ высылки осужденнаго.

Буде-же проситель присужденъ къ каторжнымъ работамъ, на срокъ свыше 5-ти лѣтъ, то канцелярія пріостанавливаетъ ссылку только въ исключительныхъ случаяхъ, когда ходатайство осужденнаго несомнѣнно подлежитъ удовлетворенію.

Свѣдѣнія, какія, обыкновенно, требуются канцеляріею отъ генералъ-прокурора апелляціоннаго суда [1]), по содержанію прошенія осужденнаго, для доклада

---

[1]) Gouraincourt: «Traité du Droit de Grâce, sous la République»— 1881, p. 65.

ихъ государственному канцлеру, должны заключать въ себѣ: имя, фамилію, время и мѣсто рожденія просителя; его занятія; мѣстожительство; судебное учрежденіе, постановившее приговоръ; время и мотивы окончательнаго судебнаго приговора; наказаніе, къ которому онъ присужденъ и на основаніи какихъ законовъ; срокъ предварительнаго его заключенія; когда и въ какомъ мѣстѣ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе; поведеніе осужденнаго послѣ приведенія приговора въ исполненіе; уплаченный имъ денежный штрафъ, а также и всѣ присужденные потерпѣвшимъ лицамъ убытки и вознагражденія; имущественное состояніе осужденнаго и его семьи; поведеніе осужденнаго до совершенія преступленія; степень его нравственнаго развитія; обстоятельства, предшествовавшія преступленію; факты, которые послужили основаніемъ къ обвиненію, и, наконецъ, личное мнѣніе генералъ-прокурора.

По полученіи и разсмотрѣніи всѣхъ упомянутыхъ свѣдѣній, если канцелярія признаетъ ихъ недостаточными для правильнаго разрѣшенія ходатайства просителя, то требуетъ доставки всего судебнаго производства объ осужденномъ.

На основаніи добытыхъ, такимъ образомъ, объ осужденномъ данныхъ, для полученія которыхъ въ распоряженіе канцеляріи предоставлены всѣ средства,—составляется докладъ объ основаніяхъ къ удовлетворенію или къ отказу въ ходатайствѣ просителя, подлежащій, затѣмъ, просмотру министра юстиціи и представленію президенту республики.

Если проситель былъ осужденъ военнымъ или морскимъ судомъ, то, до представленія президенту доклада о его помилованіи со стороны военнаго или морскаго министровъ, докладъ этотъ подлежитъ предварительному разсмотрѣнію министра юстиціи,

который, согласно указу 10 Іюля 1852 года, обязанъ высказать свое личное мнѣніе по поводу ходатайства осужденнаго и сдѣланнаго о помилованіи его представленія военнаго или морскаго министровъ, которые съ этою цѣлью препровождаютъ въ канцелярію министерства юстиціи, по дѣламъ уголовнымъ и о помилованіяхъ, все производство объ осужденномъ, а канцелярія, разсмотрѣвъ производство, возвращаетъ его подлежащему министру, вмѣстѣ съ мнѣніемъ министра юстиціи.

Указы президента о помилованіяхъ или объ отказѣ въ таковыхъ, скрѣпленные министрами, обязательно сообщаются, согласно общему министерскому циркуляру 8 Февраля 1880 года, какъ предсѣдателямъ подлежащихъ апелляціонныхъ судовъ, такъ и министрамъ, по докладамъ которыхъ послѣдовало удовлетвореніе или отказъ въ ходатайствѣ осужденнаго [1]).

Постановленіями о правѣ помилованія и амнистіи французской республики, мы заканчиваемъ группу тѣхъ конституціонно-монархическихъ государствъ, которыя признаютъ упомянутыя права за верховною властью въ болѣе или менѣе ограниченномъ видѣ[2]).

Австро-Венгерская конституція являетъ собою въ этомъ отношеніи исключеніе, такъ какъ «*Императору предоставляется неограниченное право, какъ помилованія, такъ и право амнистіи*».

Порядокъ пріема, обсужденія и разрѣшенія прошеній о помилованіи, установленный австрійскими дѣйствующими законами, слѣдующій.

---

[1]) Ст. 13 закона 21 Декабря 1867 года.

[2]) Примѣчаніе. Для болѣе подробнаго ознакомленія съ порядкомъ производства и разрѣшенія ходатайствъ о помилованіи во Франціи, мы рекомендуемъ весьма обстоятельный по сему предмету трактатъ доктора правъ G. Breuillac: «Des recours en Grâce.—Resumé pratique des instructions ministerielles concernant cette matière». Paris 1885.

Лица, желающія прибѣгнуть къ императорскому милосердію [1]), послѣ того, какъ начали уже отбывать наказанія, къ которымъ присуждены,—обязаны заявить о семъ письменно или словесно [2]) директору тюрьмы, въ которой содержатся. Директоръ тюрьмы, по принятіи прошенія, немедленно препровождаетъ его, при своемъ отзывѣ о поведеніи заключеннаго въ императорскій судъ, а сей послѣдній, въ случаѣ признанія ходатайства просителя заслуживающимъ уваженія, передаетъ прошеніе въ верховный судъ.

Верховный судъ, не стѣсняясь мнѣніемъ императорскаго суда, можетъ отклонить ходатайство просителя даже и не докладывая его Императору.

Подачею прошеній о помилованіи не останавливается приведеніе судебнаго приговора въ исполненіе, за исключеніемъ случая, когда таковое ходатайство возбуждено до момента примѣненія самого наказанія и при томъ основано на фактахъ, послѣдовавшихъ за осужденіемъ [3]).

По отношенію къ осужденнымъ на смертную казнь, постановлено, что «судъ по объявленіи приговора, коимъ обвиняемый присуждается къ лишенію жизни, обязанъ немедленно приступить, съ участіемъ государственнаго прокурора, къ обсужденію вопроса, не заслуживаетъ ли осужденный помилованія и, по разрѣшеніи его въ удовлетворительномъ смыслѣ, высказать свое мнѣніе о томъ наказаніи, какимъ можетъ быть замѣнена смертная казнь [4])».

---

[1]) Ст. 330 закона 21 Декабря 1867 года.

[2]) Примѣчаніе: Словеснымъ прошеніямъ о помилованіи обязательно составляется протоколъ.

[3]) Ст. 430 закона 21 Декабря 1867 года.

[4]) Ст. 293, тамъ-же.

Состоявшееся, въ этомъ смыслѣ, судебное опредѣленіе сообщается судомъ, въ формѣ представленія, верховному суду, вмѣстѣ съ прошеніемъ осужденнаго, если таковое подано.

Верховный судъ, съ участіемъ государственнаго прокурора, обсуждаетъ представленіе суда и затѣмъ вноситъ окончательное постановленіе чрезъ министерство юстиціи на усмотрѣніе Императора.

Переходя къ законоположеніямъ о правахъ суверенитета демократическихъ государствъ, какъ-то: Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ штатовъ и обращаясь къ первой изъ двухъ поименованныхъ державъ, слѣдуетъ замѣтить, что, въ виду 25 различныхъ законодательствъ, дѣйствующихъ въ Гельветической конфедераціи и подвергающихся весьма частымъ дополненіямъ и измѣненіямъ,—представляется, въ высшей степени, затруднительнымъ извлечь какое либо строго-регламентированное ученіе по вопросу о правахъ суверенитета.

Съ достовѣрностью можно отмѣтить одно только положеніе, что по общему принципу,—право помилованія въ Швейцаріи принадлежитъ Главному Совѣту каждаго отдѣльнаго кантона,—точнѣе выражаясь, законодательной власти, осуществляющей это право, при посредствѣ исполнительной власти, или же чрезъ департаментъ юстиціи.

Каждый совѣтъ кантона пользуется правомъ помилованія отдѣльно, а въ случаѣ какихъ либо пререканій между двумя кантонами, по вопросу о помилованіи, оба совѣта этихъ кантоновъ соединяются въ одинъ, подъ предсѣдательствомъ президента національнаго собранія, который и разрѣшаетъ спорный вопросъ большинствомъ голосовъ [1]).

---

[1]) Ст. 80. Швейцарской конституціи, дополненной въ 1874 году.

Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, президентъ пользуется правомъ отмѣны или уменьшенія наказанія, за преступленія противъ Соединенныхъ штатовъ [1]).

Право президента на совершенное помилованіе, или же на смягченіе участи осужденныхъ, обнимаетъ всѣ федеративныя преступленія, какъ простыя, такъ и квалифицированныя, и распространяется на всѣхъ преступниковъ гражданскаго или военнаго вѣдомствъ [2]).

Такимъ образомъ, упомянутое право президента ставитъ его единичную волю выше закона и суда и внѣ всякой отвѣтственности за свои дѣйствія, хотя, въ сущности, самое право помилованія, ограничивается сферою преступленій только федеративныхъ, то есть такихъ, которыми нарушается общее федеральное или конституціонное законодательство, или же акты и статуты, утвержденные президентомъ, такъ какъ въ политическомъ устройствѣ Соединенныхъ штатовъ, каждый изъ округовъ, входящихъ въ ихъ составъ, занимая извѣстное мѣсто въ конфедераціи, предоставилъ ей лишь нѣкоторыя полномочія, точно опредѣленныя въ конституціи, сохраняя, въ то же время, за собою право управленія, на основаніи собственныхъ законовъ.

Вслѣдствіе сего, и законодательство каждаго отдѣльнаго округа или штата удержало за своимъ правителемъ и право на помилованіе, ограниченное при этомъ, какъ приговорами мѣстныхъ судебныхъ учрежденій, такъ равно и областью тѣхъ федеративныхъ преступленій, подлежащихъ дѣйствію милосердія од-

---

[1]) Примѣчаніе: Исключеніе составляютъ обвинительные приговоры, произнесенные палатою депутатовъ.

[2]) Ст. 2, Отдѣлъ 2, § 1 конституціи.

ного только президента, о которыхъ упоминается въ конституціи [1]).

Такого рода права, предоставленныя, съ одной стороны исполнительной власти каждаго отдѣльнаго штата, а съ другой президенту штатовъ,—признаются независимыми для первой отъ федеральной власти, а для втораго отъ различныхъ мѣстныхъ властей.—

Порядокъ примѣненія права помилованія представителями исполнительной власти въ штатахъ устанавливается ихъ отдѣльными конституціями, но точное опредѣленіе объема означеннаго права, какимъ располагаетъ исполнительная власть въ штатахъ, оказывается невозможнымъ, вслѣдствіе постоянныхъ измѣненій и дополненій конституціи.

Такъ напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ, Массачусетсѣ и въ Виргиніи, власть исполнительная пользуется правомъ безусловнаго примѣненія помилованія, а въ штатѣ Коннектикута, законодательная власть, присвоившая себѣ право смягченія тягчайшихъ изъ наказаній, не можетъ его осуществить до утвержденія акта помилованія мѣстною исполнительною властью, въ лицѣ губернатора.

Въ заключеніе обзора современнаго положенія правъ суверенитета, въ государствахъ иностранныхъ, намъ остается еще коснуться нѣкоторыхъ, изъ наиболѣе выдающихся, государствъ востока, какъ то: Турціи и Персіи, въ которыхъ понятіе о власти, вмѣстѣ съ общею политическою идеею зародились и развились на почвѣ, подготовленной ученіемъ Корана или Алькорана.—

При томъ, несомнѣнно, громадномъ вліяніи, какое имѣло ученіе корана на семейную, общественную и политическую жизнь мусульманскихъ наро-

---

[1]) Ст. 2, Отдѣлъ 2, § 1 конституціи.

довъ, для которыхъ этотъ кодексъ служитъ до сихъ поръ настольною и справочною книгою по всѣмъ вопросамъ соціальнымъ, политическимъ и законодательнымъ,—было-бы упущеніемъ съ нашей стороны, изслѣдуя положеніе и права суверенитета въ Турціи и Персіи, не ознакомиться, въ то же время, хотя бы поверхностно, съ самимъ источникомъ этихъ правъ.

Основанный, съ одной стороны, на догматической части, заключающей въ себѣ ученіе великаго пророка Магомета, а съ другой на практической, или религіозно-обрядовой, заимствованной изъ откровенія Божьяго, коранъ является одновременно символомъ религіи и сборникомъ правилъ, опредѣляющихъ права и отношенія каждаго мусульманина къ ближнему, обществу и къ государству,—правила, неуклонное руководство которыми онъ считаетъ своею священною обязанностью.

Той политической цѣли, какую преслѣдовалъ Магометъ въ коранѣ [1]), въ дѣлѣ распространенія новой религіи, а также для утвержденія свѣтской власти,—вполнѣ соотвѣтствовало и созданное имъ ученіе, помѣщенное въ догматической части корана какъ-то: а) о предопредѣленіи, о безусловномъ повиновеніи судьбѣ и волѣ Всевышняго и всему, совершаемому Его именемъ; б) о взаимной связи и зависимости духовныхъ и гражданскихъ законовъ и, наконецъ, в) *о сосредоточеніи въ однѣхъ рукахъ духовной и свѣтской власти* [2]).

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ ученія корана, устанавливающаго вѣрованіе въ предопредѣленіе су-

---

[1]) Баронъ Николай Торнау: «Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія». СПБ. 1850 г.

[2]) Примѣчаніе: (Тамъ-же) Сообразно сущности приведеннаго, ученія Магомета и самое вѣрованіе получило названіе Ислама, означающее въ переводѣ, безусловное повиновеніе велѣніямъ Всевышняго.

дебъ міра и каждаго отдѣльнаго человѣка [1]), въ грѣхопаденіе по искушенію сатаны [2]) и, наконецъ, въ мздовоздаяніе и въ кару будущей жизни [3]), сложилось и самое міровоззрѣніе мусульманина на все существующее и совершающееся во внѣшнемъ мірѣ, начиная отъ человѣческаго бытія и, кончая болѣе сложными явленіями и фактами общественной и государственной жизни,—какъ на бытіе, явленіе и факты, созданные одною неизбѣжною и не предотвратимою волею Божьею, предъ которою остается безропотно преклониться.

Въ качествѣ кодекса мусульманскаго права (Имами-Азамъ), проникнутаго духомъ религіи, такъ какъ мусульмане считаютъ источникомъ законодательства Бога, Который для избраннаго Имъ народа открылъ путь къ блаженству,—коранъ, разработанный пророкомъ Магометомъ и обнимающій собою всѣ подробности общественной и частной жизни послѣдователей ислама, обѣщаетъ правовѣрнымъ, именемъ Бога и путемъ устанавливаемыхъ Имъ правъ и учрежденій, обезпечить счастіе и благосостояніе каждаго мусульманина, какъ на землѣ, такъ и въ будущей жизни.

Насколько означенное право, теоретически обоснованное, проникнуто началами гуманности и справедливости, доказательствами служатъ нѣкоторыя изъ его юридическихъ положеній, которыя встрѣчаются въ европейскихъ кодексахъ, лишь нѣсколько вѣковъ спустя, что и послужило поводомъ для ученыхъ къ ошибочному предположенію, будто мусульманское право заимствовано изъ права римскаго.

---

[1]) п. 4 корана, тамъ-же.
[2]) п. 6 корана, тамъ-же.
[3]) п. 8 корана, тамъ-же.

Такъ, напримѣръ, въ силу основного мусульманскаго процессуальнаго правила, по которому *въ дѣйствіяхъ мусульманъ всегда предполагается добросовѣстность и правота* [1]), Магометъ, съ цѣлью предупрежденія легкомысленныхъ и несправедливыхъ судебныхъ приговоровъ, возвелъ въ догматъ для судей *принципъ строгаго воздержанія отъ всякаго осужденія и наказанія обвиняемыхъ, въ случаяхъ сомнительныхъ* [2]). При сознаніи, что жестокость наказаній деморализуетъ общество, онъ ограничиваетъ ихъ примѣненіе, даже къ преступленіямъ вполнѣ доказаннымъ, требуя отъ судей, независимо факта преступленія, непремѣннаго раскрытія поводовъ его совершенія (ніа), а равно обстоятельствъ, уменьшающихъ вину преступника, ссылаясь, въ подкрѣпленіе этого своего требованія, на слово Божіе, предписывающее людямъ «судить о фактахъ по ихъ поводамъ и цѣли» [3]).

Что-же касается до ученія Магомета о государствѣ и о правахъ верховной власти, то мы встрѣчаемъ слѣдующія, по сему предмету, постановленія: «1) Государство и власть, говорится въ коранѣ, принадлежатъ Султану. Безъ власти Государя не могутъ существовать ни наказаніе за несправедливость, ни истребленіе и искорененіе ея, ни вознагражденіе заслугъ,—по симъ причинамъ, власть его необходима для всей страны; 2) всѣ повелѣнія Государя, хотя-бы они были, по мнѣнію частныхъ лицъ, и несправедливы, должны быть исполняемы мусульманами безпрекословно, но, принужденный къ таковымъ незаконнымъ дѣйствіямъ мусульманинъ, не отвѣчаетъ

---

[1]) Тамъ-же стр. 117.

[2]) Savvas-Pacha: «Etude sur la théorie du Droit Musulman»—1893

[3]) Тамъ-же.

за нихъ и они не считаются для него грѣховными, развѣ только прольетъ невинную кровь правовѣрнаго-же, и, наконецъ, 3) всѣ назначенія, дѣлаемыя Государемъ, должны быть приняты и исполнены, а поставленнымъ отъ него лицамъ должно повиноваться» [1]).

Отсюда ясно, что ученіемъ корана строго предписывается послѣдователямъ ислама не только благоговѣйное и безпрекословное повиновеніе верховной власти и назначеннымъ отъ нея лицамъ, облеченное, при этомъ, въ случаѣ его нарушенія, въ форму тяжкаго преступленія и грѣха, но даже воспрещается всякое сужденіе о правильности ея дѣйствій.

При такихъ условіяхъ и при такомъ отношеніи народа къ верховной власти, само собою разумѣется, что не можетъ быть и рѣчи о необходимости какой либо регламентаціи правъ суверенитета, существующихъ силою правила, освященнаго кораномъ.

Вотъ, почему мы не встрѣчаемъ въ Персіи никакихъ спеціальныхъ законоположеній, трактующихъ о правахъ шаха на помилованіе, которыми онъ пользуется абсолютно.

Что-же касается Турціи, то хотя въ турецкомъ уложеніи о наказаніяхъ и существуетъ статья 47, въ которой сказано, что: «исключительной власти Его Величества Султана предоставляется право замѣны смертной казни каторжными работами,—каторжныхъ работъ вѣчнымъ тюремнымъ заключеніемъ,—вѣчнаго тюремнаго заключенія вѣчною ссылкою, и наконецъ временнаго тюремнаго заключенія временною ссылкою, но законъ этотъ, какъ не имѣющій ничего общаго и никакой органической связи, ни съ народ-

---

[1]) Баронъ Николай Торнау: Тамъ-же, стр. 382.

нымъ воззрѣніемъ на верховную власть, ни съ условіями турецкаго государственнаго строя, —оказывается, очевидно, не болѣе какъ вводнымъ предложеніемъ въ законодательномъ кодексѣ страны.

Неумѣстность-же подобнаго закона, въ смыслѣ правила, претендующаго на опредѣленіе извѣстнаго цикла государственныхъ правъ султана, явствуетъ изъ выясненнаго уже нами понятія мусульманскихъ народовъ о власти вообще, а несостоятельность его, какъ закона о правахъ суверенитета въ судебной сферѣ, по дѣламъ уголовнымъ, будетъ безспорною, если принять въ соображеніе, что осужденный мусульманинъ почти никогда не прибѣгаетъ къ милосердію падишаха, для смягченія своей участи, такъ какъ при фанатическомъ отношеніи мусульманъ ко всему совершающемуся съ ними, или-же ими совершаемому, а также при теократическомъ воззрѣніи на всякое преступленіе, какъ на грѣхопаденіе, по искушенію сатаны,—искупленіе котораго, предъ Богомъ, по ученію корана, возможно только принятіемъ заслуженной кары,—каждый мусульманинъ охотнѣе предпочитаетъ наказаніе, не смотря на всю его жестокость, милосердію султана, добровольно подвергая себя, независимо законнаго наказанія, съ цѣлью заручиться прощеніемъ Неба,—еще дополнительнымъ экспіаціямъ, для искупленія своей вины (кефара), въ видѣ: постоянной молитвы (беденіѐ), денежнаго вознагражденія пострадавшимъ отъ преступленія (кефарати-накдіѐ) и благотворительныхъ дѣлъ (фида), состоящихъ въ снабженіи нищихъ одеждой и пищей и въ раздачѣ милостыни [1]).

---

[1]) Savvas-Pacha: «Etude sur la théorie du Droit Musulman»—1893.

ГЛАВА IX.

«Das Begnadigungsrecht, mag von der «Philosophie nicht von dem positiven «Recht bezweifelt werden, weil dasselbe «in allen Staaten dem Oberherrn verfas- «sungsmässig zu komme».
«Feuerbach».

Взглядъ политическихъ мыслителей, публицистовъ и криминалистовъ на право помилованія, съ точекъ зрѣнія его законности, необходимости и утилитарности.

Приводя различныя теоріи государственнаго устройства, преподанныя міру политическими мыслителями XVI, XVII, XVIII и начала XIX столѣтій [1],— мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, старались, по возможности, оттѣнить и взгляды этихъ мыслителей на законность и необходимость права помилованія, въ которыхъ обнаруживается безусловное признаніе помилованія не только актомъ, уравновѣшивающимъ несовершенство человѣческихъ законовъ и человѣческаго правосудія, съ идеей высшей правды и справедливости, но въ то-же время и однимъ изъ главныхъ двигателей пенитенціарной системы къ лучшимъ ея реформамъ.

Между тѣмъ, располагая сильными и многочисленными защитниками, среди политическихъ философовъ, публицистовъ и юристовъ,—право помилова-

[1]) Глава VII.

нія, въ особенности въ XVIII вѣкѣ, имѣло и нынѣ имѣетъ своихъ противниковъ, доказывающихъ или полнѣйшую несостоятельность и вредъ самого права съ точекъ зрѣнія дѣйствующаго законодателства и общественныхъ интересовъ, или-же необходимость, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, ограниченія сферы примѣненія подобнаго права крайне узкими предѣлами. Громкія имена публицистовъ и криминалистовъ, принадлежащихъ къ лагерю болѣе или менѣе враждебному упомянутой прерогативѣ суверенитета, каковы: Филанджіери, Барбейра (Barbeirac), Беккарія, Бриссо де Варвиль (Brissot de Warville), Бентамъ, Баву (Bavoux), Бурньонъ де Леръ (Bourgnon de Laire) и Левингстонъ—свидѣтельствуютъ уже о тѣхъ научныхъ силахъ, съ которыми приходится считаться по вопросу о законности и необходимости упомянутаго права державности [1]—[6]).

Право помилованія, говорятъ: Филанджіери, Беккаріа, Бриссо де Варвиль и Бентамъ, «могло быть однимъ изъ благодѣтельныхъ и охранительныхъ актовъ, только въ эпоху, когда законодательство отличалось своею чрезмѣрною суровостью и неумолимостью, и когда правосудіе не представляло никакихъ гарантій для обвиняемыхъ. При такихъ условіяхъ, необходимость предоставленія верховной власти права помилованія, или, выражаясь точнѣе, права посредничества между неправосудіемъ и осужденными, находила еще себѣ полнѣйшее оправданіе. Но теперь, когда положительное законодательство отвра-

---

[1]) Filangiers: La Scienza della legislatione», 1874.
[2]) Cesar Beccaria: «Dei delitti e delle pene», Milano, 1754.
[3]) Bentham: «Theorie des peines».
[4]) Bavoux: «Leçons sur le code-pénal».
[5] Bourgnon de Laire: «Essoi sur le code pénal».
[6]) Levingston: «A sustem of penal law; introductory title» p. 359.

тилось отъ системы суровыхъ наказаній, когда оно прониклось гуманными отношеніями къ преступленіямъ и къ преступникамъ, когда оно предоставляетъ и коронnымъ судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ власть не только смягченія, но даже освобожденія виновныхъ отъ всякаго наказанія,—помилованіе становится нарушеніемъ закона, несправедливымъ насиліемъ надъ фактомъ, уже признаннымъ, и явнымъ злоупотребленіемъ священными правами правосудія».

«Если нарушеніе несправедливаго закона, продолжаютъ противники, можно считать добродѣтелью, то, съ другой стороны, обходъ закона, отличающагося своею гуманностью и справедливостью, слѣдуетъ назвать злоупотребленіемъ власти. Одно изъ двухъ, если законъ несправедливъ, тогда онъ требуетъ отмѣны, если-же онъ справедливъ, то нарушеніе его путемъ милосердія дѣлается актомъ неправосудія по отношенію къ гражданамъ и къ обществу».

«Вообще, замѣчаетъ Беккарія, когда присужденіе къ извѣстному наказанію послѣдовало при условіяхъ полнѣйшей справедливости и гуманности, то спрашивается: какою же другою справедливостью и гуманностью можетъ быть отмѣнено подобное наказаніе, если принять въ соображеніе, что справедливость и гуманность не могутъ находиться во взаимномъ противорѣчіи. И потому, коль скоро законы установлены для безопасности гражданъ, для устрашенія злодѣевъ и для защиты невинности, то остается признать, что настоящая цѣль помилованія заключается въ томъ, чтобы подавить законъ или заставить его молчать, ради покровительства виновному».

«Наконецъ, продолжаетъ онъ, въ какомъ положеніи окажется общественная безопасность, когда помилованіемъ преступниковъ, государь создаетъ на-

дежду на безнаказанность, поучая гражданъ, что преступленія ими совершенныя могутъ быть прощены, не говоря уже о томъ, что самые судебные приговоры лишаются силы и значенія актовъ правосудія?!...» [1]).

Таковъ общій сводъ доводовъ и соображеній противниковъ права помилованія, къ числу которыхъ слѣдуетъ также отнести и послѣдователей, недавно появившейся въ Италіи (1878—1884 г.), школы антропологовъ-позитивистовъ.

Отсылая читателя къ прекрасной критической статьѣ В. Д. Спасовича: «Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права», для болѣе подробнаго ознакомленія съ основаніями и сущностью ученія названной школы, установившей новый фазисъ въ наукѣ уголовнаго права и провозгласившей абсолютную несостоятельность прежней классической криминологіи съ ея воздаятельною и исправительною системами, которыя должны быть, по мнѣнію представителей этой школы, замѣнены системою искорененія, съ единственною цѣлью охраны общества и закона,—слѣдуетъ замѣтить, что упомянутое ученіе создано присоединеніемъ антропологомъ-позитивистомъ, мантуанцемъ Энрико Ферри къ уголовной антропологіи, медика-психіатра въ Туринѣ Чезаре Ломброзо,—цѣлаго ряда собранныхъ его послѣдо-

---

[1]) Примѣчаніе: Повтореніе мысли Беккарія мы встрѣчаемъ въ рѣчи лорда Brougham'a, произнесенной имъ въ Парижѣ въ засѣданіи академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ: «On croit par ce que la peine menace un être, qui pense, qui balance les raisons pour et contre, qu'en effrayant vous arrêterez l'homme, qui va commetre un crime.—Erreur! d'abord il se flatte de la chance de ne pas être poursuivi; s'il est poursuivi-d'echapper à la justice; et s'il est arrêté de se dérober au juge et la condamnation; s'il est condamné, d'être gracié».

(Krawel. Entwurf nebst Gründen eines Strafs-Gesetzbuchs—1862. Halle. S. 68).

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1891 г. т. V, Октябрь.

вателями статистическихъ изысканій и наблюденій, подтвердившихъ правильность той коренной идеи, какую проводитъ Ломброзо въ своей уголовной антропологіи, доказывая, что въ родѣ человѣческомъ слѣдуетъ безспорно признавать существованіе *прирожденныхъ преступниковъ* (delinquenti nati), такъ какъ человѣкъ-преступникъ представляется особымъ типомъ, отличающимся извѣстными характеристическими признаками, обнаруженными имъ, Ломброзо, въ тѣлосложеніи субъектовъ, а равно въ ихъ физическихъ и психическихъ отправленіяхъ.

Этой, именно, основной идеѣ уголовной антропологіи Ломброзо, представители школы антропологовъ-позитивистовъ Энрико Ферри и Гарофало придали правовое и философское значеніе, съ обращеніемъ, по замѣчанію г. Спасовича, самой науки криминологіи, смѣшанной изъ біологіи, зоологіи и антропологіи въ часть соціологіи, въ государственную науку, въ политику.

Отрицая въ человѣкѣ-преступникѣ свободную волю, а потому считая празднымъ всякій вопросъ о нравственной его отвѣтственности, антропологи-позитивисты, обращая, такимъ образомъ, уголовное право въ простую самооборону обществъ отъ преступниковъ,—признаютъ, вслѣдствіе сего, неумѣстными и вредными для общественной гигіены всякія сентиментальныя отношенія къ преступнику, и всякое къ нему состраданіе и милосердіе, силою которыхъ никакая власть, по мнѣнію ихъ, не имѣетъ права возвращать въ общество субъектовъ, однажды уже извергнутыхъ имъ изъ своей среды...

---

[1]) Ferry: «I nuovi orrizonti del diritto e della procedure penale»—1884.
[2]) Lombroso: «Uomo delinquente»—1878.

Вотъ почему профессоръ Неаполитанскаго университета Гарофало, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «La Criminalogie»[1],—энергически протестуетъ, прежде всего, противъ права правительственной власти на амнистію, т. е. на помилованіе цѣлой группы преступниковъ,—усматривая въ этомъ дѣйствіи правительства явное нарушеніе естественныхъ законовъ общественной организаціи, которую оно призвано защищать. Переходя, затѣмъ, къ разбору основаній упомянутаго акта милосердія, Гарофало заявляетъ, что, амнистируя цѣлый классъ преступниковъ *въ данный только моментъ* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, аболируя самое преступленіе,—правительство какъ-бы объявляетъ прощеннымъ: «*то, что было преступленіемъ вчера и будетъ завтра, лишается своего преступнаго характера единственно сегодня*».

Не говоря уже о всей странности такого рода милосердія, продолжаетъ Гарофало, оно, въ то-же время, уничтожаетъ цѣлое судебное производство и даже всѣ слѣды совершеннаго злодѣянія на столько, что никто изъ прощенныхъ, при совершеніи новаго преступленія, уже не можетъ быть признанъ рецидивистомъ.

Но совершенно иначе онъ относится къ простому или индивидуальному помилованію, когда оно касается при этомъ лишь наказанія преступника, и, хотя допускаетъ его со стороны главы государства, но ограничительно, въ смыслѣ пересмотра рѣшеннаго дѣла, принимая во вниманіе, что ревизія процесса, представляющая собою видъ новаго судебнаго производства, можетъ быть весьма справедливою и полезною, въ особенности по обвиненію въ тяж-

[1] R. Garofalo: «La Criminalogie, étude sur la nature du crime et la théorie de la pénalité». Paris. 1890.

кихъ преступленіяхъ, или же въ случаяхъ, когда наказаніе оказывается чрезвычайно жестокимъ. Иного помилованія Гарофало не допускаетъ, съ точки зрѣнія своей теоріи, которая видитъ въ уголовномъ приговорѣ описаніе типа преступника, а въ наказаніи средство для общественной обороны, единственно вызванной даннымъ случаемъ. А посему, онъ удивляется, что главѣ государства предоставляется современными законодательствами право лишать общество средствъ самозащиты отъ своихъ естественныхъ враговъ, такъ какъ всякое помилованіе преступника, въ сущности, является прямымъ насиліемъ надъ правомъ гражданъ освободиться отъ него на всегда, какъ отъ личности, признанной неспособною къ общежитію. Слѣдовательно, подобный актъ великодушія хуже даже той публичной благотворительности, организуемой государствомъ, которая, по справедливому замѣчанію Спенсера, только поддерживаетъ бродягъ, повергая въ нищету честныхъ тружениковъ.

Заканчивая взглядомъ антропологовъ-позитивистовъ категорію противниковъ права помилованія, намъ остается обратиться къ его защитникамъ, предъ сильною аргументаціею которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, блѣднѣетъ слишкомъ узкая и односторонняя критика, отрицающая необходимость и пользу означенной прерогативы суверенитета, съ точки зрѣнія ложно понятыхъ принциповъ положительнаго законодательства и общественныхъ интересовъ.

Строгая послѣдовательность въ выводахъ, основанныхъ на твердыхъ и непреложныхъ данныхъ историческаго, политическаго, юридическаго и общественнаго характера, не смотря на нѣкоторое разнорѣчіе по вопросу о происхожденіи права помилованія, служитъ лучшимъ и надежнымъ оружі-

емъ въ рукахъ апологетовъ права помилованія противъ всѣхъ его враговъ. Нѣкоторое-же разнорѣчіе, относительно происхожденія права помилованія, встрѣчается въ мнѣніяхъ по сему предмету: Фейербаха [1]), Кӧстлина [2]), Гельхнера [3]) и ихъ послѣдователей, признающихъ источникомъ названной прерогативы идею общечеловѣческой справедливости (Aequitas, Billigkeit), Клейнхрода [4]), Мальбланка [5]) и отчасти Плохмана [6]), выводящихъ начало этой прерогативы изъ ея исторіи, и, наконецъ, Бернера [7]) и Людера [8]), изъ которыхъ первый замѣчаетъ, что съ понятіемъ о державной власти настолько тѣсно и неразрывно связаны ея внѣшнія проявленія, что нельзя даже себѣ представить государя, лишеннаго права помилованія; а профессоръ Людеръ, не соглашаясь съ мнѣніями Фейербаха и Клейнхрода и называя ихъ ученія неудачными попытками въ области изслѣдованія истиннаго источника права помилованія, обнаруживаетъ зародышъ даннаго права въ самомъ существѣ верховной власти, внѣ всякой его зависимости какъ отъ философскихъ умозаключеній Фейербаха, такъ и отъ историческихъ изысканій Клейнхрода [9]).

---

[1]) Anselm Ritter von Feuerbach: «Lehrburch des peinlichen Rechts» § 63. 1801.

[2]) Koestlin: «Systeme d. d. Strafrechts» 1855. p. 634.

[3]) Hälchner: «Preussches Strafrecht» p. 543 и 544.

[4]) Kleinchrod: «Systematiche Entwicklung der Grundbegriffe und Grundwahrheiten des peinlichen Rechtes» II p. 290.

[5]) Malblank: «Geschichte der Peinlichen Gerichts-Ordnung.» p. 28.

[6]) Plochmann «Das Begnadigungsrecht». Erlangen. 1845. 1 и 27.

[7]) Alb. Fr. Berner: «Lehrbuch des deutschen Strafrechts». 1857.

[8]) Lueder: «Das Souveränetäts Recht der Begnadigung». 1860. S. 82—83.

[9]) Примѣчаніе. Древніе Англо-Саксы предполагали, что право помилованія проистекало изъ lege suae dignitatis, и потому, въ 27 Статутѣ Генриха VIII, въ главѣ 24, было объявлено, что только одному королю принадлежитъ право помилованія, которое неразрывно связано съ императорскою короною королевства (Commentaires sur les lois Anglaises-Blackstone).

«Глава государства, объясняетъ Людеръ, милуетъ не потому, что онъ справедливѣе всякой справедливости, и не вслѣдствіе одной только неудовлетворительности дѣйствующаго закона, а потому, что онъ, государь, олицетворяющій собою все государство и главный источникъ всякаго закона, признающій, что примѣненіе права помилованія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, вызывается интересами и самого государства.

Отсюда безспорно слѣдуетъ, что если помилованіе признается правомъ, присущимъ одной только верховной власти, то оно, за исключеніемъ личной совѣсти государя, не можетъ подлежать никакому контролю и никакимъ ограниченіямъ ни со стороны конституціонныхъ законовъ, ни со стороны парламентовъ».

И дѣйствительно, всякое иное объясненіе происхожденія изслѣдуемой прерогативы, теряющейся въ глубокой древности и противуположной, по своему основанію, какъ мы уже замѣтили, строгой идеѣ права, непремѣнно окажется объясненіемъ искусственнымъ, такъ какъ оно будетъ имѣть своимъ основаніемъ или отвлеченную метафизическую почву, или-же историческія данныя, повѣрка которыхъ положительно немыслима. Вслѣдствіе сего необходимо признать только самый фактъ, независимо отъ его источника, тѣмъ болѣе, что будемъ-ли мы основывать его на трансцендентальномъ началѣ, на идеѣ любви и милосердія къ ближнему, какъ на высшемъ началѣ христіанской этики, или-же придадимъ ему значеніе института, основаннаго на той-же справедливости, выраженіемъ которой служатъ и положительные законы, преслѣдующіе спеціальную цѣль, состоящую въ пополненіи недостатковъ сихъ послѣднихъ, или-же, наконецъ, соединимъ оба

ученія въ одну общую теорію о происхожденіи права помилованія,—мы неизбѣжно прійдемъ къ заключенію, что сосредоточенная въ рукахъ верховной власти прерогатива эта представляется однимъ изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ вѣтвей общаго государственнаго управленія, въ самостоятельномъ, правильномъ и постоянномъ функціонированіи которой, подобно функціонированію божескаго правосудія, заключаются то счастіе и благополучіе народа, а вмѣстѣ съ ними и величіе государства, о которыхъ упоминаетъ Прусскій Король Фридрихъ Великій, какъ о существенныхъ и главнѣйшихъ задачахъ каждаго монарха....

Что-же касается законности, необходимости и пользы данной прерогативы, то они устанавливаются защитниками, силою слѣдующихъ доводовъ и соображеній.

Первымъ доводомъ указывается произвольность положительнаго закона, который, какъ всякое произведеніе ума человѣческаго, являясь несовершеннымъ, не можетъ удовлетворять вполнѣ требованіямъ справедливости. Къ этимъ недостаткамъ положительнаго закона, чисто интеллектуальнаго свойства, необходимо присоединить еще его неподвижность, благодаря которой законъ никогда не можетъ соотвѣтствовать современнымъ взглядамъ общества на извѣстное преступное дѣяніе, мѣняющимся, сообразно съ поступательнымъ развитіемъ человѣчества, и притомъ, съ такою быстротою, что дѣяніе, инкриминируемое имъ сегодня и воспрещаемое подъ страхомъ наказанія, завтра теряетъ весь свой преступный характеръ.

Вторымъ и не менѣе сильнымъ доказательствомъ законности, безусловной необходимости и пользы означеннаго права,—приводится несовершенство судей, какъ факторовъ самого закона, обязанныхъ примѣнять его въ жизни.

Не говоря уже о томъ, что общественное правосудіе, само по себѣ взятое, ограничено свойствомъ средствъ, направленныхъ къ раскрытію истины,—оно, въ то-же время, отправляется судьями-людьми, способными при всей своей опытности и добросовѣстности ошибаться, увлекаться и не всегда соразмѣрять вину съ наказаніемъ.

Легче найдти людей, справедливо замѣчаетъ Поль Жане [1]), которые создали-бы хорошіе законы, нежели судей, способныхъ правильно ихъ примѣнять.

Такая произвольность и несовершенство человѣческихъ законовъ, а также общественнаго правосудія, прямо вызываютъ, по мнѣнію защитниковъ, необходимость еще высшаго закона, или права, одинаково положительнаго, которое было-бы предоставлено лицу, стоящему внѣ всякихъ отдѣльныхъ партій и человѣческихъ страстей и не связанному законами,—словомъ власти, которая не встрѣчала-бы иного препятствія, кромѣ своей собственной воли.

Этого рода требованіямъ, очевидно, можетъ удовлетворить только глава государства, въ рукахъ котораго справедливость всегда находится въ условіяхъ, болѣе совершенныхъ и наиболѣе приближающихъ ее къ идеѣ божеской справедливости, и который въ состояніи будетъ исправлять, какъ недостатки дѣйствующаго закона, такъ и ошибки человѣческаго правосудія, сглаживая, до извѣстной степени, ту пропасть, какая раздѣляетъ ихъ отъ общества въ каждую данную эпоху, вслѣдствіе новыхъ общественныхъ идей и новаго общественнаго направленія.

---

[1]) Paule Janet: Histoire de la science politique, dans ses rapport avec la morale». 1876.

[2]) M. Bonnevill: «Traité des diverses institutions complémentaires du Régime Pénitentiaire», p. 97.

Итакъ, абсолютная необходимость права помилованія доказывается несовершенствомъ человѣческихъ законовъ и человѣческаго правосудія, а его законность погрѣшимостью судей.

Но, недостатки дѣйствующаго закона, возражаютъ противники, могутъ быть устранены отмѣною, или-же исправленіемъ уже существующаго закона, иначе говоря мѣрою наиболѣе радикальною и наиболѣе соотвѣтствующею достоинству и интересамъ, какъ государственнымъ, такъ и общественнымъ, нежели нарушеніе и обходъ закона путемъ монаршаго помилованія, которое, въ сущности, развращаетъ общество, создавая надежду на безнаказанность и уничтожая всякое уваженіе и къ законамъ и къ правосудію....

Несомнѣнно, что предлагаемая противниками мѣра весьма логична, но какъ ее осуществить, какъ передѣлать или отмѣнить дѣйствующій законъ? Замѣняя помилованіе отмѣною или исправленіемъ существующаго закона, съ цѣлью отстоять его непоколебимость, противники, прежде всего забываютъ, что частою отмѣною или дополненіемъ дѣйствующихъ законовъ они, скорѣе всякаго отвергаемаго ими помилованія, лишаютъ эти законы той силы и значенія, во имя которыхъ ратуютъ противъ данной прерогативы въ интересахъ общества, такъ какъ общество требуетъ, чтобы его юридическій бытъ представлялся болѣе твердымъ и не подвергался постояннымъ и непредвидѣннымъ перемѣнамъ... Остается, Слѣдовательно, для устраненія изъясненнаго неудобства, и для разрѣшенія вопроса объ отмѣнѣ помилованія, въ смыслѣ желательномъ противниками, требовать отъ закона, чтобы онъ заранѣе предвидѣлъ и регламентировалъ не только всѣ, разнообразныя, до безконечности, обстоятельства, ка-

кія могутъ предшествовать и сопровождать преступное дѣяніе, но даже и будущій взглядъ на это-же дѣяніе со стороны общества, подъ вліяніемъ послѣдующаго его развитія и направленія.

Между тѣмъ, заявлять подобное требованіе къ положительному закону, значитъ признать за нимъ возможность достиженія какой-то идеальной цѣли, точнѣе выражаясь, желать отъ него невозможнаго, такъ какъ законъ, отражая въ себѣ, современное его выходу воззрѣніе общества на извѣстное дѣяніе, долженъ заключать въ себѣ опредѣленіе лишь общаго характера, общихъ признаковъ этого дѣянія, съ предоставленіемъ уже судьѣ разрѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ: заключаются или нѣтъ въ инкриминируемомъ дѣйствіи, признаки, установленные закономъ для его наказуемости. Допустимъ, наконецъ, что помимо опредѣленія общаго характера и признаковъ извѣстнаго преступленія, положительный законъ предусмотрѣлъ и изложилъ всевозможныя случайности, которыми оно можетъ сопровождаться, то и тогда судьба обвиняемаго не будетъ еше ограждена отъ возможности судебной ошибки, ибо судья, обязанный руководствоваться всѣми разъясненіями закона, легко можетъ ошибиться или въ опредѣленіи преступнаго характера дѣянія, вообще, или-же относительно его квалификаціи. Бывали и такіе примѣры, когда весьма свѣдущій, осторожный и добросовѣстный судья, оказывался въ самомъ безвыходномъ положеніи, при назначеніи обвиняемому даже мѣры наказанія, въ виду обнаруженія судебнымъ разслѣдованіемъ обстоятельствъ, вызывающихъ къ нему и къ его участи полнѣйшее сочувствіе и когда, понизивъ наказаніе въ предѣлахъ, предоставленныхъ ему закономъ, онъ сознавалъ, однако-же, что и эта крайняя

мѣра слишкомъ тяжка, сравнительно съ виною преступника, и что самъ законодатель измѣнилъ-бы законъ, если-бы предвидѣлъ разбираемый случай, но, тѣмъ не менѣе, вопреки своей совѣсти, обязанъ присудить обвиняемаго къ установленному наказанію, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, поставилъ-бы свое личное усмотрѣніе выше закона...

Относительно же мнѣнія Бентама о предоставленіи судьѣ вообще, какъ права примѣненія наказанія, если оно необходимо, такъ и освобожденія отъ него, въ случаѣ отсутствія въ томъ надобности, нельзя не возразить, что воплощеніе такого мнѣнія въ законъ представлялось-бы, по совершенно основательному, замѣчанію Блекстона [1]), самою грубою политическою ошибкою, такъ какъ ставило-бы судью выше закона и привело-бы его къ противорѣчію съ самимъ собою, не говоря уже о томъ, что породило-бы въ народѣ смѣшеніе понятій о справедливомъ и несправедливомъ, или-же вызывало-бы каждый разъ недоумѣніе въ томъ, освобожденъ-ли обвиняемый, по недоказанной его виновности, или въ силу простаго помилованія.

Такой видимый разладъ между закономъ и жизнью, между судейскою совѣстью и строгимъ требованіемъ закона, прямо указываетъ на безусловную необходимость права помилованія, а также на то, что право это должно находиться въ рукахъ верховной власти и предоставлено ей въ неограниченномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что помилованіе является актомъ, исправляющимъ законъ, несправедливый только въ данномъ случаѣ и, хотя правосудіе, повидимому, и приносится въ жертву чрезвычайнымъ обстоятель-

---

[1]) Blackstone,—Commentaire sur le code criminel d'Angleterre. T. II, стр. 414—429.

ствамъ, но этимъ оно нисколько не утрачиваетъ, какъ полагаютъ противники, ни своего величія, ни своего значенія, если принять во вниманіе, что цѣль помилованія заключается въ оказаніи человѣчеству той-же справедливости, какую оно само преслѣдуетъ, будучи въ тоже время стѣснено неподвижными рамками положительнаго закона, въ которыя не могутъ умѣститься всѣ разнообразныя, до безконечности, явленія жизни....

Въ виду означенныхъ, именно, явленій, неуловимыхъ для закона, и съ цѣлью удовлетворить требованіямъ, которыя игнорируются законодательною и судебною властями, общество и было вынуждено, по справедливому замѣчанію Сельера [1]), установить на ряду съ карательною властью и власть, которая могла-бы миловать.

Наконецъ послѣднее изъ возраженій противниковъ права помилованія, принадлежитъ Чезаре Беккаріа, автору безсмертнаго труда: «Dei delitti e delle pene»,—которое касается, впрочемъ, не столько принципа права, сколько возможныхъ злоупотребленій имъ, вслѣдствіе чего, Беккарія усматриваетъ въ помилованіи какъ въ дѣйствіи, возбуждающемъ среди гражданъ надежду на безнаказанность преступленій,—угрозу общественной безопасности.

Но возраженіе это, какъ обоснованное, повидимому, только страхомъ будущихъ злоупотребленій, представляется еще менѣе серіознымъ и устойчивымъ, нежели всѣ остальныя. Достаточно поставить опасенія Беккаріа на почву общаго вопроса о томъ, существуетъ-ли какое-либо право, безотноси-

---

[1]) M. Bonnevilla: «Traité des diverses institutions complémentaires du Régime pénitentiaire», 1847. p. 103.

тельно взятое, злоупотребленіе которымъ было-бы невозможно, дабы убѣдиться, что одно злоупотребленіе не можетъ еще служить основаніемъ для совершенной его отмѣны.

Извѣстный ученый, духовный ораторъ и защитникъ монархіи, временъ первой французской революціи, абатъ Мори (Maury Jean Siffrein), прекрасно отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ своей рѣчи, произнесенной въ достопамятномъ національномъ собраніи 3 Іюня 1791 года, по поводу нападокъ и обвиненій короля въ злоупотребленіи власти: «Je ne demande pas, un pouvoir dont le roi ne puisse abuser,—on abusera même, des assemblées nationales et ce n'est pas une raison pour les supprimer!.... [1]).

И дѣйствительно, этимологія самого слова «злоупотребленіе», то есть употребленіе во зло извѣстнымъ положеніемъ, предметомъ или правомъ, уже указываетъ, что зародышъ возможнаго преступнаго дѣйствія таится не въ самомъ положеніи, предметѣ или въ правѣ, предназначенномъ для гуманныхъ и благодѣтельныхъ цѣлей, а въ индивидуальныхъ, нравственныхъ качествахъ ихъ отдѣльныхъ факторовъ, которыми обусловливается истинное или ложное понятіе о чувствахъ чести, долга и о высотѣ своего призванія.

Слѣдовательно всякое злоупотребленіе, само по себѣ взятое, какъ личное преступное дѣйствіе, можетъ вызывать только необходимость превентивныхъ мѣръ къ огражденію права отъ возможныхъ его нарушеній со стороны проводниковъ, или-же репрессив-

---

[1]) «Я не задаюсь вопросомъ о той власти, какою не могъ-бы злоупотребить король, будутъ злоупотребленія даже въ національныхъ собраніяхъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ нужно упразднить.....».

ныхъ, но отнюдь не отмѣну самого права, какъ того требуетъ Беккаріа по отношенію къ праву помилованія, во имя общественной безопасности и для предупрежденія судебной и народной деморализаціи, упуская изъ виду, что предлагаемая имъ мѣра, по радикальности своей, чрезвычайно напоминаетъ, по мѣткому сравненію Бонневиля ту, какая практиковалась законодательствомъ варварскихъ временъ, когда, съ цѣлью прекращенія богохульства въ народѣ, богохульникамъ отрѣзали языки, предпочитая подобное истязаніе иной, болѣе благоразумной и болѣе дѣйствительной мѣрѣ къ прекращенію богохульства въ народѣ, а именно открытой съ ними борьбѣ путемъ правильнаго ученія [1]).

Такимъ образомъ, признавая, съ своей стороны, мнѣніе Беккаріа о необходимости аболиціи права помилованія, несостоятельнымъ, по приведеннымъ основаніямъ, мы, въ то-же время, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, уже, въ самихъ субъектахъ означеннаго права, которыми могутъ быть только представители верховной власти, заключается и возможная его гарантія отъ всякаго рода злоупотребленій.

Будучи заинтересованы болѣе другихъ лицъ въ поддержаніи общественнаго порядка и безопасности, которыми обусловливаются, въ свою очередь, ихъ личное положеніе и спокойствіе,—монархи сами понимаютъ, что всякое помилованіе, какъ отступленіе отъ положительнаго закона, должно быть примѣняемо ими только въ крайнихъ случаяхъ, не нарушая при этомъ какихъ-либо частныхъ или общественныхъ интересовъ. Съ другой стороны, въ смыслѣ

---

[1]) M. Bonneville: Traité des diverses institutións complémentaires du Régime pénitentiaires. 1847. «Afin que dors et en avant ils ne pussant plus dire mal de Dieu ne autre» p. 101.

личнаго права или прерогативы, право помилованія является въ ихъ рукахъ однимъ изъ сильнѣйшихъ и могущественныхъ средствъ къ укрѣпленію своей собственной власти и для пріобрѣтенія симпатіи и преданности народа.

Стоитъ припомнить исторію Рима въ эпоху самодержавія, средневѣковый періодъ съ его феодальнымъ началомъ и, наконецъ, политическія событія и государственные перевороты послѣдующихъ временъ, дабы заключить съ полною достовѣрностью, что успѣху не только римскаго самодержавія и политической самостоятельности отдѣльныхъ феодаловъ, но и всѣхъ государственныхъ переворотовъ позднѣйшихъ временъ, содѣйствовала не мало одна и та-же прерогатива помилованія, которая, вмѣстѣ съ присущими ей и съ нею неразрывно связанными чувствами симпатіи и преданности народовъ, переходила или къ римскимъ императорамъ, или къ феодаламъ, укрѣпляя ихъ политическое могущество и независимость отъ королевской власти, или-же вновь сосредоточивалась въ рукахъ монарховъ.

Сознаніемъ подобнаго именно высокаго значенія права помилованія, какъ личнаго права короны, укрѣпляющаго самую власть, и вызвано извѣстное замѣчаніе Монтескьё [1]): «La clémence est la qualité distinctive des monarques. Les monarques ont tant à gagner par la clémence, elle est suivie de tant d'amour, ils en tirent tant de gloire, que c'est presque toujours un bonheur pour eux d'avoir l'occasion de l'exercer».... [2]).

---

[1]) Montesquieu: «Esprit des lois». VI. XXI.

[2]) «Милосердіе есть право однихъ только монарховъ. Путемъ милосердія монархи достигаютъ многаго, оно вызываетъ такую къ нимъ любовь и создаетъ имъ такую славу, что случаи, когда представляется оказать милосердіе, бываютъ счастливѣйшими минутами въ ихъ жизни».

ГЛАВА XX.

О субъектѣ права помилованія. Объемъ этого права. Какіе преступленія и преступники могутъ быть объектами права помилованія. Право помилованнаго отказаться отъ оказаннаго ему милосердія.

Въ заключеніе общей части историко-законодательнаго изслѣдованія данной прерогативы, мы обязаны коснуться и нѣкоторыхъ другихъ, не менѣе важныхъ вопросовъ, входящихъ въ область той-же общей части, какъ-то: о субъектѣ права помилованія; относительно объема, въ какомъ это право должно быть предоставлено верховной власти; о тѣхъ преступленіяхъ и преступникахъ, которые могутъ быть объектами права помилованія и, наконецъ, о правѣ помилованнаго отказаться отъ оказаннаго ему милосердія.

Первый изъ упомянутыхъ вопросовъ категорически разрѣшается тѣмъ общимъ положеніемъ, усвоеннымъ всѣми, безъ исключенія, народами, въ какой-бы формѣ ни выразилась ихъ политическая организація, силою котораго субъектами права помилованія могутъ быть только: державныя лица или сословія, народное собраніе или президенты республикъ, короли или императоры.

Безспорность такого положенія, помимо самой сущности прерогативы, опредѣляемой Джономъ Локкомъ въ смыслѣ *права дискреціонной власти дѣйствовать ради общественнаго блага не только внѣ, но даже и вопреки закону*,—подтверждается еще особыми свой-

ствами верховной власти, которая, по ученію Гегеля [1]) и Лоренца Штейна [2]), воплощая въ себѣ личное единство государства и вѣнчая собою весь его политическій строй,—одна лишь можетъ властвовать надъ всѣми остальными органами тѣла, дѣйствуя, при этомъ, внѣ всякихъ страстей и внѣ какихъ либо партійныхъ или сословныхъ интересовъ....

Что-же касается до объема или размѣра, въ какомъ право помилованія можетъ и должно быть предоставлено факторамъ державности, безъ ущерба свободѣ и самостоятельности дѣйствій остальныхъ органовъ государственнаго управленія, то попытка къ опредѣленію подобнаго объема, съ цѣлью установить начальный и конечный періоды exercitium juris означенной прерогативы, будетъ, по нашему мнѣнію, совершенно напрасною и безполезною, если принять въ соображеніе, что право помилованія имѣетъ своимъ исключительнымъ основаніемъ милосердіе, а предметомъ дѣйствія внѣ закона, то есть совмѣщаетъ въ себѣ начала безусловно неблагопріятныя для подобной регламентаціи...

Вслѣдствіе сего, признаніе неограниченности или абсолютности названной прерогативы становится явно необходимымъ, и такого взгляда придерживаются не только всѣ философскія теоріи, но и большая часть европейскихъ положительныхъ законодательствъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями, *установленными спеціальнымъ конституціоннымъ закономъ*, по отношенію къ амнистіи, а также къ обязательному участію въ самомъ актѣ простого помилованія высшей судебной власти, предварительно вы-

---

[1]) Hegel: «Grundlinien der Philosophie des Rechts» §§ 273, 275, 279.

[2]) Stein: «Das Königsthum, die Republik und die Souveränität der französischen Gesellschaft seit der Februarrevolution. 1848, 2 Ausg. 1855.

сказывающей свое мнѣніе о степени уважительности такого рода ходатайствъ.

Но и въ этихъ незначительныхъ ограниченіяхъ, вызываемыхъ опасеніями злоупотребленій прерогативою и отрицаемыхъ теоріею права, профессоръ Людеръ совершенно справедливо усматриваетъ одно безпричинное недовѣріе къ безпристрастію государей, которое противорѣчитъ той презумпціи *о непогрѣшимости главы государства* (The King can do no wrong), какую не отрицаютъ и государства, требующія извѣстныхъ ограниченій верховной власти въ правѣ миловать по своему усмотрѣнію, сознавая, что въ вопросѣ о злоупотребленіи монарховъ прерогативою,—единственнымъ Судьею можетъ быть, по справедливому замѣчанію Локка, только Богъ,—Omnis justitia a Deo!...

«Если народъ, говоритъ Людеръ [1]), желаетъ имѣть истиннаго представителя верховной власти, то подобный представитель долженъ быть, прежде всего, сувереномъ, обладающимъ абсолютнымъ правомъ миловать по своему личному усмотрѣнію, не стѣсняясь ни политическими причинами, о которыхъ упоминаетъ Клейнхродъ, ни сознаніемъ справедливости или требованіями государственныхъ интересовъ, на которыя указываютъ Фейербахъ, Кöстлинъ и Гельхнеръ. Всѣ эти мотивы, несомнѣнно, могутъ вліять на дѣйствія главы государства, при осуществленіи своей прерогативы, но подчиняться имъ онъ вовсе не обязанъ».

Правильность и основательность цитируемаго мнѣнія профессора Людера, относительно дѣйствительной причины ограниченій, требуемыхъ нѣкоторыми

---

[1]) Carl Lueder: «Das Souveränetäts-Recht der Begnadigung». Leipzig. 1860. §§ 11 и 12.

конституціонными монархіями въ правѣ верховной власти на помилованіе и амнистію, станетъ еще болѣе ясною, если задаться вопросомъ, какими-же другими причинами, кромѣ прямого недовѣрія къ дѣйствіямъ монарха, можетъ быть объяснено ограниченіе одного изъ такихъ его правъ, которое не имѣетъ ничего общаго ни съ королевскими правами по отправленію законодательной власти, ни съ его правами по отправленію правосудія или высшаго надъ нимъ надзора, которыя обыкновенно опредѣляются и нормируются конституціонными актами, до мельчайшихъ подробностей, съ цѣлью поставить верховную власть въ тѣ особыя условія, свойственныя конституціоннымъ королямъ, какія напоминали-бы имъ, что, въ дѣлѣ отправленія своего суверенитета, они могутъ дѣйствовать только по праву и въ силу закона (nihil aliud potest rex, nisi quod de jure potest), и, такимъ образомъ, сознавали-бы, по идеѣ профессора Германа Шульца, что находятся не внѣ государства и не надъ государствомъ, а въ государствѣ (nicht über dem Staate, nicht ausser dem Staate, sondern im Staat).

Ни въ одномъ изъ конституціонныхъ актовъ, ограничивающихъ, напримѣръ, право короля на амнистію [1]) согласіемъ ли Палатъ, или мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, или-же, наконецъ, какъ въ Пруссіи, изданіемъ спеціальнаго по сему предмету закона (auf Grund eines besonderen Gesetzes), мы не встрѣчаемъ мотивировки, въ которой-бы дѣйствительною причиною необходимости такого ограниченія не выставлялось опасеніе злоупотребленій названною прерогативою со стороны королевской власти.

Такъ, въ постановленіяхъ Бельгійской конститу-

---

[1]) Бельгія, Швеція и Норвегія, Баварія, Саксонія и Виртембергъ.

ціи ограниченіе права короля миловать министровъ объясняется тѣмъ, что въ случаѣ предоставленія подобнаго права королю въ неограниченномъ видѣ— Палаты должны будутъ, *вопреки основному конституціонному принципу*, не только утратить всякое свое значеніе, въ качествѣ высшихъ судовъ надъ министрами, вслѣдствіе того, что обвинительные приговоры ихъ сдѣлаются фиктивными, но и одновременно лишиться одного изъ наиболѣе надежныхъ средствъ, обезпечивающихъ за ними прямое вліяніе на административныя учрежденія, какъ главнѣйшихъ органовъ конституціонной монархіи.

Если вникнуть, однако-же, въ смыслъ самого конституціоннаго принципа, которымъ мотивируется причина ограниченія, то можно убѣдиться, что она не имѣетъ ничего общаго и никакой связи съ прерогативою королевской власти миловать какъ министровъ, такъ и политическихъ преступниковъ.

Сущность основного принципа конституціонной монархіи, по отношенію къ представителю государственной власти, состоитъ въ томъ, что, хотя монархъ и признается главою всѣхъ государственныхъ конституціонныхъ властей, тѣмъ не менѣе онъ долженъ (по теоріи Бенжамена Констана [1]) оставаться органомъ, обязаннымъ поддерживать равновѣсіе между другими властями,—находиться въ зависимости отъ конституціонныхъ законовъ и, при своей полнѣйшей независимости и верховномъ положеніи среди прочихъ лицъ государства, *быть не подъ человѣкомъ, а подъ Богомъ и закономъ*, ибо законъ создаетъ короля (Quia lex facit regem).

Въ виду такого смысла и значенія основного конституціоннаго принципа, само собою разумѣется,

---

[1]) Benjamin Constan: «Cours de politique constitutionelle». 2 édition. 1872.

что онъ отнюдь не можетъ быть нарушенъ предоставленіемъ конституціонному монарху права миловать министровъ, по своему усмотрѣнію; если принять во вниманіе, что примѣненіе подобной прерогативы начинается лишь съ того момента, когда министръ уже осужденъ Палатами, и когда миссія ихъ въ смыслѣ верховнаго суда исчерпана произнесеніемъ надъ нимъ обвинительнаго приговора, но остается примѣненіе къ осужденному только началъ нравственной справедливости, *что должно принадлежать королю*, и, при томъ, *не какъ представителю государственной власти*, обязанному дѣйствовать согласно конституціи, по праву и закону, *а какъ субъекту прерогативы*, осуществленіе которой обусловливается *дѣйствіями* не только *внѣ*, но и *вопреки всякому конституціонному закону*.

Такимъ образомъ, простое сопоставленіе повода ограниченія королевской амнистіи министровъ съ конституціоннымъ принципомъ и правовою стороною королевской прерогативы приводитъ къ основательному заключенію о полнѣйшей дисгармоніи между упомянутымъ поводомъ и его основаніями и къ тому, что подъ флагомъ основного конституціоннаго принципа, этого общаго и до безконечности растяжимаго мотива, столь ревностно охраняемаго Бельгійскою и другими конституціями,—въ дѣйствительности скрывается только недовѣріе въ безпристрастіе монарха, о которомъ упоминаетъ профессоръ Людеръ.

Но одно изъ двухъ: или королевская прерогатива помилованія существуетъ въ означенныхъ конституціонныхъ государствахъ только на письмѣ, или-же, напротивъ, признается, отдѣльнымъ и самостоятельнымъ правомъ монарха, и тогда слѣдуетъ допустить, что всякое ея ограниченіе не выдерживаетъ критики.

Правильность нашего мнѣнія подтверждается, помимо юридической или правовой стороны прерогативы, еще и чисто практическими соображеніями, ибо только Государь, какъ лицо, стоящее *внѣ* и *выше закона*, имѣетъ возможность относиться нелицепріятно и съ полнымъ хладнокровіемъ ко всѣмъ кипучимъ общественнымъ вопросамъ данной минуты, оставаясь чуждымъ всякимъ враждебнымъ партійнымъ проискамъ и стремленіямъ, которыми отличается, обыкновенно, дѣятельность конституціонныхъ палатъ.

Отрицать основательность этихъ соображеній и не признавать заслугъ, неоднократно оказанныхъ конституціонными монархами государству путемъ амнистіи или помилованія, можетъ лишь тотъ, кто не знакомъ, напримѣръ, съ исторіею дѣятельности англійскихъ парламентовъ, изъ которой видно, что только королевскимъ амнистіямъ Англія была обязана своимъ внутреннимъ умиротвореніемъ, а также исцѣленіемъ отъ тѣхъ ранъ, какія ей были нанесены партійною борьбою парламента!....

Считаемъ не лишнимъ привести, при этомъ, взглядъ профессора Бернера на парламентскіе манифесты о помилованіи. Открыто высказываясь противъ предоставленія подобнаго права парламентамъ, какъ о фактѣ, который долженъ будетъ лишить актъ милосердія его святости и существеннаго характера, профессоръ Бернеръ замѣчаетъ, что: «парламентскій милостивый манифестъ уничтожилъ-бы совершенно даже цѣль политической амнистіи, потому что политическія преступленія, которыя амнистія должна покрыть непроницаемой завѣсой, были-бы выставлены парламентомъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ, и утихнувшая борьба партій возгорѣлась бы снова [1])».

[1]) «Учебникъ Уголовнаго права А. Ф. Бернера, переводъ Н. Неклюдова». С.-Петербургъ. 1867 г. стр. 909.

Наконецъ, ближайшимъ доказательствомъ могущества амнистіи, какъ права, даже безотносительно взятаго, и какъ наилучшаго средства къ умиротворенію страны, а также къ устраненію партійныхъ распрей, служитъ современная республиканская Франція, въ періодъ отказа Казиміра Перье отъ президентства и избранія вмѣсто него Феликса Фора.

Когда послѣ заявленія, сдѣланнаго Палатѣ депутатовъ главою новаго министерства Рибо, о необходимости положить конецъ личнымъ партійнымъ раздорамъ, чтобы заняться ожидаемыми страною реформами,—новый министръ юстиціи Траріе, внесъ законопроектъ полной амнистіи всѣхъ осужденныхъ за заговоры и дѣйствія, направленныя противъ внутренней безопасности государства, а также за проступки печати и за участіе въ стачкахъ, то этотъ законопроектъ не только былъ встрѣченъ Палатою восторженно и принятъ почти единогласно, (511 противъ 7), но и возстановилъ въ Палатѣ депутатовъ правительственное большинство, утраченное министерствомъ Дюпюи.

Что-же касается до опасенія злоупотребленій прерогативою со стороны верховной власти, во имя, хотя-бы фаворитизма, на который ссылается Филанджіери, какъ на одно изъ главнѣйшихъ, по его мнѣнію, основаній къ ограниченію права королей на амнистію министровъ, то нельзя не признать такого повода весьма слабымъ, такъ какъ фаворитизмъ, прежде всего, представляется явленіемъ исключительнымъ, а затѣмъ, фавориты короля могутъ пользоваться всѣми благами жизни и милостями своего государя, не будучи даже министрами.....

И такъ, не только теорія, но и сама жизнь, а вмѣстѣ съ нею и исторія парламентской дѣятельности, доказываютъ необходимость признанія королев-

ской прерогативы помилованія и амнистіи неподлежащею никакому иному ограниченію, кромѣ личной совѣсти монарха, а слѣдовательно и независимо того, будетъ-ли вызванъ подобный актъ милосердія добротою монарха, недостатками дѣйствующаго законодательства, какими либо судебными ошибками и упущеніями, или-же политическими интересами самого государства.

За допущеніе помилованія во имя политическихъ интересовъ высказываются криминалисты: Тифтрункъ, Кантъ, Клейншродъ, Фейербахъ, Труммеръ, Кэстлинъ и Эрштетъ, признающіе помилованіе положительно неизбѣжнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится наказывать правонарушителей цѣлыми массами, или когда единичное помилованіе можетъ содѣйствовать къ раскрытію цѣлыхъ шаекъ [1]).

Мнѣніе почтенныхъ ученыхъ не представляется, однако же, новымъ, а скорѣе отголоскомъ того *законнаго помилованія*, котораго придерживались и древніе римляне [2]): «Sane si quis ex his in exordio initae factionis-prodiderit factionem, et praemio a nobis et honore donabitur. Js vero, qui usus fuerit factione, si vel sero incognita tamen adhuc, consiliorum arcana patefecerit, absolutione tantum ac venia dignus habebitur». Тоже самое находимъ въ art. 124, Constitutio Criminalis Carolina: «*Но тѣмъ, по донесенію которыхъ судьи или власти* «*будутъ имѣть возможность обнаружить и подвергнуть* «*злодѣевъ заслуженному наказанію,—можетъ быть про*«*щена бо́льшая или ме́ньшая часть наказанія*» [3]).

Разрѣшеніемъ вопроса о неограниченности правъ верховной власти на амнистію и помилованіе, мы от-

---

[1]) Lueder: Das Souveränetäts-Recht der Begnadigung. Стр. 162—167.
[2]) Ibidem: стр. 172—173. L. 5 § 7. Cod. ad legem Iul. majest. 9. 8.
[3]) Ibidem: стр. 173. C. C. C. Art. 124.

части предрѣшили и второй вопросъ о тѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, которые могутъ быть объектами помилованія, и которыми должны быть всякаго рода преступники и преступленія, направленныя, какъ противъ частныхъ лицъ, семейства и общества, такъ и противъ государства, разумѣя подъ этими послѣдними преступленіями не только политическія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и преступленія противъ отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія,—за исключеніемъ, впрочемъ, уголовно-частныхъ (delicta privata), каковы: обиды, клевета, угрозы и т. п., наказываемыя, главнымъ образомъ, въ интересѣ обиженныхъ частныхъ лицъ. Устраненіе уголовно-частныхъ преступленій отъ дѣйствія помилованія объясняется особеннымъ правомъ обиженнаго, въ дѣлѣ личнаго его оскорбленія, на удовлетвореніе, которое доставляется ему чрезъ наказаніе оскорбителя, а потому государство не въ правѣ такъ же легко располагать частными интересами, какъ своими собственными.

По тѣмъ-же основаніямъ и въ силу безспорнаго тезиса римскаго законодательства, что: «princeps nunquam tollit jus quaesitum tertio» [1])—помилованіе не можетъ распространяться и на ущербъ, нанесенный преступленіемъ третьимъ лицамъ, а также на судебныя издержки, вслѣдствіе чего оно должно подлежать кондиціональному ограниченію, состоящему въ томъ, чтобы, касаясь только освобожденія осужденнаго отъ наказанія, оставлять на немъ обязанность вознаградить потерпѣвшихъ, уплату государственныхъ расходовъ по производству дѣла, а если помилованіе даруется полностью, обращеніемъ совер-

---

[1]) Ibidem: L. 12 et 9. Cod. «Ad. legem Corneliam de falsis».

шеннаго преступленія въ фикцію,—то правительство принимало-бы на себя удовлетвореніе пострадавшихъ и освобождало-бы помилованнаго отъ начета казны, тѣмъ же высочайшимъ указомъ о помилованіи.

Приведенное положеніе римскаго законодательства повторяется и профессоромъ Кэстлиномъ, въ видѣ главнѣйшаго довода, для защиты интересовъ потерпѣвшихъ отъ преступленія, при чемъ онъ подкрѣпляетъ его еще однимъ, весьма вѣскимъ теоретическимъ соображеніемъ, что помилованіе, дѣйствуя исключительно въ сферѣ уголовнаго права,— не должно имѣть вліянія на гражданскіе матеріальные интересы пострадавшихъ отъ преступленія.

Необходимо, однако-же, замѣтить, что не всѣ лица, матеріальные интересы которыхъ, связанные съ даннымъ преступленіемъ или преступникомъ, могутъ быть сопричислены къ категоріи потерпѣвшихъ,— имущественныя права коихъ требуютъ для своей гарантіи извѣстнаго кондиціональнаго ограниченія прерогативы помилованія. По справедливому замѣчанію криминалистовъ: Клейншрода, Деббеса, Аббега и Энгау [1]),—если гражданскіе интересы частныхъ лицъ, въ видѣ, напримѣръ, наслѣдственныхъ, брачныхъ и т. п. правъ, создаются и утрачиваются, сообразно лишь съ тѣмъ, *будешъ-ли исполненъ или неисполненъ самый судебный приговоръ*, то слѣдуетъ признать, что, одновременно съ аболиціею этого, именно, уголовнаго повода, которымъ единственно обусловливается возникновеніе ихъ правъ,—падаетъ и самое право на гражданскій искъ.

Подробное перечисленіе гражданскихъ правъ, органически связанныхъ и непосредственно вытекаю-

---

[1]) Lueder: «Das Souveränetäts-Recht der Begnadigung.—1860, стр. 197—207.

щихъ изъ упомянутаго уголовнаго повода, представляется положительно невозможнымъ, такъ какъ обнаруженіе ихъ присутствія въ каждомъ отдѣльномъ, случаѣ или фактѣ, зависитъ отъ предварительнаго разъединенія въ этомъ фактѣ началъ уголовнаго и гражданскаго права, что составляетъ уже задачу тяжущихся и суда.

Остается разсмотрѣть третій и послѣдній изъ намѣченныхъ вопросовъ, о правѣ помилованнаго отказаться отъ дарованной ему милости.

Спорность означеннаго права, имѣющаго свою отдѣльную, небольшую литературу, и отрицаемаго мнѣніемъ большинства криминалистовъ, встрѣчаетъ нѣкоторую поддержку со стороны немногочисленныхъ защитниковъ, въ лицѣ: графа де Пейронне [1]), Валета, Барбѐ и де-Монталамбера, которые отстаиваютъ право осужденнаго отказаться отъ оказаннаго ему милосердія, имѣя, при этомъ, въ виду исключительно политическихъ преступниковъ, для которыхъ помилованіе позорнѣе, будто-бы, всякаго наказанія [2]), вслѣдствіе того, что такимъ актомъ милосердія, съ одной стороны, какъ-бы санкціонируется правильность возбужденнаго противъ нихъ преслѣдованія и даже самого обвинительнаго приговора, а съ другой, они лишаются возможности доказать свою невиновность по суду, не прибѣгая къ милосердію монарха. И потому, говорятъ противники, если помилованіе является милостью по отношенію къ обвиняемымъ, то, руководствуясь положеніемъ римскаго права, «invito beneficium non datur»—нельзя-же отрицать ихъ, вполнѣ естественнаго права, отказаться отъ такой

---

[1]) Pierre-Denis, comte de Peyronnet: «Pensées d'un prisonnier». 1834.

[2]) «Sicut est aliquando misericordia puniens, ita et crudelitas parcens»—Saint Augustin, II Epist. 153 p. n⁰/₀ 117.

милости, которая, приноситъ имъ вредъ, а не пользу...

Но вся неправильность вывода поборниковъ права осужденнаго отказаться отъ помилованія и амнистіи, заключается въ неправильной формулировкѣ разрѣшаемаго вопроса, который долженъ быть поставленъ не въ смыслѣ слѣдуетъ или не слѣдуетъ осужденному соглашаться на помилованіе, а въ смыслѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ сущности и характеру самой прерогативы помилованія, а именно: имѣютъ-ли осужденные право выбора между помилованіемъ и казнью?

При подобной же формулировкѣ вопроса, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-бы то ни было правѣ осужденнаго на предпочтеніе казни той милости, какая ему оказывается верховною властью, такъ какъ, въ случаѣ признанія этого права, будетъ нарушенъ, прежде всего, главнѣйшій изъ принциповъ новѣйшей теоріи уголовнаго права о наказаніи, которою, *для законности наказанія, требуется не только его справедливость, но и польза* [1]), а слѣдовательно, отпуская вину извѣстному преступнику, *въ интересахъ общественныхъ или политическихъ*, — государство не можетъ уже взять обратно прощенія, однажды дарованнаго осужденному, во имя этихъ интересовъ, и не обязано, по желанію помилованнаго казнить его смертью или держать въ тюрьмѣ, ради того только, чтобы этою казнью соорудить безсмертный памятникъ его политическимъ заблужденіямъ.... Равнымъ образомъ оказывается легкомысленною и ссылка апологетовъ права отказа отъ милосердія на тезисъ римскаго гражданскаго права: «invito beneficium non datur»,

[1]) Bertauld—Cours de Code pénal. Paris. 1864. p. 488.—«L'exécution des peines n'est pas l'acquit d'une dette du pouvoir social, soit envers le condamné, soit envers la justice absolue qu'il n'a pas qualité pour représenter».

такъ какъ примѣненіе сего положенія, возможное въ обыкновенномъ частномъ гражданскомъ быту, въ которомъ каждый можетъ отвергнуть и непринять навязываемаго ему благодѣянія,—оказывается, въ то же время, непримѣнимымъ по отношенію къ милости, объявляемой главою государства, *дѣйствующею*, на основаніи данной ей закономъ власти, *въ интересахъ общественныхъ и политическихъ*, а слѣдовательно не въ качествѣ частнаго лица, но въ качествѣ представителя цѣлаго народа и, выразителя его воли,—предъ которою, безспорно, должны стушеваться всякаго рода частные, личные интересы.

Одинаково несостоятельнымъ оказывается и другой выводъ Пейронне, будто помилованіемъ санкціонируется правильность обвинительнаго приговора о подсудимомъ, который лишается, такимъ образомъ, права добиться оправданія при пересмотрѣ дѣла.

Правда, помилованіе не устраняетъ предположенія о виновности милуемаго, по основаніямъ, приведеннымъ въ судебномъ приговорѣ, иначе оно и не соотвѣтствовало-бы своему назначенію оказывать милосердіе только осужденному, но изъ этого вовсе неслѣдуетъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ, помилованіе, констатировало дѣйствительную его виновность, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, пришлось бы признать, что государственная власть милуетъ только тѣхъ, въ безусловной виновности которыхъ убѣждена. Равнымъ образомъ, помилованіемъ вовсе не отнимается у осужденнаго права требовать пересмотра своего дѣла, которое принадлежитъ ему, на общемъ основаніи, въ силу положительнаго закона, но, будетъ-ли онъ оправданъ или-же вновь осужденъ, дарованное милосердіе всетаки исключитъ возможность примѣненія къ нему наказанія.

Прекрасно мотивированное мнѣніе, по данному

вопросу, мы находимъ въ произведеніяхъ криминалистовъ Троллѐ и Бернера. Полагаемъ, что доводами и соображеніями, приводимыми этими двумя учеными, въ подтвержденіе правильности своего взгляда, исчерпывается все то, что только можно еще высказать противъ права осужденнаго отказаться отъ дарованнаго ему милосердія. Такъ, напримѣръ, Троллѐ [1]) совершенно правильно заявляетъ, что: «La grâce est sans doute une faveur pour le condamné, mais elle intéresse aussi la société; elle importe à la moralité de la peine et à la dignité. Si l'on exécutait le malheureux auquel la clémence royale a fait merci de la vie, vous dirriez vainement qu'il a refusé la grâce; ce serait un suicide d'une part et un meurtre de l'autre. La peine est acquise à la société et non pas au coupable. Qu'il ne demande rien et qu'il proteste contre la sentence, voila son droit; mais qu'il ne repousse pas la grâce en disant: «invito beneficium non datur»—La grâce, comme la peine, l'atteint malgré lui».

Профессоръ Бернеръ [2]) приходитъ, въ свою очередь, къ такому-же заключенію относительно невозможности признанія за осужденнымъ права на отказъ отъ дарованнаго помилованія, но нѣсколько видоизмѣняетъ основанія своего мнѣнія, съ цѣлью придать ему не только общественное, но и правовое значеніе.

По мнѣнію профессора Бернера, въ виду того, что помилованіе вызывается не личнымъ снисхожденіемъ, но высшею справедливостью и общественнымъ интересомъ,—оно, подобно давности, не допускаетъ уже непринятія его со стороны тѣхъ, на кого распространяется».

---

[1]) Xavier Trolley: «Cours de droit administratif». t. 1 p. 132.

[1]) Учебникъ Уголовнаго права Бернера. Переводъ Н. Неклюдова. С.-Петербургъ. 1867 г.

Въ такомъ-же смыслѣ высказывается онъ и по поводу амнистіи, когда ею прекращается преслѣдованіе дѣлъ, по которымъ уже начато слѣдствіе. «Хотя, конечно, говоритъ Бернеръ, обвиненному, въ подобныхъ случаяхъ, было-бы и желательно продолженіе начатаго слѣдствія, если онъ надѣется доказать на судѣ свою невиновность,—однако-же продолженіе слѣдствія противорѣчило-бы сущности и цѣли амнистіи, потому что, съ изданіемъ манифеста объ амнистіи, преступленіе юридически не существуетъ и она только тогда можетъ достигнуть своей цѣли: возстановить миръ между враждующими партіями и покрыть тѣмъ самымъ прошедшее непроницаемой завѣсой,—когда все дѣло, въ его совокупности, будетъ сдано въ архивъ и предано забвенію»...

Такимъ образомъ, не смотря на возвышенность идеи, какую проповѣдуютъ Пейронне и его послѣдователи, по вопросу о правѣ осужденнаго отвергнуть милость, даруемую государственною властью, —нельзя, однако-же, не сказать, что идеѣ этой, едва-ли суждено когда-либо выйдти изъ теоретической сферы въ жизнь и перейдти въ законы и въ практику, такъ какъ она совершенно расходится не только съ сущностью и цѣлью самой прерогативы помилованія, но даже и съ теоріею уголовнаго права о наказаніи [1]).

Наконецъ, и самъ Пейронне стоящій во главѣ протестующихъ, оказывается человѣкомъ, видимо далеко не убѣжденнымъ въ непоколебимости того положенія, которое проводитъ въ своемъ памфлетѣ:

---

[1]) Примѣчаніе: Изъ всѣхъ западноевропейскихъ законодательствъ, только Шведское допускаетъ необязательность для осужденнаго полнаго помилованія, а законодательства Норвегіи и Швейцарскихъ кантоновъ: Берна и Цуга, ограничиваютъ необязательность помилованія случаемъ, когда оно имѣетъ предметомъ лишь смягченіе наказанія.

«Pensées d'un prisonnier», будто принятіе осужденнымъ помилованія, равносильно сознанію своей виновности («En consentant à la grâce, on consent à la condamnation»),—доказательствомъ чему служитъ случай, бывшій съ нимъ лично, о которомъ упоминаетъ Michaud въ «Biographie universelle» [1]).

Извѣстно, что графъ де-Пейронне, (Pierre-Denis, comte de Peyronnet) сынъ погибшаго на эшафотѣ, во время французской революціи 1793 года, казначея въ Бордо,—начавшій свою дѣятельность адвокатомъ, а затѣмъ назначенный президентомъ Бордосскаго суда и, наконецъ, въ 1822 году генералъ-прокуроромъ королевскаго суда въ Руанѣ,—былъ постояннымъ сторонникомъ монархическаго принципа и, благодаря замѣчательнымъ ораторскимъ дарованіямъ, снискалъ себѣ особое расположеніе французскаго короля Людовика XVIII, который возвелъ его, съ потомствомъ, въ графское достоинство.

Но популярность Пейронне исчезла при королѣ Карлѣ X, когда, будучи министромъ юстиціи кабинета Виллеля, онъ почти одновременно, предложилъ Палатѣ пэровъ, три законопроекта, одобренные королемъ, какъ то: о святотатствѣ, которымъ назначалась смертная казнь за оскверненіе священныхъ сосудовъ, за оскверненіе опрѣсноковъ и за взломъ или нападеніе на католическую церковь; о первородствѣ, для искуственной поддержки дворянскихъ родовъ Франціи, и, наконецъ, о печати, которымъ ограничивалась свобода періодической печати. Всѣ эти законопроекты, названные Шатобріаномъ драконовскими, были не только отвергнуты, но, вмѣстѣ съ остальными послѣдующими королевскими поста-

---

[1]) Michaud: «Biographie universelle ancienne et moderne». Paris. 2 edit, 1842—1865.

новленіями, направленными къ устраненію раздоровъ Палаты общинъ съ Палатою пэровъ, послужили поводомъ къ такъ называемому Іюльскому перевороту 1830 года, закончившемуся лишеніемъ престола короля Карла X, вынужденнаго переселиться въ Англію, при чемъ совѣтники его: князь Полиньякъ и министры де-Пейронне, Шантелозэ (Chantelauze) и Ранвиль (de Guernon-Ranville), были схвачены и преданы суду пэровъ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Судъ пэровъ, не смотря на энергичную защиту адвоката г. Геннекена (M. Hennequin), призналъ Пейронне виновнымъ и приговорилъ 97 голосами къ вѣчному тюремному заключенію, противъ 68 голосовъ, требовавшихъ изгнанія его, на всегда, изъ предѣловъ Франціи.

Во время своего, заточенія въ крѣпости Пейронне, въ числѣ другихъ произведеній юридическаго и историческаго содержанія, издалъ въ 1834 году «Pensées d'un prisonnier»—въ которомъ возсталъ противъ обязательности для осужденнаго королевскаго помилованія. Между тѣмъ, два года спустя, когда на французскій престолъ вступилъ Луи Филиппъ Орлеанскій,—графъ де-Пейронне охотно послѣдовалъ данному ему совѣту, обратиться къ королю съ просьбою о помилованіи, и, не находя въ подобномъ своемъ поступкѣ ничего ни унизительнаго, ни, даже, предосудительнаго, хотя и считалъ себя невинно осужденнымъ, подалъ прошеніе о помилованіи благодаря которому, и согласно королевскому указу 17 Октября 1836 года получилъ свободу [1]).

[1]) Примѣчаніе: Въ «Biographie universelle» мы находимъ слѣдующую характеристику личности графа де-Пейронне: «Doué d'un grand courage et d'une incontestable élevation d'esprit, le comte de Peyronnet neutralisait de

Для полноты картины—злоупотребленій правомъ помилованія во Франціи, въ эпоху древней французской монархіи (съ 1357—1562 гг. [1]), когда означенное право не составляло еще исключительной прерогативы королевской власти, мы признали не лишнимъ помѣстить, въ особомъ приложеніи къ общему историческому очерку, нѣсколько подлинныхъ граммать о помилованіи (lettres de rémission), не измѣняя ихъ орѳографіи, какъ документовъ, знакомящихъ не только съ первоначальною формою этого рода актовъ, но, въ то-же время, рисующихъ нравы современнаго французскаго общества.

Что-же касается до прилагаемой статистической таблицы, относительно процентнаго отношенія числа осужденныхъ и помилованныхъ во Франціи, къ числу петицій, разновременно поданныхъ,—съ 1826 по 1880 годъ, то обнаруживаемый этою таблицею ежегодный приростъ числа помилованныхъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ несостоятельности мнѣнія тѣхъ мыслителей и криминалистовъ, которые жизненность названной прерогативы и право ея на дальнѣйшее существованіе, ставятъ въ зависимость отъ постепеннаго совершенствованія положительнаго законодательства въ связи съ судебными и политическими реформами....

---

brillantes qualités par la roideur hautaine et présemptueuse de son caractère, généralement dépourvu de naturel et de simplicité. Vicomte de Martignal, son compatriote et son ami disait de lui que c'etait: «un brave homme», un «homme brave» mais non point un bon homme».

[1]) Упомянутыя грамматы заимствованы изъ сочиненія Charles Desmaze: «Supplices, prisons et grâce en France, d'aprés des textes inédits». Paris. 1866.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ИСТОРИИ

ПРАВА ПОМИЛОВАНІЯ

ВО ФРАНЦІИ.

I.

Содержаніе указа короля Людовика XIV 26 Августа 1670 г., какъ основнаго закона по вопросу о правѣ королевской власти на помилованіе [1]).

«Les lettres de rémission s'accordent pour homicide «involontaire ou commis dans la nécessité d'une légitime «défense de la vie.

«Les lettres de pardon sont délivrées au cas où il n'y «a pas lieu de prononcer la peine de mort, mais où le «crime ne peut cependant être excusé.

«Les lettres de rappel de ban et de galères sont des «lettres par lesquelles le roi décharge et rappelle du bannissement ou des galères celui qui a été condamné à temps «ou à perpétuité; ce n'est que rarement que, par ces lettres, l'impétrant est rétabli en sa bonne renommée. Au cas «ordinaire, l'infamie du crime reste tout entière, c'est de «la peine seule qu'il est fait remise.

«Les lettres pour ester à droit sont des lettres accordées à des accusés qui étaient absents pour des causes «légitimes et ont laissé écouler cinq ans sans purger leur «contumace. Au moyen de ces lettres, ils peuvent procéder «en justice pour faire juger de nouveau leur affaire.

«Les lettres d'abolition sont celles par lesquelles le roi «pardonne, éteint et abolit le crime dont un accusé se «reconnaît coupable, et le rétablit en tous ses droits et bonne «renommée.

---

[1]) Legoux: «Du droit de Grâce en France». Paris. 1865 p. 139.

«Les lettres de commutation de peine sont des lettres «par lesquelles la peine prononcée est changée en une peine «moindre ou bien en un certain temps pendant lequel l'im-«pétrant devra servir dans les armées de Sa Majesté.

«Les lettres de réhabilitation sont celles par lesquelles le «roi rétablit en son honneur, droit et bonne réputation un «condamné, ainsi qu'il l'était avant le jugement de condam-«nation.

«Les lettres de rémission et de pardon peuvent seules «être obtenues dans les chancelleries des parlements. Tou-«tes les autres lettres de grâce doivent être scellées en grande «chancellerie. Les lettres obtenues par les gentilshommes «doivent être adressées aux cours. Dans certains cas elles «peuvent l'être aux présidiaux compétents; les gentilshommes «y doivent exprimer nommément leurs qualités. Les lettres «obtenues par les roturiers doivent être présentées aux bail-«lis, sénéchaux, ou aux juges royaux. L'arrêt ou le juge-«ment de condamnation doit être attaché sous le contre-«scel des lettres de grâce.

«Les lettres doivent être présentées pour l'entérinement «dans les trois mois de l'obtention.

«Ceux qui obtiennent des lettres d'ester à droit doivent «être écroués sans pouvoir être élargis pendent toute l'in-«struction.

«Les lettres d'abolition doivent être conformes aux «charges; elles ne sont accordées que pour certains crimes «et doivent être, avant l'entérinement, communiquées au «procureur du roi.

«L'obtention et la signification des lettres de rémission «ne sauraient empêcher l'exécution des décrets, ni l'instruc-«tion, jugement et exécution de la contumace, jusqu'à ce «que l'accusé soit en état dans les prisons du juge, auquel «l'adresse des lettres a été faite. Les porteurs des lettres de «grâce doivent acquitter les dépens de la contumace.

«Les demandeurs en lettres de rémission et de pardon

«doivent être présent à l'audience, tête nue et à genoux, «et affirmer, après qu'elles auront été lues en leur présence, «qu'elles contiennent vérité, qu'ils ont donné charge de les «obtenir et qu'ils veulent s'en servir.

«Les lettres doivent être signifiées à la partie civile.

«Les charges et informations et procédures faites depuis «l'obtention des lettres, doivent être portées au greffe du «juge chargé de l'entérinement. Les procureurs du roi et la «partie civile peuvent, malgré les lettres de rémission et de «pardon, informer par addition et faire recoler et confronter «les témoins. On est dispensé des formalités, à l'égard de «la partie civile, si elle consent à ce qu'il soit procédé avant «l'échéance des délais, par acte signé et dûment signifié.

«Des différentes formalités de l'entérinement.

«Les cours et les juges doivent entériner les lettres de «grâce sans examiner si elles sont conformes aux charges, «sauf auxdites cours à représenter au roi ce qu'elles jugeront «à propos, et aux autres juges à faire leurs représentations «au chancelier. Il est défendu aux lieutenants criminels et «à tous autres juges, ainsi qu'aux greffiers et aux huissiers, «de prendre et recevoir aucune chose pour l'entérinement «des lettres de grâce».

2.

Собраніе подлинныхъ королевскихъ граммать о помилованіи съ 1349 по 1563 годъ [1]).

A. *Обыкновенныя королевскія граммaты о помилованіи.*

1. Rouen, novembre 1415. «Charles, savoir faisons à

[1]) Charles Desmaze: «Les pénalités anciennes.—Supplices, prisons et grâce en France, d'après des textes inédits». Paris. 1866, стр. 337 и слѣд.

«tous présens et avenir [1]), nous avons receu l'umble sup-
«plicacion de Guillaume Bricart, contenant: que, comme le
«XX jour dudit mois d'octobre derrenierement passé, ledit
«suppliant, qui avoit esté maire et estoit encore de ladite
«ville de Chauny [2]), auquel, comme chef de la commune
«le compétoit, avoit la cure du gouvernement de ladite ville
«et pourveoir aux affaires d'icelle, fuist alez de nuyt envi-
«ron les murs de ladicte ville et ailleurs, pour icelle visiter
«et solliciter les bonnes gens qui faissoient le guet de faire
«bon guet et bonne diligence, de garder ladicte ville et les
«mectre en bonne ordonnance, comme à son office appar-
«tenoit, parce qu'alors les Anglois estoient à six ou sept
«lieues d'illec, comme l'en disoit,—Et environ quatre et
«cinq heures après minuit. pource qu'il commençoit à pleu-
«voir, s'en feust ledit suppliant retourné en son hostel, ou-
«quel il eust trouvé sa chambre fermée, laquelle il eust
«faict deffermer par sa femme, qui estoit dedens couchée,
«en son lit.—Et là, eust aperceu et advisié, en la ruelle de
«son lit, un jeune homme nommé Jehan Mairel, tout nu,
«excepté de sa chemise, et sans brayes.—Pour laquell cause, et
«aussi que sadicte femme avoit fermé l'uis de sadicte chambre,
«et que sadicte femme estoit toute nue en son lit, il,
«doubtant que icellui Mairel ne feust illec venu pour
«villener sadicte femme, eust été meu et courcié, et d'un
«badelaire [3]) qu'il avoit eust frapé ledit Jehan Mairel un
«cop seulement ou costé.—Après lequel cop, ledit Mairel
«s'enfuist fouy tout nu, excepté de sa chemise, et assez
«tost après, feust cheut dudit cop à terre, et après ce
«qu'il feust levé dudit lieu, feust tantost après alé de vie

---

[1]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor des chartes, reg. JJ, 169, pièce 11.

[2]) Le vieux dicton picard porte: Chaulny la Bien-Nommée.—Voir la Picardie d'après les manuscrits, p. 2 (Dupray de la Mahérie, éditeur. Paris, 1865), et les Annales de Noyon, par Levasseur, t. II.

[3]) Épée.

«à trespassement; pour occasion duquel cas nous accordons «rémission».

2. En 1376, «rémission en faveur de Jehan de Saint-«Queux, qui avoit tué Pierre Dudée [1]), en se défendant «contre lui à Hemevilliers».

«Emprisonné par les religieux de Saint-Èloi de Noyon, «il fut relâché et gracié par vertu d'une grace et rémission, «que feu la Royne Jehanne li fist pour lors en son joieux «advenement, pour ce que c'estoit la première fois qu'elle «estoit venue en ladicte ville de Noyon».

3. Janvier 1382. «Remission accordée à Étienne de «Marchel, clerc, demeurant à Ham en Vermandois [2]), qui, «insulté par le cabaretier chez lequel il buvoit, le sacha «avec un badelaire [3]) qu'il avoit à sa sainture, et lui donna «un coup de son coustel sur la teste».

4. Le 15 octobre 1349, «des lettres de rémission furent «accordées à Guillemin Carrouge, valet couturier de la «Royne, qui avoit frappé de coups de poing et mordu à «la main le sergent à verge au Chatelet Denisoit Ono, «lequel l'avoit arresté pour un léger délit».

5. En octobre 1392, «rémission, pour cause de joieux «et premier advenement en la ville de Laon, en faveur de «Jehannot Le Fèvre, lieutenant du prévost de Guise, qui, «se rendant à Puisieux [4]) pour les besoignes dudit prévost, «rencontra Jehan de Lacour, de Proissis [5]), qui, lui ayant «donné d'une espée parmi le bras, en reçut de lui un autre «qui le fit mourir» [6]).

---

[1]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor des chartes, J., reg. 109, f° 107.

[2]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor des chartes, JJ., reg. 122, f° 27 v°. (Citation de M. Cocheris, bibliothécaire de la Mazarine).

[3]) Espèce d'épée.—Consulter le Châtelet de Paris, p. 370.

[4]) Puisieux, canton de Sains, arrondissement de Vervins (Aisne).

[5]) Proisy, arrondissement de Vervins.

[6]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor des chartes, J. reg. 153, f° 359 v°.

6. Février 1397. «Rémission en faveur de Jehan Bou-«dart de Faiouël [1]), courrier du chastel de Crevecuer, et «sergent de feu le sire de Coucy, qui, en revenant des plez «de Coucy à Trosly [2]) où il habitoit, s'arreta à Guny [3]) «pour apaiser une dispute entre Boyvin, maire dudit lieu, «et Griffon de Coucy, puis finit, en se défendant, esmeu et «échauffé [4]), par férir de l'espée ledit Griffon».

7. Septembre 1400. «Rémission accordée par le roi «Charles à Agnès [5]) femme de Gilles Largent, maistre «maçon de l'église de Saint-Quentin, en Vermandois, déte-«nue pour meurtre, laquelle s'est dicte grosse d'enfant sen-«tant».

8. A Paris, septembre 1408. «Rémission accordée par «le Roi à Jehan Béraut [6]), potier d'étain, lequel avoit faict «faux coins de monnoie pour fabriquer blancs deniers tour-«nois, et avoit été, par le bailli de Touraine, condempné «à estre bouilli, ainsi que faulx-monnoyeurs sont accoustu-«més à estre».

9. En 1420, «grâce accordée par M. le duc de Bour-«gogne à Jehanne Leroy [7]), condempnée à estre mise au «pillori, à avoir la langue percée d'un fer chauld, et bannie, «pour avoir dict publiquement qu'il y avoit à Douai qua-«rante-six ou quarante-sept des plus notables damoiselles «mariées qui estoient ribauldes».

10. En 1424, «rémission en faveur de Jaquemart de

---

[1]) Frières-Faillouël, canton de Chauny, arrondissement de Laon (Aisne).

[2]) Trosly-Loire, canton de Coucy-le-Château, arrondissement de Laon.

[3]) Guny, canton de Coucy-le-Château.

[4]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor de chartes, J., reg. 153, f° 72.

[5]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor des chartes, J., reg. 155, pièce 225.

[6]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor des chartes, J. reg. 163, pièce 34.

[7]) Archives de Douai, manuscrit 786.

«Laporte, natif de Heilly [1]), en prison à Amiens, qui, mis «en demeure par Pierre du Crocq, fermier de l'imposition «de Heilly, de payer ce qu'il devoit, bien qu'il ne dût rien, «ne put s'empêcher, en entendant la demande à lui faite à «tort, de jurer le vilain serment».

«Pourquoi il fut condempné à aller, un dimanche, à «l'heure de grant messe, porter à l'église parrochiale d'Heilli «deux cierges, pesant chacun une livre».

11. En juin 1427, «rémission accordée à Jehan de «Heigremont, dict Jehan Moille, povre jeune homme qui [2]), «après avoir diné avec le maire, le procureur et autres de «la ville de Guise, étant surpris de vin et moult tendre de «la teste, prist une petite sainture ferrée d'argent qui pou- «voit valoir deux flourins ou environ».

12. Le 4 novembre 1426, «rémission en faveur de Jehan «Molinet [3]), qui, en remplissant les fonctions de sergent «du prévôt du seigneur d'Aumont, à Hénouville, avoit blessé «mortellement le nommé Jeannin Langlois, d'Jvry le Tem- «ple, lequel l'avoit insulté».

13. 9 juillet 1428 [4]). «Comme le dimanche après le «jour des Roys, Pierrotin Renou et plusieurs compaignons «et filles à marier se fussent assemblez à l'ostel de notre «bien amé Jehan de Henencourt, escuier audit lieu, pour «ilec dancer, faire feste et eulx esbatre, ainsi que ont acou- «stumé faire au païs les jeunes gens à marier. En jouant «au jeu de tiers, Pierotin cheut à terre et plusieurs sur lui, «entre autres la nommée Perrotine, meschine, servant en l'ostel

---

[1]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor de chartes, J., reg. 172, f⁰ 306 v⁰.

[2]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor de chartes, J., reg. 174, f⁰ 4 v⁰

[3]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor de chartes, J., reg. 173, f' 368 v⁰.

[4]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor des chartes, J., reg. 174, f⁰ 82.

«Pierre Saquespée, et quand ils furent relevez, fut aperçu «que ladite Perrotine saignoit, et que le sang dégoutoit par «dessoubz les drappeaux, et fut trouvée bléciée ou ventre, «au dessus de l'ayne, à la chûte qu'ils firent l'un sur «l'autre; et enquérant comment ce pouvoit estre advenu, «fut apperceu que la pointe d'un petit coustel taillepain, «que icelui Pierotin avoit pendu à son gippon, passoit «oultre la gaigne, et que il avoit percé la cotte dudit «Pierotin».

14. 24 décembre 1428. «Rémission en faveur de Jehan «Cossillart [1]), tonnelier à Harbonnières, qui, en revenant de «Lihons, où il avoit fait assigner Jehan de Werchin, son «débiteur, par-devant le doyen dudict lieu, avait été assailli «par ledit de Werchin et l'avoit, pour se défendre, tué d'un «coup de plançon».

15. 14 mai 1429. «Rémission en faveur de Marson «Daynée, femme de Jehan Raimbaut [2]), grand povre hom- «me, prisonnière à Aubenton [3]), ès prisons du comte de «Vaudemont, au bailliage de Vermandois, demourant à «Heunap [4]), qui avoit volé des pièces d'or à des locataires qu'elle logeoit, dans une maison audict Aubenton».

Б. *Королевскія грамоты о помилованіи, въ случаѣ заявленія со стороны дѣвушки о своемъ желаніи вступить съ осужденнымъ въ законный бракъ.*

1. 1429. «Au moment où l'on alloit executer un très «bel jeune fils [5]) qui avoit faict des pilleries autour de Paris,

---

[1]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor des chartes, J., reg. 174, f° 48 v°.

[2]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor des chartes, J., reg. 174, f° 130.

[3]) Aubenton, chef-lieu de canton, arrondissement de Vervins (Aisne).

[4]) Hannapes, canton de Wassigny, arrondissement de Vervins.

[5]) Journal d'un bourgeois de Paris, p. 129 et 130.

«une jeune fille, née des Halles, le vint hardiment demander, et tant fist par son bon pourchas, qu'il fut remené «au Chastelet, et depuis furent espousez ensemble» [1]).

2. Avril 1446: «Ainsi qu'on le menoit à la justice [2]), une «fille de bonnes vie et renommée, oyant les plaintes que «avoit le suppliant Person Sureau, meue de pitié et amour «naturels, requist la justice de Rozoy [3]) que on lui voulût «rendre le suppliant et elle l'espouseroit.

«Dont le bailli de Rozoy fut refusant, duquel refus la «jeune fille appela, et pour ce, a esté le condamné ramené «ès prisons dudit Rozoy».

Par lettres du 22 juin 1446, Charles VII, à Chinon, fit «rémission et pardon au condamné de la peine, lequel «sera tenu d'espouser et prendre à femme ladicte jeune «fille».

B. *Королевскія грамоты о помилованіи политическихъ преступниковъ.*

1. 1453. «Rémission de la vie à Jacques Coeur, con«damné pour crime de lèse—majesté» [4]).

2. Le 17 février 1523, fut rendu un arrêt contre Saint—Vallier, portant dégradation et exécution à mort; il fut sursis par lettres du Roi, en date du 20 février, et la peine de mort fut commuée en prison [5]). Pendant ce temps,

---

[1]) Curiosités des Parlements de France. Cosse, éditeur; 1863.

[2]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor de chartes, J. J. 178, f° 1.

[3]) Rozoy-sur-Serre, chef-lieu de canton, arrondissement de Laon (Aisne).— La monographie de ce canton vient d'être trèsexactement écrite par M. Mien. Saint-Quentin, 1865.

[4]) Bibliothèque impériale (manuscrits), Harlay, 47.

[5]) Bibliothèque impériale (manuscrits), Brienne, 186.

Saint-Vallier était détenu en la deuxième chambre de la tour carrée des galeries du palais; il obtint enfin rémission complète et réhabilitation [1]), par lettres données à Péronne (août 1527).

3. Janvier 1483. «Rémission en faveur de Minot Gamin «et de Jaquet de Cailli, jeunes enfans à marier, demourans «au Ponthieu, qui, estant allés à la feste du village de «Hangest [2]), pour eulx esbattre et passer temps aux dan«ses, se meslerent à une dispute survenue entre les habitants «de Hangest, de Long et de Longpré, et, en se défendant, «tuèrent plusieurs personnes».

4. En octobre 1563, «Jehan Dumora, dit Jehannisson «de Salles, appelant de juge ordinaire de salle, qui, pour «l'homicide par lui commis en la personne de Jehan Du«puy [3]), l'avoit condamné à avoir la tête tranchée, demande «et obtient de la cour l'entérinement des lettres de rémis«sion à lui accordées par le Roi, en lui infligeant une «amende de cent sols, pour faire prier Dieu pour l'âme «dudit Dupuy».

5. Le 30 septembre 1562, «arrest par lequel le duc de «de Beaufort, les sieurs de Rostaing et de Brillet ont été «débouttés de leurs lettres de rémission, pour raison de la «mort de M. le duc de Nemours, et condamnés à au«mosner 2.400 livres parisis, au pain des prisonniers de la «Conciergerie du palais, et en 24 livres parisis pour faire «prières dire, pour l'ame dudit deffunt, en ladicte chapelle «de la Conciergerie».

---

[1]) Voir, sur cette réhabilitation, les beaux vers de Victor Hugo: le Roi s'amuse.

[2]) Archives de l'Empire (section historique), Trésor de chartes, J., reg. 213, f° 6 v°.

[3]) Archives de la Gironde, B. 175.

3.

Статистическія данныя о числѣ помилованныхъ во Франціи, съ 1826 по 1880 годъ.

Изъ общаго отчета министерства юстиціи президенту Французской республики за періодъ времени съ 1826 по 1880 годъ, процентное отношеніе числа помилованныхъ къ числу прошеній, поданныхъ о помилованіи со стороны приговоренныхъ къ смертной казни,—представляется въ слѣдующемъ видѣ: [1])

Съ	1826	по	1830	годы	 35	на	100.
»	1831	»	1850	»	 37	»	»
»	1851	»	1864	»	 43	»	»
»	1865	»	1870	»	 46	»	»
»	1871	»	1880	»	 61	»	»

[1]) M. Ortoban: «Résumé des éléments de droit pénal». Paris 1867, p. 341 G. Breuillac: «Des recours en Grace». Paris 1885. Canalusion.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

ПРАВО СУДА И ПОМИЛОВАНІЯ

КАКЪ

ПРЕРОГАТИВЫ РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВНОСТИ.

«Зачѣмъ нужно, чтобы одинъ изъ насъ сталъ «выше всѣхъ и даже выше самаго закона? Затѣмъ, «что законъ—дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ «что-то жестокое и не братское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь; «нарушить-же или не исполнить его никто изъ насъ «не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться «людямъ въ одной полномощной власти . . . . » [1]).

А. С. Пушкинъ.

«. . . . . Власть, которую вымолило у Небесъ «немощное безсиліе человѣчества, вымолило ее крикомъ не о правосудіи небесномъ, передъ которымъ «не устоялъ-бы ни одинъ человѣкъ на землѣ, но «крикомъ о небесной любви Божіей, которая-бы все «умѣла простить намъ: и забвеніе долга нашего и «самый ропотъ нашъ, все что не прощаетъ на землѣ «человѣкъ, чтобы одинъ затѣмъ только собралъ всю «власть въ себя самого и отдѣлился-бы отъ всѣхъ «насъ и сталъ выше всего на землѣ, чтобы чрезъ «то стать ближе равно ко всѣмъ, снисходить съ вышины ко всему и внимать всему . . . . . » [2]).

Н. В. Гоголь.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросами послѣдней главы историческаго очерка права помилованія, среди народовъ западно-европейскихъ государствъ, мы закончили общую часть из-

---

[1]) Полное собр. сочин. Н. В. Гоголя, т. III, стр. 371: «О лиризмѣ нашихъ поэтовъ»—письмо къ В. А. Жуковскому.

[2]) Тамъ-же, стр. 374.

слѣдуемаго предмета и переходимъ къ особенной, посвященной тому-же праву помилованія, а также праву суда, со всѣми ихъ особенностями и политическими основами, но уже какъ прерогативамъ Россійской Державности.

Несомнѣнно, что говорить объ особенностяхъ какого либо частичнаго права, не касаясь при этомъ такихъ-же свойствъ цѣлаго, въ составъ котораго оно входитъ и обязано ему своимъ существованіемъ, значило-бы судить по характеру однихъ только послѣдствій, игнорируя самую причину. Въ такой-же степени будетъ безпочвеннымъ и всякое сужденіе объ отличительной чертѣ двухъ данныхъ прерогативъ, принадлежащихъ Россійской верховной власти, при сопоставленіи ихъ съ общими, какими располагаютъ всѣ остальныя европейскія державности, если мы не предпошлемъ этому сужденію историческаго изслѣдованія всѣхъ фазисовъ, чрезъ которые прошла сама верховная власть на Руси, со всѣми своими правами и преимуществами, съ момента появленія въ народѣ идеи о власти и до перехода ея въ форму самодержавія.

Только при подобной, именно, системѣ оцѣнки основаній, которыя поставили изслѣдуемыя права въ исключительное положеніе, мы будемъ имѣть возможность установить съ полною историческою достовѣрностью: 1) что, подобно всѣмъ остальнымъ личнымъ правамъ Россійской верховной власти, и присущія ей прерогативы суда и помилованія, а равно всякаго рода милостей внѣ закона, зародились у насъ на совершенно иной почвѣ и зиждутся на совершенно иныхъ отношеніяхъ народа къ власти, нежели тѣ, какія усматриваются на западѣ, и 2) что неограниченность такихъ правъ въ рукахъ Россійскихъ монарховъ, соотвѣтствуя неограниченности самой вер-

ховной власти, явилась естественнымъ результатомъ одного лишь продолжительнаго историческаго процесса, а не какого-либо внезапнаго насилія или-же произвола.

И дѣйствительно, Россія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ вся ея исторія, никогда, вообще, не допускала ничего насильственнаго или произвольнаго въ своемъ самобытно сложившемся политическомъ организмѣ, и потому не только поступательныя преобразованія ея отдѣльныхъ, первоначальныхъ политическихъ институтовъ, имѣвшихъ свое историческое прошлое, но и всякій переходъ отъ одного порядка вещей къ другому, отъ стараго къ новому, отъ прежнихъ учрежденій къ современнымъ, постоянно оставляли по себѣ извѣстную историческую нить, связующую новый порядокъ и новыя учрежденія съ прежними, которыя были вызваны тѣми или другими народными и государственными потребностями.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить хотя-бы такіе выдающіеся историческіе факты, какъ: переходъ отъ территоріальной разрозненности, во времена князей, къ общему земельному единенію, отъ удѣльнаго періода къ московскому единодержавію и къ самодержавію,—событія, которыя создались не случайно и не насильственно, но исключительно путемъ и силою постепеннаго, стройнаго, органическаго и разумнаго развитія нашей всегда самостоятельной жизни...

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПРЕРОГАТИВА СУДА.

ГЛАВА I.

Идея власти у древнихъ славянъ до-монгольскаго періода. Родовое начало, какъ непосредственный источникъ власти. Права, обязанности и прерогативы княжеской власти. Идеалы князя и княжеской власти въ народномъ представленіи XII вѣка.

Извѣстно, что внутренняя исторія древней до-монгольской Руси не знала, въ порядкѣ своего общественнаго устройства до XII вѣка, какой либо государственной идеи или права. Кровное семейно-родовое начало лежало въ основаніи *хозяйственнаго* управленія страною, которая, не смотря на племенную рознь, представлялась, однако-же, объединенною національностью, религіею, единствомъ языка и обычаевъ и, наконецъ, управленіемъ одного княжескаго дома,—ничѣмъ не обнаруживая, при этомъ, своего единства въ политическомъ отношеніи.

Причину такого отсутствія, въ системѣ управленія древнихъ славянъ, всякой государственной идеи или права слѣдуетъ искать въ преобладаніи и въ постоянномъ развитіи у нихъ, въ упомянутую историческую эпоху, одного только родоваго начала, которое, выдвигая на первый планъ права и интересы сначала родоначальниковъ и старѣйшинъ племенъ, а затѣмъ призванныхъ и замѣнившихъ ихъ варяжскихъ князей,—отодвигало на задній планъ вопросъ о народномъ благѣ, составляющемъ главнѣйшую и даже исключительную задачу и цѣль государства.

Такимъ образомъ, вся бытовая связь древнихъ славянскихъ племенъ и всякое ихъ бытовое отношеніе опредѣлялись не правомъ или закономъ, но смысломъ рода, который не допускалъ понятія объ отдѣльныхъ своихъ членахъ, съ точно разграниченными и опредѣленными правами, а потому права и отношенія каждой личности, входившей въ составъ цѣлаго родоваго организма, опредѣлялись, единственно, старшинствомъ ея по рожденію. Отсюда и произошло то идеализированіе старшими въ родѣ своего общественнаго положенія, *какъ отцовъ*, а своей *власти* характеромъ *отеческой*, въ противоположность которымъ *подвластные именовали себя дѣтьми.*

Лучшимъ и, какъ всегда, наиболѣе вѣрнымъ выразителемъ коренныхъ началъ народнаго быта вообще, а въ данномъ случаѣ дѣйствительнаго господства въ древнемъ, до-монгольскомъ славянскомъ обществѣ одного лишь родоваго начала или права, служитъ власть, но не власть политическая, а власть, которая связывала самое общество и господствовала въ народномъ быту. Между тѣмъ, такая, именно, власть была настолько проникнута строго патріархальнымъ родительскимъ началомъ, что проявляла свою дѣятельность единственно въ видѣ родительской опеки, хотя, въ то же время, вполнѣ обезпечивала, въ современную эпоху, нравственную и имущественную свободу отдѣльной личности и цѣлаго общества.

При этихъ условіяхъ нельзя вывести иного, исторически вѣрнаго, заключенія о существѣ и характерѣ нашей древней власти, кромѣ заключенія о томъ, *что она была по преимуществу родовая* и, не только по своей основной идеѣ, но также по формѣ и по характеру, вполнѣ соотвѣтствовала семейной, патріархальной отеческой власти, которая, съ одной стороны, подобно отношеніямъ отца къ

сыну, устраняла всякое понятіе о какомъ-либо правѣ и потому отличалась безусловнымъ произволомъ, а съ другой, преисполненная родственнной любви къ подвластной средѣ, не могла уже допускать иныхъ правъ и иныхъ отношеній между правителемъ и управляемыми, кромѣ правъ и отношеній чисто нравственныхъ.

Въ такомъ смыслѣ,—т. е. въ смыслѣ положенія отца и опекуна управляемаго общества, безъ всякихъ гражданскихъ правъ, съ одними только опекунскими къ нему отношеніями,—понимали значеніе власти и всѣ ея представители, начиная съ родоначальниковъ и старѣйшинъ племенъ и кончая призванными варяжскими князьями, которымъ славяне передали ту-же самую власть и въ томъ-же объемѣ, какою пользовались ихъ предмѣстники, предоставляя дальнѣйшему развитію жизни болѣе точное опредѣленіе державной власти.

Наконецъ, тѣмъ-же строго-родовымъ началомъ, съ его родственнымъ чувствомъ и родственною любовью, проникаются, въ свою очередь, и взаимныя отношенія князей, какъ отдѣльныхъ субъектовъ власти. По удостовѣренію нашего почтеннаго историка, С. М. Соловьева [1]), русскіе князья, не взирая на свое развѣтвленіе, усвоивъ себѣ одинаковое понятіе о единеніи и нераздѣльности своего рода, являли собою также одну семью—отца съ дѣтьми, внуками и т. д., при чемъ старшій князь обязанъ былъ блюсти выгоды цѣлаго княжескаго рода, думать и гадать о русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости, а младшіе обязаны были, съ своей стороны, оказывать ему глубо-

[1]) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Т. II, стр. 5.

кое уваженіе и покорность, *имѣть его себѣ отцомъ въ правду* и ходить въ его послушаніи [1])...

Такъ сложилось на Руси понятіе о власти, непосредственнымъ источникомъ которой было родовое начало, а прототипомъ отеческая власть, при чемъ сцѣпленіе отдѣльныхъ составныхъ частей этого понятія оказалось столь крѣпкимъ, что, не взирая на исчезновеніе родоваго начала между князьями въ удѣльный періодъ времени, а также на послѣдующія историческія событія, которыя должны были привести Русь къ соціальному и государственному единству,—власть, по прежнему, продолжала оставаться въ понятіи русскаго народа тою же родительскою опекою, а представители ея такими-же домовладыками, отцами-опекунами управляемаго общества, какими знавала ихъ и глубокая славянская патріархальная древность... Только этимъ, навсегда сохранившимся взглядомъ русскаго народа на власть и на характеръ своихъ къ ней отношеній, еще болѣе закрѣпленнымъ ученіемъ духовенства о ея богоустановленности, и можетъ быть объяснена, отчасти, та пассивная роль, какую играетъ народъ во время взаимныхъ, терзающихъ его, княжескихъ усобицъ, а также то взаимное и несокрушимое единеніе съ властью, какого мы не находимъ во всей исторіи западно-европейскихъ народовъ...

Политическое значеніе и абсолютная необходимость такого единенія, *въ интересахъ даже самой власти*, видимо сознавались и самими князьями, что подтверждается Лаврентьевскою лѣтописью, въ которой, подъ 1096 годомъ, приводится слѣдующаго содержанія приглашеніе, посланное Кіевскимъ княземъ Владиміромъ Мономахомъ къ Олегу Черниговскому, съ

---

[1]) Тамъ-же.

цѣлью прекратить свою съ нимъ вражду и условиться о способѣ защиты Русской земли отъ Половцевъ: *«поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли «предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отець «нашихъ и предъ людьми градьскими, да быхомъ оборо- «нили Русьскую землю отъ поганыхъ»*. Далѣе, тотъ-же любимый Кіевлянами Мономахъ съ отеческою заботливостью поучаетъ въ завѣщаніи и дѣтей своихъ отеческому вниманію къ страданіямъ и нуждамъ народа, съ какимъ относился самъ, говоря: *«Всего-же «паче убогихъ не забывайте.... и вдовицю оправдите сами, «а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка... Ходяще «путемъ по своимъ землямъ, не давайте пакости дѣяти «отрокамъ, ни своимъ, ни чуждымъ, ни въ селѣхъ, ни «въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ»*.

Такая полная глубокаго политическаго смысла и значенія мысль, преподанная Мономахомъ своимъ дѣтямъ, о необходимости постояннаго единенія власти съ народомъ и постоянныхъ ея заботъ о народномъ благосостояніи, будучи усвоена и проведена въ жизнь его потомками, имѣла въ послѣдствіи громадное вліяніе на сильное развитіе княжеской власти въ сѣверо-восточной Руси и на крѣпкое утвержденіе въ ней *князя на правахъ полновластнаго и неограниченнаго хозяина*.

Обращаясь, затѣмъ, къ вопросу о сущности и объемѣ первоначальныхъ правъ и обязанностей призванныхъ князей, нельзя не согласиться съ совершенно правильнымъ и основательнымъ заключеніемъ, по сему предмету, г. Соловьева, что князья, въ началѣ своего княженія, не могли пользоваться правами сравнительно большими тѣхъ, какими располагали прежніе родоначальники племенъ, которыхъ они должны были замѣстить, для установленія *«наряда въ землѣ»*, то есть порядка, постоянно нарушаемаго

родовыми усобицами. А потому, какъ сущность, такъ и первоначальный объемъ преемственныхъ правъ и обязанностей князей состояли въ томъ, чтобы, въ виду ощущаемаго народомъ недостатка въ общественной власти и совершеннаго отсутствія, по словамъ лѣтописца, «правды»,—«княжить и владѣть»—или, выражаясь точнѣе, управлять и *творить судъ, причемъ княжескій дворъ былъ мѣстомъ такого суда* [1]).

Слѣдовательно, уже по самому поводу и главной цѣли призванія князей, о которой упоминается въ первой лѣтописи подъ 862 годомъ [2]), а также въ виду наименованія князя «*самовластцемъ*» [3]),—нельзя не заключить: 1) что князьямъ вручалась народомъ вся полнота власти, разумѣя подъ таковою не современную верховную власть, такъ какъ Русь не вѣдала еще тогда никакой государственной идеи и была объединена, какъ мы уже замѣтили, только національностью, а власть патріархальную, основанную на родовомъ началѣ и на тождествѣ интересовъ и воли княжеской и народа,—власть, о которой книжные люди того времени учили: «*Яко Богъ даетъ власть «ему же хощетъ, поставляетъ бо царя и князя Вышній...... поне то есть глава земли*» [4]) и 2) что князь

---

[1]) Въ 38-й статьѣ Академическаго списка Русской Правды говорится: «татя вести на княжъ дворъ». Въ 23-й статьѣ Троицкаго списка Русской Правды: «аще придетъ кровавъ мужъ на «дворъ (на княжъ дворъ), то видока ему не искати....» и т. д.

[2]) Первая лѣтопись подъ 862 годомъ: «Почаша сами въ себѣ «володѣти и не бѣ въ нихъ правды и въста родъ на «родъ, бывша въ нихъ усобицѣ и воевати начаша «сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ кня-«зя, иже бы владѣлъ и судилъ по праву».

[3]) Примѣчаніе: Въ первый разъ «самовластцемъ» названъ былъ Кіевскій князь Ярославъ Мудрый, сынъ Владиміра Святаго. Описывая борьбу Ярослава съ Мстиславомъ, княземъ Черниговскимъ, которая окончилась неожиданною смертью сего послѣдняго и переходомъ, вслѣдствіе сего, Черниговской волости въ руки Ярослава, лѣтописецъ говоритъ: «и бысть (Ярославъ) самовластецъ въ русской землѣ».

[4]) Лаврентьевская лѣтопись подъ 1177 годомъ.

былъ первымъ судьею въ народѣ и высшимъ источникомъ правды, при чемъ право суда и расправы было, одновременно, его личнымъ правомъ и личною обязанностью, а также одною изъ древнѣйшихъ прерогативъ княжеской власти.

Такая первоначальная прерогатива князя, въ смыслѣ исключительнаго права творить судъ и расправу въ народѣ, по всѣмъ его дѣламъ, независимо отъ общественнаго положенія челобитчика,—прерогатива, которая ставила князя въ постоянное и прямое сношеніе съ народомъ,—и послужила, въ связи съ характеромъ упомянутаго взгляда народа на самую власть и ея представителей, первымъ и главнѣйшимъ основаніемъ сложившагося въ народѣ убѣжденія, что: *«бить челомъ Великому Государю о судныхъ своихъ и о иныхъ какихъ дѣлѣхъ»* является его законнымъ и неотъемлемымъ правомъ.

Подобное-же воззрѣніе на князя, *какъ на лучшаго судью*, народъ традиціонно переноситъ впослѣдствіи и на царей и на императоровъ, не смотря на то, что въ виду расширенія владѣній государства и увеличенія обязанностей по государственному управленію, ни цари, ни императоры не имѣли уже возможности производить личный судъ. Тѣмъ не менѣе никакія воспрещенія бить челомъ непосредственно Государю, минуя установленныя учрежденія, о чемъ будетъ сказано ниже, никогда не могли и не могутъ, до сихъ поръ, заставить его отрѣшиться отъ своего упомянутаго права и убѣжденія, что только Великій Государь можетъ быть его единственнымъ нелицепріятнымъ судьей и милостивымъ защитникомъ...

Говоря о первоначальномъ личномъ судѣ князя, а также о томъ, что ему подчинялись всѣ лица и дѣла, считаемъ не лишнимъ оговорить, ссылаясь на мнѣ-

ніе профессора Ѳ. Дмитріева [1]), основанное на извѣстныхъ историческихъ памятникахъ, что нѣкоторому исключенію подлежали споры, возникавшіе при взаимныхъ столкновеніяхъ членовъ одного и того-же рода, или одной и той-же общины, которые, въ силу существовавшаго обычая, предоставлялись княземъ непосредственному домашнему разбирательству старшинъ и начальниковъ рода.

Отправляя правосудіе лично, въ мѣстѣ своего постояннаго пребыванія, по отдѣльнымъ и спеціальнымъ случаямъ [2]), князь одинаково творилъ судъ и въ тѣхъ наиболѣе отдаленныхъ областяхъ и городахъ своей волости, которые посѣщалъ во время періодическихъ разъѣздовъ съ дружиною за сборомъ дани. Въ нѣкоторые-же города, съ цѣлью тогоже управленія и суда, въ особенности по дѣламъ уголовнымъ: о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ [3]), назначалъ избранныхъ имъ, такихъ-же, какъ и онъ самъ, начальниковъ,—*мужей своихъ* [4]), именуемыхъ сначала *посадниками*, которыхъ съ XIV вѣка замѣняютъ намѣстники и волостели, состоявшіе въ прямомъ подчиненіи князя и находившіеся подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и кон-

---

[1]) «Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго производства отъ судебника до «Учрежденія о губерніяхъ». Ѳ. Дмитріева. Москва 1859 г. стр. 6 и 7.

[2]) Текстъ Русской Правды. Н. Калачева. II, 36 и 100. III, 37 и IV, 13. Къ числу дѣлъ, подлежавшихъ личному суду князя, Русская Правда относитъ: а) случай поимки вора ночью на мѣстѣ преступленія и б) всѣ споры о наслѣдствѣ.

[3]) Акты Археогр. Экспед.: 1, 4, 5, 7, 17, 18, 21, 23, 44—46. Акты историч.: 1, 25, 29, 49, 111, 115, 125, 131.

[4]) Примѣчаніе: Наименованіе «мужей» принадлежало лицамъ высшаго сословія свободнаго населенія. Въ Лаврентьевской лѣтописи сохранилась слѣдующая характеристика лицъ, избиравшихся княземъ въ посадники: «избра (Владиміръ Святой) мужи добры, смыслены «и храбры и раздавая имъ грады».

тролемъ. Съ подобными-же правами и въ одинаковомъ соотношеніи, въ какомъ находились къ князю намѣстники и волостели, состояли, въ свою очередь, при сихъ послѣднихъ назначаемые ими тіуны.

Такимъ образомъ, постепенно развились на Руси три степени судебной власти: сперва *князь, какъ высшее, рѣшающее лицо*, въ случаяхъ особенныхъ, далѣе *намѣстники и волостели* и, наконецъ, судьи отъ намѣстниковъ—*тіуны*, какъ послѣдняя степень суда.

Но, передавая принадлежавшее ему право суда и расправы сначала посадникамъ, а впослѣдствіи намѣстникамъ и волостелямъ, князь, однако-же, зорко слѣдилъ за ихъ дѣятельностью и, въ случаѣ какихъ-либо жалобъ на злоупотребленія властью, требовалъ всякія дѣла къ своему собственному суду: «*А кто «ударитъ челомъ на митрополича намѣстника или на «десятника или на волостеля, и мнѣ Великому Князю «судити самому*» [1]).

Къ сожалѣнію, исторія не сохранила намъ, до XV вѣка, точныхъ свѣдѣній о первоначальномъ способѣ и основаніяхъ личнаго княжескаго суда, но, принимая въ соображеніе совершенную простоту всѣхъ отношеній въ народѣ, въ началѣ политической жизни Россіи, а также полнѣйшее смѣшеніе юридическихъ началъ, вслѣдствіе чего предметы гражданскаго и уголовнаго права не могли быть разграничены,—слѣдуетъ заключить, что князья обязаны были судить на основаніи обычая.

Вполнѣ естественно, что при подобной формѣ нашего древняго политическаго быта, въ которой управленіе и судъ находились въ смѣшанномъ видѣ, когда прерогатива суда служила князю важнѣйшимъ источникомъ личнаго дохода, когда преступленіе

---

[1]) Акты Археогр. Экспед.: 1, 9, 51, 97.

имѣло значеніе и характеръ только частнаго, а не публичнаго правонарушенія, и разсматривалось, какъ матеріальное зло, когда вся система права заключалась въ возмездіи за причиненную обиду или въ вознагражденіи за понесенную, уплатою виры, и когда, наконецъ, личная месть дѣлается священнымъ долгомъ сперва для членовъ семьи, потомъ для сродниковъ, а въ заключеніе для единоплеменниковъ [1],—не могло быть и рѣчи, въ описываемую эпоху, о прерогативѣ княжеской власти на *помилованіе* или *смягченіе участи преступника*.

Тѣмъ не менѣе народъ дорожитъ княземъ и его властью, какъ необходимыми условіями своего политическаго устройства; *онъ твердо сознаетъ, что безъ власти не можетъ быть въ землѣ ни порядка, ни охраненія, ни суда, ни правды*, и потому, въ теченіи четырехсотлѣтняго періода, ни одна изъ Русскихъ земель не устраняетъ изъ состава верховной власти княжескаго элемента. Въ князѣ нуждается даже Великій Новгородъ, который, въ лицѣ уполномоченныхъ своихъ, посланныхъ къ Кіевскому князю Святославу, для приглашенія въ князья одного изъ его сыновей, заявляетъ ему: «*Аще не пойдете къ намъ, мы «князя себѣ налѣземъ*».

Ясно, что княжеская власть являлась въ народномъ представленіи тою абсолютно-необходимою силою, которая одна только могла уравновѣшивать всѣ личные и территоріальные интересы страны и служить, такимъ образомъ, вѣрнымъ залогомъ ея внутренняго и внѣшняго благосостоянія.

Въ такой-же степени народъ дорожилъ и *личнымъ княжескимъ судомъ*, признавая князя высшимъ

---

[1]) «Древнѣйшее Русское право»—Эверса, переводъ Платонова. С.-Петербургъ, 1835 г., стр. 56.

источникомъ правды и справедливости. И потому не удивительно, если, въ договорахъ своихъ съ княземъ, населеніе выговариваетъ себѣ, прежде всего, его личный и непосредственный судъ: «*Аще кому будетъ насъ обида, то ты прави*»,—говорятъ кіевляне князю Игорю. Столь-же неудивительными должны казаться и такіе факты, что, извѣрившись въ «правду», во времена родовыхъ усобицъ, предшествующихъ призванію князей, народъ идеализировалъ личный княжескій судъ, называя его, въ противуположность суду княжескихъ посадниковъ, намѣстниковъ и волостелей, «*княжьей правдой*», въ смыслѣ полнѣйшей справедливости и безпристрастія княжескихъ приговоровъ и рѣшеній, и поэтому всякую недоступность для себя такого суда объяснялъ, единственно, интригами *лихихъ княжескихъ думцевъ* и наступавшею политическою неурядицею.

Такъ, напримѣръ, въ Лаврентьевской лѣтописи 1093 года, лѣтописецъ, указывая на безпорядки попослѣднихъ лѣтъ княженія Кіевскаго князя Всеволода Ярославовича, происшедшіе благодаря его крайне болѣзненному состоянію, а также перемѣнамъ, произведеннымъ этимъ княземъ въ составѣ своихъ совѣтниковъ, не могъ привести инаго, болѣе крупнаго и болѣе разительнаго, въ политическомъ отношеніи, факта, дабы изобразить тяжкое положеніе современнаго общества, какъ сослаться на учиненную княжескими думцами недоступность для народа личнаго суда и заступничества князя: «Начаша тіуны грабити, людей продавати ему (Всеволоду Ярославовичу) не вѣдущю въ болѣзняхъ своихъ..... *и людемъ не доходити княжей правды*».

Изъ воплощенія народомъ общаго идеала о князѣ и княжеской власти въ типѣ такихъ Кіевскихъ князей, какими были Владиміръ Святой, Владиміръ

Мономахъ и Изяславъ, воспѣтыхъ въ нашемъ народномъ эпосѣ, а также въ двухъ замѣчательныхъ произведеніяхъ XII вѣка, какими оказываются «Слово Даніила Заточника» и «Слово о полку Игореви»,— мы имѣемъ полнѣйшую возможность ознакомиться и съ тѣми скромными требованіями, какими обусловливается идеальное представленіе народа о князѣ. Сознавая, что не въ силахъ князя совершенно оградить и обезпечить его отъ всякаго рода злоупотребленій со стороны намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ,—*народъ довольствуется тѣмъ, если только его князь всегда равенъ, доступенъ для него, если онъ отличается отзывчивостью къ его жалобамъ и страданіямъ, самъ никого не обижаетъ и не даетъ въ обиду другимъ.*

«Рука князя, говорится въ «Словѣ Заточника», не «должна быть согнута для подаянія, потому что какъ «неисчислимы волны моря, такъ неисчислимы бо«гатства князя. Князь долженъ имѣть добрыхъ дум«цевъ, съ которыми онъ додумается и до высока «стола, а съ худыми потеряетъ и остальное».

Несомнѣнно, что въ этомъ «Словѣ Даніила Заточника», вмѣстѣ съ изображеніемъ общаго народнаго идеала о князѣ, дѣлаются намеки и на современныя политическія событія, а равно на безпорядки и произволъ конца XII вѣка, когда безконечныя княжескія усобицы достигли крайнихъ предѣловъ, и современный удѣльный періодъ типично характеризовался глаголомъ «волоститься», или добывать волости силою, при совершенномъ забвеніи князьями, въ своихъ эгоистическихъ стремленіяхъ, интересовъ народа.

Обличая всѣ эти хищническія наклонности удѣльныхъ князей, а также лицъ, дѣлившихъ съ ними власть и добычу и доводившихъ ихъ до паденія,— Даніилъ Заточникъ весьма выразительно обрисовы-

ваетъ такое безотрадное и безпомощное состояніе народа, въ видѣ поученія: «*Не имѣй двора близъ «княжескаго двора, не держи села близъ княжа села, «потому что тіуны его огонь, а рядовичи*[1]) *его искры: «если остережешься отъ огня, то не устережешься отъ «искръ»*...

ГЛАВА II.

Упадокъ великокняжеской власти и перемѣщеніе центра политической жизни Руси изъ Кіева въ г. Владиміръ. Монгольское вліяніе на измѣненіе политическаго быта древней Руси. Начало государственнаго объединенія Руси и усиленія верховной власти, въ силу общихъ историческихъ причинъ, а также политической пропаганды духовенства о ея богоустановленности и божественномъ происхожденіи.

Тяжкими народными бѣдствіями и народными страданіями, почти безпримѣрными въ лѣтописяхъ исторіи древней Руси и преимущественно южной ея полосы, отмѣчается вторая половина XII столѣтія, благодаря непрерывной и ожесточенной взаимной борьбѣ удѣльныхъ князей, стремившихся, путемъ насильственнаго захвата чужихъ волостей, расширить свои владѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличить свое политическое значеніе и власть. Но, въ сущности, такой кровавый переворотъ, въ нашемъ старомъ патріархальномъ и семейно-родовомъ общественномъ быту, оказывался исторически неизбѣжнымъ и даже необходимымъ для будущаго политическаго обновленія Россіи.

Предшествовавшая удѣльному періоду племенная рознь, какъ естественное послѣдствіе слабости пле-

---

[1]) Простые нечиновные люди. См. Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, составленный 2 Отд. Императ. Академіи Наукъ.

менной связи, должна была неминуемо создать удѣльную систему, которая, уничтожая окончательно племенное единство, въ то-же время вызвала къ жизни народное единство, положившее прочное начало государственному объединенію и государственной жизни Россіи.

Такимъ образомъ, не смотря на все свое внутреннее политическое ничтожество, удѣльная система, тѣмъ не менѣе, доказала полнѣйшую несостоятельность теоріи Ярослава Великаго [1]), въ вопросѣ о государственной централизаціи Руси, основанной на постоянномъ развитіи одного только родоваго начала въ княжескомъ родѣ, и, одновременно, явила собою первый протестъ противъ стараго порядка вещей съ его первобытными, узкими политическими формами семейно-родоваго характера, которыя не соотвѣтствовали уже тому территоріальному принципу, какимъ была проникнута вся удѣльная система.

Но приведенными нами двумя фактами, собственно говоря, и ограничивается весь историческій смыслъ и вся историческая заслуга удѣльной системы, не имѣвшей, затѣмъ, права на дальнѣйшее существованіе, такъ такъ разрушеніемъ племеннаго единства и всякаго значенія прежней власти великаго князя ея историческая миссія была исчерпана, а созданные ею и невыносимые народу внутренніе безпорядки приводили къ убѣжденію, что совершенное ихъ прекращеніе можетъ послѣдовать лишь при новомъ по-

---

[1]) Примѣчаніе: По теоріи Ярослава Великаго, вся Россія должна принадлежать одному княжескому дому. Каждый князь, членъ рода, получаетъ свою часть. Старшій въ родѣ, ближайшій по рожденію къ родоначальнику, долженствовалъ быть главнымъ, первымъ между князьями, великимъ. Ему, какъ старшему въ родѣ, подчинены всѣ князья въ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ между собою. Онъ былъ представителемъ княжескаго рода, главою всѣхъ князей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представителемъ политическаго единства Руси. «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи». К. Кавелина. Часть I.

литическомъ переворотѣ и при новой формѣ верховной власти, основанной на началахъ единовластія и самодержавія.

Зачатки такого постепеннаго политическаго преобразованія Руси проявляются въ концѣ XII вѣка, въ землѣ Суздальской, гдѣ княжилъ внукъ Владиміра Мономаха, сынъ князя Юрія Владиміровича Долгорукова,—князь Андрей Боголюбскій.

Съ паденіемъ въ 1169 году города Кіева, этой «матери градовъ русскихъ» и средоточія главнаго стола, принадлежавшаго прежде старшему въ родѣ, центръ политической жизни Россіи перемѣстился въ городъ Владиміръ.

Будучи очевидцемъ всѣхъ государственныхъ бѣдствій Руси, въ удѣльную эпоху, и ясно понимая, при этомъ, дѣйствительную ихъ причину, Андрей Боголюбскій, какъ человѣкъ глубоко убѣжденный, что преслѣдуемое удѣльною системою территоріальное начало, только въ связи съ единовластіемъ и съ религіею, можетъ прекратить внутреннюю неурядицу и послужить краеугольнымъ камнемъ для государственнаго объединенія Россіи,—прямо приступилъ къ осуществленію таковой политической теоріи въ принадлежащей ему области, совершеннымъ упраздненіемъ въ ней удѣльной системы и воплощеніемъ въ своемъ лицѣ новаго, болѣе симпатичнаго народу типа князя и княжеской власти, а именно: князя вотчинника, господина и неограниченнаго владѣльца своихъ имѣній,—типа, который выразился еще рельефнѣе въ его преемникѣ и братѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ и получилъ окончательное развитіе въ Москвѣ. И потому, если, по заключенію профессора Сергѣевича [1]), Московское государство

[1]) В. Сергѣевичъ: «Русскія юридическія древности». С.-Петербургъ. 1890 года, т. I.

обязано своимъ образованіемъ, въ видѣ одного крупнаго политическаго цѣлаго, Дмитрію Донскому, вслѣдствіе измѣненія этимъ княземъ порядка престолонаслѣдія [1]), то Андрею Боголюбскому оно, безспорно, обязано, въ томъ же отношеніи, необыкновеннымъ подъемомъ на Руси значенія верховной власти, построенной на началахъ, которыя, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, должны были облечь эту власть въ форму самодержавія.

Элементы, подготовленные трудами и идеями Дмитрія Донскаго и Андрея Боголюбскаго, для установленія и развитія на Руси новаго политическаго порядка вещей, не могли, однако же, совершить желаемаго переворота въ нашемъ древнемъ общественномъ быту, пока нашествіемъ монголовъ не былъ окончательно разрушенъ старый, давно уже расшатанный, порядокъ.

Сокрушая удѣльную систему въ самомъ ея основаніи, въ своихъ непосредственныхъ, личныхъ интересахъ, монголы, сами того не подозрѣвая, *возсоздаютъ* у насъ *политическое единство*, но уже на началахъ государственныхъ, а подчиненіемъ всѣхъ русскихъ князей абсолютной власти хановъ и *возстановленіемъ понятія объ одной общей верховной власти и объ единомъ владыкѣ Русской земли*, которое вполнѣ соотвѣтствовало древней родовой о ней идеѣ самого народа,—они, усиленіемъ ея значенія и могущества, опредѣлили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и видимый центръ для будущаго государственнаго единства Россіи, которымъ оказалось великое княжество Московское.

---

[1]) Примѣчаніе: Дмитрій Донской (умершій 19 Мая 1389 г.) въ завѣщаніи своемъ опредѣляетъ, чтобы старшему въ родѣ всегда предоставлялась бо́льшая часть того, чѣмъ владѣлъ отецъ.

Упоминая о такомъ выдающемся историческомъ фактѣ, которымъ была рѣшена политическая судьба Россіи, въ дѣлѣ постепеннаго государственнаго объединенія, а также усиленія значенія и могущества верховной власти, не слѣдуетъ, въ тоже время, упускать изъ виду громадной заслуги, какая принадлежитъ, въ этомъ отношеніи, нашему духовенству и его политической пропагандѣ.

Какъ единственное обязательно-просвѣщенное и крѣпко сплоченное сословіе въ древней Россіи, при тогдашней всеобщей безграмотности, духовенство, имѣвшее огромное нравственное вліяніе на народъ, оказало, какъ извѣстно, не мало услугъ Россіи, въ трудныя минуты ея политической жизни.

Независимо отъ исполненія своихъ непосредственныхъ обязанностей по распространенію въ народѣ основныхъ началъ религіи, мы нерѣдко застаемъ наше духовенство въ роли примирителя князей и посредника между ними и народомъ по вопросамъ внутренней политики, въ самые рѣшительные, критическіе моменты. Такъ, въ 1135 году, митрополитъ Михаилъ примиряетъ великаго князя Ярополка съ Олеговичами, убѣдивъ перваго возвратить послѣднимъ города по Сейму, составлявшіе ихъ отчину. Три года спустя, въ 1138 году, тому же митрополиту Михаилу удается примирить князя Вячеслава, брата Кіевскаго великаго князя Ярослава, съ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, въ спорѣ ихъ изъ за Кіевскаго престола. Въ 1149 году, епископъ Переяславскій Евфимій примиряетъ князя Юрія Долгорукова съ его племянникомъ, Изяславомъ Кіевскимъ. Наконецъ, въ 1195 году, митрополитъ Никифоръ словами, обращенными къ Кіевскому князю Рюрику Ростиславовичу: *«Княже, мы есмы представлены въ «русской землѣ отъ Бога востягивати васъ отъ крово-*

«пролитія»—предупреждаетъ новую кровавую расправу, готовившуюся вспыхнуть между Рюрикомъ и Суздальскимъ княземъ Всеволодомъ, изъ за городовъ, захваченныхъ Рюрикомъ у Всеволода и отданныхъ имъ зятю своему Роману [1]). Между тѣмъ, подобное вмѣшательство духовенства въ личныя раcпри князей нерѣдко сопровождалось печальнымъ и для него исходомъ, такъ какъ гнѣвъ князя на извѣстную область обрушивался и на епископа, защищавшаго свою паству, что и было, напримѣръ, въ 1208 году съ Рязанскимъ епископомъ Арсеніемъ.

Далѣе, въ злополучную удѣльную эпоху, когда въ теченіи болѣе 80 лѣтъ (1155—1237 гг.) насиліе и безчеловѣчные поступки князей съ народомъ, казалось, должны были, неминуемо, вызвать взаимное, между ними, столкновеніе,—духовенство, силою своихъ проповѣдей на тему *о немилостивыхъ и злыхъ царяхъ и князьяхъ, поставляемыхъ Богомъ за грѣхи самихъ подвластныхъ* [2]), *а также поученіями о богоустановленности и божественномъ происхожденіи верховной власти,* не только предотвращало такое новое ужасное для Россіи бѣдствіе, примиряя народъ съ его участью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновеннымъ подъемомъ авторитета князя и княжеской власти, успѣло даже укрѣпить въ народѣ навсегда всю чистоту его прежнихъ, добрыхъ и семейно-патріархальныхъ отношеній къ князю.

Извѣстно, что упомянутая идея о богоустановлен-

---

[1]) Лѣтопись по Ипат. сп., стр. 460.

[2]) Примѣчаніе: Источникомъ для означенной темы послужили слова притчи Соломона: «мною цесареве царствують, а сильніи пишють правду; мною вельможи величаются и мучители держать землю». «Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляетъ ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду и властеля устрояетъ и судью правящаго судъ», Неправедныхъ-же князей «Богъ даетъ за грѣхи и старыя мудрыя отъемлетъ».

ности и божественномъ происхожденіи верховной власти послужила, впослѣдствіи, основаніемъ для новой теократической о ней теоріи, отъ сочетанія которой съ первоначальною, семейнородовою идеею о власти [1]) создалось современное, нравственное представленіе народа объ исходѣ ея отъ самого Бога, а потому мы признаемъ необходимымъ прослѣдить исторически не только происхожденіе означенной идеи, но и постепенную ея пропаганду духовенствомъ среди народа.

Еще при Владимірѣ Святомъ, и вскорѣ послѣ крещенія Руси, епископы уже начинаютъ поучать этого князя о богоустановленности царской власти, мотивируя свое требованіе о необходимости казни разбойниковъ тѣмъ, что онъ «*поставленъ отъ Бога* на казнь злымъ и *добрымъ на милованіе*» [2]).

Съ тѣхъ поръ и въ томъ же духѣ, но съ еще бо́льшею энергіею и настойчивостью, продолжаются поученія духовенства, и раздаются его проповѣди въ народѣ.

Такъ митрополитъ Иларіонъ, въ словѣ «о законѣ и благодати», обращается къ Владиміру Святому съ слѣдующими словами: «*Добръ же зѣло и вѣ*«*ренъ послухъ сынъ твой Георгій, его-жъ сотвори Господь* «*намѣстника по тебѣ твоему владычеству*» [3]). Новгородскій епископъ Лука Жидята, въ поученіи къ братіи, наказуетъ ей: «*Бога ся бойте, а царя чтите. Раби будете первое Божіи....*» [4]). Въ статьѣ: «Поуче-

---

[1]) Примѣчаніе: Въ смыслѣ семейной, патріархальной, отеческой власти и родительской опеки.

[2]) Примѣчаніе: Дословное повтореніе этого поученія о богоустановленности власти и о ея предназначеніи встрѣчается въ словахъ, высказанныхъ Владиміромъ Галицкимъ о самомъ себѣ: «Богъ поставилъ насъ волостелями въ месть злодѣямъ и въ добродѣтель благочстивымъ» (Ипат. 1149).

[3]) Прибавл. къ Твореніямъ Св. Отцовъ, II, 1844 г., стр. 246.

[4]) Макарій, Исторія русской церкви, т. I, изд. 2, стр. 279.

ніе любовно», помѣщенной въ сборникѣ поученій XII вѣка [1]),—повторяется тоже правило: *«буди боязнивъ предъ царемъ, готовъ въ повелѣніи его»*. Въ Кормчей книгѣ XIII вѣка находимъ поученіе духовника исповѣдающимся слѣдующаго содержанія: *«также «и къ властелѣмъ страхъ имѣй и любовь:* боябося ихъ «съблюдешися отъ зла, имъ-же ненависть приходить «и любя я—тъчное отъ нихъ восприимеши.... *Всяка «власть отъ Бога; по санѣмъ же всѣмъ честь отда«вай»* [2]). Далѣе, въ поученіи неизвѣстнаго автора, озаглавленномъ: «Слово Св. Отецъ, како жити крестьяномъ» [3]),—читаемъ: *«наипаче же своему князю «пріязнь имѣй, а не мысли зла нань. Глаголетъ бо Па«велъ: отъ Бога власти всяки устроены суть, рече-бо «Бога ся бойте, а князя чтите.* Аще бо властелемъ «кто противится, то Божію суду повиненъ есть, по«велѣнію бо противится Божію».

Наконецъ, о божественномъ поставленіи власти поучаютъ Русь и восточные архипастыри, какъ это видно изъ посланія константинопольскаго патріарха, въ началѣ XIV вѣка, къ великому князю Тверскому Михаилу Ярославичу, въ которомъ онъ пишетъ [4]): «истинно видимъ, *яко Богомъ дана ти есть власть и «княженіе*, понеже тщишися и дерзаеши да ходять «людіе по правдѣ въ славу Богу».

Эту-же идею о богоустановленности проводятъ въ своихъ поученіяхъ и такіе выдающіеся и вліятельные представители русскаго духовенства, какими были митрополиты Алексѣй и Фотій.

Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ текстуальнаго цитированія и объясненія словъ апостола Павла о

[1]) Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № LII, стр. 206.

[2]) Р. И. Б., VI, стр. 124.

[3]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1854 г. № 12.

[4]) Р. И. Б., VI, № 16. I.

верховной власти,—идея о ея богоустановленности не имѣетъ другаго основанія и не получаетъ дальнѣйшаго своего развитія почти до XVI столѣтія, хотя, параллельно съ нею и, несомнѣнно, съ цѣлью ея усилія, духовенствомъ выдвигается новая, объ обоготвореніи власти, заимствованная изъ ветхозавѣтныхъ ученій.

Послѣдняя идея впервые проводится лѣтописцемъ въ XII вѣкѣ, въ поученіи по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго, въ которомъ, ссылаясь на слова апостола Павла, онъ слѣдующимъ образомъ выражается о представителяхъ верховной власти [1]: «. . . *Естьствомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цесарь, властью же сана яко Богъ, вѣща бо великій Златоустецъ: тѣмъ же противяся волости* и т. д....».

Подобнаго рода поученія на тему о божественномъ происхожденіи власти встрѣчаются весьма часто въ нашихъ лѣтописяхъ, при чемъ приводятся или слова царя Соломона о томъ, что «*князь, любя судъ и правду, небо есть земное и душа его—престолъ Христови*», или слова апостола Павла: «*князи и вся судья земскія слуги божія суть*», или, наконецъ, слова Іова: «*Богъ въ собе мѣсто избра васъ на земли и на своемъ престолѣ, взнесъ, посади* . . . . .» [2]).

Проповѣдуя обѣ упомянутыя идеи въ народѣ, съ цѣлью выясненія его обязанностей по отношенію къ верховной власти, духовенство, силою тѣхъ-же истинъ евангельскаго и апостольскаго ученія, одинаково разъясняетъ и князьямъ ихъ обязанности къ народу, а также ту страшную отвѣтственность, какую они несутъ предъ Богомъ какъ при жизни, такъ и послѣ своей смерти, за измѣну своему долгу и своимъ задачамъ, весьма ясно и опредѣленно вы-

---

[1]) Лѣтоп. по Ипат. сп., стр. 115.

[2]) Памятн. стар. русск. литер., IV, 184.

раженнымъ въ отвѣтѣ печерскаго игумена Поликарпа князю Ростиславу Мстиславовичу: *«вамъ Богъ тако «велѣлъ быти: правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду «судъ судити и въ хрестномъ цѣлованьи и вы стояти «(и земли русскіе блюсти)»* [1]).

Указаніе игуменомъ Поликарпомъ, въ числѣ главнѣйшихъ задачъ и обязанностей князя, на необходимость правильнаго отправленія правосудія объясняется тѣмъ дѣйствительнымъ беззаконіемъ князей и ихъ ставленниковъ, которое было тогдашнею злобою дня и причиною страданій народа, а потому большинство обличительныхъ проповѣдей духовенства того времени, объ отвѣтственности царей и князей предъ Богомъ, было направлено преимущественно противъ княжескаго неправосудія.

Въ Памятникахъ старинной русской литературы [2]) мы встрѣчаемъ два весьма типичныхъ поученія на означенную тему, изъ коихъ одно озаглавлено: «Семена епископа тверскаго наказаніе», а другое: «Наказаніе княземъ иже даютъ волость и небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ». Поученіями этими одинаково обличается неправда князей и лицъ, коимъ они предоставляли власть управленія и суда, при чемъ князьямъ преподается, что непосредственная отвѣтственность ихъ предъ Богомъ нисколько не умаляется тѣмъ, что беззаконіе совершается не ими, а лицами ими назначаемыми, ибо говорится въ первомъ поученіи: *«если будетъ князь добръ, богобоинъ, «жалуетъ людей, правду любитъ,—и избираетъ тіуна «или волостеля мужа добра и богобойна и исполнена «страха Божія . . . . . . Если же князь будетъ безъ «страха Божія, христіанъ не жалуетъ и сиротъ не ми- «луетъ,—поставляетъ тіуна или волостеля злаго, Бога*

[1]) Лѣтоп. по Ипат. сп., стр. 363.
[2]) Памятн. стар. русск. литер., IV, 185.

«не боящагося, незнающаго закона Божія . . толико того «дѣла, абы князю товара добывалъ . . . . . ».

Что-же касается до втораго поученія, то въ немъ, послѣ угрозы князьямъ словами Ефрема Сирина: «*Бози бывше, измрете яко человѣцы*», — авторъ заключаетъ свое поученіе замѣчаніемъ: *«царю неправедну— всѣ слуги подъ нимъ беззаконны суть»*.

Съ поученіями и проповѣдями о необходимости правосудія выступаютъ и митрополиты Алексѣй и Фотій. Изъ нихъ митрополитъ Алексѣй обращается съ слѣдующимъ назиданіемъ къ властямъ *«А князи «и бояре и вельможи судите судъ милости, хвалится «милость на судѣ; мъзды на неповинныхъ не пріимайте «и не на лица судите, судъ бо Божій есть; судите лю- «демъ вправду и вдовицъ и сиротъ, и пришлецъ не оби- «дите, да не возопіютъ на васъ къ Богу»* [1]).

Митрополитъ Фотій взываетъ къ князьямъ о томъ-же *«Вы же, благородніи князи и вельможи, иже «народъ Христова людства, врученный вамъ сущеи, молю «непреложно благодѣтельство всяко и заступленіе стя- «жати . . . . и во всемъ сдержаще нелицемѣрный судъ «Божіа правды, ибо яко держава дана есть вамъ и сила «отъ Вышняго . . . . И убо, чада моя, немилостивымъ «владѣльцемъ судъ напрасенъ бываетъ и державнымъ же «паки сильнѣйшимъ грозная отъ праведнаго Судіи нало- «житъ испытанія»* [2]).

Къ занятію правосудіемъ побуждаетъ князей и Св. Кириллъ, который въ 1408 году пишетъ князю Андрею Можайскому: *«А крестьяномъ, господине, не «лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ «отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста»*.

Такова была дѣятельность духовенства, особенное значеніе и окончательный результатъ которой,

---

[1]) Прибавл. къ Твор. Св. Отцовъ, годъ пятый, 1847 г., стр. 33—34.
[2]) Дополн. къ А. И. т. I, № 183, стр. 344 и слѣд.

по вопросу о соединеніи Руси въ одно прочное государственное цѣлое, выразился въ томъ, что, силою упомянутаго своего ученія о верховной власти, духовенство, постановкою его на исключительно религіозную почву, успѣло не только примирить, но и установить между княземъ и подвластными крѣпкую и несокрушимую связь, столь необходимую для воспріятія народомъ новыхъ политическихъ теорій о будущемъ Московскомъ государствѣ и государѣ.....

ГЛАВА III.

Образованіе Московскаго государства при великомъ князѣ Іоаннѣ III. Окончательное фактическое установленіе единодержавія и самодержавія и послѣдующее развитіе этого типа государственной верховной власти при великихъ князьяхъ Василіѣ III-мъ и Іоаннѣ Грозномъ. Неустойчивость взгляда великихъ князей Іоанна III и Василія III на неограниченность монархической власти. Политическія притязанія на верховную власть родовитаго боярства. Сознательная борьба Іоанна Грознаго съ боярами за неограниченность самодержавной власти. Его теорія о неограниченной верховной власти, выраженная въ перепискѣ съ княземъ Курбскимъ.

Само собою разумѣется, что окончательное торжество государственной идеи въ политическомъ устройствѣ Россіи не могло послѣдовать вдругъ, такъ какъ изъ трехъ началъ, обусловливающихъ понятіе о государствѣ, она располагала только двумя, какъ-то: территоріею и населеніемъ, объединенными, первая городомъ Кіевомъ, какъ средоточіемъ политическаго и церковнаго единства Руси, а второе національностью. Не доставало, слѣдовательно, третьяго, необходимаго элемента, а именно общей, государствен-

ной власти, которая и начинаетъ постепенно складываться въ княженіи Іоанна III, по мѣрѣ устраненія внутреннихъ и внѣшнихъ преградъ, препятствовавшихъ выраженію верховной власти въ смыслѣ единой для всей Россіи.

Такими преградами были съ одной стороны продолжавшееся владычество монголовъ, а съ другой извѣстная автономія и независимость, какими еще пользовались княжества Тверское и Рязанское, а также и владѣнія Пскова и Великаго Новгорода [1]). Но умъ, тактичность и необыкновенная осторожность Іоанна III преодолѣли всѣ упомянутыя препятствія, для образованія Московскаго государства, съ государственною абсолютною верховною властью.

Интригами, дарами и услужливостью предъ ордынскими ханами, вовсе не поступаясь при этомъ великокняжескимъ своимъ достоинствомъ, Іоаннъ III, подобно дѣду, заручается ихъ полнѣйшимъ къ себѣ довѣріемъ и уваженіемъ, вслѣдствіе которыхъ становится во главѣ всѣхъ остальныхъ удѣльныхъ князей, а расширеніемъ предѣловъ Московскаго государства, по примѣру предковъ, посредствомъ «примысловъ», то есть пріобрѣтеніемъ новыхъ земель, частью путемъ добровольныхъ сдѣлокъ и договоровъ, частью-же насильственнымъ захватомъ, — создаетъ изъ великаго княжества Московскаго, куда уже давно были перенесены всѣ символы великокняжеской власти, тотъ политическій центръ, въ которомъ нуждалась Русь, для своего окончательнаго объединенія на началахъ государственныхъ. Наконецъ, доведеніемъ внутренняго устройства Московскаго государства до сравнительно идеальнаго современнаго положенія какъ въ административномъ, финансовомъ,

---

[1]) К. А. Неволинъ: Полн. собр. соч. т. VI, С.-Петерб. 1859 г.

такъ и, въ особенности, въ военномъ отношеніи, сформированіемъ грозной рати,—Іоаннъ III освобождаетъ всю Россію отъ вѣками тяготѣвшаго надъ нею позорнаго монгольскаго ига.

Столь важные историческіе факты, въ связи съ такимъ внѣшнимъ выдающимся событіемъ, какъ исчезновеніе, съ паденіемъ Константинополя, политической главы и защитника православной вселенской церкви,—событіемъ, которое, въ вопросѣ о замѣстительствѣ по защитѣ правовѣрія и благочестія отъ происковъ римской куріи, остановило взоры всего угнетаемаго православнаго міра на русской землѣ вообще и, въ особенности, на великомъ княжествѣ Московскомъ, какъ на возникавшемъ государственномъ центрѣ Россіи,—должны были, очевидно, ускорить образованіе Московскаго государства и усилить его политическое могущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и могущество верховной власти великаго князя. При содѣйствіи не только духовенства, которое своею политическою пропагандою, въ этомъ-же направленіи, стремилось поставить московскаго государя единымъ представителемъ всего православнаго міра, но также и московскихъ бояръ, для которыхъ возвышеніе могущества Московскаго княжества было возвышеніемъ ихъ личнаго могущества и богатства [1]), Іоаннъ III окончательно устанавливаетъ *единодержавіе*, въ смыслѣ единства и недѣлимости государственной территоріи, параллельно съ которымъ постепенно слагается и самодержавіе, достигающее своего полнаго развитія при его ближайшихъ преемникахъ.

Старые порядки и старыя отношенія поспѣшно измѣняются, соотвѣтственно новымъ государственнымъ цѣлямъ, а бракъ Іоанна III (1462 г.) съ гре-

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. «Обзоръ исторіи русскаго права». С.-Петербургъ. 1888 г., стр. 155.

ческою царевною Софіею Палеологъ, установившій братство съ византійскими и римскими царями, не могъ не развить чрезмѣрнаго политическаго честолюбія московскихъ государей въ ихъ международныхъ отношеніяхъ.

Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ свержeнія ига монгольскаго, Іоаннъ III съ гордостью отвѣчаетъ уже на предложеніе цесарскаго посла выхлопотать для него королевскій титулъ: *«Мы Божіею милостію «государи* на своей землѣ *изначала, отъ первыхъ своихъ «прародителей и поставленіе имѣемъ отъ Бога,* какъ «наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка «въ томъ быти, какъ есмя нынѣ государи на своей «землѣ, *а поставленія* насъ есмя напередъ сего не «хотѣли *ни отъ кого,* такъ и нынѣ не хотимъ» [1]).

Такимъ образомъ, прежнее удѣльное Московское княжество дѣлается національнымъ великорусскимъ государствомъ, а представитель его великій князь Іоаннъ III, именуемый духовенствомъ: *«защитникомъ правовѣрія»,—«царемъ истинныя вѣры православія»,—«во благочестіи всея вселенныя въ концы возсіявшимъ»* и, наконецъ, *«наипаче-же во царѣхъ пресвѣтлѣйшимъ православнымъ государемъ»,*—преобразовывается въ самодержавнаго монарха, перваго, принявшаго оффиціально званіе *«самодержца»* [2]).

Князья Одоевскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Ярославскіе и другіе, занимавшіе первыя мѣста и въ думѣ, и за государевымъ столомъ, и въ полкахъ, стали добровольными слугами московскаго государя

---

[1]) Пам. дипл. снош. I, 12.

[2]) М. Дьяконовъ: «Властъ Московскихъ государей» СПБ. 1889 г. стр. 135. Въ 1496 году, по чину поставленія митрополита Симона, послѣдній обратился къ великому князю съ словами: «всемогущая десница Вышняго да сохранитъ Богъ поставленное твое царство, самодержавный государю и владыко».

даря [1]) и ревностными сторонниками національной политики Іоанна III, въ дѣлѣ присоединенія къ Московскому великому княжеству и всей остальной Руси, какая еще оставалась въ чужихъ рукахъ.

Первоначальные символы великокняжеской власти признаются Іоанномъ уже недостаточно выражающими современное значеніе власти московскаго государства, и, благодаря вліянію Софіи, а также занесеннымъ ею традиціямъ о величіи Византійскаго двора,—Іоаннъ заимствуетъ отъ византійскихъ императоровъ гербъ, двуглаваго орла, регаліи вѣнчанія и помазанія на царство [2]), великокняжескій дворъ и придворныя церемоніи. Прежнее названіе «господинъ», означавшее вообще власть надъ лицами свободными, замѣняется титуломъ «государь», обозначающимъ въ публичномъ правѣ развитіе неограниченной власти, къ которому духовенство присоединяетъ титулы: «царь и самодержецъ» [3]). Въ заключеніе и самъ Іоаннъ III. въ своихъ сношеніяхъ съ мелкими государствами, каковы города Ревель и Любекъ, а также съ магистрами Ливонскимъ и Прусскимъ, титулуетъ себя: «Божіею милостію царь всея Руси» или «Государь великій царь всея Руси», а въ сношеніяхъ съ Крымомъ и Турціею: «Божіею милостью единъ правый государь всея Руси» [4]).

Всѣ эти внѣшніе атрибуты верховной власти московскаго государя, вмѣстѣ съ ученіемъ о ея богоустановленности и божественномъ происхожденіи,

[1]) В. Ключевскій: «Боярская Дума древней Руси». Москва 1883 г., стр. 256.

[2]) Примѣчаніе: Обрядъ вѣнчанія на царство шапкою и бармами былъ въ первые совершенъ Іоанномъ III надъ внукомъ своимъ Дмитріемъ въ 1498 году.

[3]) П. С. Л. VI, 225 и слѣд.; даже псковичи «добровольные людіе»—называютъ Іоанна III «государемъ великимъ княземъ русскимъ царемъ» П. С. Л. VI, 208; VIII, 166.

[4]) Сбор. Р. И. Общ. т. XLI, стр. 160, 162, 184, 399 и 429.

а также о необходимости быть единою и неограниченною для всѣхъ на землѣ, подобно единой власти Бога на небѣ,—несомнѣнно, сильно импонировали значенiе монархической власти московскаго государя и придали ей въ глазахъ современнаго общества такое грозное и величественное значенiе, въ виду котораго всякая дальнѣйшая попытка на политическую независимость отдѣльныхъ княженiй становилась невозможною.

Великiй Новгородъ былъ первымъ изъ независимыхъ владѣнiй, испытавшихъ на себѣ всю твердость и непреклонность неограниченной державной воли московскаго государя, за нежеланiе воздать Iоанну III *должной чести*, именованiемъ его «государемъ», и за намѣренiе присоединиться къ Литовскому княжеству.

Когда покоренные Iоанномъ новгородцы дипломатически обратились къ нему съ вопросомъ: *«какъ государь желаетъ въ Новѣгородѣ государствовати?»*—то получили въ отвѣтъ: *мы, великiе князья хотимъ государства своего, какъ есьмя на Москвѣ, такъ хотимъ быти въ отчинѣ своей Великомъ Новѣгородѣ»*,—а на просьбу тѣхъ-же Новгородскихъ пословъ выразить точнѣе свои требованiя, Iоаннъ заявляетъ ихъ въ слѣдующей категорической формѣ, не допускавшей никакихъ возраженiй: *«вѣчу не быть, посадникамъ не быть, волостямъ быти, селамъ быти»*.

Выставляя такого рода условiя присоединенiя Новгорода къ великому княжеству Московскому, Iоаннъ, очевидно, настаивалъ на совершенной отмѣнѣ въ Великомъ Новгородѣ стараго *вѣчеваго порядка, а также выборныхъ представителей власти*, какъ институтовъ, несовмѣстныхъ уже съ новою государственною организацiею Московскаго княжества, основанною на началахъ монархически неограниченныхъ.

Но то, чего не успѣлъ еще совершить Iоаннъ III,

для дальнѣйшаго государственнаго объединенія сѣверо-восточной Руси подъ скипетромъ одной Московской державы, а равно для развитія и возвышенія верховной власти московскихъ государей, то было закончено ближайшими его преемниками: сыномъ Василіемъ III и внукомъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ.

Первый изъ нихъ, независимо отъ мирнаго присоединенія къ великому княжеству Московскому сначала Пскова (1509 г.), а затѣмъ великаго княжества Рязанскаго (1520 г.) и удѣльнаго княжества Новгородсѣверскаго,—даже превзошелъ своего отца въ стремленіи къ возвышенію имени Государя всея Россіи, не упуская ни малѣйшаго повода, дабы характеромъ и внѣшней обстановкой своей монархической власти напомнить современникамъ величіе власти византійскихъ императоровъ, съ которыми онъ былъ связанъ, чрезъ свою мать Софію, самыми близкими узами кровнаго родства.

Блескъ его двора и простота системы государственнаго управленія поражали всѣхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Москву.

Посолъ императора Максимиліана, извѣстный баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, пріѣзжавшій въ Москву въ 1517 г., для предложенія великому князю Василію Іоанновичу посредничества своего государя въ дѣлѣ примиренія Москвы съ Литвою, слѣдующимъ образомъ описываетъ, въ своихъ комментаріяхъ, [1]) изумившее его самовластіе Московскаго царя, который, властью своею надъ подданными, превосходилъ всѣхъ монарховъ въ цѣломъ свѣтѣ: «*Скажетъ и сдѣлано, жизнь, достояніе людей мірскихъ и*

[1]) Герберштейнъ: Rerum Moscov. Comm. edit. Starcz., стр. 11, 12 и 92. Карамзинъ: «Исторія Государства Россійскаго», т. 7, стр. 191—192. Соловьевъ: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. 5, стр. 367.

«духовныхъ, вельможъ и гражданъ зависитъ отъ его воли. «Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ «Божества: ибо Русскіе увѣрены, что Великій Князь есть «исполнитель воли небесной. Обыкновенное слово ихъ: «такъ угодно Богу и Великому Государю; вѣдаетъ Богъ «и Великій Государь. Усердіе сихъ людей невѣроятно. Я «видѣлъ одного изъ знатныхъ Великаго Князя чиновни- «ковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдаго старца, ко- «торый, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ «верхомъ, суетился, бѣгалъ, какъ молодой человѣкъ, потъ «градомъ текъ съ лица его. Когда я изъявилъ ему свое «удивленіе, онъ громко сказалъ: ахъ, господинъ Баронъ! «мы служимъ Государю не по вашему!

«Не знаю, продолжаетъ Герберштейнъ, *свойство-ли «народа требовало для Россіи такихъ Самовластителей, «или Самовластители дали народу такое свойство?!»...*

Въ этомъ описаніи барона Герберштейна современнаго положенія Россійской верховной власти и отношеній къ ней народа, воспроизведено съ полною историческою достовѣрностью все внѣшнее величіе московскаго самодержавія, до котораго оно было доведено великимъ княземъ Василіемъ III, принявшимъ даже новый, болѣе пространный и торжественный титулъ въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными государствами, какъ-то: «Великій Государь «Василій, Божіею милостью Царь и Государь всея «Руси и Великій Князь Владимірскій, Московскій, «Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, «Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, «Государь и Великій Князь Новгорода низовской «земли и Черниговскій и Рязанскій и Волоцкій и «Ржевскій и Бѣльскій и Ростовскій и Ярославскій и «Бѣлозерскій и Удорскій и Обдорскій и Кандинскій «и иныхъ» [1]).

---

[1]) Соловьевъ: т. 5, стр. 371.

Такому неслыханному, до того, титулу Московскаго Государя дивились даже современники Василія III, говоря: «титлу великія державы и тако въ посоль-«скихъ грамотахъ и въ лѣтописныхъ исторьяхъ пи-«сати себѣ повелѣ, *имъ-же званіемъ въ русской земли* «*даже и отъ великаго князя Рюрика никто отъ рода* «*ихъ таковымъ самодержательствомъ не писашеся и не* «*нарицашеся, яко-же сице сый: Божію милостью царь и* «*великій князь*» и проч. [1]).

Между тѣмъ вся пышность титуловъ, съ введеніемъ въ нихъ слова «самодержецъ», усвоенныхъ себѣ Іоанномъ III и сыномъ его Василіемъ Іоанновичемъ [2]), *для возвеличенія Московскаго самодержавія извнѣ,*—не создавала, однако-же, по мнѣнію г. Ключевскаго [3]), внутри Московскаго государства, преимущественно среди князей и бояръ, современнаго понятія о самодержавной власти, въ смыслѣ ея неограниченности и нераздѣльности съ иною внутреннею политическою силою, какою являлась, напримѣръ, Московская Боярская Дума, гдѣ, въ описываемую эпоху, сидѣли прежніе владѣтельные князья, которые, въ виду политическихъ успѣховъ Московскаго великаго князя Іоанна III, добровольно присоединились къ Москвѣ съ своими удѣлами, но съ правами и притязаніями на извѣстную долю участія въ московской правительственной власти по центральному и областному управленію.

Только подобнымъ, именно, взглядомъ родовитаго боярства на смыслъ и значеніе царскаго титула,

---

[1]) А. Поповъ: Изборникъ изъ хронографовъ, стр. 181—182.

[2]) Примѣчаніе: Великій князь Василій III даже употреблялъ означенный титулъ, но въ сокращенномъ, будничномъ, видѣ, въ жалованныхъ грамотахъ частнымъ лицамъ.

[3]) В. Ключевскій «Боярская Дума древней Руси», Москва, 1883 г., стр. 258—263.

указывавшаго, по мнѣнію его, лишь на внѣшнюю политическую независимость московскаго государства, въ связи съ личною неувѣренностью самихъ московскихъ государей въ правѣ своемъ на абсолютную монархическую власть, и можетъ быть, по мнѣнію нашему, объяснена та необыкновенная осторожность, какая проглядываетъ во внутренней политикѣ Іоанна III и сына его Василія Іоанновича, въ дѣлѣ проявленія неограниченности своей самодержавной власти, по отношенію къ князьямъ и боярамъ, какъ къ ближайшимъ совѣтникамъ по Боярской Думѣ.

Хотя г. Ключевскій, указывая на фактъ дѣйствительнаго ограниченія монархической власти московскихъ государей, политическими на нее притязаніями родовитаго московскаго боярства, усматриваетъ иную причину въ такой осторожной и нерѣшительной политикѣ Іоанна III и Василія III, объясняя ее скорѣе общимъ, фамильнымъ консерватизмомъ московскихъ князей, привычкою ихъ жить по старинѣ и, по возможности, избѣгать крупныхъ поворотовъ въ своей внутренней политикѣ, а также отсутствіемъ у нихъ политическаго самосознанія,— но мы позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора «Боярской Думы», въ особенности по отношенію къ Московскому великому князю Іоанну III.

Извѣстно, что исторія никогда не отказывала этому государю ни въ энергіи, ни въ пытливости ума, ни въ умѣньи правильно оцѣнивать и пользоваться всякаго рода благопріятными обстоятельствами для цѣлей государственныхъ, которыми онъ особенно дорожилъ, считая себя творцомъ Московскаго государства, ни, наконецъ, въ политическомъ самосознаніи, присутствіе котораго онъ проявилъ во всей

своей политической дѣятельности по вопросамъ какъ внутренняго государственнаго объединенія Россіи, такъ и внѣшней политики.

А потому, возможно-ли допустить, разбирая дѣйствія Іоанна, въ ихъ исторической и логической послѣдовательности, чтобы онъ, во имя только своихъ фамильныхъ консервативныхъ принциповъ, рѣшился поступиться столь важнымъ и капитальнымъ государственнымъ вопросомъ, который стоялъ на первой очереди и требовалъ немедленнаго своего разрѣшенія, въ интересахъ той-же государственности, какимъ являлся вопросъ о правахъ самодержавной верховной власти, вызываемый условіями новаго политическаго устройства великаго княжества Московскаго?

Возможно-ли допустить, чтобы Іоаннъ, категорически диктующій, ради тѣхъ-же, дорогихъ ему, государственныхъ цѣлей, условія абсолютнаго подчиненія своей самодержавной и неограниченной власти остальнымъ удѣльнымъ князьямъ, владѣнія которыхъ присоединены къ Московскому великому княжеству силою, — стѣснялся-бы, вслѣдствіе одного уваженія къ старинѣ и во избѣжаніе крупнаго поворота, примѣнить тѣ-же рѣшительныя и политически-необходимыя мѣры, по отношенію къ князьямъ, добровольно примкнувшимъ къ Московскому государству?

Наконецъ, возможно-ли, чтобы Іоаннъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ своей гордой и властолюбивой жены Софьи, которая, по свидѣтельству лѣтописцевъ, была главною виновницею и рѣшимости Іоанновой свергнуть монгольское иго, а послѣ того, поддерживаемая духовенствомъ, не переставала интриговать при великокняжескомъ дворѣ, главнѣйшимъ образомъ, въ пользу установленія на Руси еди-

новластія [1]),—чтобы та-же Софья, ненавистная боярамъ за всѣ новшества, какія вносила въ политическую и общественную жизнь Московскаго государства, а вмѣстѣ съ нею и самъ Іоаннъ чувствовали себя, однако-же, безсильными въ вопросѣ абсолютнаго подчиненія верховной власти и родовитаго московскаго боярства потому только, что нужно было жить по старинѣ?!...

Несомнѣнно, что если мы обратимся за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ и недоразумѣній къ исторіи, то не можемъ получить иного, кромѣ отрицательнаго, отвѣта. Ясно, что существовали другія причины, которыя вызывали осторожность со стороны Іоанна III, въ проявленіи неограниченности своей самодержавной власти внутри государства, и такими причинами мы признаемъ, съ одной стороны, личное сомнѣніе московскихъ государей въ правѣ своемъ на установленіе такого типа государственной власти на Руси,—сомнѣніе, вполнѣ естественное, если принять въ соображеніе современную невозможность опредѣлить политическое содержаніе подобной власти или обосновать ее какими-либо другими, болѣе положительными теоретическими доводами, нежели тѣ, какіе подсказывались московскимъ государямъ духовенствомъ, а съ другой—сознательное опасеніе Іоанна III, что дѣло всеобщаго государственнаго объединенія еще не кончено, и что составныя части юнаго Московскаго государства не на столько окрѣпли въ своей связи съ главнымъ политическимъ центромъ, чтобы могли оказать солидное противодѣйствіе какакому-либо внезапному внутреннему политическому насилію, котораго слѣдовало ожидать непремѣнно, при первой попыткѣ верховной власти покончить

[1]) Н. И. Костомаровъ: «Начало единодержавія въ древней Руси», т. XII—1872 г.

всѣ политическіе разсчеты съ родовитыми князьями-боярами.

Словомъ, выжидательная политика Іоанна III, по вопросу о неограниченности власти, обусловливалась одною лишь цѣлью — сохранить въ цѣлости Московское государство, съ надеждою на будущія обстоятельства, болѣе благопріятныя для его окончательнаго разрѣшенія, и смутное время на Руси показало всю дальновидность Іоанновой политики и основательность его опасеній.

По тѣмъ-же самымъ причинамъ, какія сдерживали Іоанна III и заставляли временно мириться съ условіями, мѣшавшими дальнѣйшему нормальному развитію самодержавной власти московскихъ государей, и сынъ его Василій Іоанновичъ, не смотря на всю ненависть къ старому боярству, тѣмъ не менѣе не прерываетъ съ нимъ внутренней политической связи и продолжаетъ, согласно обычаю, совѣтоваться съ Боярскою Думою, по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ государственнаго управленія.

Прервать такую связь рѣшается только Іоаннъ Грозный, который вступаетъ въ открытую и сознательную борьбу съ боярами за неограниченность своей монархической власти, опираясь, при этомъ, единственно, на политическія о ней теоріи духовенства и выступая жаркимъ поборникомъ идеи о богоустановленности и о покореніи властямъ.

Онъ начинаетъ съ того, что, во имя упомянутой теократической идеи и ради установленія принципа недѣлимости государственной власти, торжественно вѣнчается *на царство государя и великаго князя* [1]) и

[1]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. III, стр. 250: «Вѣнчанъ бысть святыми бармами и вѣнцомъ Мономаховымъ, по древнему «закону царскому, якоже Римстіи и Гречестіе царіе поставляхуся; и наречеся «царь и великій князь всея Великія Россіи самодержецъ».

начинаетъ оффиціально и всенародно именоваться внутри и внѣ государства: «*Царемъ самодержцемъ и великимъ князем*ъ» [1]), а для отличія этого титула отъ общаго, употребляемаго западными государями, и съ цѣлью обозначенія происхожденія власти православныхъ царей отъ воли истиннаго Бога, — Іоаннъ Грозный предпосылаетъ титулу такъ называемое богословіе, т. е. краткое изложеніе православной вѣры [2]). Наконецъ, для установленія понятія о недѣлимости государственной власти, окончательно утверждаетъ *право первородства и единонаслѣдія*, которое впервые было проведено дѣдомъ его Іоанномъ III, послѣ смерти старшаго сына своего Іоанна и послѣ устраненія внука Димитрія отъ Великокняжескаго престола, въ пользу втораго сына Василія [3]).

Такимъ образомъ, подъ сильнымъ вліяніемъ теократическаго абсолютизма, твердо усвоеннаго себѣ Іоанномъ Грознымъ и преподаннаго ему послѣдова-

---

[1]) **Карамзинъ**: «Исторія Государства Россійскаго», т. VIII, стр. 87.

[2]) **С. Соловьевъ**: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. VII, стр. 6—7: «Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ «вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьяномъ, дателю премудрости преневѣдо- «мый и пресвѣтлій Крайній Верхъ! направи насъ на истину Твою и настави «насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголимъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей. «Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостью и хотѣніемъ удерь- «жахомъ скипетръ Россійскаго царствія, Мы, великій государь, царь «и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси «самодержецъ, Владимірскій (пойменованіе областей) . . . . . и всея «Сибирскіе земли и Сѣверные страны повелитель и государь отчинный земли «Лифляндскіе и иныхъ многихъ земель государь».

[3]) **М. Ф. Владимірскій-Будановъ**: «Обзоръ исторіи русскаго права», стр. 147: «Божіимъ изволеніемъ пожаловалъ и благословилъ вели- «кимъ княжествомъ внука своего Димитрія, но затѣмъ наложилъ на внука «своего опалу . . . . и не велѣлъ нарицати великимъ княземъ, а пожаловалъ «сына своего (отъ Софьи) Василія, благословилъ и посадилъ на «великое княженіе Владимірское и Московское и всея Руссіи самодер- «жавцемъ».

телями извѣстнаго волоцкаго игумена Іосифа Санина, признавшими главенство Московскаго государя даже въ дѣлахъ церковнаго управленія,—абсолютизма, въ силу котораго государь по Божію избранію получалъ всю полноту власти (*«милость и животъ положи у васъ и мечъ вышняя Божія десница вручи вамъ»*) [1],—слагается и собственная его теорія какъ о царскомъ достоинствѣ, такъ и о правахъ и обязанностяхъ государя по отношенію къ подвластнымъ, которую Іоаннъ Грозный противупоставляетъ политическимъ притязаніямъ бояръ и, благодаря богословской начитанности, съ искусствомъ опытнаго публициста [2]), отстаиваетъ эту теорію въ своей извѣстной полемической перепискѣ съ Курбскимъ, защищаясь отъ его нападокъ и обвиненій въ злоупотребленіи царскою властью.

Изъ упомянутой переписки, представляющей собою драгоцѣнный историческій матеріалъ, знакомящій читателя не только съ личными разсчетами этихъ двухъ представителей старой и новой политическихъ партій, но также и съ родовыми преданіями и съ взаимною связью многихъ выдающихся въ то время историческихъ явленій,—мы приводимъ лишь нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ Іоаннъ Грозный старается теоретически, хотя при этомъ крайне абстрактно, обосновать свое право на самодержавіе, съ абсолютно монархическою властью.

---

[1]) М. Дьяконовъ: «Власть московскихъ государей», стр. 101.

[2]) Примѣчаніе: Современники въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуютъ Іоанна Грознаго: «бысть же и въ словесной премудрости риторъ естествославенъ и смышленіемъ быстроуменъ» . . . . А. Ѳ. Бычковъ. Оп. р. к. п. Публ. Библ., I, стр. 51 и слѣд.

«*Самодержавства нашего*, начинаетъ онъ свой отвѣтъ Курбскому, *отъ св. Владиміра: мы родились на царствѣ, а не чужое похитили*» Возражая Курбскому, по поводу энергически отстаиваемаго имъ положенія объ обязанностяхъ Московскаго царя, согласно старому обычаю, совѣщаться съ боярами и слѣдовать ихъ совѣтамъ,—Іоаннъ, памятуя наставленіе, данное ему бывшимъ коломенскимъ епископомъ Вассіаномъ Топорковымъ: «не держать при себѣ совѣтниковъ умнѣе себя» [1],—заявляетъ: «*Россійское* «*самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы,* «*а не бояре и вельможи. Како-же и самодержецъ на*«*речется, аще не самъ строитъ? Имѣю нужду въ мило*«*сти Божіей . . . . . . наставленія человѣческаго не тре*«*бую*», а въ заключеніе иронически вопрошаетъ своего противника. «*Эта-ли совѣсть прокаженная—свое* «*царство въ своей рукѣ держать, а подданнымъ своимъ* «*владѣть не давать? Это-ли противно разуму—не хо*«*тѣть быть обладаему подвластными? Это-ли пра*«*вославіе пресвѣтлое быть обладаему рабами? Рус*«*скіе самодержавцы изначала сами владѣютъ всѣмъ цар*«*ствомъ, а не бояре и вельможи*».

---

[1]) Соловьевъ: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Т. VI, стр. 172—173. На вопросъ Іоанна Грознаго Вассіану Топоркову: «Какъ я долженъ царствовать, чтобъ вельможъ своихъ держать въ послушаніи?»—Вассіанъ прошепталъ ему на ухо такой отвѣтъ: «Если хочешь быть самодержавцемъ, не держи «при себѣ ни одного совѣтника, который былъ-бы «умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ «будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и «все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если-же будешь «имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходи«мости будешь послушенъ имъ». Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: «Если-бы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ «такого полезнаго совѣта не подалъ-бы мнѣ».

Затѣмъ, въ доказательство превосходства новаго порядка, осуждаемаго Курбскимъ, Грозный, приводя слова апостола Павла и сравнивая старую и новую Русь съ ветхимъ и новымъ завѣтами, замѣчаетъ: *«Какъ тогда вмѣсто креста было потребно обрѣзаніе: «такъ и вамъ вмѣсто царскаго владѣнія потребно само«вольство. Тщюся съ усердіемъ людей на истину и на «свѣтъ поставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, «въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, «а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія «да престанутъ, которыми царство разстлѣвается. Ибо «если царю не повинуются подвластные, то никогда «междоусобныя брани не прекратятся. Неужели это «сладко и свѣтъ—отъ добра удалиться и зло творить «междоусобными бранями и самовольствомъ?»*

Обращаясь къ обвиненіямъ Курбскаго въ несправедливыхъ и жестокихъ казняхъ единоплеменныхъ ему князей, потомковъ Владиміра Святаго, достояніемъ которыхъ онъ завладѣлъ, будто-бы, не по праву, а по произволу,—Грозный возражаетъ: *«До сихъ поръ русскіе владѣтели не давали отчета ни«кому, вольны были подвластныхъ своихъ жаловать и «казнить, не судилися съ ними ни передъ кѣмъ; и хотя «неприлично говорить о винахъ ихъ, но выше было «сказано».*

Въ заключеніе, опровергая приписываемое ему Курбскимъ облыганіе своихъ подданныхъ измѣною, Іоаннъ восклицаетъ: *«Если ужъ я облыгаю, то отъ кого«же другаго ждать правды? Для чего я стану облыгать? «изъ желанія-ли власти подданныхъ своихъ или рубища «ихъ худаго или мнѣ припала охота ѣсть ихъ?»*

Таковъ былъ взглядъ Іоанна Грознаго на россійское самодержавіе, и таково именно было его мнѣніе о высотѣ царскаго достоинства, а также объ

истинныхъ правахъ и обязанностяхъ монарховъ къ своимъ подданнымъ,—взглядъ и мнѣніе, которые рѣзко проглядываютъ въ его словахъ: «*россійское само*«*державство изначала сами владѣютъ всѣми царствы.* «*Како-же и самодержецъ наречется, аще не самъ стро*«*итъ?*». . . и, наконецъ, что: «*Истина и свѣтъ для* «*народа въ познаніи Бога и отъ Бога даннаго ему* «*государя*».

Къ сожалѣнію, далѣе этого теократическаго абсолютизма, внушеннаго Іоанну митрополитомъ Макаріемъ, однимъ изъ выдающихся представителей іосифлянской теоріи, Іоаннъ не пошелъ и не прибавилъ къ ней ничего новаго, считая ее, вѣроятно, на столько убѣдительною, чтобы заставить бояръ признать неограниченность его самодержавной власти и навсегда отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ на нее притязаній.

Но достигнулъ-ли Грозный намѣченной цѣли, обосновывая свою теорію о верховной власти одними догматами о ея богоустановленности и божественномъ происхожденіи,—отвѣтомъ служитъ историческая эпоха съ 1584 по 1612 годы, представляющая намъ рядъ попытокъ того-же, временно только приниженнаго Іоанномъ, боярства, направленныхъ къ обезпеченію и къ усиленію своей власти на счетъ монархической.

Слѣдовательно, одна церковная политическая теорія Іоанна Грознаго, къ которой съ такою осторожностью относились его дѣдъ и отецъ, будучи примѣнена на практикѣ, оказалась, въ дѣйствительности, недостаточною для окончательнаго разрѣшенія такого, повидимому, упругаго вѣковаго вопроса, какимъ оказался вопросъ объ основательности политическихъ притязаній бояръ. . . . . .

ГЛАВА IV.

Народная теорія о самодержавіи, основанная на родовой идеѣ о власти. Примѣненіе этой теоріи самимъ народомъ, при возобновленіи по своему собственному почину и собственными силами московскаго государства, съ абсолютною монархическою властью. Неудачная попытка бояръ къ ограниченію монархической власти. Взглядъ на самодержавіе царя Алексѣя Михайловича. Окончательное закрѣпленіе самодержавія силою положительнаго закона Императоромъ Петромъ Великимъ. Взгляды Императора Петра Великаго и Екатерины II на россійское самодержавіе.—Актъ о престолонаслѣдіи, изданный Императоромъ Павломъ, 5 Апрѣля 1797 года, дополненный Императорами Александромъ I и Николаемъ I. Нынѣ дѣйствующіе основные законы, опредѣляющіе государственное устройство Россіи какъ Имперіи и свойства самодержавной власти.

И такъ, послѣдующія, за смертью Іоанна Грознаго, политическія событія обнаружили всю преждевременность его рѣшительной борьбы съ боярами и всю несостоятельность односторонней теократической философіи о власти, въ вопросѣ прочнаго обоснованія правъ московскихъ государей на самодержавную, неограниченную власть.

А между тѣмъ Іоаннъ Грозный и не предполагалъ, что у того-же самаго «Богомъ дарованнаго ему» народа, *на вѣру и любовь котораго къ себѣ онъ полагался*, и который собиралъ, въ достопамятный день 1550 года [1]), подъ стѣнами Кремля, жалуясь ему на

[1]) Карамзинъ: Т. IX, стр. 434.

злоупотребленія бояръ, какъ на главнѣйшихъ виновниковъ всѣхъ государственныхъ бѣдствій страны, во время его малолѣтства,—была своя собственная, исторически сложившаяся теорія о власти, болѣе реальная и болѣе могущественная, которая могла доказать, что самодержавная власть московскихъ государей, съ абсолютно неограниченными правами, была властью правомѣрною, а не узурпированною, какъ предполагало боярство.

Такого рода теорія была могущественною какъ по своей національности, такъ равно и по той родовой, семейно-патріархальной идеѣ о власти, какая лежала въ ея основаніи, и вслѣдствіе которой, рано или поздно, въ порядкѣ поступательнаго развитія народной жизни, должна была воплотиться исключительно въ формѣ одной только самодержавной неограниченной монархической власти.

Мы уже говорили выше о смыслѣ и значеніи упомянутой родовой идеи въ политическомъ отношеніи, какъ о зародышѣ настоящей монархически-неограниченной власти, но болѣе полное и наиболѣе выразительное опредѣленіе ея находимъ въ популярномъ произведеніи профессора И. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII «столѣтіяхъ».

« . . . *Самодержавіе*, «говоритъ онъ, *въ своей «самовластной формѣ XVI и XVII вѣка, явилось роскошнымъ цвѣтомъ, плодомъ именно родовой культуры, «которая заботливо воспитывала насъ съ самыхъ первыхъ временъ нашей исторіи . . . . . Богатырство такого самовластія являлось характерною чертою не «только въ органахъ государственной, правительственной власти, но и всякой власти какъ въ домашнемъ, «такъ и общественномъ и политическомъ быту. Самое «существо власти иначе не представлялось, иначе не*

«понималось какъ подъ видомъ самовластія,—самое су-«щество человѣческой свободы и представлялось, и пони-«малось только подъ видомъ того-же самовластія, ко-«торое было жизненнымъ началомъ стараго русскаго «быта; оно было осуществленіемъ родовой идеи, которая «построила нашъ бытъ . . . . . .» [1]).

Такой-то самобытной національной теоріи о власти, которую одинаково игнорировали какъ московскіе цари, такъ и бояре, суждено было, наконецъ, выступить на историческую арену и сказать свое послѣднее авторитетное слово по вопросу о дѣйствительномъ политическомъ смыслѣ россійскаго самодержавія и при томъ въ эпоху, слѣдовавшую за смутнымъ временемъ, когда уже самому народу, по его собственному почину и собственными силами, предстояло возобновить полуразрушенное московское государство и положить окончательный предѣлъ дальнѣйшимъ попыткамъ боярства къ обезпеченію своей власти на счетъ монархической . . . . . .

Попытки эти, хотя постоянно и своевременно предупреждаемыя народомъ, начинаются тотчасъ послѣ бездѣтно умершаго сына Іоанна Грознаго, Ѳеодора Іоанновича, со смертью котораго прекращалась царствующая династія Рюриковичей, и когда, вслѣдствіе сего, московскій престолъ сдѣлался предметомъ политическихъ вожделѣній властолюбивыхъ временщиковъ, какими были Борисъ Годуновъ, князь Василій Ивановичъ Шуйскій и другіе.

Однако, первый изъ нихъ, достигнувъ престола, благодаря сильной поддержкѣ знатнаго бо-

---

[1]) И. Забѣлинъ: «Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ», стр. 59, 60—70.

ярства, предварительно обязавшаго его подпиской объ ограниченіи будущихъ своихъ монархическихъ правъ, — не исполнилъ обѣщанія. Надѣясь, что московскій народъ и земскій соборъ заставятъ бояръ признать его царемъ московскимъ безъ всякихъ ограниченій, Годуновъ сначала медлилъ исполненіемъ принятыхъ на себя обязательствъ, а затѣмъ, когда его надежды оправдались, совершенно отъ нихъ отказался, объясняя боярамъ, что вынужденъ былъ измѣнить данному слову, убѣжденный мольбами народа, тѣмъ болѣе что: «*никото-«раго прекословія ему нѣсть ни отколѣ отъ мала даже «и до велика*» [1]. .. .. Но, за такой обманъ «*лукавой лисы*», какъ называетъ Бориса лѣтописецъ, московская знать приготовила гибель какъ ему, такъ и его семьѣ.

Болѣе податливымъ и болѣе сговорчивымъ въ этомъ отношеніи оказался князь Василій Ивановичъ Шуйскій, избранникъ небольшой толпы, собравшейся на Красной площади, состоявшей, преимущественно, изъ московскихъ служилыхъ людей. «*Малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ излюбленъ быстъ*, говоритъ лѣтописецъ, *и никимъ-же отъ вельможъ нарекованъ, ни отъ прочаго народа*» [2].

По вступленіи на престолъ, царь Василій Шуйскій, немедленно и ко всеобщему удивленію, обнародовалъ въ своемъ манифестѣ [3]) всѣ тѣ политиче-

---

[1]) Ключевскій: «Боярская Дума», стр. 360.

[2]) Тамъ-же, стр. 360. Свидѣтельство келаря Авраамія Палицына.

[3]) Содержаніе манифеста (С. Соловьевъ, т. 8, стр. 144): «Божіею милостью, мы великій государь царь и великій князь Василій Ива-«новичъ всея Руси, щедротами и человѣколюбіемъ славимаго Бога и за моле-«ніемъ всего освященнаго собора, по челобитью и прошенію всего православ-

скія гарантіи, какія требовало себѣ первостепенное московское боярство, и которыя состояли въ слѣдующемъ: 1) не приговаривать къ смертной казни никого, безъ суда Боярскаго, истиннаго законнаго, 2) не подвергать конфискаціи имущества преступниковъ, а предоставлять ихъ неповиннымъ наслѣдникамъ осужденныхъ, и 3) требовать, чтобы всякій доносъ былъ подтвержденъ прямыми и явными уликами, а, въ случаѣ его неосновательности, доносчикъ подвергался бы наказанію соотвѣтственно значенію и послѣдствіямъ сдѣланнаго имъ доноса [1].

Всѣ приведенные ограничительные пункты царь Василій подтвердилъ впослѣдствіи слѣдующею торжественною присягою въ Успенскомъ соборѣ: «*цѣлую крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать ничего дурнаго безъ собору, и если отецъ виновенъ, то надъ сыномъ ничего не дѣлать, а если сынъ вино-*

«наго христіанства, учинились на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ государствѣ, царемъ и великимъ княземъ . . . . И нынѣ мы, великій «государь, будучи на престолѣ Россійскаго царства, хотимъ того, чтобы православное христіанство было нашимъ доброопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и въ благоденствѣ и позволилъ я, царь и великій князь всея Руси, цѣловать крестъ на томъ: что мнѣ, «великому государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предать, вотчинъ, дворовъ и животовъ у братьи его, у женъ и дѣтей «не отнимать, если они съ нимъ въ этой винѣ невинны. «Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не «слушать, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобы въ томъ православное христіанство невинно не гибло; а кто на кого солжетъ, то «сыскомъ казнить его, смотря по винѣ, которую взвелъ «напрасно. На томъ на всемъ, что въ сей записи писано, я, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ «христіанамъ, что мнѣ ихъ жалуя судить истинно праведнымъ судомъ и безъ «вины ни на кого опалы своей не класть, и недругомъ никого въ неправдѣ «не подавать, и отъ всякаго насильства оберегать». . . . .

[1]) Примѣчаніе: Г. Ключевскій предполагаетъ, что царь Василій Шуйскій обязался дѣлить власть съ боярами не только въ судебныхъ, но и во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ (См. «Боярская Дума», стр. 361).

«вѣнъ, то отцу ничего дурнаго не дѣлать, а которая «была мнѣ грубость при царѣ Борисѣ, то никому на «нее мстить не буду».

Не взирая, по удостовѣренію лѣтописца, на совѣты нѣкоторыхъ расположенныхъ къ нему бояръ и *всякихъ людей, «чтобы онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось»,* а также на то обстоятельство, что, во время произнесенія имъ въ Успенскомъ соборѣ упомянутой присяги, въ народѣ раздавались голоса противные такому нововведенію [1],—Василій остался вѣрнымъ данному боярамъ слову, а принесенная имъ присяга послужила главною причиною сверженія его съ престола....

Третья попытка къ ограниченію верховной власти была произведена боярами во время кандидатуры царевича Владислава Польскаго, которую слѣдуетъ считать, по нашему мнѣнію, и послѣднею, хотя существуетъ предположеніе о подобномъ-же, будто-бы, ограниченіи боярами и власти царя Михаила Ѳеодоровича Романова.

Предположеніе это основывается, по заключенію г. Ключевскаго [2], во 1-хъ, на описаніи событій Смутнаго времени однимъ современнымъ псковичемъ, который, между прочимъ, говоритъ, что, сажая на царство Михаила Ѳедоровича, *бояре заставили его цѣловать крестъ на томъ, что ему не казнить смертью за преступленія людей вельможескихъ и боярскихъ родовъ, а только наказывать ихъ заточеніемъ,* во 2-хъ, на извѣстіи, сообщенномъ Татищевымъ, будто избраніе царя Михаила *было порядочно всена-*

---

[1]) Н. И. Костомаровъ: «Смутное время Московскаго государства», т. II, глава I.

[2]) «Боярская Дума», стр. 372—373.

родное, да съ такою-же записью, какая взята была съ Шуйскаго, и въ 3-хъ, на удостовѣреніи извѣстнаго подъячаго Посольскаго Приказа Котошихина, который пишетъ, что: «*какъ прежніе цари послѣ царя «Ивана Васильевича обираны на царство и на нихъ были «иманы письма, что имъ быть не жестокимъ и не «пальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити «не за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и «зъ думными людьми сопча; а безъ вѣдомости ихъ тайно «и явно ни какихъ дѣлъ не дѣлать ..... А нынѣшняго «царя* (т. е. Алексѣя Михайловича) *обрали на цар«ство, а письма онъ отъ себя не далъ никакого*, что «прежніе цари давывали, и не спрашивали, *потому «что разумѣли его гораздо тихимъ* и потому наивыш«шее пишется «самодержецъ» и государство свое «правитъ по своей воли. И съ кѣмъ похочитъ учи«нити войну и покой, и по покою что кому по «дружбѣ отдати или какую помощь чинити, или «иныя всякія великія и малыя своего государства «дѣла похочетъ по своей мысли учинити, зъ бояры «и зъ думными людьми спрашиваетца о томъ мало, «въ его воли что хочетъ то учинити можетъ; одного «кого изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ простыхъ «людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетца и совѣ«туетца съ ними о всякихъ дѣлахъ. *А отецъ его бла«женныя памяти царь Михаилъ Ѳедоровичъ, хотя «само«держцемъ» писался, однако безъ боярскаго совѣту не «могъ дѣлати ничего*» [1]).

Но при всей кажущейся основательности упомянутаго предположенія, будто и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ на престолъ также съ ограни-

[1]) Григорій Котошихинъ: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Изд. II, СПБ., 1859 г. Подлинникъ сочиненія Котошихина былъ найденъ профессоромъ Соловьевымъ въ 1838 г., въ Швеціи, въ библіотекѣ Упсальскаго Университета.

ченною монархическою властью, хотя условія этого ограниченія передаются различно,—исторія однакоже располагаетъ такими довольно вѣскими данными, въ виду которыхъ предположеніе г. Ключевскаго становится мало вѣроятнымъ.

Прежде всего, не слѣдуетъ забывать, что самый фактъ относится къ эпохѣ, когда всеобщее возбужденіе народа противъ бояръ, за всякаго рода злоупотребленія властью, а также за сближеніе ихъ съ польскимъ элементомъ, *съ цѣлью*, какъ онъ предполагалъ, *поработить русскую вѣру* и *русскую народность*,—достигло крайнихъ предѣловъ, и когда событія Смутнаго времени ясно доказали народу необходимость *твердой, единоличной* и *самодержавной* власти.

Необходимость въ такой, именно, власти выражена имъ въ грамотахъ, разосланныхъ городамъ, съ приглашеніемъ прислать въ Москву выборныхъ для избранія царя, въ которыхъ писалось, что: «хотя «Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очи«щена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облек«лись, и Божіе имя славится въ нихъ по прежнему, «*но безъ государя Московскому государству стоять* «*нельзя, печься о немъ и людьми Божіими промышлять* «*некому, безъ государя вдосталь Московское государство* «*разорятъ все: безъ государя государство ничѣмъ не* «*строится и воровскими заводами на многія части раз*«*дѣляется и воровство многое множится...*» [1].

При подобныхъ же условіяхъ и при единогласномъ избраніи Михаила Ѳеодоровича Романова на царство, нельзя не признать, что не только прямое, но даже какое нибудь косвенное покушеніе бояръ на ограниченіе монархической власти, вопреки волѣ народа, было-бы со стороны ихъ актомъ, въ высшей степени

[1]) С. Соловьевъ, т. VIII, стр. 427—428.

неблагоразумнымъ и почти немыслимымъ, безъ риска поплатиться своими головами.....

Далѣе, если допустить достовѣрность свидѣтельства псковича, Татищева и Котошихина, то какимъ образомъ объяснить одновременное, съ ограниченіемъ власти, стремленіе царя Михаила Ѳеодоровича къ проявленію ея въ смыслѣ неограниченной, и не только внѣ, но и внутри государства,—стремленіе, обнаруживающееся въ его наказѣ воеводамъ 1625 г., въ которомъ говорится: *«По нашему указу, наша печать новая больше прежней для того, что на прежней «печати наше государское титло описано было несполна, «а нынѣ прибавлено на печати въ подписи Самодер«жецъ...»*.

Одно изъ двухъ: или царь Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ на престолъ съ ограниченною властью, а ограничители не придавали слову «самодержецъ» его дѣйствительнаго политическаго смысла, какъ власти неограниченной, или-же онъ сначала подчинился ограниченію, а затѣмъ отмѣнилъ его, въ 1625 году. Но вѣроятнѣе всего, что, упоминая въ наказѣ 1625 года о прежнемъ государскомъ титлѣ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ разумѣлъ подъ нимъ то именно, какое употребляли его предмѣстники, обязанные, вслѣдствіе дѣйствительнаго ограниченія своей власти, опускать въ титулѣ слово «самодержецъ». Такъ было, напримѣръ, въ манифестѣ о восшествіи на престолъ царя Василія Шуйскаго и въ договорѣ съ царевичемъ Владиславомъ Польскимъ.

Независимо отъ того, что приведенные историческіе факты отрицаютъ достовѣрность упомянутыхъ сказаній, факты эти, въ то-же время, наводятъ на мысль, что подобныя сказанія легко могли произойти, вслѣдствіе простаго заблужденія, или-же ложно понятаго авторами *добровольнаго самоограниченія царя*

Михаила Өеодоровича, которое было принято ими за понудительное, такъ какъ, по своей молодости и неопытности въ дѣлахъ государственнаго управленія, а также въ виду современнаго, крайне напряженнаго состоянія самого общества, которое должно было продолжать борьбу съ внутренними и внѣшними врагами, не покидавшими своихъ притязаній,— царь Михаилъ, какъ извѣстно, весьма часто созывалъ соборы и совѣтывался съ ними, и не только просилъ, но даже требовалъ по всѣмъ упомянутымъ дѣламъ содѣйствія бояръ. Наконецъ, возможность такого заблужденія станетъ еще болѣе вѣроятною, если принять въ соображеніе нѣкоторое сходство содержанія записей, какія давались прежними царями московскими, какъ-то: Борисомъ Годуновымъ и княземъ Василіемъ Шуйскимъ, власть которыхъ была ограничена боярами, съ тѣмъ воспрещеніемъ, съ какимъ царь Михаилъ Өедоровичъ, по вступленіи на престолъ, оффиціально обратился не только къ Новгородцамъ и къ Москвѣ, но и ко всѣмъ другимъ областямъ Россіи, о томъ, *чтобы народомъ были преданы забвенію всѣ политическія преступленія, совершенныя въ страшную эпоху смутъ, и чтобы были прекращены всякіе иски о вредѣ, претерпѣнномъ въ Смутное время.*

Такого рода безспорные факты, явно отрицающіе возможность какого-либо заключенія о принудительномъ ограниченіи верховной власти царя Михаила Өеодоровича, очевидно, лишаютъ и самыя существующія, по сему предмету, сказанія всякой исторической достовѣрности.

Столь-же, по мнѣнію нашему, окажется неправдоподобною и причина, выставляемая Котошихинымъ, какъ основаніе, по которому одинъ только царь Алексѣй Михайловичъ избѣгнулъ ограниченія

своей монархической власти, вслѣдствіе того, «что бояре разумѣли его гораздо тихимъ» [1]), въ виду тѣхъ еще болѣе обострившихся отношеній, какія существовали при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ между народомъ и боярами и побуждали сихъ послѣднихъ искать защиты отъ нападокъ народа у подножія престола, а, слѣдовательно, скорѣе вызывали необходимость всякаго съ ихъ стороны содѣйствія къ усиленію, нежели къ ограниченію верховной власти, отъ которой зависѣла ихъ личная безопасность.....

Наконецъ, и самъ царь Алексѣй Михайловичъ, при всей своей добротѣ и при отличительномъ характерѣ государственной дѣятельности, проникнутой, по отзывамъ иностранцевъ, чрезвычайною гуманностью, едва-ли допустилъ-бы какое-либо ограниченіе самодержавной верховной власти, имѣя о правахъ монарха такое-же возвышенное теократическое понятіе, какъ и Іоаннъ Грозный, говоря, что: «*Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править* «*и разсуждать люди свои на востокъ и на западъ и* «*на югъ и на сѣверъ вправду*» [2]).

Этимъ мы заканчиваемъ краткій историческій очеркъ зарожденія и окончательнаго образованія московскаго государства, съ самодержавною, абсолютною, монархическою властью, по справедливости названною Карамзинымъ *палладіумомъ Россіи,* къ

---

[1]) Примѣчаніе: Мы умалчиваемъ еще объ одной позднѣйшей и столь-же неудачной попыткѣ къ ограниченію самодержавной власти Императрицы Анны Ивановны, въ 1730 году, которая была дѣломъ нѣсколькихъ олигарховъ, или, по выраженію тогдашняго времени: «неблагодарныхъ рабовъ и весьма безбожныхъ злодѣевъ»,—такъ какъ упомянутая попытка вызывалась совершенно иными причинами, не имѣющими ничего общаго съ политическими притязаніями стариннаго и родовитаго московскаго боярства, которыми ознаменовались царствованія Іоанна Грознаго, сына его Ѳеодора, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго.

[2]) Соловьевъ, т. X, стр. 330.

которому считаемъ необходимымъ присовокупить: 1) что съ возобновленіемъ Московскаго государства и государственной власти въ ихъ окончательной формѣ, *по инициативѣ и силами самого народа*, а также со вступленіемъ на Россійскій престолъ новой царствующей династіи, въ Россіи устанавливается, наконецъ, твердый и нормальный политическій порядокъ, который отводитъ каждой отдѣльной, внутренней политической силѣ, не находившей себѣ примѣненія, послѣ погрома удѣльной системы, соотвѣтствующее мѣсто въ общемъ государственномъ организмѣ и въ общей государственной дѣятельности, и 2) что *вложенные самимъ народомъ* въ основу новой политической жизни и новаго политическаго быта Россіи элементы, каковы: *православіе, самодержавіе и народность*, не требовали и не требуютъ уже болѣе никакихъ отвлеченныхъ политическихъ теорій, для подкрѣпленія своего права какъ на дальнѣйшее существованіе, такъ и на свою неприкосновенность.

Въ крѣпкой и несокрушимой взаимной связи этихъ трехъ составныхъ частей государственнаго организма Россіи, а также въ поступательномъ историческомъ ихъ развитіи, и заключается вся ея самобытность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прочный залогъ истинной политической свободы русскаго народа....

Признанная и утвержденная, такимъ образомъ, самимъ народомъ самодержавная власть Россійскихъ монарховъ, какъ воплотившая собою вѣками сложившуюся народную родовую идею о власти, съ ея патріархальною неограниченностью, которою она и отличается отъ западно-европейскаго абсолютизма,— нуждалась отнынѣ, съ воцареніемъ Дома Романовыхъ, лишь въ окончательномъ своемъ закрѣпленіи, силою положительнаго закона.

Такой законъ былъ изданъ, наконецъ, Императоромъ Петромъ Великимъ и помѣщенъ въ толкованіи къ артикулу 20 Воинскаго Устава 1716 года.

«*Его Величество*, говорится въ этомъ артикулѣ, «*есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ* «*о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и* «*власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіан*-«*скій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять*».

Столь ясно выраженная въ приведенномъ законѣ полнота правъ Россійскаго самодержавія, соотвѣтствовавшая понятію о верховной власти самого народа, обнаруживаетъ, единовременно, и личный взглядъ на самодержавіе геніальнаго преобразователя Россіи, который онъ впослѣдствіи выражаетъ, въ болѣе опредѣленномъ и теоретически обоснованномъ видѣ, въ своей «*Правдѣ воли монаршей*»,—составленной въ 1722 году, по повелѣнію императора, извѣстнымъ проповѣдникомъ и ректоромъ Кіевской духовной академіи, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.

Хотя изданіе упомянутаго, въ высшей степени интереснаго политическаго документа, обнародованнаго Императрицею Екатериною I, 21 Апрѣля 1726 года [1]), и было вызвано необходимостью опредѣленія лишь преемства престолонаслѣдія, по случаю устраненія царевича Алексѣя отъ престола,—однакоже, въ «*Правдѣ воли монаршей*», вмѣстѣ съ спеціальными по сему, именно, вопросу политическими соображеніями, мы находимъ и рядъ общихъ доводовъ, относительно истиннаго происхожденія, а также силы и значенія монархической власти, заимствованныхъ изъ сочиненій Гуго-Гроція и отчасти Хоббса,—приведенныхъ въ означенномъ актѣ, для уясненія народу абсолютной неограниченности правъ Петра, какъ Государя.

[1]) П. С. З. 1726 г. Апрѣля 21,—4870.

Сопоставляя власть монарха съ обще-родительскою властью въ семьѣ, смыслъ и предѣлы которой, а равно смыслъ и предѣлы верховной власти, опредѣляются при этомъ изрѣченіями пророковъ, священнымъ писаніемъ, законами Юстиніана, примѣрами изъ римской исторіи и, наконецъ, ссылкою на ученіе Гуго-Гроція,—«*Правда воли монаршей*» [1]) останавливается, затѣмъ, на верховной власти и дѣлаетъ нижеслѣдующій выводъ, относительно ея абсолютной неограниченности и подчиненности одной только власти и законамъ Божескимъ: «Разумѣти же подобаетъ, что когда глаголютъ законоучители, что «власть высочайшая, Величествомъ нарицаемая, не «подлежитъ никей же другой власти, слово есть «только о власти человѣческой, Божіей бо власти «подлежитъ, и законамъ отъ Бога, яко на сердцахъ «человѣческихъ написаннымъ, такъ и въ десятисловіи «преданнымъ повиноватися; *законамъ же отъ человѣкъ, «аще и добрымъ, яко къ общей пользѣ служащимъ, не «подлежитъ, но и закону Божію такъ подлежитъ, что «за преступленіе того Божію токмо, а не человѣческому «суду повинна. И тако всякъ Самодержавный Государь «человѣческаго закона хранити не долженъ, кольми же «паче за преступленіе закона человѣческаго не судимъ «есть: заповѣди же Божія хранити долженъ, но за «преступленія ихъ самому только Богу отвѣтъ даетъ, «и отъ человѣкъ судимъ быти не можетъ. Что все довольно показано и отъ разума естественнаго, и отъ «слова Божія, и древнихъ учителей свидѣтельствомъ*» [2]). Что же касается до обязанностей монарха по отношенію къ подданнымъ, то о нихъ въ «*Правдѣ воли*

---

[1]) Тамъ-же: «Первые доводы отъ разсужденія власти всѣхъ обще-родителей».

[2]) Тамъ-же: стр. 619.

монаршей» говорится [1]): *«Царей должность есть . . . . «содержать подданныхъ своихъ въ безпечаліи, и про- «мышлять имъ самое лучшее наставленіе какъ къ бла- «гочестію, такъ и къ честному жительству, да будутъ «же подданніи въ безпечаліи, долженъ Царь пещися, да «будетъ истинное въ Государствѣ правосудіе на охра- «неніе обидимыхъ отъ обидящихъ подданныхъ себѣ; та- «кожъ и да будетъ крѣпкое и искусное воинство на «защищеніе всего отечества отъ непріятелей. А что- «бы было и всякое лучшее наставленіе, долженъ Царь «смотрѣть, чтобъ были искусные учители какъ духов- «ніи, такъ и гражданстіи довольное число»*.

Упоминая въ заключеніи объ обязанностяхъ подданныхъ къ монарху [2]), *«Правда воли монаршей»* объявляетъ, что: *«долженъ народъ, безъ прекословія и роптанія, вся отъ самодержца повелѣваемая творити . . . «аще бо народъ воли общей своей совлекся и отдалъ «оную Монарху своему, то како не долженъ хранити «его повелѣнія, законы и уставы, безъ всякой отговорки.... «Кольми паче не может народъ повелѣвати что либо «Монарху своему: како бо повелѣвати может тому, «которому отдалъ волю свою.»* На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, заимствованныхъ у Гуго-Гроція, *«Правда воли монаршей»* выводитъ [3]), что: *«Монархъ «Государь может законно повелѣвати народу не только «все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, «но и все, что ему ни понравится; только-бы народу «не вредно и воли Божіей не противно было...»*.

Ко всему изложенному, относительно взгляда Императора Петра І-го на самодержавіе, считаемъ не лишнимъ присовокупить, что самодержавіе Петра,

---

[1]) Тамъ-же: стр. 622.
[2]) Тамъ-же: стр. 625: «Долженство народа подданнаго».
[3]) Тамъ-же: стр. 628.

помимо своей теоретической обоснованности, имѣло еще особую отличительную черту, которая состояла въ томъ, что оно не существовало для него въ видѣ одной только отвлеченной идеи, но воплощалось въ немъ самомъ и фактически проявлялось во всей его личной дѣятельности по управленію государствомъ.

Одинаковаго мнѣнія съ Петромъ Великимъ о дѣйствительномъ смыслѣ и значеніи самодержавія для Россіи была также Императрица Екатерина II.

Не взирая на всѣ политическіе перевороты, произведенные на западѣ новыми теоріями такихъ мыслителей конца XVII вѣка и первой половины XVIII вѣка, какъ Монтескьё и другіе,—политическими истинами которыхъ увлеклась и сама Императрица Екатерина Великая,—однако-же, въ пунктѣ 4 своего секретнѣйшаго «наставленія»[1]), даннаго въ 1764 г. исправлявшему должность Генералъ-Прокурора, князю Александру Алексѣевичу Вяземскому»,—Императрица, обращая особенное его вниманіе на замѣченные безпорядки въ дѣятельности Сената и на небрежныя отношенія сенаторовъ къ своимъ обязанностямъ, вопреки высокому назначенію учрежденія, въ которомъ они состоятъ на службѣ, въ заключеніи замѣчаетъ: *«Россійская Имперія столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго Государя, всякая другая форма правленія вредна ей, ибо всѣ прочія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного Государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ, а другіе всѣ по слову Евангельскому наемники суть»*.

[1]) П. Ивановъ: «Опытъ біографіи Генералъ-Прокуроровъ и Министровъ Юстиціи». СПБ. 1863 г.

Но съ еще бо́льшею опредѣленностью Императрица Екатерина II проводитъ свое воззрѣніе на смыслъ и значеніе Россійскаго самодержавія въ знаменитомъ «Наказѣ» Коммисіи Уложенія 1767 года.

Въ постоянной заботливости: «*видѣть свой народъ* «*столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣче*-«*ское счастье и довольствіе простираться можетъ на сей* «*землѣ*», Екатерина Великая слѣдующимъ образомъ мотивируетъ, въ этомъ «Наказѣ», необходимость самодержавной власти въ Россіи: «*Государь*, говоритъ «Она [1]), *есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ* «*только соединенная въ его особѣ власть, не можетъ* «*дѣйствовать сходно съ пространствомъ столь великаго* «*государства. Другая причина та, что лучше повино*-«*ваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угож*-«*дать многимъ. Какой предлогъ (цѣль) самодержавнаго* «*правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять есте*-«*ственную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ на*-«*править къ полученію самаго большаго отъ всѣхъ добра*».

Въ послѣднемъ своемъ разсужденіи о задачахъ монархической власти, Императрица дословно повторяетъ соображенія по тому-же предмету Прусскаго короля Фридриха Великаго, приведенныя имъ въ его научно-государственномъ трактатѣ: «о формахъ правленія и объ обязанностяхъ государей» [2]), подобно тому, какъ, при опредѣленіи въ «Наказѣ» понятія объ истинной политической свободѣ, цитируетъ слова Монтескьё.

«Свобода,—продолжаетъ Императрица, есть право «дѣлать все, что не запрещено законами. . . На этомъ «основаніи, политическая свобода въ гражданинѣ

---

[1]) Наказъ, глава II, п. 9—11.

[2]) «Versuch über die Regierungsformen und über die Pflichten der Souveräne (см. главу VII, стр. 63, Общей части настоящей книги).

«есть спокойствіе духа, вытекающее изъ мнѣнія, «которое каждый имѣетъ о своей безопасности; и «для того, чтобы граждане имѣли эту свободу, нуж- «но, чтобы правительство было таково, чтобы одинъ «гражданинъ не боялся другаго, но всѣ боялись-бы «однихъ законовъ» [1]).

Всѣ эти теоретическія идеи о государствѣ и о государственной власти, почерпнутыя Екатериною II-ю изъ ученій современныхъ политическихъ мыслителей и помѣщенныя въ «Наказѣ», не остались, однако-же, безъ вліянія и на наше положительное право, такъ какъ нѣкоторыя начала «Наказа» проведены не только самою Императрицею, но и Императоромъ Александромъ I во многихъ законодательныхъ актахъ. Правда, что первые годы царствованія Императора Александра I еще обнаруживаютъ нѣкоторую неустойчивость въ воззрѣніи Государя на верховную власть, вызванную вліяніемъ на него тѣхъ-же политическихъ теорій, которыя охватили всю западную Европу,—но, эту неустойчивость, слѣды которой замѣчаются въ составленномъ Графомъ Сперанскимъ и неосуществленномъ, однако-же, покойнымъ Императоромъ планѣ всеобщаго государственнаго преобразованія Россіи, можно назвать только временною, такъ какъ Александръ I вскорѣ убѣдился въ несоотвѣтственности означеннаго плана ни историческимъ, ни современнымъ условіямъ политическаго развитія русскаго народа.

---

[1]) Montesquieu: «De l'esprit des lois» L. XI, ch. III: «....La liberté est «le droit de faire tout ce que les lois permettent»,—L. XI, ch. VI: «la liberté «politique dans un citoyen est cette tranquillité d'esprit qui provient de l'opi- «nion que chacun a de sa sûrété; et pour qu'on ait cette liberte, il faut que le «gouvernement soit tel qu'un citoyen ne puisse pas craindre un autre citoyen».— Императрица дополнила соображенія Монтескьё словами: «mais que tous ne «craignent que les Lois».

Наконецъ, послѣдними событіями, относящимися къ судьбѣ Россійскаго самодержавія, которыми завершается вся его исторія, и оно уже переходитъ, навсегда, изъ области факта въ положительный законъ, дающій какъ ему, такъ и настоящему государственному строю Россійской Имперіи точное и окончательное опредѣленіе, — оказываются установленіе Императоромъ Павломъ I, законодательнымъ актомъ 5 Апрѣля 1797 года, порядка престолонаслѣдія, съ цѣлью обезпеченія единства государства и государственныхъ интересовъ по управленію, и одновременное выясненіе имъ-же, двумя статьями нынѣ дѣйствующихъ основныхъ законовъ, какъ смысла современнаго политическаго устройства Россіи, такъ равно и объема правъ самодержавной власти.

Съ цѣлью показать правомѣрность въ порядкѣ осуществленія Монархомъ своей самодержавной власти, статья сорокъ седьмая т. I Свода Законовъ Основныхъ гласитъ, что: *«Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ отъ Самодержавной Власти исходящихъ»*; статьею же первою того же тома законовъ основныхъ объявляется, что: *«ИМПЕРАТОРЪ Россійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной ЕГО власти не только за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ»*.

Изъ ссылокъ послѣдней статьи закона на источники видно, что основаніями первой ея части послужили: Воинскій артикулъ Петра Великаго (арт. 20 толков.), Морской уставъ 1720 года, манифестъ Императрицы Анны Іоаоновны 1730 года и учрежденіе ИМПЕРАТОРСКОЙ фамиліи 1797 года. Что-же касается до второй теократической части, трактующей о повелѣніи Самого Бога повиноваться верховной власти

не только за страхъ, но и за совѣсть, то она заимствована изъ того мѣста духовнаго регламента (ч. I п. 2), въ которомъ, путемъ отождествленія дѣятельности церковнаго управленія съ дѣятельностью по государственному управленію самодержавныхъ монарховъ, *при содѣйствіи совѣтниковъ*, выводится необходимость устройства на такомъ-же коллегіальномъ началѣ и церковнаго управленія. «*Монарховъ* «*власть*, говорится въ духовномъ регламентѣ, *есть* «*Самодержавная, которымъ повиноваться Самъ Богъ за* «*совѣсть повелѣваетъ;* обаче совѣтниковъ своихъ «имѣютъ, не токмо ради лучшаго истины взысканія, «но дабы и не клеветали непокоривые человѣцы, «что се или она силою паче и по прихотямъ сво«имъ, нежели судомъ и истиною заповѣдуетъ Мо«нархъ....» [1]).

ГЛАВА V.

Характеристическія черты исторіи Россіи, по вопросамъ о государственномъ устройствѣ и о государственной власти, которыми она рѣзко отличается отъ исторіи политическаго устройства и государственной власти западно-европейскихъ народовъ.

При всей скудности извѣстій, сообщаемыхъ нашими юридическими актами, до половины XVI столѣтія, относительно древняго политическаго устройства допетровской Руси, а также относительно ея

---

[1]) Н. М. Коркуновъ: «Русское Государственное право». С.П.Б., 1893 г., т. I, стр. 158—159. П. С. З.—1721 г.—3718; ч. I, п. 2, стр. 316.

внутренняго, частнаго юридическаго быта, достаточно, однако-же, вникнуть въ смыслъ ея первоначальныхъ гражданскихъ учрежденій, которыя несомнѣнно соотвѣтствовали доисторической жизни русскаго народа, дабы убѣдиться, что при одинаковомъ стремленіи древней Руси къ общей, съ западноевропейскими народами, государственной цѣли, въ ея политической исторіи нѣтъ ни одной тождественной черты и ни одного явленія, сколько нибудь аналогичнаго съ тѣми, какія предшествовали или сопровождали образованіе государствъ на западѣ.

Причина такой особенности въ политической судьбѣ сѣверо-восточной Руси, даже среди всего остальнаго славянскаго міра, частью истребленнаго, частью-же порабощеннаго, станетъ еще болѣе ясною и понятною, если принять въ соображеніе, что нашему древнему народному быту были совершенно чуждыми всѣ тѣ общественные элементы, изъ которыхъ сложились, и на основаніи которыхъ развивались западно-европейскія государства на развалинахъ римской имперіи.

Такъ, напримѣръ, извѣстно, что основаніями для общественнаго и политическаго объединенія запада послужили, главнѣйшимъ образомъ, сословное и аристократическое начала, а также сильное развитіе идеи личности,—тогда какъ исключительнымъ и непосредственнымъ творцомъ соціальнаго и политическаго единства древней Руси, не знавшей никакихъ сословныхъ и аристократическихъ началъ, была, какъ мы уже замѣтили, родовая идея, коренившаяся въ глубинѣ народной жизни русско-славянскихъ племенъ, управлявшая всѣмъ нашимъ старымъ бытомъ, которая послѣдовательно привела Русь къ тому-же государственному быту, но сначала черезъ общинный бытъ, а затѣмъ черезъ родовой и семейственный, и

въ заключеніе, подготовивъ, подъ вліяніемъ христіанства, зачатки для будущей свободы личности, всецѣло до того поглощенной кровною связью и кровными родственными отношеніями, прекратила свое существованіе.

Далѣе, мы видимъ западную церковь, облеченную сильною свѣтскою властью и при томъ находящуюся въ постоянной борьбѣ съ государствомъ, тогда какъ наша церковь не только состояла въ такой-же зависимости отъ единой государственной власти, подобно всѣмъ прочимъ состояніямъ, и не только никогда не претендовала на свѣтскую власть, избѣгая всякой вражды съ государствомъ, но, напротивъ, принимала живѣйшее участіе и оказывала самое энергическое содѣйствіе къ государственному объединенію Россіи подъ скипетромъ одной общей самодержавной власти Московскихъ государей, главенство которыхъ она признала даже въ дѣлахъ церковнаго управленія, сохраняя лишь за собою, въ силу священнаго обычая «печалованія», единственное право быть постоянной посредницей между народомъ и государемъ, какъ между человѣкомъ и божествомъ. . .

Тамъ, на западѣ, верховная власть пріобрѣтается силою оружія, и потому налагаетъ на всѣ свои отношенія къ подданнымъ характеръ отношеній побѣдителя къ побѣжденнымъ, не говоря уже о томъ, что, вынужденная считаться съ субъективными правами церкви и сословій, она должна опредѣлять и ограничивать свою правомѣрность, соотвѣтственно результатамъ извѣстныхъ соглашеній съ упомянутыми сословіями и съ церковью,—между тѣмъ, ничего подобнаго не существовало на Руси, гдѣ власть никогда не создавалась насиліемъ или завоеваніемъ, будучи предметомъ лишь добровольныхъ договорныхъ отношеній между княземъ и народомъ, и гдѣ

понятіе о ней народа, выработавшееся подъ исключительнымъ вліяніемъ того-же родоваго начала представлялось ему не иначе, какъ въ видѣ отеческой, неограниченной власти, съ одними опекунскими по отношенію къ нему обязанностями, *въ томъ числѣ и съ обязанностью быть его личнымъ, непосредственнымъ судьею по всякаго рода дѣламъ*,—обязанностями, создавшими то тѣсное единеніе представителей власти съ народомъ, какого не существовало на западѣ, и котораго не могли сокрушить никакія внутреннія и внѣшнія событія и никакія послѣдующія перемѣны въ нашемъ политическомъ быту. . . . .

Что обязанность монарха, въ дѣлѣ непосредственнаго отправленія правосудія, не только никогда не была извѣстна западу, но и считалась бы тамъ неслыханною и опасною политическою аномаліею, объ этомъ говоритъ Монтескьё, который, вопрошая древнюю, среднюю и современную ему исторію Запада и нигдѣ не встрѣчая подобнаго явленія, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ изъ исторіи древняго Рима, имѣвшихъ при этомъ самыя печальныя политическія послѣдствія, замѣчаетъ, что: «если-бы «Государь какой-либо конституціонной державы по«желалъ быть судьею, то онъ разрушилъ-бы весь «политическій строй своего государства, такъ какъ «посредствующіе между нимъ и подданными госу«дарственные органы, въ томъ числѣ и судъ, пере«стали-бы функціонировать, и ужасъ овладѣлъ-бы «всѣми при совершенной неизвѣстности, будетъ-ли «кто оправданъ или только помилованъ . . . . » [1]).

---

[1]) Montesquieu: «Esprit des Lois», liv. VI, chap. V.

Примѣчаніе: Въ видѣ исключительнаго примѣра личнаго суда монарха, относящагося къ XVII вѣку, Монтескьё приводитъ судъ французскаго короля Людовика XIII надъ герцогомъ Ла-Валлетомъ, который вызвалъ всеобщее и сильное негодованіе.

А между тѣмъ съ подобными, именно, обязанностями и съ такимъ типомъ власти, характеромъ которой проникаются, въ свою очередь, всѣ отношенія подвластныхъ къ своимъ властелинамъ,—наша верховная власть и получаетъ дальнѣйшее развитіе, мѣняя, послѣдовательно, одну только форму, до самодержавной включительно, но въ существѣ оставаясь тою-же родительскою опекою, какъ и прежде.

Словомъ, въ то время, какъ въ исторіи политическаго развитія Россіи какъ бы сказывается совѣтъ, преподанный, когда-то, греческому народу Платономъ и Сократомъ, относительно способа къ достиженію истинной политической свободы: *«желаете «быть свободными, будьте добродѣтельными»*, — въ исторіи организаціи западно - европейскихъ государствъ и съ тою-же цѣлью проводится принципъ, діаметрально противуположный: *«прежде всего освободитесь, и тогда вы будете добродѣтельными....»*.

Свѣтлыя страницы въ исторіи Греціи, которыя относятся къ временамъ, когда греческій народъ строго придерживался упомянутаго принципа двухъ своихъ политическихъ философовъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о наибольшей реальности этого послѣдняго принципа, въ дѣлѣ обезпеченія не только свободы отдѣльной личности, но и блага цѣлаго народа. . . . .

Такимъ образомъ, и въ виду указанныхъ особенностей нашего соціальнаго и политическаго быта, сравнительно съ общественнымъ и политическимъ бытомъ западныхъ народовъ, едва-ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію, что на древнюю Русскую исторію вообще, и на исторію политическаго устройства Руси въ особенности, нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія всѣхъ возможныхъ восточныхъ и западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ народовъ, а вмѣстѣ

съ тѣмъ заключать о возможности ихъ взаимнаго отождествленія, по одному или двумъ какимъ-либо аналогическимъ, по внѣшнему виду, фактамъ, въ родѣ дружиннаго начала и удѣльной системы, современныхъ западной дружинѣ и западной феодальной системѣ, которые слѣдуетъ признать лишь проявленіями общаго для всѣхъ европейскихъ племенъ историческаго закона.

Мы говоримъ объ одномъ внѣшнемъ сходствѣ означенныхъ двухъ фактовъ потому, что въ сущности славянская дружина и удѣльная система имѣли у насъ иное значеніе и совершенно иную цѣль, нежели на западѣ. Общая ихъ черта заключалась отчасти въ названіяхъ, отчасти-же въ результатѣ дѣятельности, такъ какъ дружинное начало создало на западѣ феодализмъ, а у насъ удѣльную систему, но при этомъ феодальная система содѣйствовала, кромѣ того, къ сохраненію единства страны, тогда какъ у насъ это единство, помимо удѣльной системы, поддерживалось родовыми отношеніями князей.

Существенная-же разница между славянскою и западною дружинами состояла въ томъ, что первая не прикрѣплялась къ землѣ и не вырождалась затѣмъ, подобно западной, въ сословіе съ извѣстными поземельными правами и обязанностями по отношенію къ главному вождю, но, дорожа личною независимостью и правомъ свободнаго перехода отъ одного князя къ другому, отъ слабѣйшаго къ болѣе сильному, являла собою скорѣе видъ какого-то военнаго общества или братства, среди котораго, и на основаніи родоваго-же начала, *князь былъ только старшимъ товарищемъ и старшимъ братомъ, а не повелителемъ, какъ на западѣ* [1]).

---

1) Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. I, стр. 207—210.

Наконецъ, и самая удѣльная система не имѣла ничего общаго съ феодальною, что подтверждается не только ея крайне ограниченною историческою миссіею, въ роли одной только провозвѣстницы новаго политическаго порядка вещей, долженствовавшаго замѣнить прежнее, племенное политическое единство Руси единствомъ народнымъ, но также и тѣмъ обстоятельствомъ, что она была лишена главнѣйшей, присущей феодальной системѣ, черты, состоявшей въ жалованіи войска землями, которое стало появляться на Руси впервые въ XV столѣтіи и продолжалось до Петра Великаго [1]).

Въ то же время и не смотря на такую видимую исключительность соціальнаго и политическаго устройства и развитія русско-славянскихъ племенъ, исторія этого развитія не представляетъ намъ, однакоже, группу какихъ-либо случайныхъ и безсвязныхъ историческихъ фактовъ, или-же такихъ политическихъ учрежденій, которыя, подобно западнымъ, были насильственно навязаны народу и не соотвѣтствовали общественнымъ нравамъ,—напротивъ, при историческомъ изслѣдованіи каждаго изъ этихъ фактовъ и каждаго изъ учрежденій, явно обнаруживается органическое ихъ происхожденіе и органическая связь съ фактами и учрежденіями, которыя имъ предшествовали. . . . .

ГЛАВА VI.

Краткій историческій очеркъ законодательныхъ и организаціонныхъ реформъ государственнаго періода Россіи, начиная съ XVI столѣтія. Измѣненіе, въ московскую государственную эпоху, личнаго, непосредственнаго суда Государя, какъ первоначальной его обязанности и прерогативы.

Всякій поворотъ въ политической жизни народа

1) Ключевскій: «Боярская Дума», стр. 450.

вызываетъ, обыкновенно, и соотвѣтствующія такому повороту внутреннія государственныя реформы. Подобными-же реформами сопровождалось и государственное переустройство Россіи, хотя, въ теченіи всего московскаго періода, онѣ производились крайне медленно и, вообще, весьма мало измѣнили юридическій бытъ народа.

Достаточно замѣтить, что въ продолженіи болѣе двухсотъ лѣтъ, начиная съ XVI вѣка, законъ оказывался безсильнымъ въ борьбѣ съ обычаемъ, вслѣдствіе чего вынужденъ былъ его узаконить, и, только съ конца XVII столѣтія, начинаютъ постепенно устанавливаться произвольныя правовыя нормы [1]).

Жалованныя и уставныя грамоты московскихъ великихъ князей XIV и XV в.в., не смотря на все свое значеніе, какъ законовъ частныхъ, являлись, тѣмъ не менѣе, единственными письменными законодательными актами, дополнявшими обычай, а слѣдовавшіе за ними Судебники Великихъ Князей: Іоанна III (1497 г.) и Іоанна IV Грознаго (1550 г.), объединившіе разнообразные мѣстные законы, разбросанные какъ въ уставныхъ грамотахъ, такъ и въ Псковской Судной грамотѣ и въ Русской Правдѣ, по своему содержанію и характеру, относились скорѣе къ числу кодексовъ процессуальнаго, нежели матеріальнаго русскаго права, которое, по прежнему, нормировалось обычаемъ.

Естественнымъ результатомъ такого положенія законодательства, современнаго Судебникамъ и Указнымъ книгамъ [2]), въ которомъ судебная практика,

1) Владимірскій-Будановъ: «Обзоръ Исторіи Русскаго права», стр. 195-196.

2) Примѣчаніе: Указныя книги Приказовъ представляютъ собою сборники отдѣльныхъ законодательныхъ вопросовъ, разрѣшенныхъ судебною практикою съ 1550—1649 гг., дополнявшіе постановленія Судебника Іоанна IV-го 1550 года.

не находя необходимаго критерія для разрѣшенія текущихъ правовыхъ вопросовъ, вынуждена была обращаться для этого къ постановленіямъ Литовскаго статута, оказалось, что, благодаря постоянному руководству судебной практики частью началами обычнаго права, частью-же мѣстными и чужеземными законами,—самое право, вслѣдствіе своей крайней неопредѣленности и неустойчивости, сдѣлалось предметомъ произвольнаго толкованія, а слѣдовательно и всякаго рода злоупотребленій какъ со стороны административной, такъ и судебной власти.

Ясно, что устраненіе всѣхъ этихъ неудобствъ, въ дѣлѣ истолкованія истиннаго смысла законовъ и правильнаго ихъ примѣненія къ отдѣльнымъ случаямъ судебной практики, обусловливалось единственно кодификаціею, то есть окончательнымъ взаимнымъ соглашеніемъ разнообразныхъ источниковъ дѣйствовавшаго права, что и было произведено изданіемъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ сначала Соборнаго Уложенія въ 1649 году, а затѣмъ и Новоуказныхъ статей, служившихъ ему дополненіемъ.

Если отъ изложеннаго бѣглаго и сжатаго историческаго очерка сущности и общаго направленія законодательства, дѣйствовавшаго въ теченіи московскаго періода, мы обратимся къ тому вліянію и къ тѣмъ измѣненіямъ, какія оно могло, и, въ дѣйствительности, произвело въ области отечественнаго уголовнаго права,—то должны будемъ отмѣтить слѣдующіе наиболѣе выдающіеся факты: 1) постепенное устраненіе личнаго и общиннаго элементовъ въ правѣ преслѣдованія и наказанія преступниковъ, такъ какъ месть и самоуправство не допускаются, и потерпѣвшій отъ преступленія вознаграждается изъ имущества виновнаго, при чемъ, въ случаѣ несостоятельности, *правительство сохраняетъ за собою право*

казнить его [1]),—право, въ которомъ впервые сказывается государственное начало, подъ вліяніемъ котораго преступленіе пріобрѣтаетъ уже значеніе дѣйствія, нарушающаго законъ, выражающаго непослушаніе царской волѣ, а, съ точки зрѣнія церковныхъ законовъ, забвеніе заповѣди Божіей и Божьяго грѣха, и 2) необыкновенную жестокость наказаній [2]), въ которыхъ, судя по выраженію, неоднократно встрѣчающемуся въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича: «*чинить жестокое наказаніе, чтобы инымъ на то смотря не повадно было такъ дѣлать*»,—видимо проводится система устрашенія и искорененія преступленій, преобладающая въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II-й.

Совершенно иное направленіе и иная цѣль усматривается въ основѣ русскаго уголовнаго права императорской эпохи, которыми оно рѣзко отличается отъ періода предшествовавшаго, вслѣдствіе провозглашенія коренною цѣлью уголовнаго права охраненіе блага общественнаго, въ виду котораго обязанность правительства состояла уже не только въ защитѣ отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго общества отъ вреда, причиняемаго преступленіемъ.

Сообразно съ такою, новою цѣлью государства, въ правѣ наказаній за преступленія, къ которой Императрица Екатерина II присоединяетъ впослѣдствіи еще другую, состоящую въ исправленіи преступника,—въ ученіи нашего уголовнаго законодательства о наказаніи развиваются одновременно два

---

[1]) Судебникъ 1497 г.; ст. 8 и 11; Судебникъ 1550 г.: ст. 60 и 61.

[2]) «Сожженіе, отрѣзаніе языка, кнутъ для всѣхъ сословій». Соловьевъ: т. V, стр. 256.

принципа: *обезпечительный для общества* и *исправительный для преступника* [1]).

Вполнѣ понятно, что, при упомянутой цѣли и новомъ направленіи русскаго уголовнаго права императорской эпохи, жесткость наказаній становилась неумѣстною. Наконецъ, по тѣмъ-же основаніямъ, въ уголовномъ законодательствѣ замѣчается и другое весьма важное явленіе, а именно, болѣе сознательное и быстрое развитіе начинающагося съ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича ученія о вмѣненіи, которое до этого времени робко проводилось какъ въ Русской правдѣ, такъ и въ Судебникахъ [2]).

Такимъ образомъ, связь между преступнымъ дѣйствіемъ и волею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о мѣрѣ наказаній ставятся въ непосредственную зависимостъ отъ цѣлаго ряда условій: физическаго, психическаго и сословнаго характера. Возрастъ преступника, душевное его состояніе, умыселъ, совершеніе преступленія въ состояніи необходимой обороны или вслѣдствіе крайней необходимости, принадлежность обвиняемаго къ извѣстному сословію,—всѣми этими, и другими данными субъективнаго и объективнаго свойства, обусловливаются, по закону, не только право, но и мѣра наказаній преступниковъ.

Изъ остальныхъ реформъ государственнаго періода московской и императорской Россіи слѣдуетъ

---

1) **Примѣчаніе**: Въ ст. 93 Наказа Императрицы Екатерины II, относительно общей цѣли наказанія, говорится, между прочимъ, что цѣль наказанія должна состоять также и въ томъ, «чтобы возвратить заблудшіе умы на путь правый».

2) См.: а) Русскую Правду, по Троицк. списку: ст. 4—5, убійство «въ разбоѣ», «на пиру» и «въ свадѣ», т. е. въ ссорѣ. Русскую Правду, по Карамз. списку: ст. 38 и 39, относительно кражи домашнихъ животныхъ; б) Судебникъ 1550 г.: ст. 90 ставитъ внѣ наказанія дѣянія такъ называемыя «нехитростныя» или «безхитростныя», безъ опредѣленія, впрочемъ, понятія о такого рода дѣяніяхъ.

коснуться также и преобразованій въ судоустройствѣ.

Первоначальныя областныя и центральныя судебно-административныя учрежденія, уже съ XVI столѣтія, мало по малу утрачиваютъ свое примитивное значеніе, какъ доходной статьи, право на которую предоставлялось лицамъ, пожалованнымъ судебною властью, и отправленіе правосудія обращается изъ частнаго, льготнаго права въ обязанность. Государственнымъ характеромъ проникается, въ свою очередь, дѣятельность самой верховной власти, въ рукахъ которой сосредоточивается какъ законодательная [1], такъ равно и высшая судебная власть, въ качествѣ апелляціонной инстанціи по жалобамъ на рѣшеніе боярскаго суда и по дѣламъ, по которымъ судьямъ «*не пригоже управити*»,—за отсутствіемъ подходящаго закона.

Необыкновенное обиліе и разнообразіе дѣлъ, находившихся, въ концѣ XVI вѣка, въ производствѣ намѣстниковъ и волостелей, суда боярскаго, или тѣхъ особыхъ лицъ, коимъ государь приказывалъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, временное отправленіе правосудія, вызвало, впослѣдствіи, какъ извѣстно, необходимость постоянныхъ учрежденій, или *приказовъ*, которыхъ, въ эпоху Императора Петра Великаго, сдѣлавшаго первую попытку къ отдѣленію судебной части отъ административной, замѣнили: Городовые, Провинціальные и Надворные суды, съ Юстицъ-Коллегіею во главѣ, также преобразованные въ послѣдующія царствованія.

Избѣгая подробнаго обзора упомянутыхъ учрежденій, въ которыхъ, не смотря на ихъ поступатель-

1) Судебникъ Великаго Князя Іоанна III, 1497 года: «Лѣта 7006, мѣсяца септемврія, уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, съ дѣтьми своими и съ бояры, о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ».

ныя реформы до Петра Великаго, и даже въ началѣ его царствованія, сохраняется и подтверждается старый судебный порядокъ,—мы признаемъ необходимымъ остановиться только на одномъ изъ древнихъ институтовъ, а именно: *на личномъ и непосредственномъ судѣ самого государя по тяжебнымъ дѣламъ народа, какъ на первоначальной его прерогативѣ и обязанности*, которую мы избрали также предметомъ нашего настоящаго историко-законодательнаго изслѣдованія.

Упомянутая форма суда, по челобитнымъ народа, подаваемымъ непосредственно государю, которую народъ считалъ и считаетъ наилучшимъ своимъ судебнымъ правомъ, еще встрѣчается до XVI столѣтія. Слѣды дѣйствительнаго существованія и дѣятельности такого суда, отличнаго отъ суда общаго, хотя, по отсутствію историческихъ свѣдѣній до XV вѣка, нельзя опредѣлить съ точностью, въ какихъ, именно, случаяхъ и какимъ способомъ государь судилъ самъ, помимо установленныхъ органовъ, мы находимъ, въ одной изъ жалованныхъ грамотъ конца XV вѣка, данной Великимъ Княземъ Іоанномъ III, 10 Марта 1494 года, Бѣжецкой вотчинѣ Троицс-Сергіева монастыря, слѣдующаго содержанія: «Кому будетъ чего «искати на игуменовѣ приказчикѣ, *ино его сужу азъ «князь великій или мой бояринъ введеной;* а намѣстницы «мои Бѣжецкіе или ихъ тіуни игуменова приказ«чика *ни моимъ судомъ великаго князя, ни боярскимъ «судомъ не судятъ ихъ людей»* [1]).

Но по мѣрѣ того, какъ областныя и центральныя судебно-административныя учрежденія стали усвоивать себѣ, съ XVI вѣка, государственный характеръ и постепенно отрѣшались отъ характера

1) А. А. Э. т. I. № 131.

частнаго, финансоваго, неизбѣжно, и при томъ существенно, должна была измѣниться и самая дѣятельность московскихъ государей.

Сложныя обязанности верховной власти по дѣламъ государственнаго управленія, а также вновь организованныя учрежденія, дѣйствовавшія именемъ государя по дѣламъ административнымъ и судебнымъ, не допускали уже возможности одновременнаго существованія и параллельной съ ними дѣятельности, по тѣмъ-же судебнымъ дѣламъ, отдѣльнаго и самостоятельнаго суда самого государя. Тѣмъ не менѣе, московскіе государи, въ сознаніи того политическаго значенія, какое имѣетъ, въ интересахъ власти, ихъ личный судъ по челобитнымъ народа, не рѣшаются, однако-же, отмѣнить его совершенно, но сохраняютъ за собою, въ смыслѣ *послѣдняго вида государевой расправы*,—при чемъ придаютъ такому исключительному способу отправленія правосудія значеніе *не обязанности*, какъ это было прежде, *а только личной прерогативы*, которою располагаютъ по собственному усмотрѣнію, примѣняя ее въ точно опредѣленныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ: по дѣламъ лицъ и учрежденій, коимъ жалованными грамотами предоставлялась привилегія судиться у великаго князя [1]), или по дѣламъ мѣстничества, а также въ тяжбахъ москвитянина съ волостелемъ московскаго села, принадлежащаго удѣльному князю [2]), или-же, наконецъ, даруютъ свой личный судъ, въ видѣ милости, лицамъ, имѣющимъ наиболѣе правъ въ государствѣ, каковыми были высшіе чины, начиная отъ стольника.

---

1) Владимірскій-Будановъ: «Христоматія по исторіи русскаго права». Л. 75, примѣч. 27 къ ст. 21 Судебника 1497 года.

2) Тамъ-же: Л. 179, ст. 100 Судебника 1550 года.

Такимъ образомъ, непосредственный судъ князя пріобрѣтаетъ постепенно значеніе суда исключительнаго и становится недоступнымъ для народа, которому строго воспрещается обращаться съ своими челобитными прямо къ Государю, минуя установленные органы.

ГЛАВА VII.

Безуспѣшность правительственныхъ мѣръ XV, XVI и XVII столѣтій, воспрещавшихъ народу обращаться съ своими челобитьями къ Государю, минуя установленныя учрежденія. Печальное состояніе правосудія въ до-петровскую эпоху, какъ главнѣйшая причина безуспѣшности упомянутыхъ мѣропріятій.

Между тѣмъ, ни воспрещенія, ни административное воздѣйствіе, направленныя къ понужденію народа подавать свои челобитныя не государю лично, а въ существующія учрежденія, не имѣли никакого успѣха и не только не вызывали, но и не могли вызвать къ этимъ учрежденіямъ довѣрія народа, тѣмъ болѣе, если принять въ соображеніе состояніе самаго правосудія въ до-петровскую эпоху.

Не взирая на рядъ наказаній отъ денежныхъ штрафовъ, тюрьмы и тѣлеснаго наказанія [1]), до отсѣченія руки включительно [2]), которыми законода-

[1]) Тамъ-же: Л. л. 74, 83 и 95 Судебника 1497 г.: ст. 19, 38 и 67; л. л. 108, 109 и 110 Судебника 1550 г: ст. 1, 2, 3, 4 и 15.

[2] Уложеніе о наказ. Царя Алексѣя Михайловича: «О судѣ», ст. 5 и 12 (Полн. Собр. Зак. Россійской Имперіи, т. I).

тельство XV., XVI и XVII столѣтій угрожаетъ судьямъ за ихъ явно пристрастныя судебныя рѣшенія и приговоры, постановленные подъ вліяніемъ посуловъ,— правосудіе отличается свимъ лицепріятіемъ и продажностью, вслѣдствіе того, что отправлявшіе его, намѣстники и приказные люди, никакъ не могли отрѣшиться отъ первоначальнаго своего взгляда на судъ, какъ на средство *«кормиться»*, *«быть сытыми»*, и даже не скрывали такого своего взгляда отъ самихъ московскихъ государей, о чемъ свидѣтельствуетъ челобитная Костромскаго намѣстника, боярина Якова Захарьевича Кошкина, поданная Великому Князю Іоанну III, въ которой онъ простодушно заявляетъ: *«что ему въ Костромѣ сытымъ быть не съ чего»* [1]).

На сколько лихоимство намѣстниковъ и приказныхъ людей было явленіемъ общимъ и обыкновеннымъ, свидѣтельствуетъ поговорка, которая, подобно, всѣмъ остальнымъ русскимъ поговоркамъ, мѣтко затрогивающимъ больныя стороны нашей общественной жизни, долго держалась на Руси въ до-петровскій періодъ и навсегда заклеймила лихоимство московскихъ приказныхъ людей, говоря: *«что на Москвѣ даже дѣла даромъ не дѣлаютъ»*, или попросту, берутъ взятки,—фактъ, одинаково удостовѣряемый и сказаніями о Россіи иностранцевъ, которые, восхваляя любовь къ справедливости московскаго Великаго князя Василія Іоанновича, въ то-же время замѣчаютъ: *«что въ Россіи богатый рѣже бѣднаго оказывается виновнымъ, и что судьи не боятся и не стыдятся за деньги кривить душею въ своихъ рѣшеніяхъ»*.

Справедливость приведенныхъ отзывовъ иностранцевъ объ условіяхъ, въ какихъ находилось право-

---

1) Соловьевъ: т. V, стр. 256.

судіе въ XV и XVI столѣтіяхъ, подтверждается, между прочимъ, слѣдующимъ типичнымъ примѣромъ, приводимымъ Карамзинымъ изъ временъ Великаго Князя Василія Іоанновича [1]) относительно одного московскаго судьи, уличеннаго княземъ во взяточничествѣ.

На вопросъ Великаго Князя обвиняемому, дѣйствительно-ли онъ, взявъ посулы одновременно и съ истца и съ отвѣтчика, обвинилъ, однако-же, того изъ нихъ, который далъ ему менѣе,—судья отвѣтилъ: *«Великій Государь! я всегда вѣрю лучше богатому, нежели бѣдному, разумѣя, что первому менѣе нужды въ обманахъ и въ чужомъ»*...

Другой примѣръ, изъ той-же эпохи, мы находимъ у профессора Соловьева [2]), при чемъ случай этотъ указываетъ уже на пріемъ московскою бюрократіею посуловъ даже отъ своихъ провинціальныхъ сотоварищей, для сокрытія отъ великаго князя ихъ злоупотребленій по службѣ.

Послѣ смерти извѣстнаго Псковскаго дьяка Мисюри-Мунехина, послѣдовавшей въ 1528 году, въ его казнѣ были найдены тетради и замѣтки, въ которыхъ оказались записанными покойнымъ всѣ тѣ посулы, какіе онъ давалъ когда-либо, въ Москвѣ, боярамъ, дьякамъ и дѣтямъ боярскимъ за поддержку и защиту его предъ великимъ княземъ. Между тѣмъ, упомянутыя тетради и замѣтки попали въ руки Великаго князя Василія Іоанновича, который приказалъ взыскать на себя съ бояръ, дьяковъ и боярскихъ дѣтей, поименованныхъ въ замѣткахъ Мисюри, всѣ тѣ суммы, какія ими были отъ него, раз-

---

1) Карамзинъ: т. VII, стр. 195.
2) Соловьевъ: Исторія Россіи, т. VI, стр. 293—294.

новременно, получены, а любимаго подъячаго покойнаго, Артюшу, какъ участника въ дѣйствіяхъ своего бывшаго начальника, послалъ на пытку [1]).

Но болѣе общую и исторически вѣрную картину состоянія правосудія въ до-петровскій періодъ рисуютъ предъ нами сербъ Юрій Крижаничъ [2]) и подъячій Посольскаго приказа Григорій Котошихинъ, современники Царя Алексѣя Михайловича, при чемъ первый изъ нихъ, бывшій нѣкоторое время его приближеннымъ и любимцемъ, является однимъ изъ самыхъ энергичныхъ обличителей всѣхъ политическихъ язвъ современной Россіи, которыя, по мнѣнію его, должны были привести народъ къ нравственному и экономическому банкротству.

«*Нѣсть адда диво*, пишетъ Крижаничъ, *аще для «ради тако неправедныхъ судовъ Богъ неустойно казнитъ «Русскій народъ: и не отходитъ бичъ Божій отъ нашихъ «хребтовъ, або мы не престаемъ правды бить и зати- «рать»*. Говоря затѣмъ о продажности судей въ Московскомъ государствѣ, Крижаничъ восклицаетъ: «*Нѣсть адда диво, что на Москвѣ есть такъ много*

---

[1]) Примѣчаніе: Бывшій московскій дьякъ Мисюря Мунехинъ извѣстенъ своимъ участіемъ въ дѣлѣ добровольнаго присоединенія Пскова къ великому княжеству Московскому при Василіи Іоанновичѣ, за что, въ награду, и былъ назначенъ вѣдать всѣми приказными дѣлами въ Псковѣ, гдѣ, съ намѣстниками, вмѣстѣ съ нимъ назначенными, злоупотреблялъ своею властью въ такой степени, что среди Псковичей сложилась поговорка, о которой упоминаетъ лѣтописецъ, а именно, что: «У намѣстниковъ, «у тіуновъ ихъ и дьяковъ правда, крестное цѣло- «ваніе взлетѣли на небо, а кривда начала ходить «между ними. Бѣдные Псковичи не знали правды «Московской!». На сколько была сильна поддержка Мисюри въ Москвѣ, благодаря посуламъ, можно заключить изъ того, что злоупотребленія намѣстниковъ постоянно обнаруживались, и ихъ смѣняли, но безсмѣннымъ и всесильнымъ оставался одинъ только дьякъ Мисюря Мунехинъ.

[2]) Соловьевъ: т. V, стр. 424—425; Безсоновъ: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка».

«воровъ и разбоевъ и людоморства; но паче есть диво, «како еще люди праведны въ Москвѣ»... Въ заключеніе, сопоставляя судъ въ Россіи съ судомъ въ Турціи, онъ отдаетъ предпочтеніе даже послѣднему, говоря: *«праведнѣе ся суди судятъ у турковъ, неже гдѣ коли «индѣ на свѣту»*.

Такого-же мнѣнія о продажности судейской совѣсти, какъ о злѣ, глубоко вкоренившемся въ тогдашніе нравы приказныхъ людей, былъ и Котошихинъ [1]), какъ лучшій знатокъ всѣхъ недостатковъ и пороковъ современной ему бюрократіи.

«Хотя и чинятъ крестное цѣлованіе, съ жестокимъ «проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати «въ правду по царскому приказу и Уложенію—говоритъ «онъ о приказныхъ,—*но ни вочто ихъ вѣра и заклинательство и наказанія не страшатся, отъ прелести «очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои «ко взятію скоро допущаютъ; хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ черезъ жену или дочь, или «черезъ сына и брата и человѣка, и не ставятъ того «себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ. «Однако чрезъ такую ихъ прелесть приводитъ душа «ихъ злоиманіемъ въ пучину огня неугасимаго, и не «токмо враждуютъ своими душами, но и царскою, взявъ «посулы, облыгаютъ другихъ людей злыми словами и не «стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда «приходитъ къ царю и видѣти часто отъ простыхъ «людей?»*...

Иллюстраціей къ описываемому Котошихинымъ способу вымогательства со стороны приказныхъ разнаго рода посуловъ отъ лицъ, которымъ приходилось къ нимъ обращаться по своимъ дѣламъ, можетъ

---

[1]) Григорій Котошихинъ: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». СПБ. 1859 года.

служить слѣдующій наказъ стольника Колонтаева своему слугѣ, приводимый С. М. Соловьевымъ [1]), въ его историческомъ очеркѣ о неудовлетворительномъ состояніи правосудія, во времена царя Михаила Ѳеодоровича: «сходить бы тебѣ къ Петру Ильичу, и если «Петръ Ильичъ скажетъ, то идти тебѣ къ дьяку Ва- «силію Сычину, пришедши къ дьяку, въ хоромы не «входи, прежде развѣдай, веселъ ли дьякъ, и тогда «войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай; «приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три «рубля, да обѣщай еще, а куръ, пива и ветчины са- «мому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. За Прошкинымъ «дѣломъ сходи къ подъячему Степкѣ Ремезову и «попроси его, чтобъ сдѣлалъ, а къ Кириллѣ Семено- «вичу не ходи: тотъ проклятый Степка все себѣ въ «лапы забралъ: отъ моего имени Степки не проси: «я его подлаго вора чествовать не хочу; понеси ему «три алтына денегъ, рыбы сушеной, да вина, а Степка «жадущая рожа и пьяная.»

Не менѣе выразительнымъ образчикомъ взгляда тяжущихся и просителей на современныхъ приказныхъ людей является и другой фактъ, временъ царя Алексѣя Михайловича, заимствованный нами изъ актовъ, относящихся до юридическаго быта Россіи [2]).

Въ 1683 году, пріѣхалъ въ Москву по дѣлу, производившемуся въ Стрѣлецкомъ приказѣ, слуга Прилуцкаго монастыря, и помѣстилъ въ представленномъ монастырю отчетѣ о произведенныхъ по дѣлу расходахъ слѣдующее: «*дьяку внесено деньгами* «*10 рублей, пирогъ, голова сахару, семга, гребень рѣзной,* «*полпуда свѣчъ маковыхъ, два ведра рыжиковъ, людямъ*

---

1) Исторія Россіи, т. IX, стр. 399.

2) Акты, относящіеся до юридическаго быта Россіи: стр. 602, столбцы приказнаго стола, 3476.

«*его два алтына. Старому подъячему деньгами 28 руб-*
«*левъ, пирогъ, ведро рыжиковъ, людямъ его четыре деньги.*
«*Молодому подъячему деньгами 3 рубля; да ему-жъ съ*
«*дьячимъ племянникомъ въ погребѣ выпоено церковнаго*
«*вина на семь алтынъ. Въ приказѣ Большiя Казны*
«*старому подъячему отъ справы, отъ памяти, что от-*
«*пустилъ въ Стрѣлецкiй приказъ, несено пирогъ да семга.*
«*Молодому отъ письма отъ памяти десять денегъ*».

При этомъ необходимо замѣтить, что московское лихоимство и московская волокита были хорошо извѣстны самимъ московскимъ государямъ, благодаря постояннымъ и многочисленнымъ жалобамъ, которыя подавались тяжущимися и просителями, и что на нихъ нерѣдко указывали Царю Алексѣю Михайловичу выборные земскiе люди, заявляя государю на земскихъ соборахъ 1642 и 1648 гг., *«что москов-«ская волокита для народа пуще татарскаго погрома»*,— но никакiя законодательныя и административныя мѣры царя Алексѣя Михайловича не могли ее искоренить.

Изъ числа хотя и безуспѣшныхъ по результатамъ, но весьма суровыхъ, по своему характеру, расправъ царя Алексѣя Михайловича съ лицами, уличенными во взяточничествѣ, можно указать на примѣрное наказанiе Государемъ, въ 1654 году, князя Александра Крапоткина и дьяка Ивана Семенова [1]), которые объявили посадскимъ людямъ Гороховлянамъ о милости, оказанной имъ Государемъ, освобожденiемъ отъ приписки къ Москвѣ въ гостиную сотню, во вниманiе къ разоренiю отъ пожара, лишь послѣ того, какъ взяли съ нихъ посулы.

Въ приговорѣ по означенному дѣлу царя Алексѣя Михайловича, распубликованномъ именнымъ

[1]) П. С. З.: 1654 г.—123.

указомъ, послѣ изложенія факта преступленія говорится, что *при совершенномъ забвеніи княземъ Крапоткинымъ страха Божія и Государева крестнаго цѣлованія,* онъ подлежалъ-бы смертной казни, но, благодаря ходатайству царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича, смертная казнь замѣняется ему публичнымъ наказаніемъ кнутомъ на площади *«дабы на «то смотря, впредь инымъ такимъ воромъ и безстраш«никомъ не повадно было воровать и посулы имать».*

Независимо отъ сего и за ту же вину Государь указалъ объ учиненномъ княземъ Крапоткинымъ преступленіи занести въ Разрядную книгу, съ отмѣткою: «что онъ воръ и посульникъ».

Къ подобному же наказанію, съ замѣною смертной казни публичнымъ наказаніемъ кнутомъ на площади, былъ приговоренъ и дьякъ Иванъ Семеновъ.

Такая неисправимость и необыкновенная закоренѣлость современной московской бюрократіи, въ злоупотребленіяхъ своею властью, отъ которыхъ страдалъ народъ, находятъ себѣ еще большее подтвержденіе въ томъ богатомъ фактами историческомъ матеріалѣ, какой былъ собранъ по этому вопросу профессоромъ Чичеринымъ [1]) и убѣдилъ его въ томъ, что даже рѣзкій отзывъ Флетчера [2]) о беззаконіи и злоупотребленіяхъ, царившихъ въ до-петровскую эпоху, оказывается слабымъ, если принять во вниманіе массу случаевъ, указывающихъ на явное и постоянное нарушеніе закона и правды.

За весьма рѣдкими исключеніями, говоритъ г. Чичеринъ, въ громадномъ числѣ челобитныхъ встрѣчается указаніе на одно и то-же явленіе, присущее

---

1) Чичеринъ: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ,» стр. 316.
2) Флетчеръ: «О государствѣ русскомъ», стр. 27, 57, также стр. 28 и 29.

такому общему безотрадному состоянію правосудія и отсутствію всякой законной защиты, а именно: *«что крестьяне селъ и деревенъ. вслѣдствіе притѣсненій «приказныхъ людей, въ конецъ погибаютъ и совсѣмъ до «основанія разорены, бредутъ врознь, и у многихъ изъ «нихъ пашня залегла»*...

Слѣдуетъ-ли послѣ того удивляться, что при условіяхъ, въ какихъ, съ одной стороны, находились административно-судебныя учрежденія, сложная организація которыхъ не соотвѣтствовала простотѣ античнаго воззрѣнія народа на самый судъ, какъ на дѣло совершенно частное, какъ на борьбу двухъ сторонъ, рѣшавшую споръ, но не возстановлявшую право, а съ другой, что при низкомъ нравственномъ уровнѣ личнаго персонала учрежденій, развивавшихъ при этомъ одну только формальную сторону процесса въ ущербъ внутренней справедливости,—не могло быть и рѣчи о какомъ-либо добровольномъ забвеніи народомъ своего вѣковаго историческаго права на личный и непосредственный судъ государя, или-же о какомъ-либо отреченіи отъ этого права, вслѣдствіе страха наказаній: *«батогами, а кто почестнѣе тюрьмою на недѣлю»*, какими угрожало Уложеніе царя Алексѣя Михайловича за подачу челобитныхъ государю, минуя приказы [1])?

Первый изъ московскихъ государей, который проникнулся глубокимъ сознаніемъ необходимости

1) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. I: Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, глава X, «О судѣ», стр. 20: «А не бивъ челомъ въ «приказѣ, ни о какихъ дѣлѣхъ Государю никому челобитень не подавати, а «буде кто учнетъ о какомъ дѣлѣ бити челомъ и челобитныя подавати Госу«дарю, въ приказѣ не бивъ челомъ: и такимъ челобитчикомъ «за то чинити наказаніе, бити батоги; а кто почест«нѣе и того посадити въ тюрьму на недѣлю, чтобы на «то смотря инымъ не повадно было такъ дѣлать».

считаться съ упомянутымъ правомъ народа и призналъ, даже въ интересахъ политическихъ, всю преждевременность и несостоятельность такого внезапнаго и крутаго поворота со стороны верховной власти въ вопросѣ о непосредственной защитѣ народа отъ современнаго неправосудія,—былъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.

Видя свое государство *въ великой тоскѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправды, и съ цѣлью уничтожить крамолы, разорить неправды и утолить вражду*,—Іоаннъ IV приказалъ собрать въ Москву выборныхъ отъ всего государства и, въ 1550 году, выйдя на Красную площадь, произнесъ слѣдующую знаменательную, по своей силѣ и выразительности, рѣчь, обращенную сначала къ митрополиту, а затѣмъ къ выборнымъ отъ народа:

«*Молю тебя, святой владыко! будь мнѣ помощникъ «и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и «любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего «остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери осьми; род«ственники о мнѣ не брегли, а сильные мои бояре и «вельможи обо мнѣ не радѣли и самовластны были, «сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ «и въ многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упра«жнялись, азъ же яко глухъ и не слышалъ и не имай «въ устахъ своихъ обличенія, по молодости моей и без«помощности, а они властвовали. О неправедные лихо«имцы и хищники судіи неправедные! какой теперь да«дите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? «Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія сво«его*».

Затѣмъ, обращаясь къ народу, Іоаннъ продолжалъ: «*Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ, – молю «вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ ва«шихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя,*

«вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, «пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ «моихъ и властей безсудства, неправеднаго лихоимства «и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды «и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ; въ этихъ «дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколь возможно, «судья и оборона, буду неправды разорять и похищен-«ное возвращать» [1]).

И царь Іоаннъ исполнилъ обѣщаніе, данное народу, ибо въ тотъ-же день, пожаловавъ любимца своего Алексѣя Адашева въ окольничіе, сказалъ ему: «Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ не-«значительныхъ людей. Слышалъ и о твоихъ доб-«рыхъ дѣлахъ и теперь взыскалъ тебя выше мѣры «твоей, для помощи души моей; хотя твоего жела-«нія и нѣтъ на это, но я тебя пожелалъ и не од-«ного тебя, но и другихъ такихъ-же, кто-бъ печаль «мою утолилъ и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, «призрѣлъ. *Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ «бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. «Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести «и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ;* «не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещу-«щаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть «правымъ: *но все разсматривай внимательно и принеси «къ намъ истину, боясь суда Божія;* избери судей «правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ» [2]).

Съ тѣхъ поръ Іоаннъ Грозный, какъ удостовѣряетъ историческое извѣстіе [3]), *«самъ началъ судить многіе суды и розыскивать праведно».*

---

[1]) Соловьевъ: т. VI, стр. 56—57.
[2]) Соловьевъ: т. VI, стр. 56—57.
[3]) Собраніе грамотъ и договоровъ, II, № 37.

По замѣчанію г. Барсукова [1]), Боярину Ивану Васильевичу Шереметеву едва-ли не первому удалось воспользоваться выгодами этого новаго суда, въ тяжбѣ его съ княземъ Ноздреватымъ о правѣ на половину села Граворонова, Московской губерніи, Коломенскаго уѣзда.

Этотъ въ высшей степени любопытный процессъ, воспроизводящій личный, непосредственный судъ царя, со всѣми современными процессуальными пріемами въ порядкѣ допроса и объясненій тяжущихся и свидѣтелей, помѣщенъ нами въ приложеніи.

Примѣру Грознаго, возстановившаго такимъ образомъ традиціонное право народа: *«бить челомъ Великому Государю о судныхъ своихъ и о иныхъ какихъ дѣлахъ»*, а, вмѣстѣ съ этимъ правомъ, возобновившаго и прежнюю живую, непосредственную связь того-же народа съ верховною властью, которая снова дѣлается его личнымъ судьею и защитникомъ отъ неправды, насилія и разореній, послѣдовали и всѣ преемники Іоанна IV, не исключая царя Алексѣя Михайловича, который, вопреки собственному запрещенію и угрозѣ наказаніемъ за нарушеніе челобитчиками административнаго и судебнаго инстанціоннаго порядка, нерѣдко, однако-же, по замѣчанію Татищева [2]), *для показанія своего трудолюбія и правосудія, судилъ самъ или его сынъ въ своихъ покояхъ.*

Даже Императоръ Петръ Великій, въ началѣ царствованія, хотя и подтверждаетъ новымъ указомъ 1699 года [3]) старый судебный порядокъ, воспреща-

---

1) А. Барсуковъ: «Родъ Шереметевыхъ». СПБ. 1881 годъ. Кн. I, стр. 99.

2) Владимірскій-Бударовъ: «Христоматія по исторіи Русскаго права», 1873 года, стр. 129, примѣчаніе Татищева къ 28 ст. Судебника 1550 года.

3) Именной Указъ этотъ помѣщенъ въ Полн. Собр. Зак. 27 Октября 1699 года—1707.

вшій бить государю челомъ мимо приказовъ, но, въ то-же время, разрѣшаетъ принесеніе жалобъ прямо государю, въ случаѣ неправильнаго рѣшенія, съ тѣмъ, «*что дѣла тѣ межъ тѣхъ челобитчиковъ и судей и дьяковъ будетъ судить самъ Великій Государь всегда неотложно*».

ГЛАВА VIII.

Попытка Императора Петра Великаго къ совершенному устраненію Самодержавной власти отъ непосредственнаго отправленія правосудія. Суровыя наказанія за подачу челобитныхъ Государю, минуя существующія учрежденія. Отказъ Петра I отъ упомянутой попытки. Причины.

Съ учрежденіемъ Сената, въ 1711 году, положившаго начало коренному перевороту въ высшемъ управленіи Россіи, за которымъ, въ 1719 году [1]), слѣдовала организація коллегій, Петръ I, придавая особенное значеніе означеннымъ учрежденіямъ, долженствовавшимъ, по его убѣжденію, уничтожить произволъ и злоупотребленія прежняго личнаго управленія, а также одновременно водворить въ народѣ уваженіе къ закону и укрѣпить основы государственной власти, возобновляетъ попытку къ устраненію верховной власти отъ отправленія правосудія.

Именнымъ указомъ 17 Марта 1714 года [2]), Императоръ прежде всего разъясняетъ челобитчикамъ поводы, по которымъ имъ предоставляется право непосредственнаго къ нему обращенія съ своими про-

---

1) Полн. Собр. Зак. 1719 г.—3282.
2) Полн. Собр. Зак. 1714 г.—2787.

шеніями и жалобами. Челобитчикамъ предписывается подавать свои челобитныя сначала коменданту города, на котораго, въ случаѣ отказа рѣшить дѣло или неправильнаго его разрѣшенія, слѣдовало жаловаться Губернатору, на Губернатора Сенату и только на сей послѣдній Государю, буде Сенатъ рѣшитъ дѣло неправильно, или-же откажетъ въ правосудіи, за неимѣніемъ подходящаго закона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ-бы для успокоенія челобитчиковъ, а также для возбужденія въ нихъ довѣрія къ новымъ учрежденіямъ, за дѣятельностью которыхъ слѣдитъ самъ Государь и недопуститъ никакихъ съ ихъ стороны злоупотребленій, Петръ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, новымъ именнымъ указомъ, обнародованнымъ 24 Декабря того-же года, угрожаетъ жестокими наказаніями взяточникамъ, которые, по выраженію упомянутаго указа: *«ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать и несытность свою исполнять»*.

Наконецъ, для надзора за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ самомъ Сенатѣ, Петръ, въ 1715 году, учреждаетъ генеральнаго ревизора или надзирателя указовъ; когда и эта мѣра оказалась неудовлетворительною для вразумленія сенаторовъ въ томъ, что *«только крѣпкимъ храненіемъ правъ гражданскихъ об- «условливается правильное государственное управленіе,— «понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить или «ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, «чего нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ...»*,— то Петръ Великій указомъ 1722 года назначаетъ при Сенатѣ «генералъ-прокурора, т. е. стряпчаго отъ Государя и отъ государства» [1]).

1) Примѣчаніе. Первымъ генералъ-прокуроромъ Правительствующаго Сената былъ графъ Ягужинскій. Представляя Ягужинскаго сенаторамъ, Петръ Великій сказалъ: «вотъ мое око, коимъ Я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои

Однако-же вышеприведенныя мѣры также не удерживали челобитчиковъ и не уменьшали числа челобитныхъ, которыя подавались Императору, лично и всюду, при первомъ удобномъ случаѣ, на что онъ жалуется въ своемъ указѣ 1718 года: [1])

«*Понеже челобитчики*, говорится въ указѣ, *непре-* «*станно его царскому величеству докучаютъ о своихъ* «*обидахъ вездѣ и во всякихъ мѣстѣхъ, не дая покою;* «*и хотя съ ихъ стороны легко разсудить мощно, что* «*всякому своя обида и несносна, но при томъ каждому* «*разсудить-же что какое ихъ множество, а кому бьютъ* «*челомъ—одна персона есть, и та коликими войнами и* «*протчими несносными трудами объята, что всѣмъ* «*извѣстно. А хотябъ и такихъ трудовъ не было, воз-* «*можноль одному человѣку за такъ многими дѣлами* «*усмотрѣть. Воистину сіе невозможно, не токмо чело-* «*вѣку, но и ангелу, понеже и оные мѣстомъ описаны* «*суть, ибо гдѣ присутствуютъ и гдѣ сего нѣтъ. Одна-* «*кожъ, его величество, не смотря на такіе свои несно-* «*сные труды въ сей тяжкой войнѣ, въ которой не только* «*что войну весть, но и людей въ оной обучать, правы* «*и уставы войскія дѣлать принужденъ былъ. И сіе съ* «*помощью Божіею въ такой добрый порядокъ привелъ,* «*каковой всѣмъ есть извѣстенъ. Но и о земскомъ спра-* «*ведливомъ правленіи не изволилъ пренебречь, но тру-* «*дится и сіе въ такой-же добрый порядокъ привелъ* «*какъ и войско. Чего ради учинены коллегіи, т. е. соб-* «*раніе многихъ персонъ, въ которыхъ президенты или* «*предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые* «*суды дѣлали, что хотѣли; въ коллегіяхъ-же президентъ*

намѣренія и желанія; что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте . . . . . ». П. Ивановъ. «Опытъ біографіи Генералъ-Прокуроровъ и Министровъ Юстиціи». СПБ. 1863 г., стр. 2.

[1]) П. С. З. 1718 г.—3261, п.п. 1, 3, 4 и 5.

«не можетъ безъ соизволенія товарищей своихъ ничего «учинить...».

Вслѣдствіе сего, Петръ I объявляетъ Юстицъ-коллегію послѣднею законною инстанціею по дѣламъ судебнымъ (п. 3), жалобы на которую допускаются, въ видѣ лишь особой милости, Сенату и подлежатъ подачѣ сенатскому секретарю (п. 4).

Чтоже касается до жалобъ на Сенатъ Государю, а также всеподданнѣйшихъ прошеній, подаваемыхъ Государю лично, то таковыя абсолютно запрещены, при чемъ за жалобу на Сенатъ полагается смертная казнь (п. 5), а за всякое прошеніе, поданное самому Государю, мимо установленныхъ учрежденій, *знатные люди лишаются чина или имѣнія, а другіе, изъ нижняго чина и подлые, наказываются жестокимъ наказаніемъ* (п. 1).

Но и данный указъ Петра, подобно предыдущимъ, не имѣлъ желаемаго успѣха и не вразумилъ просителей, которые, по прежнему, не находя правосудія, вынуждены были, пренебрегая правительственными запрещеніями и казнями, нести свои челобитья съ повинными головами къ подножью престола, убѣжденные въ милосердіи и справедливости Государя...

Независимо отъ народнаго воззрѣнія на Государя, какъ на лучшаго судью, а также привычки русскаго человѣка не останавливаться въ вопросѣ суда на существующихъ учрежденіяхъ, пока онъ не дойдетъ до Царя, какъ высшаго лица въ государствѣ,—причина настойчивости челобитчиковъ, которые неустрашимостью своею изумляли самого Императора, заключалась главнѣйшимъ образомъ въ такомъ-же общемъ неудовлетворительномъ состояніи правосудія, въ какомъ оно находилось и въ предшествующую эпоху, ибо созданныя Петромъ учрежденія, не исключая и *управительнаго* Сената, которому указомъ

2 Марта 1711 года *ввѣрены были попеченія о правосудіи* [1]), отнюдь не оправдали ни довѣрія къ нимъ Царя, ни тѣхъ свѣтлыхъ надеждъ, какія онъ на нихъ возлагалъ...

Однако-же упомянутыя учрежденія не оправдали надеждъ Императора, и не столько вслѣдствіе своей плохой организаціи, сколько благодаря личному персоналу, такъ какъ на всѣ высшія должности въ Коллегіяхъ, начиная съ президентовъ и кончая членами, Петръ постоянно назначалъ людей, принадлежавшихъ къ военному сословію, оказывавшихся лишними въ его арміи и въ тоже время вовсе несвѣдущихъ въ дѣлахъ гражданскаго управленія и суда, тогда какъ въ составъ Канцелярій означенныхъ Коллегій, за исключеніемъ незначительнаго процента иностранцевъ, приглашенныхъ Государемъ *изъ числа ученыхъ и въ правовѣдѣніи* искусныхъ людей [2]), вошли по прежнему приказные изъ старыхъ упраздненныхъ учрежденій.

Помимо указа Петра I, опредѣлявшаго общій составъ коллегій [3]), и такого-же указа [4]), устанавливавшаго распредѣленіе въ коллегіяхъ президентовъ и вице-президентовъ,—справедливость сказаннаго подтверждается также и знаменитымъ фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, пережившимъ всѣ петровскія реформы.

Въ одномъ изъ своихъ историческихъ трудовъ [5])

---

1) П. С. З. 1711 г.—2330.
2) П. С. З. 1715 г.—2928.
3) П. С. З. 1717 г.—3128.
4) П. С. З. 1717 г.—3133.
5) Minich: «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie», Copenhag. 1770 г. стр. 42 и слѣд.: «Pierre pour arranger «tout promptement selon ses vues avoit cette maxime que les premiers emplois «fussent données dans tous les departements aux seigneurs et gens de la nation, «et les seconds postes aux étrangers».

онъ говоритъ, что: «При той быстротѣ, съ какою «Петръ организовывалъ все, Государь, въ личныхъ «видахъ, придерживался правила назначать на выс«шія должности во всѣхъ губерніяхъ знатныхъ особъ «и людей русскаго происхожденія, а на второстепен«ныя мѣста иностранцевъ...»

Само собой разумѣется, что при подобномъ соотношеніи персонала канцеляріи къ личному составу самой коллегіи, а также при исключительномъ преобладаніи въ тогдашнемъ дѣлопроизводствѣ одной только формы, для чего необходимо было знать многочисленные регламенты и указы, — слѣдовало ожидать неизбѣжнаго перевѣса вліянія на производство и направленіе дѣлъ канцелярій, а слѣдовательно и совершенной зависимости членовъ коллегіи отъ того-же приказнаго элемента, которому, какъ и прежде, были чужды сознаніе своего служебнаго долга и чувство справедливости...

Въ этомъ-же смыслѣ высказывается графъ Минихъ и въ письмѣ на имя Императрицы Екатерины II [1]), въ которомъ, характеризуя русскую администрацію временъ Петра Великаго въ томъ видѣ, въ какомъ она была создана служебною практикою, пишетъ: «При проницательномъ взглядѣ Вашего Величества, «отъ котораго ничто не можетъ скрыться, Вы не«сомнѣнно замѣтили уже давно, *что обширная Рос«сійская Имперія направлялась не губернаторами или*

---

[1]) Buching-Magazin, т. XVI, стр. 414: «V. M. I. à la penetration de «laquelle rien n'echappe peut savoir depuis longtemps, que le vaste Empire de «Russie est généralement dirigé et gouverné par les obersecretaires et secretaires «et non par les gouverneurs et presidents de differents decastères comme cela «en a l'apparence. Qu'on place par exemple dans le gouvernement ou collège «un Président, ou vice-président des conseillers ou membres, pris le plus souvent «parmis les officiers, congédiés de l'armée, ou autres personnes peu ou point «du tout instruites des lois fondamentales de l'Empire ou des ordonnances des «temps reculés . . . . .».

«*президентами различныхъ судовъ,* какъ это повиди-«мому должно было быть, *но оберъ-секретарями и* «*секретарями.* И потому представлялось безразлич-«нымъ, назначались-ли въ губерніи или въ коллегіи «президентомъ, вице-президентомъ, совѣтниками или «членами лица, избиравшіяся большею частью изъ «отставныхъ офицеровъ, или-же другія, мало или «даже вовсе не знакомыя ни съ основными законами «Имперіи, ни съ прежними Высочайшими указами...»

Послѣ этого вступленія фельдмаршалъ Минихъ уже весьма подробно описываетъ Императрицѣ Екатеринѣ II всю процедуру коллегіальныхъ совѣщаній петровскихъ временъ, *которыя завершались обыкновенно торжествомъ мнѣнія лишь секретаря,* а не членовъ коллегіи.

Между тѣмъ, характеристика графомъ Минихомъ внутренней административной дѣятельности петровскихъ учрежденій блѣднѣетъ предъ подобнымъ-же правдивымъ описаніемъ *ихъ судебной дѣятельности,* которое принадлежитъ перу такого-же современника Петра,—извѣстнаго крестьянина и политика—самоучки Ивана Посошкова [1]), къ идеямъ котораго нерѣдко прислушивался самъ Царь и даже осуществилъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ объ этомъ будетъ сказано впослѣдствіи, при историческомъ обзорѣ учрежденій, посредствующихъ между государемъ и народомъ, по вопросамъ о помилованіи и о милостяхъ внѣ закона.

Отзывъ Посошкова о состояніи правосудія, въ описываемую нами эпоху, помѣщенъ въ его книгѣ:

---

1) Примѣчаніе. Крестьянинъ Новгородской губерніи, села Покровскаго, Иванъ Посошковъ, извѣстенъ въ нашей литературѣ своими сочиненіями по разнаго рода политическимъ, законодательнымъ и финансовымъ вопросамъ.

«О скудости и богатствѣ» [1]), при чемъ въ главѣ III «о правосудіи», указывая на недостатки и злоупотребленія современной судебной власти, онъ выражается такъ: «*Намъ сіе вельми зазорно: не точію у «иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусур«маны судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра святая, «благочестивая, и на весь свѣтъ славная, а судная «расправа никуда не годная, и какіе указы Его Импе«раторскаго Величества ни состоятся, вси ни во что «обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ*».

«*И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не «устроится, и всесовершенно не укоренится оно, то «никакими отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ «прочихъ земляхъ, невозможно, такожде и славы доб«рыя намъ не нажить; понеже всѣ пакости и непосто«янство въ насъ чинится отъ неправаго суда и отъ «нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго «правленія и разбоевъ. И инаго воровства много чинится, «и всякія многія обиды содѣваются въ людехъ ни отъ «чего инаго, токмо отъ неправаго суда; и крестьяне, «оставляя свои домы, бѣгутъ отъ неправды, и Россійская «земля во многихъ мѣстахъ запустѣла и все отъ не«правды, и отъ нездраваго и отъ неправаго разсужденія. «И какія гибели ни чинятся, а все отъ неправды*» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ той-же книги,—Посошковъ, знавшій прекрасно бытъ и положеніе своей братіи—крестьянъ, упоминая о лихоимствѣ, говоритъ: «*до «судіи дойти худосильному (челобитчику) не могі... На«сажаютъ колодниковъ множество, а рѣшенія имъ не*

---

1) Сочиненія Ивана Посошкова, въ томъ числѣ и книга «О скудости и богатствѣ», изданы были въ 1842 году профессоромъ Русской Исторіи М. Погодинымъ.

2) Примѣчаніе: Повтореніе того-же явленія, какое замѣчается и въ допетровскую эпоху, и о которомъ упоминаетъ профессоръ Чичеринъ.

«чинять, да перековавъ распустять по улицамъ мило- «стыню просить... Безъ взятокъ нельзя ничего сдѣлать, «и за гривенное дѣло полтину берутъ...»

Далѣе, соболѣзнуя о томъ, что отъ Государя постоянно скрываютъ настоящее положеніе вещей, и упрекая въ этомъ сильныхъ вельможъ, которые, по его словамъ: *«докладываютъ не прямо, а только слово у него Великаго Государя вытянутъ, да и дѣлаютъ, что хотятъ,*—Посошковъ съ отчаяніемъ восклицаетъ: *«и по сему откуда не посмотришь, нѣтъ у Великаго Государя прямыхъ радѣтелей; но всѣ судьи криво ѣдутъ...»*

Между тѣмъ, Императоръ Петръ Великій не предвидѣлъ и не ожидалъ ничего подобнаго отъ своихъ учрежденій, а преимущественно отъ Сената, который еще въ 1718 году [1]) всенародно именовалъ «вышнимъ высокоповѣреннымъ отъ Его Царскаго Величества и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоящихъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть...»

Еще менѣе могъ знать геніальный преобразователь Россіи о тѣхъ ужасныхъ злоупотребленіяхъ, описываемыхъ фельдмаршаломъ Минихомъ и Посошковымъ, какія совершались въ провинціальныхъ и центральныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, благодаря частому своему отсутствію и весьма продолжительному пребыванію за предѣлами Россіи, для непосредственнаго управленія военными дѣйствіями, а также преимущественнымъ занятіемъ вопросами внѣшней политики, которые лишали Петра возможности слѣдить за ея внутреннею жизнью, ввѣренною заботамъ и попеченіямъ избранныхъ лицъ.

---

[1]) П. С. З.—1718 г.—3261.

Но когда предъ Государемъ раскрылась вновь застарѣлая и хорошо ему извѣстная язва древне-русскаго общества, на излеченіе которой потрачено было напрасно столько энергіи и труда, и когда обнаружилось, что болѣзнью старой Россіи заразились даже близкіе ему люди и любимцы, то Царь не могъ не содрогнуться!...

Тяжелыя минуты глубокаго разочарованія переживалъ Петръ не только въ людяхъ, которыхъ желалъ любить и уважать, но и въ учрежденіяхъ, созданныхъ для блага и величія любимой Россіи, и такое разочарованіе, вмѣстѣ съ упрекомъ въ злоупотребленіяхъ царскимъ довѣріемъ и трудами, слышится, по адресу Сената, въ словахъ Петра Великаго, которыми онъ начинаетъ свой указъ 1722 года [1]), по поводу учрежденія должности рекетмейстера.

«*Понеже Его Императорское Величество*, говоритъ о себѣ Петръ, *соболѣзнуя о подданныхъ своихъ, дабы «имъ каждому по ихъ дѣламъ во всемъ судъ былъ пра«ведный и безпродолжительный, чрезъ многіе и не сносные свои труды учреждалъ Губерніи, Канцеляріи, а по«томъ Коллегіи. И Его Величество многими указы и «инструкціями и регламенты, чтобы судьи дѣла скоро «и справедливо рѣшили, а челобитчики къ Его Величеству «никто не дерзалъ мимо Суда и Сената, прошенія свои «подавать подъ жестокимъ прещеніемъ утверждено; од«накожъ, не смотря на такіе указы и Уставы, Судьи «челобитчикамъ въ дѣлахъ чинятъ не малыя волокиты, «а другимъ дѣла вершатъ неправедно...»*

И потому, въ *интересахъ челобитчиковъ*, учреждается, въ лицѣ особой знатной персоны, должность рекетмейстера, переименованнаго, затѣмъ, въ генералъ-рекетмейстера, которому ввѣряется, какъ ска-

---

[1]) П. С. З. 1720 г. Мая 13—3581 и 1722 г. Февраля 5—3900.

зано въ указѣ, *«управленіе дѣлъ челобитчиковыхъ отъ чьего управленія происходятъ обиды или неправое вершеніе и продолженіе противно его Императорскаго Величества указа и регламента и уложенія».*

Такимъ образомъ, Петръ Великій вынужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшей попытки къ проведенію въ жизнь и въ законодательство принципа совершеннаго устраненія самодержавной власти отъ непосредственнаго участія въ отправленіи правосудія, ради возбужденія въ народѣ довѣрія къ существующимъ правительственнымъ органамъ и къ общимъ дѣйствующимъ законамъ, долженствующимъ быть равными для всѣхъ и одинаково ограждать права каждаго.

ГЛАВА IX.

Борьба преемниковъ Петра Великаго съ неправосудіемъ, закончившаяся узаконеніемъ Императоромъ Александромъ I права челобитчиковъ на подачу Государю какъ всеподданнѣйшихъ прошеній, такъ и жалобъ на рѣшенія отдѣльныхъ Департаментовъ Сената.

Несомнѣнно, однако-же, что Петръ I не на всегда отказался отъ осуществленія своей упомянутой идеи, а только временно, убѣжденный въ томъ, что условія современнаго правосудія и общественныхъ нравовъ не давали ему, въ данную минуту, права поступиться для этой идеи исторически обоснованнымъ и вѣковымъ воззрѣніемъ народа на самодержавную власть, какъ на послѣднее его прибѣжище и защиту отъ «неправедныхъ судей», тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ одновременно и всю не-

возможность замѣнить свою державную защиту подданныхъ отъ неправосудія силою положительнаго закона, который или бездѣйствовалъ, или-же постоянно и произвольно нарушался...

Не смотря на неоднократныя разъясненія понятія о государствѣ, истинное служеніе которому, по выраженію Петра Великаго, обусловливается непремѣннымъ забвеніемъ, со стороны каждаго гражданина, своихъ собственныхъ выгодъ и личныхъ интересовъ для блага общественнаго, и не взирая на жестокія казни за казнокрадство и взяточничество, которыхъ не избѣгли даже и прежніе любимцы Петра, казавшіеся ему представителями новой, преобразованной имъ Россіи, — Императору не удалось однако-же вырвать съ корнемъ ту язву, которая продолжала разъѣдать молодой государственный организмъ и уничтожала всѣ результаты его благодѣтельныхъ реформъ.

Оставалась надежда на улучшеніе общественныхъ нравовъ и на сообразную съ ними дальнѣйшую дѣятельность, въ томъ-же направленіи, будущихъ представителей верховной власти.

Но и преемники Петра не только не стараются о примѣненіи упомянутаго его государственнаго принципа, а, напротивъ, послѣ долговременной и напрасной борьбы съ людьми, злоупотреблявшими властью и препятствовавшими народному благосостоянію, вынуждены, наконецъ, въ лицѣ Императора Александра I, даже узаконить право непосредственнаго обращенія подданныхъ къ личному заступничеству Государя, по дѣламъ судебнымъ.

Причину такого окончательнаго торжества *личнаго суда Государя*, надъ упомянутымъ государственнымъ принципомъ Петра, раскрываетъ предъ нами тотъ обильный и богатый своимъ содержаніемъ историче-

скій матеріалъ, какой мы находимъ въ Высочайшихъ именныхъ указахъ, разновременно данныхъ Сенату.

Помимо ближайшей къ Императору Петру эпохи царствованія Екатерины I, въ теченіи которой исключительное вниманіе верховной власти было обращено на поддержаніе внутренняго политическаго порядка, хотя при этомъ Императрицею и допускается подача всеподданнѣйшихъ жалобъ на рѣшенія Сената, а въ числѣ вопросовъ, намѣченныхъ въ политической программѣ Высочайше учрежденнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта, стоялъ и вопросъ объ улучшеніи юстиціи, вовсе, однако-же, имъ неразрѣшенный [1],— мы считаемъ достаточнымъ ограничиться приведеніемъ Высочайшихъ указовъ, разновременно изданныхъ, начиная съ Императрицы Анны Іоанновны и до Императора Александра I включительно, которые представляются знаменательными въ смыслѣ документовъ, удостовѣряющихъ, что, спустя даже сто лѣтъ послѣ кончины Петра, старые судебные учрежденія и порядки, а также старые нравы какъ низшей, такъ и высшей судебной и административной бюрократіи оставались неизмѣнными и не поддавались никакимъ репрессивнымъ мѣрамъ правительства.

Обозрѣвая дѣятельность, въ этомъ отношеніи, судебныхъ учрежденій, въ ихъ іерархическомъ порядкѣ, мы несомнѣнно должны начать съ самаго Сената, какъ высшаго блюстителя за правильнымъ отправленіемъ правосудія въ подчиненныхъ ему судебныхъ установленіяхъ.

---

[1]) Примѣчаніе. По предложенію графа Остермана, предполагалось даже учредить коммиссію, съ цѣлью изысканія способовъ къ улучшенію правосудія, при чемъ Остерманъ предложилъ Верховному Тайному Совѣту назначить въ эту коммиссію профессора Вренгштейна, но Совѣтъ ограничился только опредѣленіемъ: «внести предложеніе Остермана въ меморіи».

Если бездѣйствіе Сената временъ правленія Верховнаго Тайнаго Совѣта, при Императрицѣ Екатеринѣ I, и находитъ себѣ еще нѣкоторое объясненіе въ томъ положеніи, въ какомъ онъ оказался послѣ учрежденія упомянутаго Совѣта, когда былъ низведенъ на степень учрежденія подчиненнаго, съ переименованіемъ изъ *«Правительствующаго»* въ *«Высокій»*,—то подобное-же его бездѣйствіе и необыкновенная медленность какъ въ собственномъ дѣлопроизводствѣ. такъ и по надзору за дѣлопроизводствомъ и правильнымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ подвѣдомственныхъ установленіяхъ, становятся положительно загадочными во времена Императрицы Анны Іоанновны, возстановившей, какъ извѣстно, Сенатъ во всѣхъ его прежнихъ правахъ. А, между тѣмъ, такого рода упущеніями, а также безконечною волокитою во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ и вызванъ указъ Анны Іоанновны 6 Мая 1736 г. [1]), въ которомъ, повелѣвая Сенату ускорить разрѣшеніемъ дѣлъ, находящихся въ его производствѣ, Императрица, въ то-же время, упрекаетъ его въ томъ, что онъ нисколько не оправдалъ надеждъ, какія на него возлагались предшествующими ея указами, то есть: *«что въ судахъ будутъ поступать безъ богоненавистнаго лицемѣрія и злобы и противныя истины проклятыя корысти...»*

Обвиняя во всѣхъ этихъ злоупотребленіяхъ, преимущественно, судей, секретарей и прочихъ канцелярскихъ служителей, рѣшающихъ дѣла, по словамъ Императрицы: *«по различнымъ пристрастіямъ и изо взятковъ, что Богу и Ей противно и государству»*,— Анна Іоанновна требуетъ отъ Сената самаго строгаго надзора за упомянутыми должностными лицами,

---

[1]) П. С. З.—1736 г.—6952.

а также жестокаго ихъ наказанія за медленное и несправедливое рѣшеніе дѣлъ.

Вслѣдъ за этимъ указомъ и какъ-бы для устрашенія лихоимцевъ примѣрами суровыхъ казней,— Императрица, 9 Іюля и 18 Ноября 1736 года [1]), повелѣваетъ Сенату распубликовать, для общаго свѣдѣнія, два Высочайше конфирмованныхъ Ею смертныхъ приговора за лихоимство, изъ которыхъ одинъ былъ произнесенъ надъ Иркутскимъ Вице-Губернаторомъ Алексѣемъ Жолобовымъ, а другой—надъ воеводою и секретарями города Переславля-Залѣсскаго [2]).

Но характеръ и направленіе отечественной юстиціи, видимо, нисколько не измѣнялись, ни въ самомъ Сенатѣ, ни въ подчиненныхъ ему Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ, и не только въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, вынужденной впослѣдствіи, 22 Мая 1740 года [3]), допустить подачу всеподданнѣйшихъ жалобъ на Сенатскія рѣшенія, согласно указу Петра 1714 года, но и во времена правительницы Анны Леопольдовны, которая въ именномъ указѣ, 27 Ноября 1740 года [4]), высказываетъ, по сему предмету, слѣдующее:

«Намъ не безъизвѣстно, коимъ образомъ не только «въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ, но и въ самомъ Сенатѣ, «который яко главный Департаментъ долженъ о пра«восудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, не взирая «на лица сильныхъ и никому не маня и не посягая, но «усматривая единой Богу и Намъ пріятной справедли«вости, не только самъ прилежное попеченіе имѣть, но «и прочія Коллегіи и Канцеляріи побуждать по пода«ваемымъ отъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, а паче отъ

---

[1]) П. С. З.—1736 г.—7009.
[2]) П. С. З.—1736 г.—7108.
[3]) П. С. З.—1740 г.—8113.
[4] П. С. З.—1740 г.—8293.

«людей бѣдныхъ и неимущихъ челобитнымъ, не только «въ опредѣленные сроки, но и чрезъ долгопрошедшія времена и годы рѣшенія не чинится, и тѣ бѣдные челобитчики, таскаясь за тѣми своими дѣлами, приходятъ въ крайнее раззореніе и нищету, и на послѣдокъ, «не получа никакого рѣшенія, принуждены нѣкоторые «и вовсе отъ дѣлъ своихъ отставать, что Намъ слышать не инако, какъ зѣло прискорбно, за что тѣхъ «Коллегій и Канцелярій и самаго Сената члены, а паче «Секретари и служители тяжко отвѣтствовать «должны...»

Даже Императрица Елизавета Петровна, относившаяся съ такимъ благоговѣніемъ къ законодательству и къ учрежденіямъ своего Великаго Родителя, а въ особенности къ Сенату, которому немедленно, по вступленіи на престолъ, возвращаетъ первоначальную «*власть въ правленіи внутреннихъ Государственныхъ дѣлъ*» [1]) и нерѣдко присутствуетъ лично въ его засѣданіяхъ,—возмущенная, однако-же, *общимъ беззаконіемъ въ государствѣ*, 16 Марта 1760 года [2]), вынуждена была, наконецъ, поставить такое беззаконіе на видъ Правительствующему Сенату: «*какъ «первому государственному мѣсту, которому, по своей «должности и по данной власти, давно-бы надлежало «истребить многіе по подчиненнымъ ему мѣстамъ непорядки, безъ всякаго помѣшательства умножающіеся «къ великому вреду государства...»*

Скорбя о томъ, что: «установленные многіе за«коны для блаженства и благосостоянія государства «своего исполненія не имѣютъ отъ внутреннихъ об«щихъ непріятелей, которые свою беззаконную при«быль присягѣ, долгу и чести предпочитаютъ; и рав-

---

[1]) П. С. З.—1741 г.—8480.
[2]) П. С. З.—1760 г.—11092.

«нымъ образомъ чувствовать, что вкореняющееся «также зло пресѣченія не имѣетъ..»,—Императрица въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ современное состояніе правосудія: «*Несытая злоба корысти до «того дошла, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для «правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и при-«страстіе предводительствомъ Судей, а потворство и «упущеніе ободреніе беззаконникамъ; въ такомъ достой-«номъ сожалѣнія состояніи, находятся многія дѣла «въ государствѣ и бѣдные утѣсненные неправосудіемъ «люди, о чемъ Мы чувствительно соболѣзнуемъ, какъ и «о томъ, что Наша кротость и умѣренность, въ на-«казаніи преступниковъ, такія Намъ неблагодарности «приноситъ воздаяніе...*»

Въ заключеніе, Императрица Елизавета Петровна повелѣваетъ Сенату: «какъ истиннымъ дѣтямъ оте-«чества, воображая долгъ Богу, Государству и зако-«намъ Государя Императора, Нашего любезнѣйшаго «Родителя..., употребить всѣ способы къ возстано-«вленію вездѣ надлежащаго порядка и народнаго «благосостоянія».

Доказательствомъ-же того, что даже такое сенсаціонное увѣщаніе Императрицы нисколько не повліяло на Сенатъ, служитъ указъ, 29 Января 1762 г. [1]), преемника Императрицы Елизаветы Петровны, Императора Петра III, въ которомъ, въ виду чрезмѣрнаго накопленія во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ, не исключая и Сената, «апелляціонныхъ и другихъ челобитчиковъ нерѣшенныхъ дѣлъ, и для лучшаго порядка и скорѣйшаго ихъ разрѣшенія, а челобитчикамъ удовольствія»,—повелѣвается учредить при Сенатѣ особый Департаментъ, а въ Юстицъ и Вотчинной Коллегіяхъ, а также въ Судномъ Приказѣ, въ каждомъ по три Департамента.

---

[1]) П. С. З.—1762 г.—11422.

Въ какомъ положеніи находилось, въ свою очередь, правосудіе при Императрицѣ Екатеринѣ II, свидѣтельствуетъ нижеслѣдующій Ея указъ Сенату 18 Іюля 1762 года [1]).

Ссылаясь въ началѣ этого указа на свой манифестъ 6 Іюля 1762 года, коимъ торжественно и всенародно объявлялось, что главнымъ Ея попеченіемъ будетъ изысканіе средствъ къ утвержденію правосудія въ народѣ, которое, по выраженію Императрицы: «есть первое отъ Бога Намъ преданное Святымъ его писаніемъ повелѣніе, дабы милость и судъ Мы оказывали всѣмъ Нашимъ подданнымъ и Сами Себя непостыдно оправдать могли предъ Богомъ, въ хожденіи по заповѣди Его...», — Екатерина II обращаетъ, затѣмъ, вниманіе Сената: «*что она давно уже слышала и довольно, а нынѣ и дѣломъ самимъ увидѣла, до какой степени въ Государствѣ Нашемъ лихоимство возросло, такъ, что едва есть-ли малое самое мѣсто Правительства, въ которомъ Божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялося: ищетъ-ли кто мѣсто платитъ; защищается-ли кто отъ клеветы обороняется деньгами; клевещетъ-ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами.* Напротиву того: многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ Нашимъ должны показывать *правосудіе, въ торжище превращаютъ*, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ Насъ званіе Судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто доходъ въ поправленіи дома своего, а не за службу, приносимую Богу, Намъ и Отечеству, и *мздоимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, раззореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ*»...

[1]) П. С. З.—1762 г.—11616.

Приведенный указъ Императрица Екатерина Великая заканчиваетъ слѣдующею угрозою лихоимцамъ: «но когда и послѣ сего, что при вступленіи Нашемъ «на Престолъ, въ совершенномъ еще незлобіи сердца «Нашего, всѣмъ здѣсь лихоимцамъ и мздопріемни«камъ Мы восхотѣли сдѣлать увѣщаніе милосердое, «не подѣйствуетъ оное въ сердцахъ ихъ окаменѣ«лыхъ и зараженныхъ сею пагубною страстью, то «вѣдали-бы они-же, что Мы установленнымъ противу «сего зла закономъ Сами за правила Себѣ примемъ «и впредь твердо содержать будемъ повиноваться, «не давъ уже болѣе милосердію Нашему мѣста...»

На сколько серьезно принялась Екатерина Великая за искорененіе злоупотребленій правосудіемъ, видно также изъ Ея манифеста 15 Декабря 1763 г. [1]), въ которомъ она категорически выражаетъ свою волю какъ о назначеніи на судебныя должности честныхъ и достойныхъ людей, такъ и о принятіи строгихъ мѣръ къ прекращенію лихоимства и взяточничества [2]).

Поводомъ къ такимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ лицъ, столь нагло и безнаказанно попиравшихъ законъ и злоупотреблявшихъ данною имъ властью, оказывается личное, прискорбное убѣжденіе Императрицы, къ которому она пришла на основаніи многочисленныхъ и непреложныхъ фактовъ, обнаружившихъ, какъ говоритъ Екатерина Великая: *«что многіе Наши вѣрноподданные отъ разныхъ судеб«ныхъ правительствъ, а особливо въ отдаленныхъ отъ*

---

[1]) П. С. З.—1763 г.—Манифестъ 15 Декабря—11988.

[2]) Примѣчаніе: Почти во всѣхъ Высочайшихъ Манифестахъ, изданныхъ со временъ Императрицы Екатерины II, по поводу какихъ-либо выдающихся политическихъ событій, и въ которыхъ провозглашалось милостивое прощеніе преступниковъ,—изъятыми отъ таковой Монаршей милости постоянно объявляются осужденные за лихоимство. (См. П. С. З.—1787 г.—16551, п. 15 и 1793 г.—17149, п. 21 и т. д.).

«Резиденціи Нашей мѣстахъ, не только не получаютъ въ «дѣлахъ своихъ скораго и справедливаго по законамъ «рѣшенія, но еще отъ насилія и лихоимства или лучше «сказать отъ самыхъ грабежей во всеконечное раззореніе «и нищенство приходятъ...»

Какъ на истинный источникъ такого ужаснаго зла, указывается на личный составъ судебныхъ учрежденій, ибо судьями, замѣчаетъ Императрица, назначаются или люди безъ всякаго званія и способностей, легко поддающіеся вліянію своихъ подчиненныхъ, или-же такіе, которые не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію, и *для которыхъ учрежденія играютъ роль богадѣльни, а не мѣста для занятій дѣлами.*

«И по истинѣ, продолжаетъ Она, *казалось, что «всякій живетъ только для себя, не помышляя о добрѣ «общемъ...»*

Открытая борьба и энергическое стремленіе Екатерины II къ искорененію взяточничества, среди бюрократическаго сословія, пріобрѣли такую популярность и вызывали къ ней такую глубокую признательность общества, что противъ лихоимства стали появляться въ народѣ, даже подложные, отъ имени Ея указы.

Одинъ изъ подобныхъ указовъ, неизвѣстно кѣмъ и безграмотно составленный, съ нѣкоторою тенденціозностью по отношенію къ дворянству, былъ представленъ Императрицѣ въ 1764 году и начинался словами: «Время уже настало, что лихоимство искоре«нить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако «весьма наше дворянство пренебрегаетъ и т. д.», и оканчивался библейскимъ изрѣченіемъ «въ юже мѣру «мѣрите, возмѣрится и вамъ».

Екатерина Великая приказала: «сіе народу вредное сочиненіе на Сенатской площади, съ барабаннымъ боемъ палаческою рукою предать огню», а, для пре-

дупрежденія появленія новыхъ подложныхъ указовъ на будущее время, Высочайше повелѣла 17 Марта 1764 года [1]),—признавать публикуемые указы дѣйствительными, когда они будутъ печатные.

Не слѣдуетъ, однако-же, упускать изъ виду, что, обращая вниманіе Сената на выдающіяся злоупотребленія и упущенія разныхъ присутственныхъ мѣстъ, *о которыхъ давно и много слышала и,* наконецъ, *лично убѣдилась въ ихъ дѣйствительномъ существованіи,*— Императрица одинаково располагала такими-же достовѣрными свѣдѣніями о присутствіи подобныхъ-же безпорядковъ и въ самомъ Сенатѣ, о чемъ упоминаетъ въ п. 4 своего «секретнѣйшаго наставленія»,— даннаго исправлявшему должность Генералъ-Прокурора, князю Александру Алексѣевичу Вяземскому.

«*Вышедъ единажды изъ своихъ границъ*, пишетъ Екатерина Великая о Сенатѣ, *и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ чинамъ прежніе примѣры прелестны; однако-же покамѣстъ я жива, то останется какъ домъ велитъ* [2])...

Но корень хронической болѣзни, которою страдало бюрократическое сословіе, таился слишкомъ глубоко въ его организмѣ, а потому всякія наружныя средства, въ видѣ указовъ угрожающаго или карательнаго содержанія, къ изданію которыхъ, какъ мы видѣли, прибѣгали всѣ Россійскіе Монархи, начиная съ Петра Великаго, только временно задерживали теченіе болѣзни и умаляли ея симптомы, но не уничтожили самаго недуга....

Къ такому-же печальному заключенію пришла

---

[1]) П. С. З.—1764 г.—12089.

[2]) «Опытъ біографіи Генералъ-Прокуроровъ и Министровъ Юстиціи». Соч. П. Иванова, СПБ. 1863 г.

вскорѣ и Императрица послѣ того, какъ опредѣливъ, съ увѣренностью лучшаго діагноста, истинный источникъ общей бюрократической заразы, дѣйствительно исходившей изъ среды людей безъ всякаго званія и способностей, или-же лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію, а между тѣмъ занимавшихъ высокія судебныя должности [1]), и желая замѣнить ихъ лицами болѣе достойными и честными, Екатерина Великая убѣдилась въ совершенной безпомощности для осуществленія такого своего благаго намѣренія, не видя необходимаго, въ этомъ отношеніи, сочувствія и содѣйствія со стороны самого Правительствующаго Сената, какъ высшаго государственнаго учрежденія, находившагося, по убѣжденію Государыни, въ условіяхъ не лучше тѣхъ, при которыхъ дѣйствовали подчиненныя ему присутственныя мѣста [2])...

Столь неблагопріятныя для правосудія условія, равнымъ образомъ, продолжаются и въ послѣдующія царствованія Государей Императоровъ: Павла I, Александра I и Николая I.

При совершенно основательномъ и правильномъ взглядѣ Императора Александра I, что только коренная реорганизація всѣхъ учрежденій, въ совокупности, можетъ окончательно прекратить тѣ возмутительные безпорядки, какіе періодически раскрывались въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, благодаря большею частью всеподданнѣйшимъ жалобамъ потерпѣвшихъ,—Государь немедленно, по вступленіи на Престолъ, начинаетъ свои реформы, прежде всего, съ Сената, *для утвержденія его*, какъ сказано

---

[1]) П. Ивановъ: «Опытъ біографіи Генералъ-Прокуроровъ».
[2]) П. С. З.—1763 г.—11988.

въ именномъ Высочайшемъ указѣ 5 Іюня 1801 года [1]), *на незыбленныхъ основаніяхъ.*

Съ цѣлью возвысить, въ глазахъ народа, значеніе реформированнаго Сената, и посему называя его, въ именномъ указѣ 8 Сентября 1802 года [2]): «*верховнымъ* «*мѣстомъ Имперіи Россійской и хранителемъ законовъ,* «*обязаннымъ заботиться о повсемѣстномъ соблюденіи* «*правосудія, который, кромѣ вышней власти Его Импе*«*раторскаго Величества, не ограничивается никакою иною* «*властью*», и объявляя, соотвѣтственно такому новому положенію и правамъ Сената, что на рѣшенія его не пріемлются, отнынѣ, никакія жалобы, — Государь, тѣмъ не менѣе, видимо не могъ еще отрѣшиться отъ впечатлѣній прежнихъ упущеній Сената, въ ущербъ тяжущимся, и, по присущей Ему добротѣ и милосердію къ подданнымъ, дѣлаетъ исключеніе въ пользу челобитчиковъ, могущихъ случайно пострадать отъ неправосудія, мотивируя это исключеніе тѣмъ: «*что могутъ быть крайности, въ коихъ возбра*«*нить всякое прибѣжище къ Императорскому Величеству* «*было-бы отнять избавленіе отъ страждущаго* [3])...»

Но допустивъ, первоначально, упомянутое исключеніе отъ дѣйствія общаго закона 8 Сентября 1802 года, въ видѣ только особаго Монаршаго милосердія къ народу,—Государь имѣлъ впослѣдствіи возможность убѣдиться, что Высочайше дарованное Имъ право сдѣлалось, отчасти и для самой верховной власти, однимъ изъ способовъ, посредствомъ котораго она могла знать и постоянно слѣдить за правильнымъ отправленіемъ правосудія вообще и предупреждать тайныя и произвольныя нарушенія законовъ...

---

1) П. С. З.—1801 г.—19908.
2) П. С. З.—1802 г.—20405: «О правахъ и обязанностяхъ Сената».
3) Тамъ-же, п. 25.

И дѣйствительно. Благодаря только открытому Волею Монарха свободному къ себѣ доступу челобитчиковъ [1]) и всеподданнѣйшимъ жалобамъ потерпѣвшихъ,—стали раскрываться, на близкихъ и далекихъ окраинахъ Россіи, новыя выдающіяся злоупотребленія [2]), о существованіи которыхъ никто и не подозрѣвалъ, но которыя, обнаруживая предъ Государемъ явныя упущенія по надзору со стороны только-что преобразованнаго Имъ Сената, побудили Императора Александра I, впредь до преобразованія судебной части, хотя временно, воплотить въ положительный законъ то право, по обжалованію Сенатскихъ рѣшеній, какое прежде, въ 1802 году, предоставлялось челобитчикамъ въ видѣ исключенія и въ путяхъ Монаршаго милосердія.

Вслѣдствіе сего, въ Высочайше утвержденномъ въ 1810 году [3]) Положеніи объ учрежденіи при Государственномъ Совѣтѣ, вмѣсто прежней Генералъ-Рекетмейстерской части, — Коммиссіи прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, статьями 97 и 98 означеннаго Положенія, предписывается сему учрежденію принимать всеподданнѣйшія жалобы на рѣшенія Департаментовъ Сената [4]).

---

[1]) Примѣчаніе. Доказательствомъ служитъ Высочайшее повелѣніе, объявленное Полицейскимъ начальствамъ и затѣмъ неоднократно подтверждаемое, дабы они не возбраняли челобитчикамъ подачу всеподданнѣйшихъ прошеній Государю даже во время Его Высочайшихъ путешествій. П. С. З.—1819 г.—27618.

[2]) П. С. З. - 1802 г.—23374.—Въ этомъ именномъ указѣ, распубликованномъ Сенатомъ по Высочайшему повелѣнію, приводится цѣлый рядъ преступленій по службѣ, совершенныхъ съ корыстною цѣлью должностными лицами судебнаго и административнаго вѣдомствъ Калужской губерніи, при непосредственномъ участіи Губернатора.

[3]) П. С. З.—1810 г.—24064.—«Образованіе Государственнаго Совѣта».—Отдѣленіе II, §§ 97 и 98.

[4]) Примѣчаніе: Впослѣдствіи были допущены жалобы и на рѣшенія Общаго Собранія Сената (Т. I Св. Зак., изд. 1832 года).

Упомянутый законъ сохранилъ свою силу до сихъ поръ и нынѣ помѣщенъ въ ст. 5 дѣйствующихъ правилъ, относительно принятія и направленія прошеній и жалобъ на Высочайшее Имя приносимыхъ,— при чемъ всеподданнѣйшія жалобы на опредѣленія отдѣльныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, *за исключеніемъ Кассаціонныхъ* [1]),—поступающія предварительно въ Канцелярію Его Императорскаго Величества, по принятію прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ,—направляются затѣмъ въ учрежденное при Государственномъ Совѣтѣ «*Особое Присутствіе*» [2]), которое постановляетъ заключеніе объ основаніяхъ къ переносу дѣлъ на разсмотрѣніе Общаго Собранія Сената, и таковое свое заключеніе повергаетъ на Всемилостивѣйшее усмотрѣніе Государя Императора.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что Императоръ Александръ I, рѣшившійся узаконить означенное право челобитчиковъ, вполнѣ сознавалъ явную его несоотвѣтственность государственному принципу Петра о раздѣленіи властей, требовавшему абсолютнаго устраненія самодержавной власти отъ отправленія правосудія. но Государь, подобно своему Державному Предшественнику, одинаково сознавалъ и то, что примѣненіе такого принципа не мыслимо безъ общаго и радикальнаго преобразованія всего судебнаго строя Россіи.

Эту идею Императоръ наглядно проводитъ въ актѣ учрежденія Коммиссіи Прошеній,—*обусловливая § 98 дальнѣйшее существованіе права всеподданнѣйшаго обжалованія Сенатскихъ рѣшеній, окончательнымъ образованіемъ судебной части.*

---

[1]) Т. I, ч. 2, Св. Зак., изд. 1892 г. «Правила о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ на Высочайшее имя приносимыхъ». Ст. 5.

[2]) Тамъ-же. «Учрежденіе Государственнаго Совѣта»— ст. 127—137.

Однако-же, занятый, при сотрудничествѣ графа Сперанскаго [1]), организаціею высшихъ государственныхъ установленій, какъ-то: Государственнаго Совѣта и Министерствъ,—Императоръ Александръ Павловичъ не имѣлъ возможности осуществить проекта Сперанскаго — *о новомъ устройствѣ суднаго порядка, для чего надлежало-бы вновь преобразовать и Сенатъ* и всѣ мѣстныя судебныя учрежденія. Кромѣ того, осуществленію проекта, который встрѣтилъ сильную оппозицію въ консервативной партіи, категорически высказавшейся противъ подраздѣленія Сената на «Правительствующій» и «Судебный» [2]),—не мало препятствовало также и отсутствіе денежныхъ средствъ, въ которыхъ правительство въ то время нуждалось, для предметовъ болѣе настоятельныхъ.

А при такихъ условіяхъ и при постоянной заботливости Императора Александра I о повсемѣстномъ водвореніи въ Россіи правосудія, Ему, очевидно, ничего болѣе не оставалось, въ виду продолжавшихся безпорядковъ и упущеній въ судебныхъ учрежденіяхъ, не исключая, Сената, какъ только установить, впредь до судебной реформы, живой и постоянный надзоръ за дѣятельностью уже существующихъ учрежденій.

Вопросъ, кого поставить во главѣ желаемаго надзора,—былъ вскорѣ рѣшенъ самимъ Государемъ, вниманіе котораго остановилось, въ этомъ отношеніи, на бывшемъ министрѣ юстиціи Трощинскомъ, находившемся въ отставкѣ, за болѣзнью.

Приглашая Трощинскаго вновь на службу, Императоръ Александръ Павловичъ писалъ ему: «...По

---

[1]) Баронъ М. Корфъ: «Жизнь графа Сперанскаго». СПБ. 1861 г. Т. I, стр. 128—130.

[2]) П. С. З.—1726 г.—4858.

«настоящемъ выздоровленіи вашемъ отъ болѣзни, «*Я желаю, чтобы вы скорѣе, занявъ прежнее ваше мѣсто,* «продолжали съ прежнею дѣятельностью отправлять «должность вашу. Я въ полной къ вамъ довѣрен«ности поручаю вамъ усугубить надзоръ, *дабы дѣла «какъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, такъ и во «всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ, имѣли успѣшнѣй«шее теченіе, чтобы законы и указы повсюду исполня«лись неизмѣнно, чтобы бѣдные и угнетенные находили «всегда защиту и покровительство, чтобы правосудіе «не было помрачено ни пристрастіемъ къ лицамъ, ни «мерзкимъ лихоимствомъ, Богу противнымъ и мною «ненавистнымъ, и чтобы обличаемые въ семъ гнусномъ «поступкѣ нетерпимы были на службѣ и преслѣдова«лись со всею строгостью законовъ,* чѣмъ вы, по долгу «званія вашего, неослабно наблюдать и о послѣд«ствіяхъ Меня извѣщать не оставите...» [1]).

Но могъ-ли Трощинскій исполнить такое Высочайше возложенное на него порученіе, въ теченіи трехлѣтняго пребыванія въ должности Министра Юстиціи [2]), отъ которой долженъ былъ отказаться, вслѣдствіе возобновившейся болѣзни, а также какъ человѣкъ, лично не сочувствовавшій преобразованіямъ Императора Александра I, по своимъ консервативнымъ идеямъ, которыя вовсе не соотвѣтствовали направленію новаго царствованія?

Между тѣмъ, мысль Императора Александра Павловича о судебной реформѣ встрѣтила не только сочувствіе, но и самую энергическую поддержку въ Августѣйшемъ Братѣ и Преемникѣ Престола, Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, который лично

---

[1]) П. Ивановъ: «Опытъ біографіи Генералъ-Прокуроровъ», стр. 131 — 132.

[2]) Тамъ-же, стр 132.

объявилъ о ея необходимости 19 Января 1833 года, въ чрезвычайномъ собраніи Государственнаго Совѣта, созваннаго, по поводу обнародованія Свода Законовъ, составленнаго графомъ Сперанскимъ.

«*При самомъ моемъ вступленіи на престолъ*, гово-«рилъ Императоръ предъ Государственнымъ Совѣ-«томъ, *я счелъ долгомъ обратить вниманіе* на разные «предметы управленія, о которыхъ не имѣлъ почти «никакого свѣдѣнія. *Главнымъ, занявшимъ меня дѣ-«ломъ, было, естественно, правосудіе. Я еще съ молоду «слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о «ябедѣ, о лихоимствѣ,* о несуществованіи полныхъ «на все законовъ, или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвы-«чайнаго множества указовъ, не рѣдко между собою «противурѣчивыхъ. Это побудило меня, съ первыхъ «дней моего правленія, разсмотрѣть состояніе, въ «которомъ находилась коммиссія для составленія за-«коновъ [1])...»

Указывая, далѣе, на безплодность трудовъ означенной коммиссіи, которая, по словамъ Государя, *вмѣсто того, чтобы основать старые законы на твердыхъ началахъ, сочинила новые,*—Императоръ Николай Павловичъ объявляетъ Государственному Совѣту, что, сообразно цѣли, къ которой правительство должно направить свою законодательную дѣятельность,—онъ избралъ путь, совершенно противуположный прежнимъ. «Вмѣсто сочиненія новыхъ за-«коновъ,—Я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и при-«вести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, «а самое дѣло, по его важности, взялъ въ непо-«средственное Мое руководство, закрывъ прежнюю «Коммиссію» [2]).

---

[1]) Тамъ-же—т. II, стр. 300.

[2]) Примѣчаніе: Коммиссія законовъ была замѣнена II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Послѣ обнародованія, 1 Января 1833 года, «Свода Законовъ», — составленнаго, согласно упомянутой, Высочайше предначертанной Государемъ программѣ, —за этимъ первымъ капитальнымъ трудомъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, слѣдовали другія, не менѣе серьезныя, кодификаціонныя работы того-же учрежденія, какъ-то: 1) по изданію Свода Военныхъ Постановленій и 2) сводовъ мѣстныхъ узаконеній Остзейскаго и Западнаго края,—которыя, само собою разумѣется, должны были отдалить осуществленіе намѣренія Императора Николая Павловича относительно судебной реформы [1]). И потому, усиленныя работы по составленію проектовъ новаго судоустройства и судопроизводства, уже при непосредственномъ участіи главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, Статсъ-Секретаря графа Д. Н. Блудова, могли начаться лишь съ 1848 года, а подробная ихъ разработка и постепенное внесеніе на обсужденіе Государственнаго Совѣта послѣдовали въ 1857 году, послѣ кончины Императора Николая Павловича, въ царствованіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го.

Совокупность упомянутыхъ проектовъ и послужила основаніемъ тѣхъ положеній, которыя, согласно Высочайшему повелѣнію Государя Императора Александра Николаевича, послѣдовавшему въ Октябрѣ 1861 года, были представлены Государственнымъ Совѣтомъ на Высочайшее утвержденіе, для кореннаго преобразованія всей, вообще, судебной части въ Имперіи.

Такимъ образомъ, завѣтная идея Императора Петра Великаго и всѣхъ его Августѣйшихъ преемниковъ, прекрасно и ясно выраженная словами ма-

[1]) Жизнь графа Сперанскаго: т. II, стр. 325—326.

нифеста Государя Императора Александра Николаевича 19 Марта 1856 года: «*дать каждому возможность* «*подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ,* «*всѣмъ равно покровительствующихъ, насладиться въ* «*мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ...*»,—была, наконецъ, воплощена во вновь организованныхъ судебныхъ учрежденіяхъ и въ преподанныхъ этимъ учрежденіямъ, для руководства, уставахъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства..

Съ момента введенія судебной реформы, и когда во главѣ преобразованныхъ судебныхъ учрежденій былъ поставленъ Кассаціонный Сенатъ, но уже не въ качествѣ апелляціонной судебной инстанціи, обязанной разсматривать дѣла по существу, а въ качествѣ суда верховнаго, съ правомъ высшаго судебнаго надзора за правильнымъ и единообразнымъ толкованіемъ и примѣненіемъ законовъ,—наступило, наконецъ, время осуществленія и государственнаго принципа Петра Великаго, объ отдѣленіи правосудія отъ непосредственныхъ функцій верховной власти, что выразилось въ той оговоркѣ, какая помѣщена въ ст. 5 нынѣ дѣйствующихъ правилъ, о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на Высочайшее Имя приносимыхъ, силою которой рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената изъяты отъ дѣйствія закона, разрѣшающаго тяжущимся жаловаться Государю на неправильныя рѣшенія Правительствующаго Сената вообще.

Правда, что впослѣдствіи, какъ и во всякомъ новомъ дѣлѣ, жизнь и время стали обнаруживать нѣкоторые недостатки въ реформированномъ судѣ, а по сему, въ теченіи почти всего царствованія Императора Александра II - Освободителя, стали появляться частичныя исправленія. Но, къ сожалѣнію, эти отдѣльныя реформы судебнаго строя *ad hoc*, от-

рѣшенныя при этомъ отъ всякой системы и связи съ основными положеніями общей судебной реформы,—легко могли расшатать цѣлое судебное зданіе.

Такая опасность не ускользнула, однако-же, отъ зоркаго вниманія Монарха, который, подобно Императору Петру I, былъ постоянно на стражѣ всякой внутренней и внѣшней опасности, какая только могла угрожать горячо любимой Имъ Россіи.

Мы говоримъ о въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III-Миротворцѣ, свѣтлый образъ Котораго, какъ Великаго Русскаго Царя, какъ мудраго и милостиваго блюстителя законности и правъ,—возстаетъ предъ нами въ данную минуту, когда мы читаемъ Его незабвенныя слова, начертанныя, 7 Апрѣля 1894 года, на всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Юстиціи Н. В. Муравьева: *«Твердо «увѣренъ въ необходимости всесторонняго пересмотра «Нашихъ Судебныхъ Уставовъ, чтобы, наконецъ, дѣй«ствительное правосудіе царило въ Россіи. И такъ съ «Божіею помощью, начинайте эту трудную работу!»*

Въ этихъ словахъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ присущею покойному Государю заботливостью о нуждахъ своего народа и съ воззрѣніемъ Его на истинныя задачи Суда, дабы онъ могъ, въ дѣйствительности, быть одинакимъ и равнымъ для всѣхъ,— одновременно выразилась и та твердая и непреклонная Его воля во всякомъ правомъ и необходимомъ, для блага русскаго народа, дѣлѣ,—какою отличалась вся государственная дѣятельность почившаго Монарха,—нелицепріятная оцѣнка которой отнынѣ принадлежитъ уже исторіи!...

Что-же касается до Высочайшаго повелѣнія Государя 7 Апрѣля 1894 года, относительно пересмотра Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II,—то

предсмертный завѣтъ усопшаго Великаго Государя дѣятельно и успѣшно исполняется Высочайше учрежденною Коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ и при непосредственномъ участіи Министра Юстиціи Н. В. Муравьева, и можно надѣяться, что окончательные результаты этой по всей справедливости названной Монархомъ «*трудной работы*»,—будутъ обнародованы въ недалекомъ будущемъ...

Такъ возродилась, хотя и въ совершенно иной формѣ и на иныхъ основаніяхъ, первоначальная, дорогая народу по своимъ традиціямъ, прерогатива *личнаго суда князя*, по дѣламъ тяжебнымъ, въ смыслѣ послѣдняго вида Государевой расправы, которая, однако же, даруется народу и производится верховною властью не въ силу ея непосредственной обязанности, какъ это было прежде, а исключительно по личному усмотрѣнію Государя и въ путяхъ Монаршаго Его милосердія...

Но означенное, возобновленное, право, какъ мы замѣтили, существуетъ только временно. Съ предстоящимъ упраздненіемъ дореформенныхъ губернскихъ судебныхъ учрежденій, дѣйствующихъ еще пока на окраинахъ Россіи и служащихъ нынѣ единственнымъ питомникомъ для судебной дѣятельности старыхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената [1]), слѣдуетъ ожидать скораго упраздненія и сихъ послѣднихъ, а вмѣстѣ съ ними должно будетъ прекратиться и самое античное право народа на личную Государеву расправу, *по дѣламъ судебнымъ*, которое отойдетъ уже въ область историческаго преданія...

---

[1]) Примѣчаніе: Департаменты Правительствующаго Сената, на рѣшенія которыхъ допускается принесеніе всеподданнѣйшихъ жалобъ, суть: Первый, Второй, Третій (бывшій Межевой), Четвертый, Пятый и Департаментъ Герольдіи Правительствующаго Сената.

ГЛАВА X.

Судьба карательныхъ указовъ Императора Петра Великаго о челобитчикахъ въ царствованія его премниковъ.

Не смотря на то особенное вниманіе, съ какимъ преемники Петра относились къ челобитчикамъ, а равно къ ихъ нерѣдко основательнымъ жалобамъ на неправосудіе,—тѣмъ не менѣе суровые Петровскіе указы [1]), угрожавшіе жалобщикамъ довольно тяжкими наказаніями за непосредственное обращеніе къ Монарху съ своими челобитьями, минуя установленныя учрежденія, — подтверждаемые въ каждое отдѣльное царствованіе, какъ бы продолжаютъ сохранять силу дѣйствующихъ законовъ.

Между тѣмъ, съ достовѣрностью можно сказать, что упомянутые указы служили лишь орудіями для устрашенія такихъ просителей, которые утруждали Государей своими неосновательными и несправедливыми ходатайствами.

Полнѣйшая деморализація судебныхъ учрежденій того времени, склонявшая всѣ симпатіи Монарховъ на сторону жалобщиковъ, какъ лицъ, страдавшихъ отъ всякой неправды и насилія, не могла не вызвать, вслѣдствіе сего, и необходимости обхода указовъ Петра какъ по вопросу о правѣ подачи всеподданнѣйшихъ жалобъ даже на такое высшее учрежденіе, какимъ былъ Сенатъ, неприкосновенность рѣшеній котораго ограждалась угрозою смертной

[1]) П. С. З.—1714 г.—2781, 1718 г.—3805, 1719 г. —3143, 1720 г.—3838 и 1722 г.—3947.

казни, такъ и относительно наказуемости челобитчиковъ.

Строго формальное основанiе, какого придерживался Императоръ Петръ I въ своихъ указахъ, для наказанiя нарушителей, и которое ограничивалось фактомъ простаго нарушенiя челобитчиками порядка инстанцiй, при подачѣ Государю челобитныхъ,—нуждалось, во вниманiе къ современному положенiю отечественной юстицiи, въ дополненiи еще другимъ болѣе вѣскимъ и болѣе справедливымъ поводомъ, состоявшимъ въ неосновательности самой челобитной, по ея содержанiю.

Такой постепенный обходъ указовъ Петра о челобитьяхъ и челобитчикахъ, со стороны его преемниковъ, замѣчается уже при Императрицѣ Екатеринѣ I, которая, хотя и подтверждаетъ эти указы въ 1725 году [1]), при вступленiи своемъ на Престолъ, но, въ слѣдующемъ-же, 1726 году, по учрежденiи Верховнаго Тайнаго Совѣта, – пунктомъ 12 *«мнѣнiя не въ указъ о новомъ учрежденномъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ»* [2]),— постановляетъ, что: *«аппелляцiю на Сенатъ или на прочiи три коллегiи* [3]), *всемѣрно къ Ея Императорскому Величеству учинить позволено быть имѣетъ, и въ Тайный Совѣтъ къ вящему разсмотрѣнiю и разсужденiю подавать»*... Далѣе, тѣмъ-же 12 пунктомъ *«мнѣнiя не въ указъ»*, — устанавливается, вопреки п. 5 указа Петра 1718 года [4]), не только право че-

---

[1]) П. С. З.—1725 г.—3261

[2]) А. Филипповъ: «Исторiя Сената въ Правленiе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета» 1895 г. ч. I, стр. 20. Примѣчанiе: «Мнѣнiе не въ указъ» было составлено членами Верховнаго Тайнаго Совѣта 16 Марта 1726 года, съ цѣлью опредѣленiя круга компетенцiи учрежденнаго Совѣта, и одобрено Императрицею Екатериною I.

[3]) Сухопутная, Морская и Иностранная Коллегiи.

[4]) П. С. З.—1718 г.—3261.

лобитчиковъ на подачу жалобы, или *«аппелляціи»* на рѣшенія самаго Сената, но и точная квалификація такихъ именно жалобъ, за которыя просители будутъ подлежать извѣстнымъ наказаніямъ, начиная отъ денежныхъ штрафовъ и кончая смертною казнью.

Къ категоріи подобныхъ *«аппелляцій»* отнесены Екатериною I *«продерзостныя»*, то есть явно неосновательныя и несогласныя съ истиной, или, выражаясь подлинными словами 12 пункта *«мнѣнія не въ указъ»*, которыя: «будутъ чинимы съ продерзостью: «1) о какихъ дѣлѣхъ ординарныхъ за обиду какую, «или за земли, или другіе подобному и тѣхъ штра- «фовать денежнымъ штрафомъ, платить ему без- «честье тѣмъ судьямъ; также и на судьяхъ, которые «неправо рѣшатъ, править безчестье и убытки того «челобитчика; 2) ежели-же челобитчикъ продер- «зостью (несправедливо) напишетъ на котораго «судью съ злаго своего умысла, приличествуя къ «какимъ смертнымъ винамъ, а тотъ того не учинилъ, «то за то будетъ повиненъ смерти. А ежели судья «въ томъ повиненъ будетъ, то съ такимъ судьею «тожъ учинить, *дабы ни Ея Императорское Ве- «личество или Тайный Ея Совѣтъ продерзостными «аппелляціями утруждены не были* [1]).

Такимъ образомъ, на ряду съ указами Петра Великаго о челобитьяхъ и челобитчикахъ, съ 1726 года начинаетъ самостоятельно дѣйствовать и новый, по сему-же предмету, законъ Императрицы Екатерины I, прямо имъ противорѣчащій, по вопросамъ права и отвѣтственности челобитчиковъ.

Казалось-бы съ перваго взгляда, принимая въ соображеніе время выхода означеннаго закона, отно-

---

[1]) А. Филипповъ: «Исторія Сената», стр. 113 (см. выноску).

сящагося къ періоду величія и постояннаго стремленія Верховнаго Тайнаго Совѣта къ возможно большему расширенію своей компетенціи,—что и этотъ законъ, подобно остальнымъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ той-же политической интригѣ Совѣта. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, необходимость упомянутаго закона была вызвана, единственно, общимъ крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ правосудія и современныхъ учрежденій, о чемъ свидѣтельствуетъ фактъ дальнѣйшаго его дѣйствія, даже и послѣ упраздненія Верховнаго Тайнаго Совѣта, такъ какъ онъ подтверждается во всѣ послѣдующія царствованія указами Императрицъ: Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Великой.

Напоминая челобитчикамъ о продолженіи законной силы указовъ о нихъ Петра І, а также указовъ предшествующихъ царствованій,—каждая Монархиня, въ тоже время, дополняетъ ихъ съ видимою цѣлью увеличенія поводовъ, для непосредственнаго обращенія челобитчиковъ къ личному заступничеству Монарха.

Такъ, Императрица Анна Іоанновна, воспрещая челобитчикамъ, подъ угрозою Петровскихъ указовъ, всякую непосредственную подачу какого-либо прошенія или жалобы, минуя существующія учрежденія [1]), съ измѣненіемъ, при этомъ, порядка инстанцій, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ челобитчикамъ право всеподданнѣйшаго обжалованія не только неправильныхъ рѣшеній возстановленнаго Ею Сената, но и медленности этого учрежденія, въ случаѣ неразрѣшенія дѣлъ въ теченіи полугодичнаго срока со дня ихъ поступленія [2]).

---

[1]) П. С. З.—1730 г.—5546.
[2]) П. С. З.—1740 г.—8113.

Къ такому же обходу Петровскихъ указовъ о челобитчикахъ вынуждена была прибѣгнуть и Императрица Елизавета Петровна, разрѣшая подачу всеподданнѣйшихъ жалобъ какъ на рѣшенія Сената, такъ и на рѣшенія низшихъ присутственныхъ мѣстъ, въ явное нарушеніе инстанціоннаго порядка, хотя и подъ условіемъ, *«если челобитчики въ учрежденныхъ Судебныхъ мѣстахъ и Командахъ не получатъ въ правыхъ своихъ дѣлахъ и въ претерпѣваемыхъ обидахъ и волокитахъ законнаго рѣшенія и защиты»* [1]).

Что-же касается до Екатерины Великой, то, поименовывая въ 1762 году [2]) указы о челобитчикахъ, когда-либо изданные, начиная съ Петра и до вступленія Своего на Престолъ, – Императрица признала, при этомъ, необходимымъ придать институту о правахъ и обязанностяхъ челобитчиковъ болѣе стройную и правильную организацію, сведеніемъ всѣхъ упомянутыхъ разнообразныхъ указовъ къ общимъ и точно опредѣленнымъ положеніямъ, за нарушеніе которыхъ устанавливается новая, спеціальная градація наказаній.

Изъ положеній этихъ видно, что прежде всего требуется соблюденіе челобитчиками порядка инстанцій, до обращенія своего къ Монарху, хотя въ сущности сравнительно большее значеніе придается основательнымъ и согласнымъ съ истиною всеподданнѣйшимъ жалобамъ, поданнымъ хотя-бы съ нарушеніемъ порядка инстанцій предъ тѣми, которыя, будучи подвергнуты на Высочайшее Имя, въ инстанціонномъ порядкѣ, тѣмъ не менѣе составлены съ

---

¹) Тамъ-же—1742 г.—8558 и 1759 г.—10980.
²) Тамъ-же—1762 г.—11606.

извращеніемъ обстоятельствъ дѣла, для введенія Монарха въ заблужденіе...

Независимо отъ непремѣннаго соблюденія челобитчиками порядка инстанцій, Императрица, Именнымъ указомъ 1763 года [1]), повелѣваетъ челобитчикамъ подавать всеподданнѣйшія прошенія и жалобы *тремъ персонамъ*, въ лицѣ: Тайнаго Совѣтника Олсуфьева и Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣтниковъ Теплова и Елагина, которые избраны и назначены для пріема и доклада Ей всякаго рода всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, при чемъ для опредѣленія образа и порядка дѣйствій означенныхъ лицъ, по такого рода ходатайствамъ, Екатерина Великая снабжаетъ ихъ особою инструкціею [2]).

Въ десяти пунктахъ инструкціи приведено, въ пользу и въ огражденіе правъ челобитчиковъ, все то, что только могли воздать необыкновенное великодушіе и милосердіе Великой Монархини.

Однако-же, при всей снисходительности къ просителямъ, Императрица, какъ мы уже замѣтили, не могла относиться равнодушно къ тѣмъ изъ нихъ, которые покушались эксплоатировать Ея милосердіемъ, въ ущербъ справедливости.

Для подобныхъ челобитчиковъ и ради ихъ обузданія, Екатерина II утверждаетъ, 18 Ноября 1764 г., нижеслѣдующій уставъ о наказаніяхъ, составленный Сенатомъ и распубликованный въ его указѣ 1765 года [3]).

На основаніи этого устава наказываются: 1) *имѣющіе чины, за первое нарушеніе Высочайшихъ ука-*

---

[1]) П. С. З.—1763 г.—11858.

[2]) Тамъ-же—1763 г.—11868. Примѣчаніе: Инструкція помѣщена въ приложеніи.

[3]) Тамъ-же—1765 г.—12316.

зовъ—вычетомъ одной трети годоваго жалованья, ими получаемаго; *за второе* — арестомъ на мѣсяцъ; *за третье*—лишеніемъ одного чина и, наконецъ, *за четвертое*—лишеніемъ всѣхъ чиновъ; 2) *жены имѣющихъ чины: за первое нарушеніе*—взысканіемъ съ ихъ мужей третнаго жалованья; *за второе*—домашнему аресту; *за третье*—содержанію подъ карауломъ въ теченіи года, въ томъ присутственномъ мѣстѣ, которому подвѣдомственны по мѣсту своего жительства, а *за четвертое* водвореніемъ на жительство въ деревнѣ, безъ права въѣзда въ столицы; 3) *неимѣющія чиновъ, но благородныя лица*, какъ мужескаго такъ и женскаго пола: *за первое нарушеніе*—денежнымъ штрафомъ, въ размѣрѣ третнаго годичнаго жалованья, какое получаютъ прапорщики пѣхотныхъ полковъ; *за второе* и *третье*—наказанію, положенному для женъ чиновниковъ; а *за четвертое* лицъ мужескаго пола записывать на всегда въ солдаты, а женщинъ водворять на жительство въ деревнѣ, безъ права въѣзда въ столицы, при чемъ отдавать ихъ подъ надзоръ тѣхъ канцелярій, которымъ онѣ подвѣдомственны по мѣсту нахожденія имѣній. Что же касается до несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ 20-лѣтняго возраста, то, по отношенію къ нимъ, упомянутыя наказанія замѣняются каждый разъ арестомъ на мѣсяцъ; 4) *неимѣющіе-же чина и не благородные люди*, мужскаго и женскаго пола, наказываются: *за первое нарушеніе*—ссылкою на работы въ каторгу, срокомъ на мѣсяцъ; *за второе*—публичному наказанію и ссылкою на работы въ каторгу, срокомъ на годъ, по прошествіи котораго возвращаются на прежнее мѣстожительство; *за третье*—публичнымъ наказаніемъ плетьми и вѣчною ссылкою въ Нерчинскъ на поселеніе; при чемъ, если лица мужескаго пола окажутся крѣпостными людьми какого-либо помѣ-

щика, то сему послѣднему предоставляется право зачислять ихъ въ рекруты.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла I, объ означенныхъ указахъ Петра Великаго и его преемниковъ, не исключая Екатерины Великой, хотя и упоминается, но уже какъ о законахъ, отъ примѣненія которыхъ Императоръ Павелъ Петровичъ, видимо, желалъ-бы отказаться, о чемъ и заявляетъ челобитчикамъ, въ именномъ указѣ 1799 года [1]), данномъ Сенату «по поводу неутружденія Высочайшихъ Особъ недѣльными просьбами»,—предупреждая, что долженъ будетъ возобновить ихъ, если только просители не перестанутъ тревожить Его своими *«недѣльными»* просьбами.

«Утверждая Престолъ Нашъ на правосудіи и ми«лосердіи, говоритъ Императоръ въ этомъ указѣ, «никогда не затворяли Мы слуха и вниманія Нашего «къ истиннымъ нуждамъ и *правымъ жалобамъ* вѣр«ныхъ Нашихъ подданныхъ, напротивъ отверзли «всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго утѣ«сненнаго со всею вѣрностью могъ до Насъ про«никнуть и получить въ законахъ и повелѣніяхъ «Нашихъ скорую защиту...» Выражая, затѣмъ, сожалѣніе, что двухлѣтній опытъ убѣдилъ Государя въ злоупотребленіяхъ со стороны челобитчиковъ Его терпѣніемъ, подачею Ему: «*недѣльныхъ, прихотливыхъ и несовмѣстныхъ съ порядкомъ и законами просьбъ*»,— Императоръ Павелъ Петровичъ продолжаетъ: «*Из«вѣстны строгія мѣры, каковы до временъ* Нашихъ по «разнымъ случаямъ воспріемлемы были, для обузда«нія сей наклонности къ неправымъ и обременитель«нымъ просьбамъ. Ставя себя превыше всякаго обре«мененія, Мы не заграждаемъ средствъ вѣрнымъ На-

[1]) П. С. З.—1799 г.—18957.

«шимъ подданнымъ приносить къ намъ основатель-«ныя на притѣсненія жалобы и по особеннымъ слу-«чаямъ или нуждамъ ихъ, зависящимъ отъ единаго «Нашего разрѣшенія, утвержденія или удовлетворе-«нія просьбы, *оставляемъ для сего тѣ-же самые пути, «какіе доселѣ существовали во всей ихъ неприкосновен-«ности; но вмѣстѣ съ тѣмъ находимъ нужнымъ под-«твердить, что на отягощающихъ Наше вниманіе не-«дѣльными просьбами, вынуждены Мы будемъ возобновить «и привести въ дѣйствіе всю силу изданныхъ 1714, 1718 «и 1765 года указовъ, если и за симъ Нашимъ повелѣ-«ніемъ къ должному порядку и умѣренности они не «обратятся*».

Къ подобной-же угрозѣ челобитчикамъ-сутяжникамъ, хотя въ нѣсколько иной формѣ, вынужденъ былъ прибѣгнуть и Императоръ Александръ I, который, двумя именными указами 3 Сентября 1802 года [1]) и 19 Іюня 1804 года [2]), повелѣваетъ, чтобы отъ лицъ, жалующихся на Сенатъ, отбиралась предварительно подписка въ томъ, что они вѣдаютъ законы, строго запрещающіе несправедливыя жалобы на это высшее государственное учрежденіе въ Имперіи, и что, въ случаѣ неосновательности таковыхъ, виновные будутъ преданы суду, при чемъ наблюденіе за дѣйствительнымъ исполненіемъ этого Высочайшаго повелѣнія возлагалось на министра юстиціи.

Равнымъ образомъ и съ тою-же цѣлью предупрежденія неосновательныхъ жалобъ на Сенатъ, Императоръ Николай Павловичъ въ двухъ параграфахъ (§§ 39 и 40) особенныхъ правилъ Высочайше утвержденнаго Имъ, 18 Января 1835 года [3]), новаго

---

1) П. С. З.—1802 г.—8 Сентября—20405.
2) Тамъ-же—1804 г.—19 Іюня—21356.
3) Тамъ-же—1835 г.—18 Января—7771.

положенія о Коммиссіи Прошеній, устанавливаетъ слѣдующія наказанія для провинившихся челобитчиковъ.

«Въ случаѣ неосновательности жалобы по дѣлу, «рѣшенному въ Общемъ Собраніи Сената или въ «Департаментѣ Сената (§ 39), а также по дѣламъ, «оконченнымъ въ Министерствахъ и Главныхъ Управ«леніяхъ,—отказъ по жалобѣ, *въ первый разъ прине«сенной*, объявляется просителю чрезъ мѣстное на«чальство съ подпискою, а находящемуся на лицо «съ подпискою, взятою въ Канцеляріи Статсъ-Се«кретаря. Отказъ на жалобу, принесенную *во второй «разъ* по тому-же предмету, объявляется просителю «*съ выговоромъ* чрезъ мѣстное начальство; а за при«несеніе таковой жалобы въ *третій разъ или болѣе*, «проситель подвергается уголовному суду по зако«намъ о ябедникахъ, что и сообщается къ исполне«нію по принадлежности».

«Если жалоба (§ 40) по дѣламъ, рѣшеннымъ Вы«сочайше утвержденными положеніями или окон«ченнымъ Высочайшими указами [1]), то и за одно«кратное принесеніе оной проситель подвергается «суду, выше сего за третичную жалобу положен«ную».

Приведенные параграфы (39 и 40) вошли впослѣдствіи и въ учрежденіе Коммиссіи Прошеній, помѣщены въ т. I Св. Зак., изданія 1857 года, съ нѣкоторыми измѣненіями, предназначенными единственно для болѣе точнаго опредѣленія, на основаніи ст. 311, Улож. о наказ., изд. 1845 года [2]), тѣхъ,

---

[1]) Примѣчаніе. Къ этимъ дѣламъ, на основаніи ст. 27, Положенія о Коммиссіи Прошеній 1835 года, отнесены всѣ дѣла, рѣшенныя Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта и положеніями Комитета Министровъ и вообще оконченныя Высочайшими указами.

[2]) П. С. З.—1845 г.—Августа 15—19283.

именно, наказаній, какимъ подвергаются виновные, и которыя состояли въ присужденіи *за вторичную жалобу къ выговору, за третичную къ денежному взысканію отъ 100 до 500 рублей, но за подачу жалобы болѣе трехъ разъ къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за третій разъ*, съ опубликованіемъ для всеобщаго свѣдѣнія.

Однако-же съ достовѣрностью можно заявить, что, за исключеніемъ подписки, едва-ли пришлось къ жалобщикамъ какое-либо изъ поименованныхъ наказаній, а самыя мѣры Императоровъ Александра и Николая, направленныя къ обузданію ябедничества на Сенатъ, слѣдуетъ признать послѣднею вспышкою и послѣднимъ слабымъ отголоскомъ Петровскихъ указовъ о челобитчикахъ.

При дальнѣйшемъ преобразованіи Коммиссіи Прошеній, въ новомъ, нынѣ дѣйствующемъ положеніи объ этомъ учрежденіи, уже не встрѣчаемъ болѣе угрозъ наказаніемъ жалобщикамъ, утруждающимъ Высочайшую власть своими неоднократными и неосновательными просьбами. Такого рода жалобы и прошенія, за силою 3 п. ст. 12 Высоч. утвержд. правилъ [1]), оставляются только безъ послѣдствій и не повергаются на Высочайшее усмотрѣніе.

Въ заключеніе, не лишнимъ будетъ привести изъ судебныхъ анналовъ нѣсколько примѣровъ о дѣйствительномъ наказаніи челобитчиковъ, въ доказательство того, что только умышленное извращеніе ими въ своихъ всеподданнѣйшихъ жалобахъ, или же явно несправедливое обвиненіе и оскорбленіе присутственныхъ мѣстъ побуждало верховную власть, не говоря уже объ отказѣ въ ходатайствѣ, подвер-

---

[1]) Т. I, ч. II, кн. VI, Св. Учрежд. Госуд. изд. 1892 г.

гать такихъ жалобщиковъ довольно тяжкимъ наказаніямъ.

Изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны извѣстенъ слѣдующій, и при томъ единственный, примѣръ довольно жестокаго наказанія челобитчика, по приговору Сената, удостоеннаго Высочайшей конфирмаціи [1]).

Шведскій подданный, подполковникъ Магнусъ фонъ-Бремзенъ, былъ преданъ суду, за представленіе, по выраженію Рижскаго Гофъ-Герихта, по тяжебному своему дѣлу съ генералъ-маіоромъ Лешерномъ, «*доказательствъ превратныхъ и правамъ противныхъ*», а также за употребленныя фонъ-Бремзеномъ въ челобитныхъ, поданныхъ Гофъ-Герихту и Юстицъ-Коллегіи, «*необыкновенныя, злобныя и чести вредительныя и ругательныя рѣчи*»,—которыя, по заключенію Сената, «*если бы оная сентенція въ Швеціи «учинена была, тобъ легко могли причтены быть за со«противленіе и бунтъ противъ Короля своего, которое «дѣйствительное преступленіе, по правамъ обыкновенно «висѣлицею, колесомъ, или по послѣдней мѣрѣ, изгоняніемъ «розгами изъ земли штрафованы быть имѣютъ*»,— но Сенатъ, во вниманіе къ тому, что двое сыновей фонъ-Бремзена состоятъ на службѣ Ея Императорскаго Величества, полагалъ возможнымъ ограничить наказаніе подполковнику фонъ-Бремзену *ссылкою его въ Сибирь вѣчно, подъ карауломъ*, а его движимое и недвижимое имѣнія отдать сыновьямъ.

Другой такой-же случай наказанія челобитчика встрѣчается въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, за нарушеніе Ея указа, коимъ, *подъ страхомъ публичнаго наказанія и ссылки въ каторжную ра-*

---

[1]) П. С. З.—1732 г.—6000.

боту [1]), не смотря на всю правоту дѣла, воспрещалась челобитчикамъ непосредственная подача Императрицѣ какихъ либо прошенiй, помимо Генералъ-Рекетмейстера.

Нарушителемъ этого Высочайшаго указа, привлеченнымъ Сенатомъ къ суду, оказался поручикъ Ландмелицкаго полка Григорiй Фаустовъ, подавшiй лично Императрицѣ жалобу на обиды и раззоренiя, причиненныя ему бывшимъ Рекетмейстеромъ, Андреемъ Фенинымъ, Высочайше уволеннымъ отъ должности «*за непорядочные въ порученныхъ ему дѣлахъ поступки*».

Сенатъ приговорилъ Фаустова къ разжалованiю изъ поручиковъ въ прапорщики, но Императрица смягчила наказанiе ограниченiемъ разжалованiя годичнымъ срокомъ, по истеченiи котораго возвратила Фаустова въ полкъ, съ прежнимъ чиномъ поручика [2]).

Наконецъ, изъ указовъ, по частнымъ дѣламъ, временъ Императрицы Екатерины II, мы имѣемъ только два случая наказанiя челобитчиковъ за несправедливыя всеподданнѣйшiя жалобы на Сенатъ.

Возмущенная поступками челобитчиковъ Саввы Березина [3]) и вдовы маiора Екатерины Бухаровой [4]), дѣла которыхъ были разсмотрѣны Императрицею лично, и желая ихъ примѣрно наказать, за безусловно неосновательныя жалобы, Екатерина Великая выдаетъ обоихъ головою Сенату, съ такою при этомъ полною властью, «что Сенатъ можетъ поступить съ Березинымъ какъ заблагоразсудитъ», а относительно вдовы маiора Бухаровой, отдавая винов-

---

[1]) П. С. З.—1742 г.—8558.
[2]) Тамъ-же—1745 г.—9241.
[3]) Тамъ-же—1766 г.—12673.
[4]) Тамъ-же—1767 г.—12881.

ную «*въ удовольствіе Сената и на его волю*», — Императрица повелѣваетъ, однако-же, «*рапортовать Себѣ о томъ, что съ нею учинить опредѣлено будетъ*».

Согласно Высочайшему повелѣнію, обсудивъ, прежде всего, поступокъ Саввы Березина, — Сенатъ въ своемъ указѣ, распубликованномъ 9 Іюля 1766 года, «*для удержанія подобныхъ Березину непокойныхъ челобитчиковъ отъ такихъ-же продерзостныхъ поступковъ*», — объявляетъ: «что, хотя, по «законамъ Ея Императорскаго Величества, за не«правое на Сенатъ челобитье, *Березинъ подвергъ себя* «*смертной казни*, однакожъ Сенатъ, подражая обы«кновенному Ея Императорскаго Величества чело«вѣколюбію и безпримѣрному, ко всѣмъ подданнымъ, «милосердію, *со Всемилостивѣйшимъ Ея Импера«торскаго Величества позволеніемъ*, вину его «Березина въ томъ, что онъ на Сенатъ и на Оберъ«Прокурора Всеволожскаго просилъ несправедливо, «ему оставилъ, а за несправедливое утружденіе Ея «Императорскаго Величества, въ примѣръ другимъ, «онъ, Березинъ, арестованъ и посаженъ въ крѣ«пость въ тюрьму на недѣлю, на хлѣбъ и на воду».

Что-же касается до маіорши Бухаровой, то Сенатъ, въ виду чистосердечнаго ея раскаянія въ «*преступленіи*» и слезной мольбы о прощеніи, съ которою она обратилась къ Сенату, стоя на колѣняхъ,—освободилъ подсудимую отъ всякаго наказанія и, донося во всеподданнѣйшемъ рапортѣ о таковомъ приговорѣ Императрицѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, повергъ къ Ея стопамъ «*свою всеподданнѣйшую благо«дарность за Высочайшую милость, оказанную Се«нату въ защищеніи отъ несправедливыхъ челобитчи«ковъ...*»

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПРЕРОГАТИВА ПОМИЛОВАНІЯ.

ГЛАВА XI.

Исторія права монаршаго помилованія до начала московской государственной эпохи. Древнерусское духовенство въ роли единственнаго и постояннаго ходатая предъ свѣтскою властью за обвиняемыхъ или осужденныхъ, въ силу своего стариннаго обычая печаловаться за слабыхъ и падшихъ.

Предшествующимъ историко-законодательнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ особенностей въ условіяхъ зарожденія и послѣдующаго постепеннаго развитія на Руси какъ общегосударственной идеи, такъ и монархическаго принципа, до окончательнаго его воплощенія въ форму самодержавія, мы, одновременно, отмѣтили и тѣ существенныя характеристическія черты, какими Россійское государственное устройство и государственная власть отличаются по своему историческому складу отъ государственнаго устройства и государственной власти западно-европейскихъ народовъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что особенности эти должны были, равнымъ образомъ, отразиться и на самомъ существѣ и объемѣ личныхъ правъ и преимуществъ Россійской верховной власти вообще, а въ томъ числѣ и на ея прерогативѣ миловать и облегчать

участь обвиняемыхъ и осужденныхъ, такъ какъ по своимъ теоретическимъ основаніямъ прерогатива эта входитъ въ составъ тѣхъ-же двухъ уже изслѣдованныхъ нами коренныхъ государственныхъ началъ.

Но, упоминая о правѣ помилованія, *какъ о прерогативѣ* Россійской Державности, то есть какъ о самостоятельномъ политическомъ институтѣ, признанномъ и закрѣпленномъ за нею силою положительнаго закона, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ такую, именно, форму означенное право начинаетъ облекаться не ранѣе второй половины XVII столѣтія.

Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича 1649 года можетъ быть, по справедливости, названо первымъ законодательнымъ памятникомъ, въ которомъ выражается попытка обратить въ прерогативу прежнее, только фактическое, абсолютное право московскихъ государей на помилованіе обвиняемыхъ, осужденныхъ и опальныхъ.

«*А будетъ которой измѣнникъ*, гласитъ Уложе-«ніе,—*бывъ въ которомъ государствѣ выѣдетъ въ Мо-«сковское государство и Государь пожалуетъ его, велитъ «ему вину его отдати: и ему помѣстья выслуживаться «вновь, а въ вотчинахъ его Государь воленъ, а прежнихъ «его помѣстій ему не отдавати*» [1]).

Обращаясь-же къ обзору фактическаго только примѣненія верховною властью своего права на помилованіе, въ видѣ обыкновеннаго акта милосердія, впредь до обращенія его въ прерогативу, необходимо замѣтить, что первоначальная сфера примѣненія такого права была чрезвычайно узкою, а побудительными причинами служили съ одной стороны

[1]) П. С. З. т. I, Улож. Царя Алекс. Мих., гл. II, п. XI.

начала чисто религіознаго характера, а съ другой энергическое нравственное воздѣйствіе и заступничество древнерусскаго духовенства за страждущихъ и обездоленныхъ, *во имя своего стариннаго и священнаго обычая печаловаться за слабыхъ и падшихъ.*

Самоотверженное служеніе такому обычаю, въ въ связи съ другою извѣстною намъ ролью древнихъ архипастырей—быть миротворцами среди князей, во время ихъ взаимныхъ недоразумѣній и междоусобій, строго говоря, исчерпывало всю ихъ политическую программу на Руси, скромную по своимъ цѣлямъ, но весьма плодотворную по вопросамъ нравственнаго перевоспитанія современнаго русскаго общества.

Между тѣмъ, не легко было нашимъ первосвятителямъ выполнять даже и такую весьма ограниченную программу, не взирая на то, что она была проникнута одними высокими христіанскими принципами всеобщаго мира и любви и имѣла конечною цѣлью предотвращеніе всякаго рода народныхъ бѣдствій отъ безконечныхъ удѣльныхъ распрей.

Пробѣгая историческія сказанія, мы нерѣдко встрѣчаемъ случаи, когда гнѣвъ князя на извѣстную область обрушивался одновременно и на епископа, предстательствовавшаго за свою паству [1]).

Но любовь къ отечеству и глубокая преданность

---

[1]) **Примѣчаніе**: За исключеніемъ приведеннаго уже нами случая съ рязанскимъ епископомъ Арсеніемъ, высланнымъ вел. кн. Всеволодомъ изъ Рязани во Владиміръ плѣнникомъ вмѣстѣ съ рязанцами, вслѣдствіе его заступничества за сихъ послѣднихъ,—другимъ такимъ-же примѣромъ является поступокъ Іоанна III съ епископомъ новгородскимъ Ѳеофиломъ, котораго великій князь за печалованіе о новгородскихъ боярахъ и по подозрѣнію въ косвенномъ его участіи въ ихъ политической интригѣ, велѣлъ въ 1480 году, безъ всякаго суда, заключить въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ онъ оставался до самой своей смерти.

священной миссіи, предначертанной словомъ апостола: *«всѣмъ быхъ вся да всяко нѣкія спасу»* [1]), а главное, необыкновенная стойкость въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, отрѣшенная отъ всякихъ своекорыстныхъ или клерикально-политическихъ цѣлей и основанная, при этомъ, на глубокомъ убѣжденіи, что дѣйствія эти ведутъ къ несомнѣнной пользѣ и благу государства,—много содѣйствовали нашимъ церковнымъ іерархамъ къ преодолѣнію препятствій и къ значительному подъему своего нравственнаго авторитета въ глазахъ князей и народа.

Словами кротости и увѣщанія, а въ случаѣ ихъ безсилія, словами смѣлаго и строгаго обличенія князей въ неправдѣ и въ жестокостяхъ, а также своею испытанною справедливостью, безкорыстіемъ и заботами о благоденствіи Россіи, среди тогдашняго всеобщаго эгоистическаго направленія, — представителямъ древней церковной власти удавалось нерѣдко пробуждать въ князьяхъ сознаніе долга къ подвластнымъ, вмѣстѣ съ чувствами христіанской къ нимъ любви и сострадания, и, такимъ образомъ, являть собою предъ лицомъ всей русской земли столь великую нравственную силу, которая, не говоря уже о народѣ, вызывала и въ князьяхъ, не смотря на всю ихъ политическую разнузданность, благоговѣйное къ себѣ уваженіе и заставляла прибѣгать къ достойнѣйшимъ представителямъ высшей церковной іерархіи за совѣтомъ, правдою или же за посредничествомъ во всякихъ затруднительныхъ случаяхъ своей семейной и политической жизни.

Князь не иначе называлъ митрополита, какъ сво-

---

[1]) I. Кор. 9. 22

имъ отцомъ, даже въ офиціальныхъ бумагахъ, а митрополитъ князя—сыномъ [1]).

«*Твое убо есть въ миръ всѣхъ приводити, кольми паче насъ твоихъ присныхъ дѣтей*» [2]),—пишетъ великій князь Ярославъ Ярославовичъ митрополиту Кириллу II въ 1270 году, прося участія этого архипастыря въ дѣлѣ примиренія съ новгородцами, отказавшимися признавать его своимъ княземъ, и слово митрополита обезоружило мятежниковъ, примирившихся съ Ярославомъ, благодаря чему, по выраженію лѣтописца, *Богъ спасъ христіанъ отъ кровопролитія* [3]).

Умалчивая о другихъ фактахъ обращенія князей и народа къ церковнымъ іерархамъ, какъ совѣтникамъ, ходатаямъ или примирителямъ съ враждебною стороною,—фактахъ, которые еще болѣе подтверждаютъ незабвенныя государственныя заслуги, разновременно оказанныя первосвятителями отечеству, на ряду съ носителями верховной власти,—замѣтимъ только, въ видѣ общаго очерка политической дѣятельности нашихъ древнихъ епископовъ въ теченіи до-петровскаго періода, что почти всѣ взаимные договоры князей, какіе заключались съ цѣлью предотвращенія междоусобій, или-же ради коллективнаго противодѣйствія внѣшнимъ врагамъ, не обходились безъ участія и благословенія епископовъ [4]).

---

[1]) См. Собр. Госуд. Грам. I, №№ 27, 28, 53 и друг.; Акты Истор. I, № 259; Акты Эксп. I, №№ 9, 19, 23; Акты относ. до юрид. быта Россіи I, № 83; П. С. Р. Лѣт. VI, 147.

[2]) Полн. Собр. Лѣтоп. т. X, стр. 149.

[3]) Полн. Собр. Лѣтоп. т. Ш, стр. 62; т. V, стр. 197.

[4]) Примѣчаніе: Доказательствомъ того, что всѣ важныя политическія дѣла, какъ-то: заключеніе договоровъ съ иностранными державами, принятіе князя, объявленіе войны и заключеніе мира совершались не иначе, какъ съ согласія владыки и по его благословенію, и что эта формула была не пустымъ словомъ, служатъ слѣдующія мѣста изъ лѣтописей (Полн. Собр. Лѣт. Ш, 100, 109 и IV, 141, 211): «тоя же осени (1398 г.) по владычню слову и

Такая тѣсная связь Церкви съ Государствомъ въ вопросахъ чисто политическихъ одинаково замѣчается, помимо взаимныхъ договоровъ московскихъ великихъ князей до Іоанна III, также и въ массѣ государственныхъ актовъ цѣлаго XVII столѣтія, помѣщенныхъ въ Собраніи Румянцева, полномъ собраніи законовъ и въ другихъ историческихъ сборникахъ, которые или составлялись при содѣйствіи духовныхъ особъ, или-же непосредственно отъ нихъ исходили.

А потому, въ виду описываемаго нами общественнаго и политическаго значенія древнерусскаго духовенства вообще, а въ особенности въ эпоху, предшествовавшую началу московскаго государственнаго періода,—становится вполнѣ естественнымъ, что къ его могущественной защитѣ прибѣгалъ всякій, несправедливо гонимый, безвинно-осужденный и опальный, которымъ первосвятители не только никогда не отказывали въ своемъ заступничествѣ, а напротивъ съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ отстаивали ихъ жизнь, честь и достояніе, предоставляя преслѣдуемымъ или убѣжище во владычнемъ дворѣ и въ стѣнахъ церквей, у порога которыхъ обязательно прекращались всякіе житейскіе разсчеты и вражда, или-же принимая на себя непосредственную защиту несчастныхъ предъ свѣтскою властью.

Весь смыслъ и вся знаменательность такой защиты и заступничества духовенства за обездоленныхъ должны будутъ выступить съ еще большею рельефностью на общемъ фонѣ исторической картины на-

---

«благословенію, по Иванову . . . взяша миръ съ княземъ в: по ста-«ринѣ»; подъ 1419 г.: «пріиде въ Новгородъ съ Москвы князь Константинъ «Дмитріевичъ: милостію Божіею и архіепископа Симеона благо-«словеніемъ пріяша Новгородцы въ честь» и т. д.

шей древней соціальной и политической жизни, если принять въ соображеніе состояніе тогдашнихъ нравовъ и неопредѣленность древнихъ процессуальныхъ формъ, благодаря которымъ люди привлекались и обвинялись по первому личному впечатлѣнію судьи, а также—необыкновенную жестокость тогдашнихъ уголовныхъ законовъ.

Изъ примѣровъ дѣйствительнаго предоставленія епископами преслѣдуемымъ лицамъ права убѣжища въ стѣнахъ церквей, какъ одного изъ способовъ обычной защиты несчастныхъ, который практиковался духовенствомъ почти до конца XVII столѣтія, приведемъ наиболѣе выдающіеся.

Такъ, въ 1228 году, архіепископъ Новгородскій Арсеній, обвиняемый народомъ въ томъ, что, подкупивъ князя, умышленно удалилъ своего предмѣстника архіепископа Антонія въ Хутынь, съ цѣлью завладѣть владычнимъ престоломъ, былъ выгнанъ изъ архіерейскаго дома и обязанъ спасеніемъ жизни единственно тому, что затворился въ Софійскомъ соборѣ [1]).

Въ 1287 году, смѣненный Новгородскій посадникъ Симеонъ Михайловичъ, несправедливо заподозрѣнный въ злоупотребленіи властью, былъ осажденъ въ своемъ домѣ вооруженными мятежниками и также спасенъ владыкою, который скрылъ его отъ разъяренной толпы въ той-же Софійской церкви [2]).

Далѣе, въ 1547 году, родной дядя московскаго великаго князя Іоанна Васильевича Грознаго, боя-

---

[1]) Макарій: Исторія русской церкви, т. III, стр. 251.

[2]) Полн. Собр. Лѣт. III, 65: «то Сменъ прибѣжалъ ко владыцѣ; и владыка проводи и въ св. Софію и тако ублюде Богъ и заутра снидошася въ любовь».

ринъ Юрій Васильевичъ Глинскій, обвиняемый московскою чернью въ поджогѣ Москвы, отъ котораго сгорѣлъ почти весь городъ, искалъ спасенія въ церкви Успенія, но церковь, къ сожалѣнію, не спасла этого, ни въ чемъ неповиннаго, боярина отъ ярости мятежниковъ [1]), какъ не спасла она, въ 1682 году, во время перваго Стрѣлецкаго бунта, и брата царицы Наталіи Кирилловны, Аѳанасія Кирилловича Нарышкина, скрывшагося въ храмѣ Воскресенія въ Москвѣ отъ преслѣдованія стрѣльцовъ, откуда онъ былъ выведенъ и звѣрски умерщвленъ [2]).

Впрочемъ, приведенные случаи неудачнаго спасенія въ стѣнахъ церковныхъ, подобно немногимъ, встрѣчающимся въ XIII и въ XIV столѣтіяхъ [3]), слѣдуетъ считать исключительными по тѣмъ особеннымъ поводамъ, какими, въ дѣйствительности, вызвано было народное негодованіе противъ преслѣдуемыхъ. Вообще-же дворъ владыки и храмы постоянно считались у насъ мѣстами неприкосновенными и мѣстами убѣжища, гдѣ всякій могъ считать себя обезпеченнымъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія.

Новгородцы даже признавали за преслѣдуемыми право убѣжища въ церквахъ,—явленіе, напоминающее одну изъ формъ, въ которой выражалась у древнихъ римлянъ идея помилованія въ первомъ ея періодѣ. Вслѣдствіе сего, они нерѣдко заранѣе сажали на *епискупль дворъ* смѣняемыхъ князей и княжь-

---

[1]) Карамзинъ: Ист. Госуд. Росс., т. VIII, стр. 98—99.

[2]) Н. Арцыбышевъ: «Повѣствованіе о Россіи», Москва, 1838 г. кн. VI, стр. 97.

[3]) Полн. Собр. Лѣт. III, 65. Въ 1289 г.: «убиша Самойла Ратьшинича во владычни дворѣ»; тамъ-же VI, 206: въ 1477 г., при паденіи Новгорода: «Новгородцы убиша у владыки во дворѣ» нѣкоторыхъ гражданъ, обвиняемыхъ въ преданности Іоанну III и въ измѣнѣ Новгороду.

ихъ намѣстниковъ, дабы спасти ихъ отъ ярости народной, какъ это было, напримѣръ, съ изгнанными новгородскими князьями: Всеволодомъ (въ 1136 г.), Ростиславомъ (1142 г.) и Святославомъ (въ 1210 г.), а также съ намѣстниками великаго князя Михаила Тверскаго (въ 1314 г.), которыхъ новгородцы посадили на владычнемъ дворѣ, съ цѣлью огражденія отъ жестокаго и оскорбительнаго поступка черни, въ которомъ пришлось-бы впослѣдствіи раскаяваться [1]).

Обращаясь ко второму и главнѣйшему способу печалованія нашихъ первосвятителей за страждущихъ, то есть къ личному за нихъ ходатайству предъ великимъ княземъ, и придерживаясь историческихъ источниковъ XI столѣтія, необходимо замѣтить, прежде всего, что этотъ древнѣйшій видъ печалованія проявлялся первоначально только по отношенію къ младшимъ членамъ княжескаго рода, въ чемъ-либо провинившимся другъ предъ другомъ, или-же предъ великимъ княземъ, но отнюдь, повидимому, не касался такъ называемыхъ общегражданскихъ преступленій, совершаемыхъ мірянами.

Причину такого ограничительнаго права верховной власти въ пользованіи своимъ атрибутомъ помилованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма ограниченной дѣятельности епископовъ по обычному печалованію, слѣдуетъ искать, отчасти, въ извѣстномъ уже частномъ, а не публичномъ характерѣ преступленія и наказанія, въ до-московскую государственную эпоху Россіи вообще, вслѣдствіе чего участіе князя, въ отправленіи уголовнаго правосудія, выражалось только въ его правѣ на полученіе съ виновнаго части вознагражденія, именуемаго вирою, а слѣдовательно, и

---

[1]) Полн. Собр. Лѣт. IV; III, 9; III, 31; III, 7.

въ единственномъ правѣ отказаться отъ нея, въ случаѣ помилованія осужденнаго,—отчасти-же, въ послѣдующемъ сознаніи самого духовенства, что всякое воздѣйствіе на великаго князя къ отказу отъ виры было-бы съ ихъ стороны актомъ анти-политическимъ, такъ какъ, въ качествѣ наиболѣе прибыльнаго источника доходовъ княжеской казны, она спеціально предназначалась на содержаніе войска и обезпечивала внутреннюю и внѣшнюю безопасность страны [1]).

Но отсутствіе какихъ-либо историческихъ свѣдѣній, которыя указывали-бы на такую-же альтруистическую дѣятельность высшихъ представителей церковной власти, во имя своего обычая и въ сферѣ общегражданскихъ преступленій, не исключаетъ еще возможности предположенія о дѣйствительномъ ея существованіи, въ особенности, если принять въ соображеніе ту весьма обширную категорію мірскихъ преступленій, какая спеціально была подсудна суду церковному, на основаніи церковнаго устава великаго князя Владиміра Святаго [2]), и, несомнѣнно, создавала для церковной власти широкое право вмѣшательства во всякаго рода уголовныя дѣла, съ подчиненіемъ ихъ своей юрисдикціи, не опасаясь серьезныхъ протестовъ со стороны свѣтской власти.

---

[1]) П. С. Л. IX, 67. Никоновская лѣтопись: «... Се умножишася разбойницы. «Почто не казниши ихъ?»—спрашивали епископы великаго князя Владиміра Св. и на его отвѣтъ: «боюся грѣха», возразили: «подобаетъ ти со испытаніемъ и разсмотрѣніемъ злыхъ «казнити по закону божественному, а добрыхъ миловати, «и Владиміръ отвергъ виры и началъ казнити разбойни«ковъ». Затѣмъ въ лѣтописяхъ слѣдуетъ продолженіе: «..., рѣша епи«скопы и старцы Владиміру: рать многа оже вира то на «оружьи и на конѣхъ буди и рѣче Владиміръ: тако буди. «И живяше Владиміръ по устроенію отню и дѣдню ...».

[2]) Никоновск. IV, 70 и 233. Примѣчаніе: Суду церковному подлежали: а) всѣ преступленія противъ вѣры и церкви; б) семейныя дѣла, въ широкомъ

Не говоря уже о цѣломъ разрядѣ такихъ міряиъ, какими были: *паломникъ, лѣчецъ, прощеникъ, баба вдовица, задушный человѣкъ, слѣпецъ, хромецъ и страннопріимницы,* которые по уставу Владиміра подлежали суду епископовъ по всѣмъ, безъ исключенія, преступнымъ дѣйствіямъ, считаясь лицами какъ-бы принадлежащими къ духовному сословію, въ сущности почти не было преступленій, которыя бы, по свойству самыхъ правонарушеній, не могли подлежать суду церковному, или же, въ крайнемъ случаѣ, не давали-бы права духовнымъ особамъ на участіе въ обсужденіи уголовныхъ дѣлъ, совмѣстно съ свѣтскою судебною властью.

А посему и въ виду той несправедливости и жестокости, какими отличались приговоры современнаго свѣтскаго суда, и которыя служили предметами постоянныхъ обличеній и нападокъ со стороны духовенства, становится болѣе, нежели вѣроятнымъ, что епископы или пользовались правами суда церковнаго въ случаѣ серьезныхъ обвиненій и ради предупрежденія возможности судебныхъ ошибокъ, а также для смягченія суровости наказанія, которому подлежалъ обвиняемый, или же производили съ тою-же цѣлью извѣстное религіозно-нравственное воздѣйствіе на потерпѣвшихъ отъ преступленій частныхъ лицъ, которымъ принадлежало право обвиненія и наказанія обидчиковъ.

Историческимъ фактомъ, подтверждающимъ въ нѣкоторой степени основательность нашего предположенія, можетъ служить хотя-бы слѣдующее сказаніе о ростовскомъ епископѣ XIV вѣка Іаковѣ, кото-

---

смыслѣ слова, и в) еретичество, волшебство, колдовство, ограбленіе мертвыхъ тѣлъ, поврежденіе могилъ, похищеніе женъ, драка между мужемъ и женою объ имѣніи, обличенное прелюбодѣяніе.

рое вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ всю неопредѣленность правительственныхъ отношеній въ удѣльное время и являетъ собою еще одинъ примѣръ тѣхъ гоненій, какимъ подвергались наши древніе святители за вѣрность своему обычаю защищать несчастныхъ и по возможности облегчать участь осужденныхъ.

Ростовскій князь съ совѣтомъ бояръ судилъ женщину, по обвиненію въ явномъ прелюбодѣяніи, и осудилъ ее на смерть. Казалось, что, по существу самаго преступленія, которымъ нарушалась святость брака и чистота семейныхъ отношеній, дѣло подлежало суду церковному, а, между тѣмъ, оно разбиралось княземъ съ участіемъ бояръ, при чемъ неизвѣстно, присутствовалъ-ли епископъ при его рѣшеніи. Осужденная обратилась къ владыкѣ съ мольбою о помилованіи, и онъ разрѣшилъ ее отъ казни. Обстоятельство это вызвало столь сильное негодованіе князя и бояръ на владыку за отмѣну ихъ приговора, что они подняли на него городъ и выгнали изъ Ростова [1]).

Перейдемъ, однако-же, къ безспорной дѣятельности нашихъ древнихъ епископовъ по печалованію, въ эпоху, предшествовавшую московскому государственному періоду, которая первоначально выражалась или въ заступничествѣ предъ великимъ княземъ за провинившихся членовъ княжескаго рода, или-же проявлялась въ видѣ общаго и принципіальнаго печалованія за несчастныхъ и обездоленныхъ, въ формѣ поученія князей милосердію и крайней осторожности въ вопросахъ обвиненія и наказанія своихъ подданныхъ.

Съ XI столѣтія исторія Руси уже изобилуетъ

---

[1]) Никон. IV, 70 и 233.

случаями весьма удачной защиты первосвятителями не только чести и достоянія, но и самой жизни членовъ княжескаго рода, обвиняемыхъ въ дѣйствительныхъ или-же только въ мнимыхъ злодѣяніяхъ.

Первымъ по времени и своему историческому значенію примѣромъ является, въ 1097 году, извѣстный вѣроломный поступокъ кіевскаго великаго князя Святополка, ослѣпившаго племянника своего Василька. Возмущенный такимъ гнуснымъ злодѣяніемъ, переяславскій князь Владиміръ Мономахъ рѣшился примѣрно наказать Святополка и съ этою цѣлью, соединившись съ черниговскими князьями Давидомъ и Олегомъ Святославовичами, подступилъ къ Кіеву. Устрашенный Святополкъ, ожидавшій заслуженной кары, думалъ спастись бѣгствомъ, но кіевляне удержали его, а для отвращенія бѣды, грозившей какъ великому князю, такъ и городу, выслали въ станъ Мономаха его мачиху, вдову умершаго великаго князя Всеволода, вмѣстѣ съ кіевскимъ митрополитомъ Николаемъ, съ мольбою о прощеніи Святополка.

Сильное своею аргументаціею слово почтеннаго архипастыря, обращенное къ Мономаху и къ союзнымъ съ нимъ князьямъ, въ которомъ, обрисовывая яркими красками всѣ пагубныя послѣдствія для отечества отъ безпрерывныхъ княжескихъ междоусобій, онъ заклиналъ князей именемъ дѣдовъ и отцовъ не губить русской земли, пріобрѣтенной трудами и отвагою доблестныхъ предковъ,—произвело на Мономаха, чтившаго мачиху и митрополита, такое глубокое впечатлѣніе, что онъ, по выраженію лѣтописца, «*не преслуша мольбамъ его*» и простилъ Святополка [1]).

[1]) Тамъ-же. Никонов. лѣт. подъ 1097 г., 132: «. . . Не мозите погубити «русскія земли; аще бо сотворите рать межи собою, поганій имутъ радова-

Далѣе, въ 1111 году, когда тотъ-же Святополкъ схватилъ на Берестьи непокорнаго Ярослава и скованнаго привезъ въ Кіевъ, гдѣ плѣнный былъ посаженъ въ темницу, въ ожиданіи жестокой казни, то митрополитъ Николай, желая спасти несчастнаго Ярослава, предсталъ предъ Святополкомъ съ соборомъ духовенства и сталъ умолять его о помилованіи плѣнника. Святополкъ внялъ мольбамъ святителя и велѣлъ отдать ему Ярослава, котораго онъ съ торжествомъ ввелъ въ церковь Бориса и Глѣба и тамъ, у мощей св. мучениковъ, снявъ съ него оковы, отпустилъ въ отчину [1]).

Извѣстенъ также въ 1147 году случай самоотверженнаго, хотя и не столь удачнаго, печалованія митрополита Климента за кіевскаго великаго князя Игоря предъ кіевлянами, растерзавшими несчастнаго князя, не взирая на мольбы святителя, въ отомщеніе за умыселъ братьевъ Игоря на жизнь великаго князя Изяслава [2]).

Десять лѣтъ спустя, въ 1157 году, суздальскій князь Юрій Долгорукій намѣревался выдать князю Ярославу галицкому двоюроднаго брата Ивана Берладника на вѣрную гибель, но митрополитъ остановилъ Юрія отъ приведенія въ исполненіе такого гнуснаго намѣренія словами: «*грѣхъ ти есть цѣло-*«*вавши къ нему хрестъ, держати въ толицѣ нужи, а и* «*еще хощеши выдати на убійство*» [3]).

«тися и возмутъ землю нашу, юже бѣша стяжали отцы ваши и дѣди трудомъ «великимъ и храбрьствомъ поборающе по русской землѣ и иныя земли прі«искиваху . . .».

[1]) Тамъ-же, IX, 137: «...сняша съ него (Ярослава) оковы и пу«стиша его укрѣпивша крестнымъ цѣлованіемъ и раками «св. страстотерпецъ Бориса и Глѣба».

[2]) Тамъ-же, стр. 117.

[3]) Акты Экспед., т. I, № 9.

Приводя, такимъ образомъ, рядъ фактовъ ревностнаго служенія нашимъ древне-русскимъ духовенствомъ своей пастырской миссіи по утвержденію среди пасомыхъ правды, мира и любви, нельзя пройти молчаніемъ активную, въ томъ-же духѣ, дѣятельность и такихъ великихъ печальниковъ и «*поборниковъ всей земли русской*», какими были подвижники Кіево-печерскаго монастыря, преподобные Антоній и Ѳеодосій, а также св. Стефанъ, именуемый апостоломъ Зырянъ или Пермяковъ.

Въ Ѳеодосіи, говоритъ лѣтописецъ, каждый находилъ себѣ сильнаго заступника: обиженный въ судѣ шелъ къ нему съ жалобою, и судья долженъ былъ перерѣшать дѣло.

Что-же касается до св. Стефана, то о характерѣ его дѣятельности можно заключить изъ слѣдующихъ словъ «*Плача земли пермской на смерть Стефана*», помѣщеннаго въ его житіи, написанномъ современникомъ его Епифаніемъ: «*. . . . Теперь мы лишились «добраго промышленника и ходатая, который Богу мо«лился о спасеніи душъ нашихъ, а князю доносилъ на«ши жалобы, хлопоталъ о нашихъ льготахъ, о нашей «пользѣ; предъ боярами и всякими властями былъ на«шимъ теплымъ заступникомъ, часто избавлялъ насъ «отъ насилій, работы и тіунской продажи, облегчалъ «отъ тяжкой дани . . .*» [2]).

Словомъ, мы могли-бы цитировать массу еще новыхъ извѣстныхъ древней исторіи примѣровъ печалованія нашихъ архипастырей за несчастныхъ и гонимыхъ,—фактовъ, въ которыхъ явно обнаруживается ихъ беззавѣтная преданность благу отечества и постоянная увѣренность въ томъ, что всѣ ихъ

---

[2]) Макарій: Исторія русской церкви. 1886 г. т. IV, кн. I, прилож. № XVIII, стр. 354.

представленія, увѣщанія и требованія непремѣнно будутъ исполнены во имя всеобщаго уваженія къ нимъ князей и народа.

Достойно при этомъ особеннаго вниманія, что въ вопросахъ любви и состраданія къ ближнему, которые служили обыкновенною темою нашему древнерусскому духовенству для поученія князей и народа правдѣ и милосердію,—епископы наши никогда не руководствовались узкимъ фанатически-религіознымъ воззрѣніемъ на вѣроисповѣданіе лица, прибѣгавшаго къ ихъ заступничеству, а напротивъ, одинаково протягивали руку помощи всякому, какой-бы вѣры и національности онъ ни былъ: «*Если ты увидишь*, писалъ преподобный Ѳеодосій великому князю Изя«славу, *кого-либо въ бѣдствіи, — будетъ-ли онъ жидо*«*винъ, ли сорочининъ, ли болгаринъ, ли еретикъ, ли ла*«*тининъ, ли отъ поганыхъ: всякаго помилуй и отъ бѣды* «*избави*» [1]).

Образчикомъ-же принципіальнаго печалованія святителей за невинно страждущихъ, которое проводилось ими въ своихъ поученіяхъ къ князьямъ, является посланіе митрополита Никифора къ великому князю Владиміру Мономаху «*о постѣ и воздержаніи чувствъ*», относящееся, въ то-же время, къ одному изъ лучшихъ произведеній нашей древней словесности.

Упомянутое посланіе, какъ замѣчаетъ самъ митрополитъ Никифоръ, написано имъ въ виду наступившихъ великопостныхъ дней, *когда уставъ церковный и правило заповѣдывали говорить нѣчто полезное и князьямъ*.

---

[1]) Тамъ-же т. II, стр. 311.

Начиная посланіе съ общихъ соображеній о происхожденіи добрыхъ и злыхъ дѣяній человѣческихъ и примѣняя ихъ, затѣмъ, къ дѣйствіямъ и поступкамъ самого Мономаха, съ подобающими наставленіями, митрополитъ Никифоръ переходитъ къ разбору составныхъ частей души человѣческой, созданной по образу Божію, и, останавливаясь на ея чувственной части, замѣчаетъ, что изъ пяти присущихъ ей чувствъ, у великаго князя наиболѣе несовершеннымъ по своему развитію и опаснымъ для его душевной чистоты оказывается чувство слуха.

«*О слухѣ*, говоритъ Никифоръ, *не знаю, княже* «*мой, что сказать тебѣ; а кажется мнѣ, что такъ* «*какъ самъ ты не можешь все видѣть своими очами,* «*то служащіе тебѣ орудіями иногда представляютъ* «*тебѣ донесенія ко вреду души твоей и чрезъ отверстый* «*слухъ твой входитъ въ тебя стрѣла. Подумай объ* «*этомъ со вниманіемъ, княже мой, и помысли объ изгнан*«*ныхъ тобою и осужденныхъ; вспомни о всѣхъ, кто на* «*кого донесъ и кто кого оклеветалъ, и самъ разсуди о* «*всѣхъ и прости, да получишь прощеніе отъ Бога* . . . . «Не огорчись, княже мой, словомъ моимъ и не по«думай, чтобы пришелъ ко мнѣ кто-либо, опечален«ный тобою, и потому я написалъ тебѣ. Нѣтъ, я «просто написалъ тебѣ въ напоминаніе; ибо вели«кія власти имѣютъ нужду и въ частомъ напоми«наніи . . . . ».

Въ заключеніе посланія митрополитъ Никифоръ присовокупляетъ: «*наконецъ скажу тебѣ еще одно,* «*христолюбивый княже мой, — помни третій псаломъ* «*перваго часа, именно сотый, и со вниманіемъ пой его:* «*милость и судъ воспою тебѣ, Господи. Въ немъ вѣрное* «*изображеніе, каковъ долженъ быть царь и князь.* Если «ты будешь испытывать и соблюдать то, о чемъ го«ворится въ этомъ псалмѣ: онъ просвѣтитъ еще

«болѣе умныя очи твои, отвратитъ отъ нихъ всякую «суету, освятитъ твой слухъ, очиститъ сердце, исправитъ стопы, предохранитъ ноги отъ поползновенія «и сподобитъ тебя достигнуть праздника Воскресе«нія Господня въ радости тѣлесной, въ здравіи и «веселіи духовномъ» [1]).

Поименованными первосвятителями не исчерпывается, однако-же, списокъ всѣхъ достойнѣйшихъ представителей древней церковной іерархіи данной эпохи, ибо въ этомъ спискѣ столь-же выдающіяся и почетныя мѣста одинаково принадлежатъ и митрополитамъ: Кириллу П, Максиму, Петру, Өеогносту, Алексію съ преподобнымъ Сергіемъ, Фотію, Іонѣ и другимъ, память о которыхъ останется незабвенною въ исторіи древней Руси какъ по самоотверженной защитѣ слабыхъ и падшихъ, такъ и по утвержденію ими единодержавія, служившаго для Россіи залогомъ внутренняго мира и политической независимости. Въ виду всего этого нельзя не считать вполнѣ правильнымъ и нисколько не лицепріятнымъ тотъ общій отзывъ о высокомъ значеніи дѣятельности древнерусскаго духовенства вообще въ домосковскую государственную эпоху, какой мы находимъ въ памятникахъ XII столѣтія, заявляющихъ, что: «подвиги св. монаховъ сіяютъ чудесами больше мір«ской власти и ради ихъ мірскіе вельможи прекло«няютъ главу свою предъ монахами . . . .» [2]).

---

[1]) Макарій: Исторія Русск. Церкви, т. П, стр. 190 и 191.
[2]) С. Соловьевъ: Исторія Россіи, т. Ш, стр. 72.

ГЛАВА XII.

Измѣненіе соціально-политическаго значенія духовенства, начиная съ конца XV столѣтія, вслѣдствіе церковныхъ реформъ и утраты имъ своего прежняго нравственнаго авторитета. Вліяніе такого положенія на характеръ и судьбу печалованія продолжающагося, въ теченіи всего Московскаго государственнаго періода.

Совершенно иныя отношенія возникаютъ между церковью и государствомъ со второй половины XV вѣка, когда восточно-русская митрополія получаетъ свою, хотя только юридическую, а не фактическую афтокефальность, или независимость, отъ константинопольскаго патріарха, и соборъ русскихъ іерарховъ пріобрѣтаетъ право избранія, поставленія и суда надъ митрополитами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, митрополиты съ епископами и со всею церковью становятся къ государю въ такое-же точно подчиненное отношеніе, въ какомъ состоялъ и константинопольскій патріархъ съ подвѣдомственною ему іерархіею и паствою къ византійскимъ императорамъ.

Такимъ образомъ, съ момента столь важной перемѣны въ церковной жизни Россіи, вслѣдствіе которой государь являлся уже въ роли *«царя православію»*, устанавливается одновременно и окончательная зависимость отечественной церкви отъ государственной власти, съ преобладаніемъ государственнаго авторитета надъ церковнымъ.

Прежнее личное дискреціонное усмотрѣніе, которымъ была проникнута вся предшествующая церковно-административная дѣятельность высшихъ іерарховъ,

замѣняется, въ описываемую эпоху, одною лишь волею, согласіемъ и приказаніемъ московскихъ государей, подчиняющихъ, въ интересахъ политическихъ, своему непосредственному контролю и вѣдѣнію не только дѣла по церковному управленію, но иногда и вопросы религіозно-догматическіе, а также церковно-обрядовые.

Наконецъ, всякія, даже взаимныя, пререканія епископовъ съ митрополитомъ разрѣщаются отнынѣ самимъ государемъ, что подтверждается слѣдующими примѣрами, относящимися ко временамъ княженія московскаго великаго князя Іоанна III и его преемниковъ.

Кирилловскій игуменъ Нифонтъ ни въ чемъ не хотѣлъ повиноваться ростовскому архіепископу Вассіану, а потому Вассіанъ билъ челомъ великому князю Іоанну Васильевичу и митрополиту Филиппу, и государь разрѣшилъ этотъ споръ на основаніи священныхъ правилъ.

Другой аналогичный случай относится къ 1478 г. и возникъ по поводу столкновенія того-же ростовскаго архіепископа Вассіана съ митрополитомъ Геронтіемъ, выдавшимъ ростовскому удѣльному князю Михаилу Андреевичу Верейскому грамоту, на основаніи которой Кирилло-Бѣлозерскій монастырь выходилъ изъ подъ власти ростовской епископіи и поступалъ въ вѣдѣніе князя Михаила. Когда просьба Вассіана къ митрополиту Геронтію о томъ, чтобы онъ не вступался въ его предѣлъ, вопреки правиламъ, не была уважена, то Вассіанъ обратился съ жалобою къ великому князю Іоанну Васильевичу и просилъ суда съ митрополитомъ. Государь посовѣтовалъ митрополиту не вмѣшиваться въ это дѣло, но митрополитъ не послушалъ совѣта, и великій князь приказалъ, прежде всего, отобрать отъ князя

Михаила митрополичью грамоту, а затѣмъ назначилъ быть въ Москвѣ собору епископовъ и архимандритовъ для суда надъ митрополитомъ. Устрашенный Геронтій просилъ великаго князя примирить его съ Вассіаномъ, и, хотя такое примиреніе и состоялось, но тѣмъ не менѣе митрополичья грамота была уничтожена, и Кирилло-Бѣлозерскій монастырь снова поступилъ въ вѣдѣніе архіепископа ростовскаго [1]).

Общее указаніе на государя, какъ на высшую инстанцію, которой принадлежало право окончательнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ и споровъ по дѣламъ церковнымъ, мы встрѣчаемъ и въ возраженіяхъ священника города Ростова Георгія Скрипицы на постановленія созваннаго Іоанномъ III, въ 1503 году, церковнаго собора, въ которыхъ, между прочимъ, приведены правила, устанавливавшія даже извѣстный инстанціонный порядокъ обжалованія неправильныхъ дѣйствій того или другого изъ высшихъ начальствующихъ духовныхъ лицъ: «если епископъ кого обидитъ вопреки правиламъ, то слѣдуетъ разсудить «митрополиту, митрополита-же долженъ разсудить «патріархъ»; *«аще-ли патріархъ съ соборомъ изобидитъ «кого не по правиломъ, ино царь разсудитъ ихъ по правиломъ св. отецъ и отмститъ виноватому»* [2]).

Съ однимъ изъ случаевъ подобнаго царскаго мщенія архіепископу, за неправомѣрность его дѣйствій, мы сталкиваемся въ княженіе великаго князя Василія Іоанновича.

Вмѣшательство великаго князя и наказаніе епископа было вызвано грамотою новгородскаго архіепископа Серапіона, посланною настоятелю волоко-

[1]) Макарій: Исторія Русской Церкви, 1887 г., т. VI, стр. 64.
[2]) Чтен. Общ. Ист. 1848 г. № 6, отд. IV, стр. 6.

ламской обители, преподобному Іосифу, которою налагались на этого святителя запрещеніе и отлученіе за то единственно, что, минуя Серапіона, какъ своего епархіальнаго архипастыря, онъ обратился къ великому князю съ ходатайствомъ чрезъ московскаго митрополита Симона, о принятіи волоколамской обители подъ свою державу, для защиты отъ притѣсненій со стороны волоцкаго князя Ѳедора Борисовича, и ходатайство это было удовлетворено государемъ.

Поступокъ Серапіона, помимо нарушенія церковныхъ правилъ, на основаніи которыхъ онъ былъ обязанъ до отлученія Іосифа предварительно снестись съ великимъ княземъ и митрополитомъ, не могъ не задѣть, кромѣ того, и личнаго самолюбія властолюбиваго Василія Іоанновича, который приказалъ быть собору, для обсужденія неправильныхъ дѣйствій упомянутаго архіепископа, и соборъ, состоявшійся въ Іюлѣ 1509 года, въ присутствіи самого великаго князя, постановилъ: на основаніи правилъ седьмаго вселенскаго собора наложить запрещеніе и отлученіе на самого Серапіона, а Іосифу дать разрѣшительную грамоту [1]).

Доказательствомъ-же дѣйствительнаго періодическаго вмѣшательства московскаго правительства даже въ вопросы церковно-обрядовые служитъ слѣдующій примѣръ, обнаруживающій весьма важное, по своимъ послѣдствіямъ, столкновеніе великаго князя Іоанна III съ митрополитомъ Геронтіемъ, но уже *по обвиненію этого святителя въ нарушеніи церковныхъ правилъ,* выразившееся, по мнѣнію великаго князя, въ томъ, что митрополитъ, во время освященія

[1]) Макарій: Ист. Русск. Церкви, т. VI, стр. 146—148.

Успенскаго собора, ходилъ вокругъ церкви не по солнцу.

Упомянутый споръ, дважды возобновленный Іоанномъ, хотя и кончился торжествомъ Геронтія, предъ которымъ великій князь повинился, но частыя столкновенія по дѣламъ церковнымъ возбуждали въ немъ неоднократныя попытки къ удаленію Геронтія отъ митрополіи, а между тѣмъ Геронтій, по словамъ лѣтописца: «и неволею не остави митрополіи» [1]).

Въ приведенныхъ нами фактахъ столкновенія церковной власти съ государственною, которое повторяется и въ послѣдующія царствованія все чаще и чаще, при чемъ столкновенія эти нерѣдко оканчивались удаленіемъ какъ митрополитовъ, такъ и архіепископовъ *непосредственною властью московскихъ государей* [2]), видимо, все болѣе и болѣе сказывается намѣреніе сихъ послѣднихъ устранить, въ общегосударственныхъ цѣляхъ, личную неприкосновенность митрополитовъ и архіепископовъ и установить абсолютную ихъ зависимость и отвѣтственность предъ верховною властью по дѣламъ церковнаго управленія.

Ради той-же государственной цѣли, начинается и стремленіе московскихъ государей къ нравственному

---

[1]) П. С. Л. VI, стр. 235.

[2]) Примѣчаніе: Въ 1523 году удаленъ былъ митрополитъ Варлаамъ, и хотя лѣтописи говорятъ, что онъ оставилъ митрополію, но существуютъ достовѣрныя извѣстія о немедленной ссылкѣ его по удаленіи на Бѣлоозеро (П. С. Л. VII, стр. 269; VI, 264). Извѣстны также случаи насильственнаго удаленія митрополитовъ. Такъ, напримѣръ, митрополитъ Даніилъ былъ смѣщенъ съ каѳедры боярскимъ правительствомъ во времена малолѣтства Іоанна Грознаго именемъ государя. Самъ Грозный смѣстилъ митрополита Филиппа, хотя и на основаніи соборнаго приговора, но этотъ приговоръ былъ внушенъ волею государя. Митрополитъ Діонисій оставилъ митрополію «по государевѣ воли царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича». (Новгор. Лѣтописи, СПБ., 1879 г., стр. 348 и 449).

исправленію духовенства, а также къ секуляризаціи монастырскихъ имѣній, дабы уничтожить всякое противодѣйствіе своимъ попеченіямъ и распоряженіямъ.

На необходимость исправленія современнаго, крайне печальнаго нравственнаго состоянія духовенства, въ виду безсилія церковной власти въ борьбѣ съ его пороками, на которые, кромѣ окружныхъ архіерейскихъ посланій, напоминавшихъ церковнослужителямъ ихъ прямыя обязанности [1]), одинаково указывали и царскія грамоты, посылавшіяся, при этомъ, согласно челобитьямъ самихъ-же игуменовъ, жаловавшихся государю, что безъ царскаго указа имъ нельзя справиться съ братіею, такъ какъ въ монастыряхъ «отъ пьянства бываетъ многая вражда и мятежи» [2]).

Починъ къ проведенію чрезъ церковный соборъ и этихъ правительственныхъ мѣропріятій принадлежитъ также великому князю Іоанну III-му. Соборъ, созванный по его приказанію въ 1503 г., на которомъ, кромѣ симпатичнаго великому князю вопроса о секуляризаціи монастырскихъ имѣній, разрѣшеннаго, впрочемъ, въ отрицательномъ смыслѣ, на основаніи историческихъ и юридическихъ доводовъ Іосифа Волоколамскаго,—обсуждался также и вопросъ о нравственномъ исправленіи духовенства, составилъ по этому предмету самыя подробныя правила, которыми, прежде всего, строго воспрещались

---

1) . . . . . «Видимъ, что въ простыхъ людяхъ, особенно-же и духовныхъ «чинахъ, укоренилась злоба сатанинская безмѣрнаго хмѣльнаго упиванія, а «такое сатанинское ухищреніе многихъ людей отлучаетъ отъ Бога . . .» (Соловьевъ: Ист. Рос., т. XIII, стр. 136).

2) Примѣчаніе: Царскими грамотами предписывалось и воспрещалось «держать въ монастыряхъ хмѣльное питіе потому, что усиленіе пьянства грозитъ иноческому чину совершеннымъ разрушеніемъ». (Тамъ-же, стр. 137).

самимъ епископамъ, подъ угрозою лишенія сана, всякіе поборы за посвященіе священниковъ [1]).

Регламентируя, такимъ образомъ, дѣйствія духовенства, съ цѣлью его исправленія, и начиная эту регламентацію съ высшей церковной іерархіи, соборъ тѣмъ самымъ призналъ, что въ ней именно и таилась коренная причина нравственнаго упадка духовенства, а потому на нее-то и слѣдовало вліять извѣстными репрессивными мѣрами, для воздѣйствія на все остальное низшее развращенное духовенство, какъ бѣлое, такъ и монашествующее.

Тѣмъ не менѣе соборныя правила не принесли желаемыхъ результатовъ, и первымъ нарушителемъ оказался извѣстный борецъ противъ появившейся при Іоаннѣ III жидовствующей ереси,—новгородскій архіепископъ Геннадій, принимавшій живѣйшее участіе въ составленіи правилъ, но который, какъ говоритъ лѣтописецъ, едва только возвратился съ собора въ свою епархію, «какъ началъ брать мзду съ священ«никовъ за поставленіе еще больше прежняго . . . . . «за что великимъ княземъ и митрополитомъ сведенъ «съ каѳедры...» [2]).

Такое, далеко не легкомысленное, отношеніе архіепископа Геннадія къ своему сану и къ своимъ обязанностямъ не представляется, однако-же, единичнымъ фактомъ злоупотребленій епископами своею

---

[1]) « . . . . . Отъ сего времени впредь намъ святителямъ, мнѣ митропо«литу и намъ архіепископамъ и епископамъ, и нашимъ преемникамъ, отъ «поставленія архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, по«повъ и діаконовъ и отъ всего священническаго чина, ничего никому не «брать и поминокъ никакихъ не принимать . . . Если-же кто изъ насъ и «послѣ насъ,—митрополитъ-ли, архіепископъ или епископъ отъ сего дня «впредь нѣкоторымъ нерадѣніемъ дерзнетъ преступить настоящее уложеніе: «то да лишенъ будетъ своего сана и да извержется самъ и поставленный «отъ него, безъ всякаго отвѣта». (Макарій: Ист. Рус. Церкви, т. VI, стр. 121).

[2]) Тамъ-же стр. 121—122; Соловьевъ: т. V, стр. 236.

властью и своимъ положеніемъ, какъ во времена предшествовавшія соборнымъ правиламъ 1503 года, такъ и послѣ ихъ изданія, въ теченіи почти всего московскаго государственнаго періода, до эпохи петровскихъ преобразованій. Достаточно привести, въ предѣлахъ изслѣдуемаго вопроса, лишь нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, вмѣстѣ съ общими отзывами лѣтописцевъ и историковъ, о состояніи благочестія и христіанской нравственности какъ высшаго, такъ и низшаго духовенства, начиная съ великаго князя Іоанна III до царя Алексѣя Михайловича включительно, дабы убѣдиться не только въ дѣйствительности полнѣйшей деморализаціи московскаго духовенства, благодаря которой оно пало съ той высоты, на какую было поставлено личными достоинствами и заслугами древнихъ святителей, но и въ томъ, что даже въ теченіи послѣдующихъ двухъ столѣтій, оно нисколько не отрѣшилось отъ своихъ пороковъ, не взирая ни на соборныя правила 1503 года, ни на болѣе суровыя мѣры Іоанна Грознаго, предложенныя имъ и принятыя къ исполненію Стоглавымъ соборомъ въ 1551 году.

Еще задолго до изданія соборныхъ правилъ, мы уже сталкиваемся съ весьма крупнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о полнѣйшей утратѣ высшимъ духовенствомъ въ глазахъ народа и свѣтской власти всякаго къ себѣ уваженія. Такъ, историческое извѣстіе подъ 1488 годомъ [1]) гласитъ, что: «архимандрита чудовскаго монастыря, князя Ухтомскаго, а «съ нимъ какого-то Хохлова, били на торгу кнутомъ за составленіе подложной жалованной грамоты «Спасо-Коломенскому монастырю, отъ имени умершаго князя Андрея Вологодскаго».

1) Макарій: Ист. Русск. Церкви, т. V, стр. 241.

Не менѣе сенсаціонное обвиненіе, направленное опять противъ члена высшей церковной іерархіи, возбуждается и при такомъ глубоко-благочестивомъ и въ высшей степени снисходительномъ къ недостаткамъ духовенства государѣ, какимъ былъ царь Алексѣй Михайловичъ.

Рѣчь идетъ о коломенскомъ архіепископѣ Іосифѣ, низверженномъ соборомъ, по обвиненію, въ числѣ другихъ многочисленныхъ преступленій, между прочимъ и въ томъ, какъ сказано въ патріаршей грамотѣ, что онъ: «*звѣрскимъ весьма образомъ и стремленіемъ уловляша овцы во снѣдь своего звѣрообразнаго глощенія, сирѣчь безмѣрнаго мздоиманія и неправды. «Ему-же никоего-же оправданія въ своихъ винахъ намъ «изнесшу и отъ обличникъ своихъ во всемъ обличену и «укорену бывшу и весьма яко нѣму и безгласну стоящу*» [1]).

За исключеніемъ уже изложенныхъ и многихъ другихъ отдѣльныхъ фактовъ нарушеній высшими церковными іерархами своихъ пастырскихъ обязанностей, приведенію которыхъ мѣшаютъ рамки изслѣдуемаго вопроса, наибольшее число данныхъ, для общаго и точнаго заключенія о нравственномъ состояніи московскаго духовенства въ описываемую эпоху и объ отношеніяхъ его къ паствѣ и къ верховной власти, предоставляетъ намъ, независимо отъ позднѣйшихъ историческихъ сказаній, Стоглавъ, въ качествѣ одного изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ, въ которомъ безпристрастно описывается общее состояніе церкви и христіанскаго благочестія.

Упрекая, напримѣръ, духовенство въ томъ, что множество церквей стоятъ пустыми, Стоглавъ за-

---

¹) Соловьевъ: т. XIII, стр. 145.

мѣчаетъ, что причина такого явленія исходитъ оттуда, откуда надо было ожидать противнаго, то есть отъ духовнаго начальства: «У васъ-же убо святителіе, бояре и дьяки, и тіуны, и десятники, и «недѣльщики судятъ и управу чинятъ не прямо, и «волочатъ и продаютъ съ ябедники съ одного, и «дѣла составливаютъ съ ябедники, *и церкви Божія отъ «ихъ великихъ продажъ стоятъ пусты безъ пѣнія»* [1]).

Ссылаясь, затѣмъ, на совершенное отсутствіе благочестія даже въ тѣхъ церквахъ, гдѣ совершается богослуженіе, Стоглавъ [2]) приписываетъ это явленіе тому, что: *«попы и церковные причетники въ церкви «всегда пьяны и безъ страха стоятъ и бранятся, и «всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ, «попы-же въ церквахъ бьются и дерутся»* [3]).

Если-же ко всѣмъ этимъ порокамъ современнаго духовенства, которые оно само обнаруживаетъ на Стоглавомъ соборѣ, присоединить еще смѣлое и сильное обличеніе его раскольниками-стригольниками въ невѣжествѣ и въ порочной жизни, во имя которыхъ они протестовали даже противъ прежняго значенія и достоинства духовенства, а также припомнить враждебныя къ нему отношенія самого великаго князя Іоанна Грознаго, въ эпоху кровавой борьбы и насилій, когда, обвиняя пастырей церкви *въ потаковничествѣ* врагамъ правительства, онъ подвергалъ ихъ жестокимъ и позорнымъ казнямъ,—то получится полная и безотрадная картина состоянія тогдашняго духовенства, утратившаго всякій нравственный авторитетъ.

---

[1]) Стоглавъ: гл. 5, вопр. 7; гл. 68 и 69.

[2]) Тамъ-же: гл. 5, вопр. 15, 22.

[3]) «Тое же зимы биша поповъ Новгородскихъ на торгу кнутьемъ. Присла «бо ихъ изъ Новагорода къ Великому князю Владыка Генадій, что пьяни по«ругалися святымъ иконамъ; и посла ихъ опять ко Владыцѣ».—А. И., т. I, № 285.

Возстановить этотъ авторитетъ не въ силахъ уже были ни новые подвижники XV и XVI столѣтій, отличавшіеся высокимъ благочестіемъ и благодѣтельнымъ вліяніемъ на всю отечественную церковь [1]), ни мученичество московскаго митрополита Филиппа, послѣдняго истиннаго печальника земли русской, который палъ жертвою за святое право протеста противъ насилія власти, ни, наконецъ, патріархъ Никонъ, единственная надежда духовенства на возстановленіе своей нравственной силы, исчезнувшая съ его паденіемъ.....

Равнымъ образомъ историческія событія смутнаго времени, а также эпохи воцаренія Дома Романовыхъ, которыя рисуютъ предъ нами въ лицѣ патріарховъ Гермогена и Филарета первосвятителей съ новымъ высшимъ государственнымъ значеніемъ, подорваннымъ Іоанномъ Грознымъ, являются, тѣмъ не менѣе, фактами, которые не произвели и не могли произвести никакой существенной перемѣны въ общемъ положеніи духовенства.

Понятно, что при такомъ состояніи духовенства, въ періодѣ народнаго поворота на новый историческій путь, когда этому духовенству наносились удары съ разныхъ сторонъ, и когда отношенія его къ свѣтской власти должны были измѣниться, подъ вліяніемъ церковныхъ реформъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ новаго государственнаго порядка вещей,— не могло быть и рѣчи, даже со стороны наиболѣе достойнѣйшихъ іерарховъ, о какомъ-либо прямомъ обличеніи правительственной власти въ жестокости и насиліи, или-же о смѣломъ, съ надеждою на не-

---

[1]) Примѣчаніе: Такими подвижниками строгой аскетической жизни были въ то время: преподобный Іосифъ волоколамскій, Нилъ Сорскій, Даніилъ переяславскій и другіе.

премѣнный успѣхъ, печалованіи за невинно и жестоко наказуемыхъ, хотя неправосудіе и жестокость проявлялись съ еще большею силою, нежели прежде, какъ въ административной, такъ и въ судебной дѣятельности московскаго правительства.

И потому, если благочестіе и принципіальное уваженіе московскихъ великихъ князей и царей къ церковнымъ властямъ, съ которыми они любили вести душеспасительныя бесѣды, и вызывали иногда въ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ государямъ іерархахъ рѣшимость обращаться къ нимъ съ поученіями, то поученія эти были частью наставительнаго характера и касались общихъ вопросовъ: о христіанской нравственности, о частныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ, или-же утѣшительныя, въ минуты царской семейной скорби...... Всякая-же попытка на политическую тенденціозность или на критическое отношеніе въ поученіяхъ къ дѣйствіямъ и поступкамъ даннаго правительства моментально обращала поученія въ обвинительные акты, по которымъ виновная духовная особа предавалась суду собора и наказывалась.....

И въ самомъ дѣлѣ, великій князь Іоаннъ III охотно внималъ поученіямъ и наставленіямъ какъ своего духовника, ростовскаго епископа Вассіана, такъ и московскаго митрополита Геронтія, даже и тогда, когда они открыто ставили ему въ вину малодушіе въ борьбѣ съ Ахматомъ, но достаточно было тому-же Геронтію явиться ослушникомъ царской воли въ дѣлѣ о Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, или-же позволить себѣ оппонировать великому князю по разнымъ церковнымъ дѣламъ и вопросамъ, чтобы быть отданнымъ подъ судъ собора и лишиться его расположенія навсегда.

Преемникъ Іоаннна III, великій князь Василій Іо-

анновичъ, питалъ такое-же высокое уваженіе къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Вассіану и къ его другу и союзнику противъ монастырскаго любостяжанія Максиму-греку, скромному, научно образованному иноку аѳонскаго монастыря, оказавшему незабвенныя услуги русскому просвѣщенію [1]), однако-же, вслѣдствіе одного только оговора этихъ двухъ лицъ въ политической неблагонадежности [2]), они не только лишились прежней благосклонности и расположенія къ себѣ государя, но и были обвинены соборомъ въ церковныхъ преступленіяхъ, при чемъ Максиму было поставлено въ вину, что онъ, будто-

---

[1]) Макарій: Ист. Русск. Церкви, т. VII, стр. 253.

[2]) Примѣчаніе. Хотя по нѣкоторымъ историческимъ извѣстіямъ, а въ особенности по свидѣтельству князя Курбскаго, принятому и нашимъ почтеннымъ историкомъ Соловьевымъ, опала и наказаніе Максима-грека и Вассіана вызваны ихъ протестомъ противъ развода великаго князя Василія съ его первою супругою Соломоніею, но мы вполнѣ раздѣляемъ сомнѣніе и замѣчаніе, высказанныя по этому поводу митрополитомъ Макаріемъ въ его «Исторіи Русской Церкви» (Т. VI, стр. 178—181). Макарій говоритъ, что если-бы дѣйствительною причиною опалы великаго князя Василія на Максима-грека и на Вассіана былъ ихъ протестъ противъ его развода, то Вассіанъ не получилъ-бы на свое имя въ 1526 году, т. е. вскорѣ послѣ состоявшагося развода и втораго брака великаго князя съ Глинскою, столь важной грамоты для Ниловой-Сорской пустыни, сохранившейся въ подлинникѣ, которою названной обители, управляемой Вассіаномъ, предоставлялось исключительное право неподсудности власти епархіальнаго архіерея. Отсюда слѣдуетъ, продолжаетъ Макарій, что старецъ Вассіанъ не только не былъ удаленъ или сосланъ, но продолжалъ оставаться въ силѣ у государя, и что въ такой-же степени оказывается недопустимою жестокая месть великаго князя и къ Максиму-греку за одинъ только протестъ противъ его развода; эти обстоятельства наводятъ на предположеніе о существованіи другихъ причинъ. Обобщая-же всѣ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Максима при Василіѣ Іоанновичѣ и принимая въ соображеніе массу враговъ среди приближенныхъ къ государю лицъ, ненавидѣвшихъ его за особенное расположеніе къ нему великаго князя, а также неосторожность Максима въ своихъ дѣйствіяхъ, который, защищая опальныхъ бояръ и бесѣдуя съ ними наединѣ, выслушивалъ отъ нихъ всякаго рода нареканія на государя и, кромѣ того, имѣлъ сношенія съ турецкимъ посломъ, находившимся въ то время въ Москвѣ, слѣдуетъ заключить, что онъ поплатился за эти, именно, дѣйствія, которыя давали возможность врагамъ оговорить его предъ великимъ княземъ въ политической неблагонадежности.

бы, умышленно допустилъ при переводѣ богослужебныхъ книгъ неудачныя выраженія, и за это онъ былъ осужденъ и заточенъ въ волоколамскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Вассіаномъ.

Іоаннъ Грозный самъ просилъ у святителей поученій, убѣждая и даже требуя на Стоглавомъ соборѣ, чтобы они не молчали, но энергически возражали ему, безъ всякаго страха противъ его мнѣнія и проступка, если они будутъ несогласны съ божественными правилами, «да жива будетъ душа его, да непороченъ будетъ православный христіанскій законъ......» [1]). Затѣмъ, во время казанскаго похода, когда допущенные самимъ царемъ безпорядки въ войскѣ привели къ грабежамъ, пьянству и разврату, и митрополитъ Макарій счелъ обязанностью обратиться къ государю съ обличительнымъ посланіемъ, совѣтуя соблюсти четыре евангельскія заповѣди: храбрость, мудрость, правду и цѣломудріе, то Іоаннъ не только принялъ посланіе Макарія, но даже благодарилъ его, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма къ митрополиту: «*писалъ еси, господине, къ намъ на-*«*уча насъ престать отъ грѣха и утверждая по благо-*«*честію побороти, и мы, господине, на твою грамоту* «*челомъ бъемъ на просвѣщенныхъ твоихъ словесехъ*». Между тѣмъ, такое, въ дѣйствительности только ипокритическое, христіанское смиреніе Іоанна не помѣшало ему однако-же, впослѣдствіи, при чрезмѣрномъ сознаніи политическаго значенія своей царской власти, дать энергическій отпоръ всякому вмѣшательству духовенства въ дѣла свѣтской власти и запретить печаловаться за лицъ преслѣдуемыхъ и опальныхъ, а московскаго митрополита Филиппа низло-

[1]) Соловьевъ: т. V, стр. 407—408.

жить за его смѣлое и открытое обличеніе въ жестокости и насиліяхъ и за требованіе уничтожить опричнину, не говоря уже о другомъ не менѣе возмутительномъ поступкѣ, когда онъ, при разгромѣ Новгорода въ 1569 году, рѣшился поставить публично на правежъ болѣе 500 игуменовъ и монаховъ, приказавъ бить ихъ палками до смерти, а трупы развозить по монастырямъ для погребенія.....[1]).

Наконецъ, съ какою сыновнею покорностью и благоговѣніемъ относился юный царь Алексѣй къ своему *«собинному другу»*, патріарху Никону, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ взаимная переписка [2]), и съ какимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ выносилъ онъ всѣ унизительные для царскаго достоинства поступки этого человѣка, который не умѣлъ сдерживать своей необузданной гордости и властолюбія, требуя отъ царя безпрекословнаго себѣ послушанія во всемъ. Но лишь только Алексѣй Михайловичъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, сдѣлался болѣе чувствительнымъ къ прерогативамъ своей власти и ко всякому ея умаленію или оскорбленію, а патріархъ Никонъ при властолюбивомъ стремленіи возбудилъ вопросъ о двоевластіи, оправдывая самовольно присвоенный себѣ титулъ «великаго государя» метафизическою теоріею «о двухъ свѣтилахъ и двухъ мечахъ», какъ тотчасъ-же былъ осужденъ приговоромъ большаго московскаго собора въ 1667 году и удаленъ отъ каѳедры.

Ясно, что новыя политическія условія указывали духовенству на болѣе опредѣленное мѣсто и на бо-

---

[1]) Соловьевъ: т. VI, стр. 201—206.

[2]) Примѣчаніе: Въ письмахъ къ Никону царь величаетъ его: «великимъ солнцемъ сіяющимъ», «избраннымъ крѣпкостоятельнымъ пастыремъ», «наставникомъ душъ и тѣлесъ», «возлюбленнымъ своимъ и содружебникомъ» и т. п.

лѣе соотвѣтствующую ему роль въ общей государственной дѣятельности, ограниченную исключительно вопросами и предметами чисто духовными. Да и сама церковь, въ свою очередь, не могла не сознавать, что настало время, когда ей надлежало покинуть навсегда чуждую по призванію и задачамъ политическую арену, на которой она уже исполнила свою миссію, такъ какъ государство и государственная власть, въ пользу которыхъ она постоянно возвышала свой голосъ для блага отечества, уже не только сложились, но и достаточно окрѣпли. Оставалось, слѣдовательно, замкнуться въ своей внутренней жизни, сосредоточить все вниманіе и дѣятельность, въ виду нравственнаго упадка современнаго духовенства и народившагося раскола, частью на вопросахъ догматики и церковно-обрядовыхъ, разрѣшеніе которыхъ предоставлялось церковной власти на правахъ автономическаго учрежденія, частью-же на вопросахъ о болѣе правильной внутренней сословной организаціи, а также на необходимой реформѣ церковнаго суда и администраціи, подчиненныхъ государственной власти, подобно остальнымъ органамъ управленія, согласно требованіямъ новаго государственнаго строя.

Всѣми этими политическими условіями, въ какія была поставлена церковь въ московскую государственную эпоху, и объясняется, въ свою очередь, та необыкновенная осмотрительность, какая начинаетъ проглядывать въ дѣятельности высшаго духовенства, и при томъ не только по вопросамъ и дѣламъ политическимъ, въ обсужденіи которыхъ оно участвуетъ по спеціальному лишь приглашенію верховной власти, или-же благодаря личнымъ добрымъ отношеніямъ представителей церкви къ государю, но даже и въ дѣлахъ прямаго служенія Св. Церкви, духовнаго уча-

стія ея іерарховъ въ дѣлахъ гражданскихъ, а также въ дѣйствіяхъ по осуществленію своего вѣковаго права печаловаться за слабыхъ и падшихъ.

Осторожность, съ какою первосвятители московскаго государственнаго періода, не забывая предѣловъ строго уже намѣченной имъ компетенціи, начинаютъ отнынѣ относиться къ разнообразнымъ государственнымъ вопросамъ, къ разрѣшенію которыхъ приглашались,—станетъ еще болѣе явною, если прислушаться къ постояннымъ и уклончивымъ ихъ отвѣтамъ, какіе они даютъ какъ въ Царской Думѣ, такъ и на земскихъ соборахъ, хотя-бы по вопросамъ о войнѣ: «*На то дѣло ратное твоего царскаго величе*-«*ства и твоихъ государевыхъ бояръ и думныхъ людей, а* «*намъ, государь, то не за обычай, наше дѣло Бога мо*-«*лить*.....» [1]), или-же припомнить дипломатическій отвѣтъ любимца Грознаго, московскаго митрополита Макарія, на просьбу литовскихъ пословъ о ходатайствѣ предъ Іоанномъ къ поддержанію вѣчнаго мира съ ихъ королемъ, когда Макарій, не отказывая литовскимъ панамъ въ своемъ посредничествѣ и заручившись согласіемъ царя, сообщаетъ имъ объ этомъ, но оговариваетъ при этомъ: «*мы люди церковные и* «*намъ до тѣхъ дѣлъ дѣла нѣтъ, но мы били челомъ* «*государю и онъ нашего челобитья не презрѣлъ*.....» [2]).

Простое сравненіе этихъ отвѣтовъ съ тѣми, какіе обыкновенно давались духовными властями прежде и по тѣмъ-же вопросамъ, когда епископы по собственной инициативѣ и въ силу высокаго положенія, вліяя на общественныя дѣла древней Руси, были единственными блюстителями и вершителями вопро-

---

1) Соловьевъ: т. IX, стр. 262.
2) Макарій: Исторія Русской Церкви, т. VI, стр. 216—217.

совъ о войнѣ и мирѣ въ русской землѣ,—выяснитъ предъ нами, съ полною очевидностью, всю разницу въ пріемахъ и въ характерѣ соціально-политической дѣятельности нашего высшаго духовенства въ московскую эпоху.

Наиболѣе смѣлыми и активными оказывались наши святители только при обсужденіи государственныхъ вопросовъ, касавшихся церковныхъ дѣлъ, или извѣстныхъ перемѣнъ въ составѣ церковной іерархіи, или-же, наконецъ, когда въ Царской Думѣ и на земскихъ соборахъ возбуждались и обсуждались вопросы объ отношеніяхъ религіозно-нравственной жизни народа. Одинаково энергичными мы застаемъ ихъ и въ дѣлахъ государственнаго управленія, въ тѣхъ, однако-же, рѣдкихъ случаяхъ, когда участіе въ такомъ управленіи поручалось имъ особымъ повелѣніемъ царствующаго государя или-же волею самого народа, какъ это было въ смутное время.

Такъ, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, отправляясь въ 1552 году въ походъ противъ крымцевъ, вторгнувшихся въ Россію, предоставляетъ московскому митрополиту Макарію, на время своего отсутствія, не только попеченіе о столицѣ и семьѣ, но возлагаетъ на него одновременно обязанность и по управленію государствомъ, говоря: «*ты, отецъ мой,* «*позаботься, сколько Богъ тебѣ дастъ, во всемъ соблю-* «*сти мое царство, а брата нашего и бояръ, здѣсь* «*остающихся, во всемъ наставляй......*» [1]).

Подобное-же специальное полномочіе на участіе въ дѣлахъ, но только мѣстнаго гражданскаго управленія, дается Грознымъ и вновь посвященному казанскому архіепископу Гурію, которому, въ 1555 г.,

---

[1]) Макарій: т. VI, стр. 215

помимо чисто религіозной миссіи, относительно крещенія казанскихъ татаръ, поручается также особенною высочайшею инструкціею, чтобы онъ, владыка, о какихъ «*думныхъ дѣлахъ*» будутъ совѣтоваться другъ съ другомъ казанскіе намѣстники и воеводы, обязательно участвовалъ въ ихъ совѣщаніяхъ и «*мысль своя во всякія дѣла имъ давати, опричь одних*ъ «*убивственныхъ дѣлъ*» [1]).

Мы уже замѣтили, что строгая осмотрительность и осторожность обнаруживаются также и въ дѣйствіяхъ святителей при осуществленіи своего обычнаго права печалованія за несчастныхъ, ради того, только, чтобы избѣгнуть опасныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безполезныхъ для печалованія столкновеній съ свѣтскою властью.

Не взирая на весьма серьезныя препятствія и даже прямое запрещеніе всякаго печалованія со стороны царя Іоанна Грознаго, по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, духовенство, дорожа, однакоже, своимъ упомянутымъ правомъ, какъ священнымъ завѣтомъ старины, продолжаетъ имъ пользоваться въ теченіи всего московскаго государственнаго періода, хотя уже въ нѣсколько иной формѣ и не столь часто, какъ прежде. Такая осторожность, независимо отъ препятствій и враждебнаго отношенія къ данному обычаю московскихъ государей, подсказывалась представителямъ высшей духовной власти и вполнѣ основательнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что отнынѣ всякое ихъ представленіе и ходатайство предъ свѣтскою властью, зависило единственно отъ милостиваго расположенія къ нимъ государя, а не отъ прежняго величія и обаянія архипастырскаго

---

[1]) Ключевскій: Боярская Дума, стр. 521—522.

сана, исчезнувшихъ въ глазахъ народа и князей, сохранившихъ благоговѣйное уваженіе лишь къ иноческому чину, которому, по тогдашнимъ понятіямъ, одному только и былъ доступенъ путь къ вѣчному спасенію, вслѣдствіе чего князья и цари спѣшили пріобщиться къ нему предъ своею смертью.

А между тѣмъ и царское расположеніе, которымъ обусловливался успѣхъ всякаго печалованія, было крайне неустойчиво, въ особенности при Грозномъ, у котораго всякое расположеніе исчезало моментально и замѣнялось опалою и наказаніемъ печальника въ случаѣ его заступничества въ дѣлѣ, въ которомъ замѣшаны интересы или-же задѣто до болѣзненности раздраженное самолюбіе царя.

Такимъ образомъ, вполнѣ естественно, что въ судьбѣ печалованія іерарховъ московскаго государственнаго періода постепенно должны были произойти существенныя перемѣны, которыя въ дѣйствительности и выразились, во первыхъ, въ пріемахъ печалованія, отличавшихся уже строгою осмотрительностью, дабы не пробудить въ душѣ подозрительныхъ и чуткихъ къ прерогативамъ своей власти московскихъ государей какого-либо подозрѣнія о томъ, что въ данномъ печалованіи заключается протестъ противъ ихъ несправедливыхъ и жестокихъ дѣйствій и поступковъ, а во вторыхъ въ томъ, что и самое право печаловаться становится достояніемъ немногихъ и при томъ однихъ только излюбленныхъ государями святителей. Но даже и при такихъ условіяхъ малѣйшее злоупотребленіе царскимъ довѣріемъ, или-же допущенная неосмотрительность во время печалованія, хотя-бы такая неосмотрительность печальника являлась слѣдствіемъ его увлеченія своимъ альтруистическимъ чувствомъ, или-же чувствомъ негодованія на явную несправедливость и жестокость

поступка государя, съ обиженнымъ,—постоянно влекли за собою не только отказъ въ ходатайствѣ, но и опалу печалующагося архипастыря съ лишеніемъ его навсегда прежняго царскаго благоволенія.

Нижеслѣдующіе историческіе факты подтверждаютъ правильность нашего указанія на неосмотрительность, какъ на главнѣйшую причину постоянно неудачныхъ и роковыхъ по своимъ послѣдствіямъ печалованій святителей въ московскую эпоху, и, напротивъ, доказываютъ успѣшность всякаго ходатайства, возбуждаемаго болѣе тактичными и осторожными іерархами, не забывавшими, прежде всего, въ тѣхъ, предъ которыми они печаловались, московскихъ государей, и умѣвшими, въ то же время, согласовать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, интересы своего древняго обычая съ личными и политическими интересами современныхъ представителей верховной власти.

Такъ, напримѣръ, избранный и рукоположенный, по приказанію самого великаго князя Іоанна III, новгородскій архіепископъ Ѳеофилъ вздумалъ печаловаться предъ Іоанномъ за мятежныхъ новгородцевъ послѣ того, какъ они, закрѣпивъ свою покорность договоромъ, заключеннымъ въ 1471 году, снова потомъ нарушили его, намѣреваясь присоединиться къ Литвѣ. Іоаннъ не только не внялъ ходатайству своего прежняго избранника, но, когда обнаружилось сочувствіе упомянутой политической интригѣ самого Ѳеофила, приказалъ схватить его и выслать подъ стражею въ Москву, гдѣ онъ, безъ суда, былъ заключенъ въ Чудовомъ монастырѣ и оставался тамъ до самой своей кончины, а все его имущество было конфисковано въ казну [1]).

---

[1]) Макарій: т. VI, стр. 76.

Второю жертвою, но единственно только личной неосторожности, является любимецъ великаго князя Василія Іоанновича, извѣстный Максимъ-грекъ, постоянный печальникъ предъ великимъ княземъ за опальныхъ бояръ, и печалованія котораго не знали отказа у великаго князя. Однако-же, впослѣдствіи, онъ былъ оговоренъ въ политической неблагонадежности, выразившейся въ томъ, что, принимая у себя наединѣ опальныхъ бояръ, за которыхъ печаловался, онъ бесѣдовалъ съ ними и одобрялъ будтобы ихъ рѣзкія и оскорбительныя рѣчи о государѣ, его матери Софьѣ [1]) и о митрополитѣ. Подобнаго оговора было вполнѣ достаточно, чтобы, независимо отъ лишенія Максима-грека царскаго расположенія, заключить его въ монастырь, по вымышленному обвиненію собора въ извращеніи церковныхъ книгъ при ихъ переводѣ.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго жестоко пострадалъ и даже поплатился жизнью московскій митрополитъ Филиппъ Колычевъ за печалованіе, вопреки запрещеніямъ царя, и за смѣлое обличеніе сего послѣдняго въ насиліяхъ и въ неправдѣ, во имя одного только идейнаго увлеченія святостью обычая и аскетическаго воззрѣнія на все мірское.

Наконецъ, не избѣгли царской опалы и наказаній московскій митрополитъ Діонисій съ Крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ за неосторожное печалованіе предъ царемъ Θеодоромъ Іоанновичемъ о невинно-казнимыхъ по проискамъ Бориса Годунова,

---

1) Примѣчаніе: Изъ сохранившагося отрывка о двухъ засѣданіяхъ суда по дѣлу объ опальныхъ боярахъ Иванѣ Беклемишевѣ-Берсенѣ и Θедорѣ Жареномъ, видно, что тайно посѣщавшими Максима опальными боярами были: Иванъ Берсень, князь Иванъ Токмакъ, Василій Тучковъ, Иванъ Даниловъ, Сабуровъ, князь Андрей Холмскій и Юшко Тютинъ. (Макарій, т. VI, стр. 182).

благодаря интригамъ котораго, говоритъ лѣтописецъ, *невинно лилась кровь народа на пыткахъ, на плахѣ, лилась кровь въ усобицѣ боярской.* Но Годуновъ оболгалъ царю печальниковъ, и Діонисій, вмѣстѣ съ Варлаамомъ, были свергнуты и заключены въ новгородскіе монастыри.

Діаметрально противоположныхъ результатовъ достигало печалованіе другихъ митрополитовъ, современниковъ тѣхъ-же московскихъ великихъ князей Іоанна III, Василія Іоанновича, Іоанна Грознаго и т. д., имена которыхъ сохранила намъ исторія, какъ знатоковъ сердца и личныхъ качествъ царствующихъ государей, а главное, какъ лицъ, предварительно изучавшихъ ихъ политическіе взгляды и вожделѣнія, съ которыми абсолютно надлежало сообразоваться для успѣшнаго проведенія всякаго ходатайства.

Изъ числа такихъ имено первосвятителей, слѣдуя хронологическому порядку, мы должны назвать бывшаго при великомъ князѣ Іоаннѣ III московскаго митрополита Филиппа І-го, который во время той-же новгородской смуты, желая подобно новгородскому владыкѣ Ѳеофилу возбудить печалованіе предъ Іоанномъ за новгородскихъ бояръ, участвовавшихъ въ измѣнѣ и находившихся подъ угрозою жестокихъ казней, призналъ, однако-же, необходимымъ предварительно обратиться къ мятежникамъ съ увѣщательными грамотами, убѣждая ихъ добровольно покориться власти московскаго государя, какъ своего «*отчича и дѣдича*»,—увѣщаніями, соотвѣтствовавшими одновременно и желаніямъ самого великаго князя, который по всегдашней своей политикѣ предпочиталъ добровольное присоединеніе удѣловъ къ великому княжеству московскому всякому насилію. Когда-же увѣщанія митрополита не повліяли на

мятежниковъ, а между тѣмъ нравственное воздѣйствіе къ ихъ усмиренію было со стороны митрополита оказано,—обстоятельство, которое уже лишало будущее его печалованіе опаснаго, при подозрительности Іоанна, характера неумѣстнаго заступничества за политическихъ преступниковъ, то Филиппъ считалъ уже себя въ правѣ, лишь только Іоаннъ выступилъ въ походъ, для усмиренія новгородцевъ силою, отправить къ нему ходатайство объ ихъ помилованіи, напоминая великому князю слова Господни: «*будите милосерди, якоже Отецъ вашъ небесный мило-*«*сердъ есть... блажени милостивіи, яко тіи помиловани* «*будутъ*» [1]).

Столь осторожно и благоразумно обставленное печалованіе Филиппа, не взирая на сильное озлобленіе Іоанна противъ новгородцевъ, встрѣтило, однако-же, сочувствіе великаго князя, который простилъ виновныхъ.

Въ такой-же степени тактичнымъ, а также знатокомъ характера и политическихъ стремленій тогоже Іоанна III былъ и преемникъ митрополита Филиппа I-го московскій митрополитъ Геронтій.

Нисколько не поступаясь своею самостоятельностью въ дѣлахъ церковныхъ и не смотря на вышеупомянутыя неоднократныя столкновенія его по этого рода дѣламъ съ великимъ княземъ,—Геронтій, тѣмъ не менѣе, усердно дѣйствовалъ въ пользу верховной власти, содѣйствуя Іоанну не только въ покореніи Новгорода, но и отправляя свои вразумительныя посланія о повиновеніи великому князю непокорнымъ Вятичамъ. Понимая, что всѣ интересы современнаго московскаго правительства были со-

---

1) Макарій: т. VI, стр. 61—62.

средоточены на борьбѣ за политическое преобладаніе, которому въ значительной степени мѣшало древнее дружинное право отъѣзда бояръ, постоянно формулируемое въ договорахъ съ князьями обычнымъ условіемъ: «*А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ между насъ вольнымъ воля*», а также вполнѣ сознавая невозможность совершеннаго уничтоженія означеннаго права по преждевременности, тогда какъ извѣстное его ограниченіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и по отношенію къ каждому изъ такихъ бояръ въ отдѣльности всетаки устранитъ невыгодныя стороны этого права въ общегосударственныхъ интересахъ,—Геронтій идетъ на помощь Іоанну, который съ этою цѣлью уже приказалъ заключить подъ стражу одного изъ самыхъ знаменитыхъ бояръ-князей Данила Дмитріевича Холмскаго по голословному обвиненію этого боярина въ какомъ-то неизвѣстномъ исторіи преступленіи [1]).

Въ чемъ-же заключалась дѣйствительная помощь, оказанная Геронтіемъ Іоанну? Она состояла въ томъ, что возбужденнымъ со стороны митрополита печалованіемъ за князя Данила Холмскаго о его помилованіи, Іоаннъ достигалъ одновременно двоякой цѣли, а именно: съ одной стороны освобождался отъ упрека совѣсти въ вымышленномъ обвиненіи и въ незаслуженномъ наказаніи князя Холмскаго, а съ другой, посредствомъ великодушнаго прощенія,

1) Соловьевъ: т. V, стр. 195.

Примѣчаніе: Въ тѣхъ случаяхъ, когда какое нибудь дѣйствующее право оказывалось невыгоднымъ для московскаго правительства, то для его уничтоженія оно готово было прибѣгнуть ко всякой неправдѣ и даже къ насилію и вообще, какъ замѣчаетъ профессоръ Сергѣевичъ, приносило въ жертву такой политикѣ не только право, но и животворящій крестъ. (Профессоръ В. И. Сергѣевичъ: Лекціи по исторіи русскаго права, 1886—1887 гг., стр. 258 и 256).

пріобрѣталъ возможность получить съ него желанный выкупъ въ видѣ самоограниченія въ правѣ отъѣзда. Въ такомъ именно условномъ смыслѣ и послѣдовало прощеніе Холмскаго по печалованію митрополита Геронтія, при чемъ съ помилованнаго была взята крестоцѣловальная запись, которою онъ обязывался предъ великимъ княземъ и его дѣтьми служить имъ до самой своей смерти и не отъѣхать ни къ кому другому, подчиняясь, въ случаѣ нарушенія, какъ сказано въ записи, не только лишенію себя милости Божіей, Пречистой Его Матери и т. д., но и казни [1]).

Такимъ образомъ, благодаря содѣйствію Геронтія, Іоанну III удалось нанести первый ударъ ненавистному вѣковому и обветшалому праву отъѣзда бояръ,—ударъ, за которымъ въ княженіе сына Іоанна, Василія, слѣдовалъ рядъ другихъ съ отобраніемъ отъ князей: Василія Шуйскаго, Дмитрія и Ивана Бѣльскихъ и князя Воротынскаго такого-же содержанія крестоцѣловальныхъ записей, какая была взята съ князя Холмскаго. Грозный поступилъ съ упомянутымъ правомъ радикальнѣе,—онъ предпочелъ абсолютное его уничтоженіе всякимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ только къ удержанію бояръ отъ пользованія имъ силою отдѣльныхъ записей [2]).

---

1) Примѣчаніе I: Крестоцѣловальная запись князя Данила Холмскаго помѣщена нами текстуально въ приложеніи къ особенной части настоящаго труда въ видѣ образца, такъ какъ содержаніе ея дословно повторяется, за исключеніемъ именъ, во всѣхъ остальныхъ крестоцѣловальныхъ записяхъ, какія отбирались отъ бояръ-князей въ послѣдующія царствованія для лишенія ихъ права отъѣзда.

2) Примѣчаніе II: О совершенномъ уничтоженіи права боярскаго отъѣзда упоминается въ цѣловальной записи, которую Старицкій удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ прислалъ въ 1553 году Іоанну Грозному и сыну его Дмитрію, и въ которой клялся: «князей служебныхъ съ вотчинами и бояръ «вашихъ (т. е. московскихъ государей) мнѣ не принимать, также и всякихъ «вотчинъ служебныхъ людей безъ вашего приказанія не принимать никого». (Соловьевъ, т. VI, стр. 162—163).

Тѣхъ-же осторожныхъ пріемовъ, какіе усвоены были себѣ, при печалованіяхъ, митрополитомъ Геронтіемъ, придерживался и замѣститель митрополита Зосимы, московскій митрополитъ Симонъ, вслѣдствіе чего онъ снискалъ особенное довѣріе и уваженіе великаго князя, которыя и сохранилъ до самой своей кончины.

Слѣдующій фактъ изъ дѣятельности этого въ высшей степени скромнаго, по отзывамъ современниковъ, святителя, обнаруживаетъ въ немъ присутствіе не только ума и такта, но и политической прозорливости.

Въ 1490 году, онъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ борьбы двухъ придворныхъ партій по вопросу: кого теперь объявитъ государь своимъ наслѣдникомъ, внука-ли Дмитрія, или-же сына отъ втораго брака съ Софьей Палеологъ, Василія, при чемъ во главѣ первой, интриговавшей противъ Софьи, и на которую Іоаннъ впослѣдствіи жестоко опалился, стояли знатнѣйшіе князья Патрикѣевы и Ряполовскіе, которыхъ великій князь, наравнѣ съ остальными боярами-соумышленниками, приказалъ казнить. Казалось, что при такихъ условіяхъ всякое печалованіе за кого-либо изъ опальныхъ являлось дѣломъ въ высшей степени рискованнымъ и даже невозможнымъ, а между тѣмъ всегда осмотрительный митрополитъ Симонъ выступаетъ въ этомъ дѣлѣ энергичнымъ печальникомъ, и за кого-же?—за князей Патрикѣевыхъ, явныхъ и непримиримыхъ враговъ царицы Софьи, имѣвшей громадное вліяніе на Іоанна. Но въ дѣйствительности, какъ оказалось впослѣдствіи, поступокъ митрополита былъ вовсе не безразсуднымъ, такъ какъ печалованіе его за Патрикѣевыхъ было вызвано желаніемъ самого великаго князя. Не говоря уже о кровномъ родствѣ съ князьями Патрикѣевыми,

Іоаннъ не могъ забыть, что въ порывѣ своего страшнаго негодованія за интригу противъ царицы Софьи, произнося смертный приговоръ надъ всѣми безъ исключенія участниками, онъ совершилъ политическую безтактность по отношенію къ старому князю Ивану Патрикѣеву, упустивъ изъ виду извѣстныя народу и весьма важныя государственныя его заслуги. Исправленіе же такой ошибки исключеніемъ Ивана Патрикѣева изъ списка осужденныхъ на смертную казнь могло, несомнѣнно, повлечь за собою новую опасность, а именно вполнѣ справедливое негодованіе со стороны остальныхъ бояръ и родственниковъ казненныхъ на несправедливость и на пристрастіе къ Патрикѣевымъ по родству. Инаго выхода изъ такого затруднительнаго положенія Іоанну, очевидно, не предстояло, какъ вмѣшательство и заступничество за Патрикѣевыхъ другой какой нибудь политической силы, съ которою московскіе государи, живя по старинѣ, все еще обязаны были считаться, а такою именно силою являлась Церковная власть, которая и предстала предъ государемъ въ качествѣ нравственно-умиротворяющаго начала въ лицѣ московскаго митрополита Симона, архіепископа Ростовскаго, и другихъ іерарховъ съ ревностнымъ печалованіемъ за Патрикѣевыхъ, и великій князь внялъ печалованію святителей, но не простилъ ихъ однако-же совершенно, а замѣнилъ князю Ивану Патрикѣеву съ старшимъ сыномъ смертную казнь обязательнымъ постриженіемъ въ монахи, для удовлетворенія также и оскорбленной поступками Патрикѣевыхъ царицы Софьи.

Продолжая перечень митрополитовъ-печальниковъ послѣдующихъ царствованій, мы должны перейти непосредственно къ эпохѣ Іоанна Грознаго, минуя княженіе отца его Василія Іоанновича, крайне скуд-

ное фактами печалованія, ибо, за исключеніемъ Максима-грека, московскіе митрополиты того времени Варлаамъ и Даніилъ вовсе не печаловались, такъ какъ Варлаамъ не пользовался расположеніемъ великаго князя, относительно-же дѣятельности Даніила мы имѣемъ весьма достовѣрный отзывъ современника, опальнаго боярина Берсень-Беклемишева, который замѣчаетъ, что: «*учительнаго слова великому «князю* отъ него (Даніила) не слышно и не печа«луется ни о комъ, а прежніе святители сидѣли на «своихъ мѣстахъ въ мантіяхъ и печаловались госу«дарю о всѣхъ людяхъ» [1]).

При Іоаннѣ-же Грозномъ и во времена олигархическаго правленія государствомъ, однимъ изъ дѣятельныхъ печальниковъ за невинно страждущихъ отъ произвола олигарховъ былъ московскій митрополитъ Іосафъ, избранный по желанію князя Ивана Шуйскаго, стоявшаго во главѣ упомянутаго временнаго правленія и посему надѣявшагося пріобрѣсти себѣ въ новомъ митрополитѣ вѣрнаго союзника и твердую опору. Шуйскій, однако-же, жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ, такъ какъ первымъ дѣйствіемъ Іосафа, по занятіи митрополичьяго престола, было ходатайство съ нѣкоторыми боярами предъ юнымъ Іоанномъ объ освобожденіи заключеннаго Шуйскими въ темницу боярина князя Бѣльскаго, который затѣмъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Іосафомъ, замѣстилъ Шуйскихъ въ правленіи государствомъ.

Благодаря печалованіямъ того-же Іосафа, равнымъ образомъ, дарована свобода и семейству Старицкаго удѣльнаго князя Андрея Ивановича, женѣ его Евфросиніи и сыну Владиміру, которому вскорѣ былъ

---

1) П. Знаменскій: «Руководство къ русской церковной исторіи», К., 1888 г., стр. 106.

возвращенъ и отцовскій удѣлъ, а кромѣ того облегчена участь другаго удѣльнаго князя Дмитрія Андреевича Углицкаго снятіемъ съ него только оковъ, въ которыхъ онъ просидѣлъ въ заточеніи 50 лѣтъ.

Но месть Шуйскихъ, снова завладѣвшихъ правленіемъ, присѣкла дальнѣйшую дѣятельность митрополита Іосафа: онъ былъ свергнутъ и заточенъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, а на его мѣсто избранъ новгородскій архіепископъ Макарій.

Обращаясь къ обзору печалованій и къ характеристикѣ самого митрополита Макарія, слѣдуетъ замѣтить, что, если большинство нашихъ первосвятителей XVI столѣтія отличались особенными качествами души и ума, благодаря которымъ пользовались популярностью въ народѣ, то за Макаріемъ обязательно должно быть признано первенствующее между ними значеніе, такъ какъ, независимо отъ всѣхъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ, онъ еще болѣе отличался своимъ образованіемъ, необыкновенною скромностью и выдающеюся архипастырскою дѣятельностью, направленною ко всестороннему благоустройству ввѣренной его управленію епархіи. До самой своей смерти онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ не только среди паствы и духовенства, но даже и со стороны такого государя, какимъ былъ Іоаннъ Васильевичъ Грозный, который считалъ особеннымъ для себя счастіемъ удовлетворять всякое ходатайство и всякое печалованіе Макарія, а таковыхъ у Макарія было не мало. Не было человѣка, говорятъ современники, опальнаго или-же только искавшаго какихъ-либо царскихъ милостей, который не обращался-бы къ митрополиту и по его ходатайствамъ не достигалъ желаемаго. Царь Іоаннъ даже оффиціально заявляетъ о томъ, что жалуетъ такого-то *«для отца своего митрополита Макарія»*. *«О женѣ*

«князя Богдана Корецкаго, писалъ онъ новгородскимъ «дьякамъ, *поминалъ намъ отецъ нашъ Макарій, митро«политъ всея Руси, чтобы намъ ее пожаловать изъ «мужняго помѣстья велѣть дать земли на прожитокъ, «и я, для отца своего Макарія митрополита ее пожа«ловалъ, велѣлъ ей изъ мужняго помѣстья отдѣлить «15 обежъ»* [1]).

По печалованіямъ того-же святителя, Грознымъ повелѣно было не отнимать стараго помѣстья у Новгородскаго помѣщика Курцова и уменьшить денежный искъ съ князя Ивана Буйносова-Ростовскаго [2]).

Въ доказательство замѣчательной доброты, кротости и христіанскаго смиренія Макарія можно привести слѣдующій фактъ, въ которомъ рельефно отразились всѣ эти высокія качества святителя. Въ 1543 году князья Шуйскіе, враждуя противъ любимца государя боярина Воронцова, стали наносить ему побои въ самой Думѣ и въ отвѣтъ на увѣщанія Макарія, посланнаго Іоанномъ для ихъ усмиренія, бросились на него и разорвали на немъ мантію. Между тѣмъ, два года спустя (1545 г.), мы видимъ оскорбленнаго Макарія ревностно печалующимся за тѣхъ-же опальныхъ Шуйскихъ предъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, который прощаетъ ихъ согласно ходатайству митрополита.

Въ сборникѣ разныхъ тетрадей XVI вѣка, писанныхъ скорописью и хранящихся въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи подъ № 415, помѣщена, между прочими, челобитная Макарію, поданная однимъ изъ Шуйскихъ, бояриномъ Андреемъ Шуйскимъ, объ исходатайствованіи ему, опальному,

---

1) Соловьевъ: т. VII, стр. 84
1) Соловьевъ; т. VII. стр. 84.

у государя Ивана Васильевича и у матери его Елены помилованія, отдачею его на поруки [1]).

Вообще, дабы понять, какъ цѣнилъ Грозный своего любимца Макарія и какъ сердечно относился къ нему, стоитъ прочесть письмо царя къ архіепископу казанскому Гурію, посланное въ 1556 году, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ: *«О Боже, «какъ-бы счастлива была русская земля, если-бы вла«дыки были таковы, какъ преосвященный Макарій, да «ты»* [2]). Но, не смотря на всѣ ласки и особенное вниманіе Іоанна, совѣтовавшагося со святителемъ почти по всѣмъ важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ, митрополитъ Макарій никогда, однако-же, не увлекался расположеніемъ Грознаго, не забывалъ въ немъ московскаго государя и не кичился царскимъ вниманіемъ въ глазахъ его приближенныхъ, въ интригахъ которыхъ никогда не участвовалъ.

Многіе историки стараются впрочемъ объяснить такія отношенія и такое нравственное вліяніе Макарія на Грознаго тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ до учрежденія опричнины, то есть въ лучшій періодъ царствованія Ивана Васильевича, но кто можетъ сказать съ увѣренностью, что то-же вліяніе Макарія и тѣ-же добрыя къ нему отношенія царя, какъ къ своему духовному отцу, не продолжались бы и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ и не предупредили бы многіе жестокіе и насильственные поступки и дѣйствія Грознаго, раздраженная и болѣзненно озлобленная душа котораго нуждалась скорѣе въ кроткихъ увѣщаніяхъ человѣка, предъ которымъ

---

[1]) Примѣчаніе: Упомянутую челобитную боярина Андрея Шуйскаго, какъ любопытную по своей стилистикѣ, помѣщаемъ въ приложеніи къ особенной части труда.

[2]) Продолж. Древн. Росс. Вивліоѳ. V, 241; Истор. Росс. іерар., VI, 528—531.

онъ благоговѣлъ, нежели въ прямомъ и постоянномъ противодѣйствіи своей волѣ не только словомъ, но и дѣломъ, какое онъ встрѣчалъ въ попѣ Сильвестрѣ и въ московскомъ митрополитѣ Филиппѣ Колычевѣ, сильныхъ своими идейными увлеченіями, но безсильныхъ въ борьбѣ съ нравственными недостатками Іоанна. . . . .

ГЛАВА XIII.

Причины враждебнаго отношенія московскихъ государей къ печалованію духовенства и отмѣны этого обычнаго права. Непосредственное осуществленіе московскими государями своей прерогативы помилованія, безъ всякаго посредничества и участія духовенства.

Именами іерарховъ-печальниковъ и примѣрами ихъ печалованій, приведенными въ предыдущей главѣ, мы исчерпали, по возможности, почти всѣ историческія свѣдѣнія, какія только могли выяснить значеніе и характеръ такого рода дѣятельности нашихъ святителей въ теченіи московскаго государственнаго періода, къ концу котораго она уже совершенно прекращается.

Первымъ изъ московскихъ государей, объявившимъ себя открытымъ врагомъ этого когда-то важнаго и знаменательнаго по своимъ высокимъ нравственнымъ цѣлямъ обычая, былъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный, который отмѣнилъ его категорическимъ и строгимъ воспрещеніемъ духовенству всякаго печалованія и вмѣшательства въ расправу свѣтской власти. А потому отдѣльные и немногіе случаи

ходатайства духовенства за опальныхъ, а также за невинно и жестоко осужденныхъ, которые встрѣчаются еще при Грозномъ, а также и въ царствованія его преемниковъ, слѣдуетъ считать случаями и фактами исключительными, допущенными или въ силу сепаратнаго царскаго разрѣшенія печаловаться [1]), по личному распоряженію государя къ архіепископу, или-же ради какой-нибудь специальной политической цѣли, одинаково желаемой и преслѣдуемой самою правительственною властью, при чемъ подобное печалованіе уже не напоминаетъ прежняго вмѣшательства по праву, а скорѣе имѣетъ видъ какого-то приниженнаго челобитья или робкаго предложенія правительству своихъ услугъ.

Упомянутому праву, во имя котораго высшая духовная іерархія становилась прежде между судомъ и несправедливо осужденными, между насиліемъ власти и произвольно ею угнетенными и, наконецъ, между царемъ и жертвами его гнѣва,—не суждено

---

[1]) Примѣчаніе. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ послѣднихъ московскихъ митрополитовъ Аѳанасій получаетъ разрѣшеніе отъ Ивана Васильевича Грознаго отпечаловать боярина Яковлева и князя Воротынскаго (Соловьевъ: т. VI, стр. 199). Въ 1677 году, на основаніи Уложенія царя Алексѣя Михайловича, была окопана во Владимірѣ на торговой площади крестьянка Ѳетинья Жукова за то, что отсѣкла косою голову своему мужу, и сутки пробыла въ землѣ. Владимірское духовенство подало царю Ѳеодору Алексѣевичу челобитную вмѣстѣ съ игуменьею Владимірскаго Успенскаго монастыря Маремьяной съ сестрами, въ которой ходатайствовали о разрѣшеніи вынуть преступницу изъ земли и постричь въ монастырь «ради, какъ сказано въ челобитной, «его Царскаго многолѣтняго здравія и ради поминовенія блаженныя памяти отца его, Государева, «Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича. . . . . »; государь велѣлъ исполнить челобитную (А. И., т. V, стр. 25, № 14). Подобное-же ходатайство было заявлено духовенствомъ и въ 1682 году относительно двухъ такихъ-же преступницъ, окопанныхъ въ землѣ въ Москвѣ, которыя обѣщали постричься и злыхъ дѣлъ не творить: государь велѣлъ ихъ выкопать и постричь. (Соловьевъ, т. XIII, стр. 286).

было возобновиться даже и тогда, когда съ учрежденіемъ патріаршества, при царѣ Θедорѣ Іоанновичѣ, русская церковь снова пріобрѣтаетъ, хотя только временное, выдающееся государственное значеніе и самостоятельность.

И дѣйствительно. Патріархи наши какъ будто забыли объ этомъ традиціонномъ и священномъ обычаѣ представителей церкви, но поставить имъ въ вину такое забвеніе, строго говоря, нельзя, вслѣдствіе того, что вся дѣятельность ихъ и подчиненныхъ имъ іерарховъ сосредоточивалась во времена патріаршества на земскихъ собраніяхъ и на соборахъ, на которыхъ они присутствовали въ качествѣ постоянныхъ членовъ, а затѣмъ, въ смутное время, она была посвящена спасенію отечества и Церкви.

О печалованіи вспомнилъ, при Петрѣ Великомъ, только Адріанъ, послѣдній изъ патріарховъ россійскихъ, если не считать *мѣстоблюстителей патріаршаго престола*. Возмущенный жестокими казнями Петра надъ лицами, являвшимися противниками его нововведеній и реформъ, Адріанъ, состоявшій въ числѣ также недовольныхъ ими, рѣшился печаловаться за казнимыхъ и, съ этою цѣлью, поднявъ икону Богородицы, отправился къ Петру въ Преображенское. Но какъ отнесся государь къ мольбамъ патріарха? Завидѣвъ его, онъ закричалъ ему: «Къ «чему эта икона? развѣ твое дѣло приходить сюда? «убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. «Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и «Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязан«ность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю «народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышля«вшихъ [1]).

1) Соловьевъ: т. XIV, стр. 254.

Этимъ историческимъ эпизодомъ послѣдняго печалованія мы заканчиваемъ и нашъ бѣглый очеркъ печалованія духовенства вообще. Правда, что цитируемые въ настоящемъ очеркѣ факты и примѣры говорятъ преимущественно о печалованіи духовенства предъ верховною властью за опальныхъ бояръ и нисколько, повидимому, не знакомятъ съ такою-же дѣятельностью святителей по отношенію ко всему остальному непривиллегированному сословію въ Россіи, которое одинаково, если не болѣе, сильно и невинно страдало отъ московскаго неправосудія и отъ московскихъ жестокихъ уголовныхъ законовъ. Но такой пробѣлъ объясняется необыкновенною скудностью существующихъ по сему предмету историческихъ извѣстій, хотя немногочисленные примѣры, разбросанные въ историческихъ памятникахъ, не даютъ намъ однако-же права заключать о томъ, чтобы духовенство пренебрегало примѣненіемъ того-же обычая и къ лицамъ послѣдней категоріи. Что-же касается до сохранившихся и болѣе многочисленныхъ примѣровъ печалованія за опальныхъ бояръ, то они записывались монастырскими лѣтописцами для передачи ихъ потомству потому, что, являясь событіями, выдвинутыми современною общественною и политическою жизнью, они были, такъ сказать, на виду у всѣхъ и каждаго, имѣя въ то-же время и свое крупное историческое значеніе, въ смыслѣ послѣдняго акта борьбы единовластія съ остатками старины, въ которой духовенство одинаково принимало активное участіе, въ качествѣ нравственной силы, съ цѣлью уравновѣсить борящіяся стороны; и на сколько прежде оно энергично содѣйствовало къ утвержденію единовластія, для блага отечества, поддерживая въ этомъ отношеніи верховную власть, на столько-же считало своимъ нравственнымъ

долгомъ не давать въ обиду и прежнихъ удѣльныхъ князей и дружинниковъ, обратившихся въ служилыхъ людей, сдерживая всякое надъ ними насиліе московскихъ государей.

Постараемся, однако-же, выяснить истинную причину враждебнаго отношенія московскаго правительства къ печалованію духовенства вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ поводъ, вслѣдствіе котораго послѣдовала отмѣна этого обычнаго права.

Пока наши древніе князья смотрѣли на свое право казнить и миловать подвластныхъ единственно съ религіозной, а не съ политической точки зрѣнія, а, слѣдовательно, пока самое *милованіе и защита сирыхъ* представлялась имъ актомъ лишь обыкновеннаго христіанскаго милосердія для примиренія своей личной совѣсти съ Богомъ, ради спасенія души, и пока разрѣшеніе вопросовъ о томъ, слѣдуетъ, или нѣтъ, въ каждомъ данномъ случаѣ предпочесть казнь милосердію, и будетъ-ли оно на самомъ дѣлѣ поступкомъ, угоднымъ Богу, принадлежало только духовенству, какъ единственному посреднику между Богомъ и людьми,—до тѣхъ поръ всякій совѣтъ и всякое религіозно-нравственное воздѣйствіе духовенства на князей были для нихъ не только желательными, но даже безусловно необходимыми.

Между тѣмъ наступаетъ новая эра, настаетъ конецъ удѣльнаго періода и начало возвышенія Москвы, а вмѣстѣ съ ними естественное стремленіе московскихъ государей къ возвеличенію своей власти и къ огражденію ея отъ всякаго умаленія и посторонняго вліянія. При подобномъ-же стремленіи, которое должно было сопровождаться не только закрѣпленіемъ за собою, съ политическою цѣлью, уже существующихъ правъ и преимуществъ державности, но и пріобрѣтеніемъ новыхъ, долженствовавшихъ

еще болѣе возвысить верховную власть и поставить ее на высоту, соотвѣтствующую взглядамъ народа о ея богоустановленности и божественномъ происхожденіи,—вполнѣ естественно, что московскіе государи не могли не остановиться и на своемъ абсолютномъ правѣ миловать подвластныхъ и не вдуматься въ его дѣйствительный смыслъ и значеніе. Вслѣдствіе сего обнаружилось, что данная прерогатива, помимо своего чисто религіознаго характера, не лишена также политическаго смысла и значенія, будучи, съ одной стороны, вѣрнѣйшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію московскими государями признательности и преданности къ себѣ народа за милосердное къ нему отношеніе, а съ другой—могущественнымъ орудіемъ къ возвышенію и укрѣпленію самой верховной власти.

При такомъ совершенно новомъ взглядѣ и новомъ понятіи московскихъ государей о своей прерогативѣ понятно, что постоянное участіе и вмѣшательство духовенства, имѣвшее видъ какого-то понужденія верховной власти къ непремѣнному ея примѣненію, становилось неумѣстнымъ и даже вреднымъ, такъ какъ посредничество духовенства невольно создавало дробленіе чувствъ симпатіи и признательности народа между нимъ и властью. Обстоятельство это, въ связи съ ревнивымъ отношеніемъ московскихъ государей къ своимъ личнымъ правамъ и преимуществамъ вообще, и побудило ихъ сначала ограничить сферу дѣятельности печальниковъ, а затѣмъ окончательно отмѣнить и самый обычай печалованія и заняться примѣненіемъ упомянутой прерогативы уже непосредственно, по собственному почину, при чемъ поводами къ такому акту монаршаго милосердія стали служить не только религіозныя, но и религіозно-политическія и даже строго политическія побудительныя причины.

Къ причинамъ перваго рода, т. е. къ поводамъ религіознаго характера, слѣдуетъ отнести религіозно-обрядовые обычаи старины, на основаніи которыхъ московскіе государи считали своею нравственною обязанностью миловать и освобождать заключенныхъ за разнаго рода маловажные преступленія и проступки. Такъ, въ воскресенье передъ масляницей, когда Церковь наша совершала обыкновенно *дѣйство страшнаго суда*, государь до выхода на *дѣйство* обходилъ въ этотъ день, рано утромъ, всѣ тюрьмы и *тайно* [1]) освобождалъ преступниковъ.

Равнымъ образомъ и въ сыропустную недѣлю, въ такъ называемое *прощеное воскресенье*, то есть въ воскресенье предъ великимъ постомъ, начальники всѣхъ Приказовъ обязаны были являться къ государю съ докладами «*о колодникахъ, которые въ какихъ* «*дѣлахъ сидятъ многія лѣта и государь освобождалъ и* «*особенно тѣхъ, которые сидятъ не въ большихъ винахъ*».

Подобныхъ-же милостей ожидали заключенные и предъ наступленіемъ Свѣтлаго дня.

Что-же касается до религіозно-политическихъ побудительныхъ причинъ, то онѣ имѣли цѣлью ознаменовать какое нибудь радостное или печальное событіе въ царской семьѣ, каковыми были: коронація государей, рожденіе царевича или-же смерть царя, царицы и ближайшихъ членовъ царской семьи. Мы имѣемъ по этому предмету слѣдующее сказаніе Котошихина, который, описывая обычныя коронаціонныя торжества, говоритъ: [2]) «да въ то же

---

[1]) Примѣчаніе: Такъ какъ подобные выходы совершались тайно, то и свѣдѣнія о нихъ заимствованы изъ дѣлъ Тайнаго Приказа или собственной канцеляріи государя.

[2]) Котошихинъ: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». СПБ., 1859 г., гл. I, стр. 12, п. 22.

«время, какъ царя коронуютъ и веселіе бываетъ, *на* *«Москвѣ и въ городѣхъ всѣхъ воровъ освобождаютъ* *«на волю, кромѣ самыхъ убійственныхъ дѣлъ»* [1]). Упоминая далѣе о торжествахъ по случаю рожденія царевича, Котошихинъ замѣчаетъ, что, независимо отъ раздачи царемъ и царицею милостыни нищимъ и убогимъ, которая посылалась также и въ тюрьмы, *«да изъ тюремъ-же виноватыхъ освобождаютъ, кромѣ* *«самыхъ великихъ дѣлъ»* [2]).

Помилованіемъ преступниковъ одинаково сопровождалась и смерть царей, царицъ и царевичей: *«такъ-«же на Москвѣ и въ городѣхъ, всякихъ воровъ, для цар-«скаго преставленія, изъ тюремъ освобождаютъ всѣхъ* *«безъ наказанія»* [3]). Царь Алексѣй Михайловичъ, умирая въ 1676 году, приказалъ выпустить изъ тюремъ всѣхъ узниковъ, освободить изъ ссылки всѣхъ ссыльныхъ [4]).

Замѣчательно при этомъ, что, не смотря на всю абсолютность данной прерогативы, московскіе государи никогда не позволяли себѣ, прощая преступниковъ, нарушать въ то же время права частныхъ потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, но видимо придерживались положенія римскаго права: «princeps nunquam tollit jus quaesitum tertio» [5]), то есть, что монаршее помилованіе не устраняетъ правъ третьихъ пострадавшихъ лицъ на вознагражденіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ изъ дѣлъ Тайнаго Приказа, относительно поминовенія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ умершей въ 1669 году супруги своей Марьи

---

[1]) Котошихинъ: стр. 12, п. 22.

[2]) Тамъ-же, стр. 13, п. 26.

[3]) Тамъ-же, стр. 17, п. 32.

[4]) Костомаровъ: Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ дѣятелей. Т. II, стр. 156.

[5]) «Ad legem Corneliam de falsis».

Ильиничны Милославской. Желая почтить память усопшей, государь 25 Марта въ день Благовѣщенья повелѣлъ: «колодниковъ и тюремныхъ сидѣльцевъ «освободить, *а истцовые иски и пошлины за нихъ за-«платить, всего 807 р. 21 ал. 1 д.*».

Цитируемый нами фактъ, въ подтвержденіе особеннаго вниманія, съ какимъ московскіе государи относились обыкновенно къ правамъ потерпѣвшихъ, отнюдь не представляется какимъ-либо исключительнымъ, на основаніи котораго можно было бы заключить, что такого именно взгляда на упомянутыя права придерживался одинъ только царь Алексѣй Михайловичъ. Напротивъ, существуетъ масса подобныхъ примѣровъ, относящихся ко временамъ до и послѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Да иначе и быть не могло, если принять въ соображеніе, что такое отношеніе верховной власти къ интересамъ гражданскихъ истцовъ въ дѣлахъ уголовныхъ, съ момента, когда преступленіе пріобрѣло публичный характеръ, являлось для нея отчасти даже обязательнымъ въ виду положительнаго законодательства, которое, начиная съ Судебника царя Іоанна IV и кончая Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, строго предписываетъ суду—прежде личнаго наказанія преступника *«доправить»*, т. е. удовлетворить, *«истцовъ искъ»*.

Переходя затѣмъ къ обзору случаевъ непосредственнаго помилованія московскими государями виновныхъ, съ одною строго политическою цѣлью, слѣдуетъ замѣтить, что цѣль эта состояла или въ томъ, чтобы великодушнымъ прощеніемъ лицъ, замѣшанныхъ въ извѣстныхъ внутреннихъ политическихъ смутахъ, прекратить таковыя и возстановить порядокъ, или-же въ томъ, чтобы постоянно милосерднымъ и милостивымъ отношеніемъ къ народу

заручиться его признательностью и преданностію и, такимъ образомъ, возвысить и упрочить значеніе верховной власти вообще.

Такъ, напримѣръ, великій князь московскій Іоаннъ III, во время новгородскаго мятежа, желая расположить къ себѣ новгородскій народъ и уничтожить всякое на него вліяніе новгородской интеллигенціи, постоянно интриговавшей противъ московскаго правительства въ пользу Литовскаго князя Казиміра и мечтавшей о присоединеніи Новгорода къ литовскому княжеству, не взирая на подавленіе уже новгородскаго возстанія силою, тѣмъ не менѣе, при своемъ торжественномъ въѣздѣ въ покоренный городъ, объявляетъ всепрощеніе вышедшему къ нему на встрѣчу народу, умолявшему о пощадѣ: *«Я государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!»* [1]).

Такое-же всепрощеніе объявляется и преемникомъ Іоанна III, великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ, мятежнымъ псковитянамъ, подъ условіемъ, если они исполнятъ его волю, снимутъ вѣчевой колоколъ, *чтобы впредь вѣчу не быть*. И псковитяне, по словамъ лѣтописца, исполнили волю московскаго государя, отказавшись навсегда отъ своей старины и отъ своей воли, и, въ ночь съ 13 на 14 Января 1510 года, московскій дьякъ Третьякъ повезъ вѣчевой колоколъ къ великому князю въ Новгородъ [2]).

Избранный народомъ юный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, вступившій на престолъ при полнѣйшемъ политическомъ разгромѣ Россіи, также

---

[1]) Соловьевъ: т. V, стр. 40.
[2]) Тамъ-же: т. VI, стр. 300.

прибѣгаетъ въ 1614 году къ всепрощенію, которое распространяетъ на всѣхъ безъ исключенія лицъ, виновныхъ въ политическихъ безпорядкахъ, не прекращавшихся въ началѣ его царствованія, какъ къ единственному, въ то время, способу, для усмиренія страны, за отсутствіемъ всякихъ другихъ средствъ къ одновременной борьбѣ не только съ внутренними, но и съ внѣшними врагами отечества.

Обѣщая съ своей стороны предать забвенію также и политическія преступленія, совершенныя въ страшную эпоху смуты, и подтверждая это обѣщаніе въ своихъ грамотахъ, посланныхъ во всѣ города и области Россіи, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ требуетъ, въ интересахъ всеобщаго умиротворенія, даже отъ частныхъ лицъ одинаковаго забвенія и прекращенія своихъ исковъ о вредѣ, причиненномъ имъ въ то-же смутное время [1]).

Царь Алексѣй Михайловичъ, подобно отцу своему, также предпочитаетъ всепрощеніе всякому насилію надъ псковитянами, для объявленія котораго мятежникамъ отправляетъ въ Псковъ коломенскаго архіепископа Рафаила, вмѣстѣ съ нѣсколькими духовными сановниками и съ выборными отъ разныхъ сословій. Въ результатѣ получилась совершенная покорность Пскова.

Далѣе, когда общая экономическая неурядица, а главное произволъ, господствовавшій въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и крестьянами, находившимися въ крайне угнетенномъ и безвыходномъ положеніи, обратили разбои въ явленіе вполнѣ нормальное, а между тѣмъ московское правительство не въ силахъ было справиться съ многочисленными

---

[1]) Тамъ-же: т. IX, стр. 395.

ворами и разбойниками, то царь Алексѣй Михайловичъ въ 1665 году оффиціально обѣщаетъ имъ прощеніе, если они покаются и прекратятъ дальнѣйшія преступныя дѣйствія. Благодаря такой мѣрѣ шайки воровъ и разбойниковъ постепенно исчезали.

Наконецъ, послѣ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича, когда начались новые народные мятежи, вслѣдствіе партійной борьбы по вопросу о престолонаслѣдіи, они также прекратились всепрощеніемъ стоявшихъ во главѣ революціоннаго движенія стрѣльцовъ, которымъ, по удостовѣренію Желябужскаго [1]), упомянутая царская милость Великихъ Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей объявлялась въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «. . . . . . *за такое воровство и за злой «умыселъ, достойны были смертной казни, и Великіе «Государи то все на милость положили, и въ тѣхъ ва«шихъ воровскихъ винахъ пожаловали, простили . . . .».*

Нельзя обойти молчаніемъ и не отмѣтить, при этомъ, одной особенной черты въ характерѣ русскаго народа, обнаруживающей присущую ему лояльность и глубокое уваженіе къ принципамъ старины. Если перечисленные нами и многіе другіе акты монаршаго милосердія, оказанные народу, не только содѣйствовали московскимъ государямъ къ достиженію желаемыхъ политическихъ результатовъ, но и вызывали къ нимъ, въ то-же время, всеобщую преданность, то единственно потому, что подобное милосердіе *исходило отъ носителей верховной власти по праву*. Совершенно иное впечатлѣніе производятъ на него милости, какъ-бы многочисленны и значительны онѣ ни были, когда оказываются ему *монархами, только сѣвшими на престолъ* московскихъ государей, а не занявшими его по наслѣдству.

---

[1]) Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 Іюня 1709 г. СПБ. 1840 г.

Доказательствами могутъ служить царствованія Бориса Годунова и Шуйскаго, безконечныя милости которыхъ не только не возвеличили власти и не укрѣпили ихъ положенія на престолѣ, а скорѣе унизили, вслѣдствіе того, что народъ, по справедливому замѣчанію г. Соловьева, смотрѣлъ на эти милости, какъ на должную плату за избраніе на царство.....

Въ заключеніе настоящаго краткаго очерка о всепрощеніи, или амнистіи, приведемъ также нѣсколько примѣровъ непосредственнаго помилованія московскими государями и отдѣльныхъ лицъ. Случаи эти достойны вниманія потому, что знакомятъ насъ отчасти съ невинными жертвами придворныхъ интригъ, отчасти-же съ общественными нравами и съ общественнымъ развитіемъ, современными какъ преступленію, за которое извѣстное лицо было жестоко наказано прежде, такъ и помилованію, послѣдовавшему подъ вліяніемъ новаго общественнаго воззрѣнія на дѣйствительную преступность когда-то совершеннаго дѣянія.

Въ числѣ опальныхъ бояръ царствованія, Θеодора Іоанновича, удостоившихся обычныхъ и разнообразныхъ милостей царя Бориса Годунова при вѣнчаніи его на царство, находился между прочими бояринъ Иванъ Григорьевичъ Нагой, которому Годуновъ почему-то призналъ возможнымъ только облегчить участь освобожденіемъ изъ тюрьмы, гдѣ несчастный томился многіе годы. Но за что и за какія именно преступныя дѣйствія былъ наказанъ Иванъ Григорьевичъ Нагой царемъ Θеодоромъ Іоанновичемъ, этого даже не видно изъ его собственной нижеслѣдующей грамоты, въ которой онъ описываетъ [1]) всѣ свои бѣдствія, вслѣдствіе цар-

[1]) Соловьевъ: т. VIII, стр. 22—23.

ской опалы: «Я Иванъ Григорьевичъ Нагой по-
«жаловалъ далъ человѣку своему Богдану Сидо-
«рову старинную свою вотчину, за его къ себѣ
«прямую службу и за терпѣніе, что онъ со мною
«животъ свой мучилъ на государевой службѣ въ
«Сибири, да его же Богдана за мой грѣхъ, государь
«царь Ѳедоръ Ивановичъ велѣлъ у меня взять изъ
«Сибири, и привезти въ Москву окованнаго, мучилъ
«онъ животъ свой, сидя у приставовъ въ цѣпи и
«желѣзахъ годъ. Когда государь надо мною смило-
«вался и велѣлъ его отпустить, то онъ Богданъ
«билъ челомъ обо мнѣ государю царю Ѳедору Ива-
«новичу, и по его челобитью государь надо мной
«смилосердовался, велѣлъ изъ Сибири отпустить въ
«Казань. Но въ Казани грѣхъ мой надо мною взы-
«скался: пришла на меня царская опала, прислалъ
«государь князя Якова Барятинскаго въ Казань и
«велѣлъ ему меня ограбить до нага, отвезти на
«Вологду и посадить въ тюрьму. Тогда Богданъ
«въ другой разъ поѣхалъ въ Москву, былъ тамъ
«схваченъ и сидѣлъ полгода у пристава. Государь
«царь Борисъ Ѳедоровичъ пожаловалъ, отъ при-
«става велѣлъ его освободить, и онъ Богданъ обо
«мнѣ билъ челомъ, о моей женѣ и о дѣтяхъ. По его
«челобитью государь меня пожаловалъ, изъ тюрьмы
«велѣлъ выпустить, и велѣлъ мнѣ жить въ Твер-
«ской моей вотчинѣ. И мнѣ его Богдана за такую
«великую себѣ работу и за терпѣніе пожаловать не-
«чѣмъ: что было моихъ животовъ, то все взято на
«государя. Такъ жалую ему старую свою вотчину:
«владѣть ему этимъ моимъ жалованьемъ и, если
«захочетъ, можетъ его продать, заложить или по
«душѣ отдать. А послѣ моей смерти ему Богдану
«за то мое жалованье, жену мою и дѣтей не поки-
«нуть, и ихъ устроить по моей духовной грамотѣ,

«чѣмъ я ихъ благословляю; и дѣтей моихъ Никифора и Гаврилу ему Богдану грамотѣ научить, и «беречь и покоить всѣмъ, пока Богъ ихъ на ноги «подниметъ».

Мотивируя такимъ образомъ дарственную грамоту, по которой вѣрный его слуга Богданъ Сидоровъ пріобрѣталъ старинную вотчину, и перечисляя неоднократныя опалы, которымъ подвергался со стороны царя Өеодора Іоанновича, бояринъ Иванъ Нагой, упоминая постоянно о грѣхѣ, какъ о причинѣ опалы, не разъясняетъ, однако-же, его сущности. Но мы полагаемъ, что Иванъ Нагой пострадалъ за отца своего Григорія Нагого, замѣшаннаго и осужденнаго, по проискамъ Годунова, съ братомъ своимъ Михаиломъ, по обвиненію въ убійствѣ царевича Димитрія, и что Годуновъ, считая Нагихъ все еще опасными для себя лицами даже и по вступленіи своемъ на престолъ Рюриковичей, ограничиваетъ поэтому милосердіе къ Ивану Нагому только освобожденіемъ его изъ тюрьмы, не возвращая всѣхъ остальныхъ правъ, тѣмъ болѣе, что онъ являлъ собою одну изъ живыхъ и многочисленныхъ жертвъ, свидѣтельствующихъ о его безконечныхъ интригахъ при дворѣ слабохарактернаго царя Өеодора Іоанновича . . .

Не менѣе любопытнымъ оказывается и случай помилованія царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ князя Ивана Хворостинина. По историческимъ свѣдѣніямъ, князь Иванъ Хворостининъ пострадалъ за свое религіозное вольнодумство и за увлеченіе западно-европейскими идеями. Обвиненія въ отступничествѣ отъ православной вѣры, въ несоблюденіи постовъ и прочихъ церковныхъ уставовъ, какъ равно и самое заключеніе князя Ивана Хворостинина въ Іосифовъ монастырь, послѣдовали при царѣ Васи-

лiѣ Ивановичѣ Шуйскомъ. Но мѣра эта не подѣйствовала на князя Хворостинина, какъ не подѣйствовали на него увѣщанія царя Михаила Ѳеодоровича и духовенства, такъ какъ онъ продолжалъ по прежнему отрицать необходимость молитвы, поклоненіе иконамъ и не вѣрилъ въ воскресеніе мертвыхъ, а о московскихъ людяхъ писалъ, что они *«сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью»*.

Вслѣдствіе сего князь Иванъ Хворостининъ былъ переведенъ *«для исправленія»* въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь въ особую келью и *порученъ надзору добраго старца.* Между тѣмъ, на Руси наступали новыя времена, а вмѣстѣ съ ними нарождались и новые взгляды, предвѣщавшіе скорый переворотъ въ жизни русскаго общества, когда сближеніе съ Европою должно было явиться потребностью безусловно необходимою.

Уже со временъ царя Михаила Ѳеодоровича въ русскомъ обществѣ начинаетъ пробуждаться сознаніе научнаго превосходства запада и необходимости учиться у иностранцевъ, — сознаніе, которымъ не могло не проникнуться, въ свою очередь, и московское правительство.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ съ отцомъ своимъ Филаретомъ Никитичемъ прекрасно понимали могущественное вліяніе науки, въ которой одинаково нуждались какъ государство, для сохраненія своей цѣлости и самостоятельности при неизбѣжныхъ столкновеніяхъ съ западными державами, такъ и церковь, для доказательства чистоты и превосходства своего ученія, не при помощи однихъ только, устарѣвшихъ, схоластическихъ пріемовъ, но и путемъ научныхъ доводовъ. При такомъ сознаніи и стремленіи современнаго общества къ научному развитію, само собою разумѣется, что томленіе въ

монастырской кельѣ одного изъ родовитѣйшихъ князей-бояръ, и при томъ за одно пренебреженіе къ разлагающейся старинѣ, а также за невольное увлеченіе западными идеями, становилось уже несправедливымъ и жестокимъ. А потому, въ 1632 году, князю Ивану Хворостинину объявляется указъ великихъ государей Михаила Θеодоровича и Филарета Никитича, въ которомъ, послѣ перечисленія всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ, присовокупляется, что тѣмъ не менѣе: «*государи по своему милосердному* «*праву милость надъ нимъ показали, изъ Кириллова* «*монастыря велѣли взять его къ Москвѣ и велѣли ему* «*видѣть свои государскія очи и быть въ дворянахъ по* «*прежнему*»[1]).

Третій случай помилованія, помѣщаемый нами въ видѣ характеристики боярскихъ споровъ изъ за родовой чести, относится ко временамъ царя Алексѣя Михайловича и касается дворянина Головина, который, будучи пожалованъ государемъ въ окольничьи, презрѣлъ царскимъ пожалованіемъ, позволивъ себѣ бить челомъ о томъ, что окольничьихъ въ его пору нѣтъ, и что отецъ его при царѣ Михаилѣ былъ въ бояхахъ. За такое дерзкое челобитье его въ 1650 году лишили званія окольничьяго и заключили въ тюрьму, при чемъ ему было сказано именемъ царскимъ: «*тебѣ страднику ни въ какой чести не бывать,* «*бояре приговорили тебя бить кнутомъ и въ Сибирь* «*сослать, да государь на милость положилъ*» [2]).

---

[1]) Примѣчаніе: Указъ князю Ивану Хворостинину помѣщенъ въ приложеніи къ Особенной части труда.

[2]) Дворцовые разряды, т. III, стр. 226, 228.—Годъ спустя, именнымъ указомъ Царя, 1-го апрѣля 1651 года, помѣченнымъ въ Разрядѣ, въ ознаменованіе торжественнаго дня перенесенія мощей чудотворца Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву, Головину было объявлено помилованіе съ возвращеніемъ званія окольничьяго (П. С. З.—1 апр. 1651 г.—62).

Послѣднимъ изъ выдающихся случаевъ или примѣровъ непосредственнаго царскаго помилованія, и при томъ такого человѣка, который подвергнулся опалѣ царя Өеодора Алексѣевича, благодаря только интригѣ придворной партіи Милославскихъ, является помилованіе тѣмъ-же царемъ Өеодоромъ Алексѣевичемъ боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева... Бывшій другъ и самое близкое довѣренное лицо царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Матвѣевъ былъ сосланъ царемъ Өеодоромъ Алексѣевичемъ со всѣмъ семействомъ въ Пустозерскъ, по голословному обвиненію враговъ своихъ *въ чернокнижіи*, а главное въ томъ, что, завѣдывая царскою аптекою, онъ будто-бы *не радѣлъ о государскомъ здоровьи* [1]).

Но подобно тому, какъ во время придворной партійной борьбы, осилившая сторона навлекала обыкновенно царскія опалы на своихъ противниковъ и даже не щадила при этомъ ихъ родственниковъ, точно также она считала своимъ долгомъ выручать и освобождать своихъ сторонниковъ, въ какихъ-бы преступленіяхъ они ни обвинялись. И, если такое заступничество предъ государемъ представлялось почему-либо неудобнымъ непосредственно, то пускалось въ ходъ косвенное на него вліяніе чрезъ царицу, царевича и царевенъ. Котошихинъ, описывая дворскія отношенія вообще, говоритъ, между прочимъ, по поводу упомянутыхъ маневровъ придворной камарильи, что боярскія и вообще ближнихъ людей жены, вдовы и дочери-дѣвицы часто пріѣзжали во дворецъ къ царицѣ, царевнамъ и къ царевичамъ съ ходатайствами о своихъ провинившихся мужьяхъ и дѣтяхъ или о братьяхъ и родственни-

---

[1]) Е. Замысловскій: Царствованіе Өеодора Алексѣевича, ч. I, СПБ. 1871 г., стр. 159.

кахъ. Такія челобитныя обыкновенно принимались царицею, царевичемъ и царевнами и доводились до свѣдѣнія государя, *«и царь»*, продолжаетъ Котошихинъ, *«тѣ дѣла, о которыхъ будетъ челобитье, по «ихъ прошенію дѣлаетъ, хотя-бъ которой князь или «бояринъ или иныхъ большихъ и меньшихъ чиновъ че«ловѣкъ въ какой бѣдѣ ни былъ, или-бъ о чемъ не билъ «челомъ, если-бъ кто и къ смерти былъ приговоренъ, и, «по ихъ прошенію, можетъ царь все доброе учинити и «чинитъ; и такихъ дѣлъ множество бываетъ, что ца«рица и царевичи и царевны многихъ людей отъ напра«сныхъ и не отъ напрасныхъ бѣдъ и смертей освобо«ждаютъ, а иныхъ въ честь возвышаютъ и въ богат«ство приводятъ....»* [1]).

ГЛАВА XIV.

Теорія права помилованія до и во времена московской государственной эпохи. Монаршія милости внѣ закона, ихъ основаніе и историческое прошлое.

Совокупность приведенныхъ нами историческихъ свѣдѣній, относительно происхожденія, основанія и значенія права россійской верховной власти на помилованіе, даетъ возможность опредѣлить въ то же время и самую теорію даннаго права, или прерогативы, какъ во времена, предшествовавшія возвышенію Москвы, такъ и въ теченіи всего послѣдующаго московскаго періода до наступленія императорской эпохи.

---

[1]) Котошихинъ; глава II, п. 12. «О боярскихъ женахъ», стр. 27.

Въ силу общегосударственнаго принципа и въ качествѣ одного изъ неотъемлемыхъ атрибутовъ суверенитета, слѣдуя судьбѣ верховной власти въ дѣлѣ своего поступательнаго развитія,—настоящая прерогатива опередила однако-же ее въ этомъ отношеніи, ибо въ то время, какъ верховная власть въ извѣстные историческіе періоды мѣняла одну только форму, прерогатива помилованія успѣла къ концу московскаго государственнаго періода измѣнить не только форму, но и самое основаніе на столько, что изъ прежняго акта обыкновеннаго христіанскаго милосердія и сострадания къ ближнему, съ исключительно религіозною цѣлью и такого-же свойства побудительными причинами, превращается въ рукахъ московскихъ царей въ могущественное средство и къ осуществленію ихъ личныхъ политическихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, къ первоначальной абстрактной религіозной идеѣ милосердія, вложенной ученіемъ Православной церкви въ основу права древнихъ русскихъ князей на помилованіе подвластныхъ,— мало помалу и благодаря утилитаризму московскихъ царей, присоединяется уже болѣе конкретная политическая цѣль, состоявшая въ пріобрѣтеніи, при помощи такого милосердія, помимо благъ загробной жизни, также нѣкоторыхъ необходимыхъ для верховной власти земныхъ политическихъ выгодъ. Отсюда слѣдуетъ заключить о существованіи двухъ теорій упомянутаго права россійской верховной власти, изъ которыхъ первоначальная, предшествовавшая московскому періоду, можетъ быть, по справедливости. названа строго религіозною, какъ имѣвшая предметомъ только милосердіе, а цѣлью дѣйствіе, угодное Богу, совершаемое ради искупленія грѣховъ и жизни вѣчной. Что-же касается до теоріи москов-

ской эпохи, то она должна быть признана смѣшанною или религіозно-политическою, вслѣдствіе того, что путемъ милосердія московскіе государи стали преслѣдовать не одну только религіозную, но и политическую цѣль.

Выясняя теорію данной прерогативы въ различные историческіе періоды, слѣдуетъ присовокупить при этомъ, что никакого видоваго подраздѣленія помилованія на простую аболицію и на амнистію не существовало до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, которымъ впервые спеціализируются государственные интересы и ставятся подъ особую охрану закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается и разграниченіе политическихъ преступленій—великаго государева дѣла отъ обще-уголовныхъ, хотя политическія преступленія фактически существовали и прежде, но судились и наказывались самимъ великимъ княземъ по произволу.

Одинаково замѣчается, какъ до, такъ и во времена Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, совершенное отсутствіе какого либо опредѣленнаго способа и порядка, которыми-бы въ извѣстной степени нормировались дѣйствія верховной власти при осуществленіи настоящей прерогативы, — обстоятельство, доказывающее, что въ то время, какъ и теперь, опредѣленіе способа и порядка, а также размѣра царской милости, зависѣло всецѣло отъ дискреціоннаго усмотрѣнія монарха въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Единственное ограниченіе допускалось въ пользу пострадавшихъ отъ преступленія лицъ, права которыхъ, какъ мы уже замѣтили, московскіе великіе князья и цари обязаны были уважать не только по совѣсти, но и по закону.

Не лишнимъ будетъ упомянуть также и о приблизительно нижеслѣдующихъ формулахъ, въ ко-

торыхъ обыкновенно *сказывалось*, то есть объявлялось, осужденнымъ и опальнымъ монаршее милосердіе о помилованіи или-же о смягченіи ихъ участи: «*Тебѣ* (такому-то), говорилось въ оффи«ціальной сказкѣ, *ни въ какой чести не бывать, бояре* «*приговорили тебя* (такому-то наказанію), *да государь* «*на милость положилъ.....*». Амнистія-же объявлялась виновнымъ въ слѣдующей формѣ: «.... *за такое было* «*воровство и за злой умыселъ, достойны были смертной* «*казни и Великій Государь то все на милость положилъ* «*и въ тѣхъ винахъ воровскихъ вашихъ пожаловалъ про*«*стилъ*».

Въ концѣ XVII вѣка появляются нѣкоторыя измѣненія, но только начала означенной формулы, причемъ конецъ остается тотъ-же, такъ, напримѣръ, въ 1691 году, при государяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, вдовѣ боярина Ивана Хитрово, Акулинѣ, помилованіе объявляется иначе: [1] «..... *до*«*стойна ты была смертной казни и великому разо*«*ренью, также и наказанью, и Великіе Государи на* «*милость положили, за службу и за раденье мужа тво*«*его Ивана Богдановича Хитрово, вмѣсто смерти жи*«*вотъ дать.....*»; или князю Андрею Ивановичу Голицыну: [2] «.... *за неистовыя слова достоинъ ты былъ* «*разоренью и ссылкѣ и Великіе Государи на милость* «*положили...*».

Обратимся затѣмъ къ изслѣдованію остальныхъ, за исключеніемъ уже разсмотрѣнныхъ нами, монаршихъ милостей внѣ закона и выяснимъ, по возможности, ихъ основаніе и историческое прошлое.

---

[1]) Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 Іюля 1709 года. СПБ., 1840 г., стр. 24. Примѣчаніе: Акулина Аѳанасьевна Хитрово обвинялась въ оскорбленіи Величества.

[2]) Тамъ-же и по обвиненію въ такомъ-же преступленіи.

При всей разновидности, упомянутыя милости, которыя до сихъ поръ служатъ предметами постоянныхъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, имѣютъ своимъ первоисточникомъ ту широкую благотворительность нашей древней царской семьи, которая вызывалась ея постояннымъ примѣрнымъ благочестіемъ, оказывалась бѣднымъ, неимущимъ и убогимъ и являлась послѣ молитвы и поста, какъ и въ домашнемъ быту всего тогдашняго русскаго общества, основнымъ началомъ богоугодной спасительной жизни.

Хотя впослѣдствіи такое узкое воззрѣніе на задачи истинной благотворительности вообще и царской въ особенности мѣнялось, но перемѣны эти не могли уже измѣнить вѣками сложившагося убѣжденія народа въ томъ, что на верховномъ его вождѣ, независимо отъ помощи въ борьбѣ съ неумолимымъ закономъ, нерѣдко отрицающимъ нравственно принадлежащее ему право, одинаково лежитъ обязанность и облегченія всевозможными способами его многочисленныхъ страданій отъ бѣдности, нищеты и другихъ житейскихъ невзгодъ.....

Еще со времени введенія христіанства, русскіе властители отличались своимъ нищелюбіемъ, слѣдуя примѣру великаго князя Владиміра Равноапостольнаго, который, по сказанію лѣтописца: [1]) *«повелѣ «всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь «и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ «скотницъ кунами»*, а немощнымъ и больнымъ, которые не въ состояніи были посѣщать его княжескій дворъ, приказывалъ доставлять все необходимое на домъ. Подражая, такимъ образомъ, великому князю

---

[1]) Лаврент.: с. 54, г. 6504.

Владиміру въ дѣлахъ общественной благотворительности, которая постепенно расширялась, сообразно съ новыми нуждами народа, выдвигаемыми и видоизмѣняемыми самою жизнью,—потомки и преемники Владиміра Святаго, въ свою очередь, продолжали столь-же ревностно благотворить подданнымъ и, при томъ, не одни только цари, но и царицы.

Стоитъ заглянуть въ исторически достовѣрное описаніе г. Забѣлинымъ [1]) внутренней домашней жизни нашей царской семьи, въ которой несомнѣнно отразились и всѣ семейные обычаи глубокой старины, чтобы подмѣтить въ отдѣльныхъ эпизодическихъ фактахъ, приводимыхъ авторомъ, такія общія характеристическія черты въ поводахъ и въ пріемахъ челобитчиковъ при заявленіи царю или царицѣ о своихъ матеріальныхъ нуждахъ, какія замѣчаются даже и въ нынѣ подаваемыхъ съ тою-же цѣлью всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ.

При убѣжденіи, что государь есть не только единственный и нелицепріятный судья, но и благотворитель своего народа въ силу обязанности, возложенной на него Богомъ,—челобитчики прежнихъ временъ, считая право на обращеніе къ монарху съ своими нуждами безспорнымъ, заботились уже не столько о томъ, чтобы въ подаваемыхъ челобитныхъ обосновывать ходатайство данными, согласными съ дѣйствительностью, сколько о болѣе жалостливомъ выраженіи нужды.

Такимъ жалостливымъ тономъ челобитныхъ, съ расчетомъ на желаемый эффектъ, отличались въ особенности просительницы. По однообразію фактовъ, постоянно выставляемыхъ въ просьбахъ, для болѣе

---

1) И. Забѣлинъ: Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Москва, 1872 г.

выразительнаго описанія своей горькой нужды и безпомощнаго состоянія, челобитныя о вспомоществованіяхъ обратились впослѣдствіи въ прототипъ этого рода прошеній, подаваемыхъ царю или царицѣ, и каждый челобитчикъ или челобитчица, дословно повторяя въ описательной части прошенія одни и тѣ-же факты, измѣняли лишь самый просительный пунктъ. Упомянутые факты состояли обыкновенно въ ссылкѣ челобитчиковъ на то, что они *«скитаются межъ дворъ, помираютъ голодною смертью, въ «конецъ погибаютъ, а поить и кормить и одѣть и обуть «некому, рода и племени нѣтъ, помощника себѣ ни«кого не имѣютъ, окромѣ Бога и великаго государя или «государыни»*. Въ просительныхъ же пунктахъ, кто по сиротству желалъ поступить въ монастырь, тотъ ходатайствовалъ о выдачѣ денежнаго пособія *«на постриганье»;* кто просилъ выкупить съ правежа, заявляя *«стою я бѣдная въ напраснѣ въ 8 рубляхъ на «правежѣ* (въ долгу), *а окупиться нечѣмъ»;* кто выпрашивалъ на приданое дочери, писалъ: *«сговорила я «дочеришку свою замужъ, а выдать мнѣ на срокъ послѣ «Крещенья въ первое воскресенье, а выдать мнѣ нечѣмъ»;* кто вымаливалъ вспомоществованіе на дальнѣйшее образованіе своихъ дѣтей, тотъ заявлялъ: *«а дѣтишки «мои часовники повыучили, а псалтыри купить нечѣмъ, «прикажи на псалтыри дати, чѣмъ тебя, государыня, «Богъ извѣститъ»*.

Но, кромѣ такой общей и подчасъ вымышленной аргументаціи дѣйствительной нужды, челобитчики нерѣдко приводили и особенную, болѣе основательную и уважительную, прося о пособіяхъ, во вниманіе къ заслугамъ своихъ мужей, отцовъ и братьевъ. *«Мужа моего убили*, пишетъ просительница, *на вашей «службѣ подъ Каширою у Троицы на Бѣлыхъ Пескахъ, «за васъ государей голову положилъ и кровь пролилъ. По-*

«жалуй меня, бѣдную вдову, за мужа моего службу и «за кровь, вели меня постричь въ свое богомолье, въ Воз«несенскій монастырь; а я стара и увѣчна и скитаюсь «межъ дворъ, чтобъ я, бѣдная, волочась межъ дворъ, не «поибла; а я, государыня, нага и боса».

Другая подобная-же челобитная была подана 16 Февраля 1642 года супругѣ царя Михаила Θеодоровича, царицѣ Евдокіи Лукьяновнѣ, вдовою служилаго человѣка Маріею Камышниковою. Въ этой челобитной уже гораздо подробнѣе излагаются служебныя заслуги мужа, въ подтвержденіе права на царское вспомоществованіе [1]).

Замѣчательно, что за весьма рѣдкими исключеніями такія ходатайства постоянно удовлетворялись какъ царемъ, такъ и царицею, выдачею денежнаго вспомоществованія въ размѣрѣ, начиная отъ гривны и до нѣсколькихъ рублей, сообразно съ дѣйствительною нуждою и общественнымъ положеніемъ просителя или просительницы.

Если мы теперь сравнимъ только-что описанные нами пріемы челобитчиковъ XV и XVI столѣтій, при заявленіи ими своихъ ходатайствъ о разнаго рода матеріальныхъ вспомоществованіяхъ, а также ихъ взгляды на царскую благотворительность вообще, съ пріемами и взглядами такихъ же современныхъ просителей, то не замѣтимъ между ними почти никакого существеннаго различія.

Не говоря уже о томъ, что, за исключеніемъ всеподданнѣйшихъ жалобъ на правосудіе, а также прошеній о помилованіи или о смягченіи участи осужденныхъ, большая часть остальныхъ всеподданнѣй-

---

[1]) Примѣчаніе: Челобитную Камышниковой, вслѣдствіе весьма любопытнаго ея содержанія, мы помѣщаемъ текстуально въ приложеніи къ Особенной части.

шихъ ходатайствъ, повергаемыхъ на Высочайшее имя, состоитъ преимущественно изъ прошеній о матеріальномъ вспомоществованіи,—достойно вниманія, что и для современныхъ просителей единственнымъ поводомъ или правомъ для обращенія къ Государю съ подобнаго рода ходатайствами служитъ то же убѣжденіе относительно обязательной нравственной миссіи монарха въ дѣлѣ благотворенія своихъ подданныхъ, какого придерживались и челобитчики минувшихъ столѣтій. Вся разница заключается лишь въ способѣ описанія своей горькой нужды, безъ всякихъ, разумѣется, неумѣстныхъ ссылокъ на «*скитанье межъ дворъ*» и безъ просьбы о выдачѣ какого-либо денежнаго вспомоществованія «*на постриганье*», какъ ходатайствъ, не соотвѣтствующихъ ни духу времени, ни условіямъ современной общественной жизни, но за то просительные пункты, мотивируемые лишь однимъ воззваніемъ *къ безконечному милосердію Государя*, по содержанію своему вполнѣ тождественны съ тѣми, какіе заявлялись и прежними челобитчиками. Какъ въ XV и XVI вѣкахъ, такъ и нынѣ мы найдемъ среди ежегодно подаваемыхъ всеподданнѣйшихъ прошеній о денежномъ вспомоществованіи массу такихъ, въ которыхъ испрашивается извѣстная денежная субсидія: или на уплату личныхъ долговъ, для избѣжанія несостоятельности, или на бракосочетаніе дочерей, или на воспитаніе и образованіе дѣтей, или-же о помѣщеніи въ богоугодныя заведенія по сиротству, убожеству и старческой дряхлости.

Равнымъ образомъ, но только въ сравнительно бо̀льшемъ числѣ, нежели въ до-петровскую эпоху, поступаютъ на Высочайшее Имя прошенія о дарованіи всякаго рода внѣзаконныхъ милостей и со стороны лицъ, которыя, подобно Маріи Камышнико-

вой, обосновываютъ извѣстныя свои ходатайства: о пожалованіи титулами, орденами, пенсіею, денежнымъ пособіемъ и т. п., не однимъ только обращеніемъ къ милосердію Монарха или описаніемъ дѣйствительной нужды, но и ссылкою, въ подтвержденіе своего права, на прошлыя или настоящія личныя служебныя заслуги или-же на заслуги своихъ родственниковъ, оказанныя Престолу и Отечеству, которыя въ особенности со временъ Императора Петра Великаго даютъ такимъ просителямъ предпочтительное право на царское милосердіе и на царскія милости...

ГЛАВА XV.

Прерогатива помилованія и милостей внѣ закона въ началѣ Императорской эпохи, въ царствованіе Императора Петра Великаго.

Государственный абсолютизмъ Императора Петра Великаго, при постоянномъ и неизмѣнномъ девизѣ *«все во имя и для государства»*, вытѣсняя всякое эгоистическое начало въ отношеніяхъ къ государству не только народа, но и самой верховной власти, обязательно долженъ былъ произвести соотвѣтствующія ограничительныя измѣненія и въ личной прерогативѣ Императорской власти на помилованіе.

И въ самомъ дѣлѣ, если отношенія и обязанности Монарха къ своимъ подданнымъ и обратно понимались Императоромъ Петромъ въ смыслѣ началъ, взаимно и тѣсно связующихъ другъ друга ради общаго единенія для самоотверженной дѣятельности

на пользу и къ выгодамъ одного только государства, и если, съ точки зрѣнія Царя, показателями истинныхъ гражданскихъ добродѣтелей вѣрноподданныхъ могли быть исключительно государственныя или общественныя заслуги, а преступнымъ дѣйствіемъ, вызывающимъ суровыя наказанія, признавалось *всякое ослушаніе, причиняющее вредъ и убытокъ государству* [1]),—то логическая послѣдовательность, въ связи съ категорическимъ протестомъ Петра противъ эгоистическихъ вожделѣній не только народа, но даже и самого Монарха въ ущербъ интересамъ государства, безусловно требовали, чтобы и помилованіе преступниковъ, по личному праву верховной власти, преслѣдовало уже не первоначальную религіозную или религіозно-политическую цѣль, которая давала возможность московскимъ государямъ извлекать свои такого-же свойства личныя выгоды, но ту, именно, реальную государственную пользу, о которой Императоръ Петръ I упоминаетъ при опредѣленіи смысла наказанія, считая его могущественнымъ средствомъ для полученія отъ *презирателей указовъ* (т. е. преступниковъ) *разнаго рода важныхъ выгодъ на пользу государства* [2]).

Короче, въ виду провозглашеннаго Петромъ упомянутаго государственнаго девиза и, кромѣ того, при совершенномъ исчезновеніи въ преступленіяхъ преж-

---

[1]) Примѣчаніе: Преступленіемъ, по опредѣленію Императора Петра, стало именоваться всякое дѣйствіе, нарушающее положительный законъ, «которое вредъ и убытокъ государству причинить можетъ», а наказаніе признается могучимъ средствомъ для полученія отъ «презирателей указовъ разнаго рода важныхъ выгодъ на пользу государства». Такимъ образомъ новыми признаками понятія о преступленіи являлись: ослушаніе и вредъ, которыми и обязана была руководствоваться современная юстиція при опредѣленіи преступленія и самаго наказанія.

[2]) Соловьевъ: т. XIV, стр. 254.

няго понятія «грѣховности», замѣненнаго новымъ, въ смыслѣ дѣянія, которымъ нарушается какой-бы то ни было положительный законъ или-же царскій сепаратный указъ, вполнѣ естественно, что въ дѣятельности по примѣненію прерогативы помилованія Петръ одинаково не могъ допустить милосердія, основаннаго на одномъ религіозномъ чувствѣ и на религіозно-политическихъ расчетахъ носителей верховной власти, какъ было прежде, о чемъ, впрочемъ, онъ и самъ заявляетъ въ вышеприведенномъ нами отвѣтѣ патріарху Адріану на его печалованіе, *во имя Христа*, объ участи лицъ, обреченныхъ на казнь, считая, съ своей стороны, *истинно богоугоднымъ дѣломъ всякую защиту народа и казнь злодѣевъ противъ него умышляющихъ*.

Было-бы ошибочнымъ, однако-же, предположеніе, что такой своеобразный взглядъ Императора Петра на смыслъ богоугоднаго дѣла и на иное сообразное съ новымъ порядкомъ вещей назначеніе прерогативы монаршаго помилованія имѣетъ своимъ источникомъ присущій Петру Великому радикализмъ, которымъ привыкли объяснять всякую перемѣну и всякій крутой поворотъ въ дѣятельности этого великаго Монарха, въ особенности во время преобразованій, стихійное стремленіе къ осуществленію которыхъ сопровождалось обыкновенно ломкою и уничтоженіемъ всего того, что служило препятствіемъ на пути къ достиженію заранѣе намѣченной цѣли. Болѣе точное и вѣрное объясненіе приведенному взгляду Петра мы найдемъ въ дѣйствительномъ отсутствіи у Императора религіознаго воспитанія, въ шаткости его религіозныхъ убѣжденій, а еще болѣе въ религіозной исключительности русской жизни съ отрицаніемъ всего, что лежало внѣ религіозной сферы, которою Царь тяготился послѣ сво-

его знакомства съ западнымъ развитіемъ и съ западными государственными порядками...

Казалось, что при установленной, такимъ образомъ, самимъ Императоромъ Петромъ одной только общегосударственной цѣли, которой отнынѣ одинаково должна была служить и данная прерогатива, слѣдовало-бы ожидать, что прерогатива эта будетъ оставаться въ области одного лишь права, безъ всякаго фактическаго примѣненія, не взирая даже на то, что самъ Петръ напоминаетъ о ней народу въ указѣ 24 Января 1722 г. [1]), въ которомъ заявляетъ: «Тѣ, которые за тяжкія преступленія отставлены, публично на площади наказаны, или хотя «только обнажены, или пытаны были, оные лишены «отъ имѣвшаго титла и ранга, *развѣ они отъ Насъ «за какія выслуги паки за собственною Нашею рукою и «печатью въ совершенную ихъ честь возстановлены: и «о томъ публикѣ объявлено будетъ*».

Но въ дѣйствительности Императору Петру Великому не было чуждо чувство состраданія къ падшимъ, и онъ не слишкомъ твердо придерживался тѣхъ государственныхъ принциповъ, какіе старался проводить въ жизнь при помощи и подъ угрозою суровыхъ и неслыханныхъ, по своей жестокости, наказаній. *«Если-бы, когда нибудь»*, пишетъ о Петрѣ Нартовъ, одно изъ приближенныхъ къ Нему лицъ, *«случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ «его, вострепеталъ-бы отъ ужаса, что содѣлывалось «противъ сего Монарха. Мы, бывшіе сего великаго госу«даря слуги, вздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша ино-*

---

[1]) Примѣчаніе: Упомянутый указъ 24 Января 1722 г. вошелъ впослѣдствіи въ число источниковъ узаконеній о помилованіи Свода Законовъ уголовныхъ 1833 г. (Св. Зак. Угол., изд. 1833 г., Глава V, Отд. II, п. VII. ст. 148).

«гда упреки жестокосердія его, котораго въ немъ не было. «Когда-бы многіе знали, что претерпѣвалъ, и какими «онъ уязвляемъ былъ горестями, то ужаснулись-бы, ко«лико снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ и про«щалъ преступленія, незаслуживающія милосердія [1]*)....»*

Слѣдовательно, мы въ правѣ заключить, что Царь-труженикъ, строго говоря, только *законодательно* боролся съ старыми, ненавистными ему общественными нравами и государственными порядками, и, хотя прежде, нежели казнить «презирателей своихъ указовъ», желая быть послѣдовательнымъ и безпристрастнымъ, соразмѣрялъ совершенныя ими злодѣянія съ заслугами, оказанными государству и обществу [2]), но, сознавая при этомъ, что подобныя заслуги не всегда бываютъ на столько велики, чтобы могли превысить значеніе совершеннаго преступленія, прибѣгалъ къ другимъ чрезвычайнымъ пріемамъ, дабы облегчить участь осужденныхъ не только за обыкновенныя, но даже за государственныя преступленія [3]), не смотря на то, что государственнымъ пре-

---

[1]) Соловьевъ: т. XVIII, стр. 259.

[2]) Доказательствами служатъ неоднократные примѣры прощенія Петромъ Великимъ своего любимца князя Меншикова, единственно во вниманіе къ его государственнымъ заслугамъ и не взирая на безусловную виновность «Данилыча» въ злоупотребленіяхъ властью, въ казнокрадствѣ и въ другихъ преступленіяхъ и даже независимо отъ личнаго мнѣнія о немъ самого Государя, которое онъ высказывалъ въ письмѣ своемъ къ Императрицѣ Екатеринѣ, постоянной заступницѣ за Меншикова: «Меньшиковъ, пишетъ «Петръ, въ беззаконіи зачатъ, въ грѣсѣхъ родила мать «его и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой и если «онъ не исправится, то быть ему безъ головы». (Соловьевъ, т. XVIII, стр. 156). Два прошенія князя Меншикова къ Императору Петру о помилованіи помѣщены въ приложеніи къ Особенной части.

[3]) Сенатору и подканцлеру Шафирову, приговоренному къ смертной казни Особымъ вышнимъ судомъ, назначеннымъ по повелѣнію Петра, за нарушеніе Его регламентовъ во время присутствія въ Сенатѣ и за публичное оскорбленіе Оберъ-Прокурора Скорнякова-Писарева, Высочайшее помилованіе, состоявшее въ замѣнѣ смертной казни заточеніемъ въ Сибирь, было

ступникамъ, «*яко нарушителямъ правъ государственныхъ и противникамъ власти*», согласно указамъ самого Петра, отказывалось закономъ во всякой пощадѣ, и никакія ихъ государственныя заслуги не принимались во вниманіе.

Какого-же рода были эти чрезвычайные пріемы Царя, при желаніи облегчить участь осужденныхъ,— пріемы, въ которыхъ, въ особенности къ концу его царствованія, замѣчается поворотъ въ карательной дѣятельности въ сторону человѣколюбія и милосердія?

По своимъ основаніямъ они могутъ быть подраздѣлены на двѣ категоріи, изъ которыхъ къ первой слѣдуетъ отнести всѣ способы, какіе, согласно Высочайшимъ указамъ, практиковались отчасти и современными правительственными и судебными учрежденіями до Сената включительно и состояли въ замѣнѣ тяжкихъ наказаній преступникамъ, не знающимъ за собою въ прошломъ никакихъ государственныхъ или общественныхъ заслугъ, болѣе легкими, подъ условіемъ хотя-бы будущихъ или обѣщанныхъ ими матеріальныхъ выгодъ отечеству, въ видѣ обязательной поставки рекрутъ, принятія православія [1]), открытія и указанія минеральныхъ

публично объявлено Кабинетъ-Секретаремъ Макаровымъ на эшафотѣ, на который Шафировъ былъ уже возведенъ для казни (Соловьевъ, т. XVIII, стр. 150).

[1]) Изъ Сенатскаго указа 25 Іюня 1723 года, состоявшагося по донесенію бригадира Фамендина о челобитной Черемисъ Казанскаго уѣзда, ходатайствовавшихъ о томъ, чтобы «не чинить имъ наказанія за утайку душъ, а крестить въ православіе», видно, что Сенатъ не только приговорилъ: «тѣхъ сотника и старостъ и черемисъ съ же«нами и дѣтьми 545 душъ крестить въ православную «вѣру Греческаго вѣроисповѣданія», но и постановилъ въ видѣ общей мѣры «для того какъ имъ, такъ ежели и впредь та«кіе иновѣрцы въ утайкѣ душъ явятся, а пожелаютъ «креститься и тѣмъ наказанія не чинить» (П. С. З., т. VII,

залежей [1]), предложенія услугъ къ обученію ремесламъ [2]), принятія на себя обязанности палача [3]) и т. п., или, наконецъ, донесенія правительственной власти о какомъ-либо умышленномъ государственномъ преступленіи.

Сенатская практика временъ Петра и ближайшихъ его преемниковъ, по дѣламъ о политическихъ доносахъ, лучше всего свидѣтельствуетъ о той страшной путаницѣ, какую подобные доносы, или знаменательное *«слово и дѣло»*, поощряемое самимъ Государемъ въ воинскихъ артикулахъ и заявляемое осу-

---

25 Іюня 1723 г., № 4254). Примѣчаніе: Замѣчательно, что упомянутый указъ Сената 25 Іюня 1723 года буквально цитируется въ ст. 139 Свода Законовъ Уголовныхъ изданія 1833 года и помѣщенъ въ числѣ обстоятельствъ, освобождающихъ отъ всякаго наказанія, съ однимъ, впрочемъ, дополненіемъ, а именно, что, если иновѣрцы обвинены будутъ въ убійствахъ и другихъ тяжкихъ преступленіяхъ, то приговоры о ихъ наказаніи представляются Сенату. Съ изданіемъ-же Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 года, принятіе христіанской вѣры иновѣрными сопричислено лишь къ случаямъ смягченія наказанія, а не совершеннаго освобожденія отъ онаго (ст. 157 по проекту) и, наконецъ, въ нынѣ действующемъ Уложеніи о наказан. оно, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 24 Марта 1866 года (П. С. З.—43138), исключено даже изъ числа обстоятельствъ смягчающихъ наказанія.

[1]) Подобный случай приведенъ въ донесеніи извѣстнаго генералъ-лейтенанта де-Геннина, завѣдывавшаго сибирскими заводами бергъ-коллегіи, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что: «нѣкій пойманный воръ Сергѣй Маторыгинъ «Безрудный, сознавшійся въ совершеніи трехъ разбоевъ и одной татьбы, «желая избавиться отъ смертной казни, заявилъ, что знаетъ въ Тобольскомъ «уѣздѣ серебряную руду......» (Пам. Сиб. Ист. II, стр. 433)

[2]) Петербургскій генералъ - полицмейстеръ Девіеръ объявилъ Сенату 14 Января 1724 года именной указъ Императора Петра, коимъ повелѣвалось иноземца француза, слесарнаго дѣла мастера Гильома Белина, присужденнаго за смертное убійство въ каторжную работу, отъ той работы учинить свободна, но отослать его въ канцелярію надъ строеніями въ команду директора Синявина и быть ему тамъ подъ карауломъ, чтобъ онъ не ушелъ, и обучать слесарному своему ремеслу оной команды людей, сколько надлежитъ, и того ему, директору, смотрѣть самому, дабы оные обучены были добрымъ мастерствамъ.....» (Сб. Р. И. О., XI, стр. 528).

[3]) Въ «Матеріалахъ для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній», помѣщенъ случай добровольнаго поступленія въ «заплечные мастера» нѣкоего вѣдомаго вора Пронки Свиридова, для избавленія отъ наказанія.

жденными преступниками большею частью съ цѣлью отдалить исполненіе надъ собою судебнаго приговора, вносили въ дѣятельность административныхъ и судебныхъ учрежденій того времени, не говоря уже о полнѣйшей деморализаціи самаго общества. Деморализація общества въ этомъ отношеніи была на столько велика и пустила такіе глубокіе корни въ общественный организмъ, что отучить отъ наклонности къ политическимъ доносамъ не могли ни манифестъ Императора Петра III, 21 февраля 1762 г. [1]), объ уничтоженіи Тайной розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи, въ которомъ строго воспрещалось придавать какое-либо значеніе «ненавистному», какъ сказано въ манифестѣ, выраженію «*слово и дѣло*»,— ни такого же содержанія именной указъ Императрицы Екатерины II 19 Октября 1762 года [2]), подтверждавшій упраздненіе Тайной розыскной Канцеляріи и также категорически запрещавшій употребленіе выраженія «слово и дѣло», ни принятыя Императрицею мѣры къ огражденію тѣхъ лицъ, на которыхъ доносили, ни, наконецъ, упраздненіе Императоромъ Александромъ I Тайной Экспедиціи [3])....

Что-же касается до пріемовъ второй категоріи, въ которыхъ уже отсутствуетъ эксплоатація личности преступника на пользу государства, и при помощи которыхъ Императоръ Петръ Великій одинаково облегчаетъ участь и прощаетъ преступниковъ, нерѣдко возстанавливая ихъ даже въ утраченныхъ

---

[1]) П. С. З.—1762 г.—№ 11445.

[2]) П. С. З.—1762 г.—№ 11687.

[3]) Примѣчаніе: Доказательствомъ той глубокой общественной деморализаціи, какую вызвало поощреніе правительственною властью всякаго рода доносовъ, можетъ послужить слѣдующій фактъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Въ Апрѣлѣ 1738 года, въ Канцелярію Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ поступилъ доносъ жены отставнаго флота капитана-поручика (Капитанъ-

по суду личныхъ и имущественныхъ правахъ, то эти пріемы или способы состояли въ цѣломъ рядѣ манифестовъ, издававшихся по поводу какихъ-либо особенныхъ, важныхъ государственныхъ событій, и которыми, по словамъ Государя, онъ *«учинялъ генеральное прощеніе и отпущеніе винъ во всемъ государствѣ»*.

Такъ, напримѣръ 4 Ноября 1721 года [1]), изданъ былъ манифестъ по случаю Ништадтскаго мира съ Швеціею, коимъ объявлялось общее помилованіе сосланнымъ на каторгу, а въ началѣ 1725 года появляется масса указовъ о смягченіи наказаній и общемъ помилованіи *«для многолѣтняго здравія Государя»* [2]).

Въ запискахъ Желябужскаго [3]) помѣщенъ рядъ случаевъ замѣны по Высочайшему повелѣнію тяжкихъ наказаній болѣе легкими—вмѣсто висѣлицы повелѣвалось бить кнутомъ, вмѣсто кнута наказать батогами, а иногда *указывалось даже не чинить никакого наказанія.*

Для публичнаго и торжественнаго объявленія

Лейтенанта) Елены Возницыной на мужа Александра Возницына, объ отступленіи его отъ православія и о переходѣ въ жидовскій законъ.

По произведенному разслѣдованію, подтвердившему основательность доноса, обвиняемый Александръ Возницынъ, согласно собственноручной резолюціи Императрицы Анны Іоанновны на докладѣ Сената по упомянутому дѣлу 3 Іюля 1738 года, былъ приговоренъ къ смертной казни посредствомъ сожженія, и таковой приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Что-же касается до супруги казненнаго Александра Возницына, Елены Возницыной, то спустя полгода, а именно въ Январѣ 1739 года, состоялся Высочайшій указъ, которымъ ей предоставлялась не только указная часть изъ движимаго и недвижимаго имущества покойнаго мужа, но сверхъ того назначалось еще сто душъ, въ видѣ вознагражденія за доносъ. (П. С. З.—1738 г., 3 Іюля, № 7612 и 1739 г.—10 Января, № 7725).

[1]) П. С. З., т. VI, № 3842.

[2]) Тамъ-же, т. VII, №№ 4638, 4641 и 4642.

[3]) Записки Желябужскаго, СПБ., 1840 г.

преступникамъ подобныхъ Высочайшихъ указовъ, Петромъ Великимъ повелѣно было 30 Августа 1720 года [1]) устроить предъ Сенатскою Канцеляріею особенное мѣсто, на которое возводить осужденныхъ на казнь, и съ котораго имъ *всенародно о прощеніи ихъ сказку сказывать.*

Преступники же, которые по судебнымъ приговорамъ подвергались тѣлесному наказанію, а между тѣмъ Государь впослѣдствіи, въ путяхъ милосердія, желалъ возстановить ихъ въ чести, для принятія вновь на государственную службу, приводились обыкновенно въ Военную Коллегію, и тамъ, въ видѣ символическаго дѣйствія, снимавшаго позоръ понесеннаго ими тѣлеснаго наказанія, на нихъ торжественно возлагалось знамя [2]).

Обращаясь къ обзору другихъ внѣзаконныхъ монаршихъ милостей, какія Императоромъ Петромъ Великимъ оказывались преимущественно служилому классу, во вниманіе къ его заслугамъ, нельзя не замѣтить что на сколько Государь былъ щедрымъ въ пожалованіи служилыхъ людей землями, деревнями и угодьями, усматривая въ подобной оказываемой милости, съ точки зрѣнія финансовой и политико-экономической, отчасти извѣстную государственную даже выгоду или пользу, такъ какъ, по мнѣнію Петра [3]), польза эта должна будетъ выразиться въ болѣе правильномъ платежѣ податей, а также въ улучшеніи быта крестьянъ,—на столько онъ неблагосклонно относился ко всякаго рода ходатайствамъ о сло-

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3635.

[2]) П. С. З., т. VII, № 4083.

[3]) Примѣчаніе: Упомянутое мнѣніе Императора Петра приведено имъ въ своемъ указѣ, изданномъ 23 Марта 1714 года, относительно порядка наслѣдованія въ дворянскихъ и недвижимыхъ имуществахъ. (П. С. З., 1714 г. Марта 23, № 2789).

женіи, въ путяхъ Монаршаго милосердія, казенныхъ штрафовъ и недоимокъ, а еще болѣе къ всеподданнѣйшимъ прошеніямъ о денежномъ вспомоществованіи, оставляя ихъ, большею частью, безъ удовлетворенія, какъ потому, что не любилъ вообще выдавать деньги на частныя нужды, такъ равно и вслѣдствіе истощенія казны и общаго плачевнаго состоянія государственнаго бюджета, въ которомъ расходы значительно превышали доходы, а самые доходы уменьшались, благодаря неисправности и казнокрадству....

Извѣстно, что недостаточность денежныхъ средствъ и необезпеченность содержанія служащихъ, сообразно новымъ потребностямъ жизни, невольно побуждали Петра допустить прежнее кормленіе, которое онъ желалъ уничтожить, считая его закоренѣлою болѣзнью русскаго общества и главнѣйшею причиною денежнаго кризиса.

И потому, въ видахъ возможнаго предупрежденія какихъ-либо ходатайствъ о денежномъ вспомоществованіи со стороны лицъ, принадлежащихъ къ военному сословію, на которомъ было сосредоточено преимущественное вниманіе и заботы Императора, и, въ то-же время, ради огражденія его отъ крайней нужды, указомъ, изданнымъ въ Мартѣ 1716 года [1]), повелѣвалось тѣхъ, которые служили въ арміи и были отставлены за негодностью къ военной службѣ, опредѣлять въ гарнизоны, или-же назначать ландратами по губерніямъ, а, въ случаѣ совершенной ихъ неспособности къ службѣ за дряхлостью и увѣчьями, выдавать имъ небольшое содержаніе изъ денегъ, собираемыхъ со всѣхъ чиновъ на госпитали.

---

[1]) П. С. З.—1716 г., 22 Марта, № 3003.

Наконецъ, ради предупрежденія жалобъ и гражданскихъ чиновниковъ на недостаточность содержанія, а равно всякихъ съ ихъ стороны ходатайствъ объ увеличеніи таковаго, Петръ въ 1713 году [1]), на челобитную, поданную служащими въ секретномъ столѣ Сенатской канцеляріи о томъ, что имъ, *кромѣ жалованья, нѣтъ никакого прибытка, и пропитаться съ семействами невозможно,* повелѣваетъ: «*вмѣсто жалованья вѣдать въ секретномъ столѣ всѣ иноземческія и Строгоновы дѣла, кромѣ городскихъ*» (Архангельскихъ).

Денежныя вспомоществованія выдавались иногда только особамъ, наиболѣе приближеннымъ къ Царю, какими были: князь Меньшиковъ, графъ Матвѣевъ, иноземецъ (впослѣдствіи графъ) Остерманъ, Артемій Петровичъ Волынскій, Кононъ Никитичъ Зотовъ, сынъ извѣстнаго государственнаго фискала Никиты Моисѣевича Зотова, и другіе [2]), которые, безпрестанно жалуясь Государю на свою «*всекрайнюю нужду*» и на «*разорительную службу*», въ концѣ концовъ достигали желаемаго, благодаря, однако-же, энергическому содѣйствію съ одной стороны Императрицы Екатерины, а съ другой — всесильнаго при Петрѣ кабинетъ-секретаря Алексѣя Васильевича Макарова, замѣнившаго при особѣ Государя Никиту Моисѣевича Зотова.

Отъ Макарова безусловно зависѣло или направить челобитную къ благопріятному исходу, доложивъ ее Государю въ наиболѣе удобную минуту,

---

[1]) П. С. З.—1713 г., 29 Мая № 2683.

[2]) Примѣчаніе: Не лишенныя по своему содержанію интереса, какъ по отношенію къ лицамъ, такъ и къ нравамъ эпохи, всеподданнѣйшія прошенія и письма Остермана и Конона Зотова, разновременно поданныя ими Императору и его кабинетъ-секретарю Макарову, помѣщены нами въ приложеніи къ Особенной части.

когда Петръ былъ въ хорошемъ расположенiи духа, или-же, напротивъ, провалить всякое ходатайство, какъ-бы уважительно оно ни было, несвоевременнымъ представленiемъ его на Высочайшее усмотрѣнiе.

Вслѣдствiе сего, самые сильнѣйшiе изъ Петровскихъ вельможъ искали расположенiя Макарова и прибѣгали къ нему съ просьбами о заступничествѣ предъ Царемъ, величая даже въ письмахъ своимъ благодѣтелемъ [1]).

Угождая вельможамъ и заручаясь ихъ преданностью и расположенiемъ, Макаровъ не забывалъ при этомъ и самого себя, одинаково эксплоатируя и даже злоупотребляя своимъ положенiемъ и влiянiемъ на Петра, и, хотя, не смотря на крайнюю осмотрительность и осторожность, свойственныя такому ловкому и умному дѣльцу, умѣвшему хоронить концы, Макаровъ и былъ уличенъ въ 1724 году во взяточничествѣ, вмѣстѣ съ остальными членами высшаго суда, назначеннаго Петромъ по дѣлу камергера Монса, но, повидимому, съумѣлъ оправдаться предъ Государемъ и даже сохранить свое прежнее значенiе, такъ какъ, послѣ смерти Царя и при учрежденiи Императрицею Екатериною I въ 1726 году Верховнаго Тайнаго Совѣта, мы видимъ Макарова пожалованнымъ чиномъ Тайнаго Совѣтника и въ новой должности «тайнаго кабинетъ-секретаря» Императрицы, которую онъ вынужденъ былъ покинуть лишь съ упраздненiемъ Кабинета при Императорѣ Петрѣ II [2]).

---

[1]) **Примѣчанiе:** Въ видѣ иллюстрацiи отношенiй вельможъ Петровскихъ временъ къ кабинетъ-секретарю Макарову, мы помѣщаемъ въ приложенiи къ Особенной части письма къ нему нижеслѣдующихъ лицъ: а) генералъ-адмирала Θедора Матвѣевича Апраксина, б) Мальтiйскаго кавалера-фельдмаршала Шереметева, в) Артемiя Петровича Волынскаго и г) сенатора графа Ивана Мусина-Пушкина.

[2]) Соловьевъ: т. XVIII, стр. 242, 273, 283, 285, 288, 298, 303 и 305.

Выяснивши цѣль, которую преслѣдовалъ Императоръ Петръ Великій вообще, въ интересахъ исключительно государственныхъ, при осуществленіи своего атрибута помилованія и милостей внѣ закона, намъ остается коснуться еще одной внѣзаконной милости, служащей и нынѣ предметомъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, которая ведетъ свое начало также со временъ Петра.

Рѣчь идетъ о пожалованіи, въ путяхъ монаршаго милосердія, за государственную или общественную службу титулами, чинами или рангами.

Необходимо замѣтить, что, задолго до изданія Императоромъ Петромъ въ 1722 году [1]) табели о рангахъ и вслѣдствіе нѣкоторыхъ перемѣнъ, произведенныхъ имъ въ положеніи дворянъ,—въ высшемъ современномъ русскомъ обществѣ появилась какая-то болѣзненная жажда чиновъ и громкихъ иностранныхъ титуловъ, при чемъ отсутствіе какихъ-либо личныхъ, болѣе или менѣе выдающихся государственныхъ или общественныхъ заслугъ, которыми обусловливалось при Петрѣ удовлетвореніе такого рода ходатайствъ, нерѣдко заставляли просителей, въ подкрѣпленіе права на испрашиваемую монаршую милость, ссылаться на заслуги своихъ отдаленныхъ родственниковъ. Но Императоръ не поддавался пріемамъ челобитчиковъ, такъ какъ допускалъ и въ этомъ случаѣ преемственность права, основаннаго на заслугахъ извѣстнаго лица, прежде всего за его наслѣдниками по прямой нисходящей линіи, и только съ прекращеніемъ ея удовлетворялъ ходатайства ближайшихъ родственниковъ, принимая при этомъ въ соображеніе и личныя ихъ заслуги.

---

[1]) П. С. З.—1722 г., № 3890.

Подтвержденіемъ можетъ служить слѣдующій примѣръ. Приблизительно около 1715 года старшій братъ извѣстнаго генералъ-адмирала и приближеннаго къ Царю Ѳедора Матвѣевича Апраксина, Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, обратился къ Императору Петру съ просьбою [1]), въ которой, описывая собственныя государственныя заслуги, ходатайствовалъ о пожалованіи ему, въ путяхъ монаршаго милосердія, чина Тайнаго Совѣтника и о возведеніи въ графское достоинство.

Какъ истинный знатокъ и безпристрастный цѣнитель дѣйствительныхъ служебныхъ заслугъ каждаго изъ своихъ подданныхъ, Петръ, не усматривая въ служебной дѣятельности Петра Апраксина никакихъ особенно выдающихся отличій и напоминая просителю о томъ, что за тѣ заслуги, на которыя онъ ссылается въ прошеніи, онъ уже былъ пожалованъ въ 1709 году честью боярства, и что, хотя послѣдующія его дѣйствія во время Кубанскаго похода и заключенія мирнаго трактата съ Турціею и даютъ ему нѣкоторое право на полученіе чина Тайнаго Совѣтника, но чинъ этотъ можетъ быть полученъ имъ не ранѣе, какъ послѣ исполненія возложенной на него Государемъ обязанности по организаціи Юстицъ-Коллегіи, дѣйствія которой, въ числѣ другихъ Коллегій, обязательно должны были начаться съ 1719 г. [2]), и президентомъ которой Петръ Апраксинъ былъ назначенъ въ 1722 г.

---

[1]) Примѣчаніе: Всеподданнѣйшее прошеніе Петра Апраксина съ резолюціею на немъ Императора Петра помѣщено въ приложеніи къ Особенной части.

[2]) Примѣчаніе: Въ собственноручной резолюціи Императора на прошеніи Петра Апраксина упомянутая условность для производства въ Тайные Совѣтники выражена словами: «когда свою коллегію подлинно оснуете».

Что-же касается до пожалованія графскаго титула, продолжаетъ Петръ въ той-же резолюціи: «*і то в воли брата вашего* (генералъ-адмирала Өедора «Матвѣевича), *кого он назначит вмѣсто сына, тому і* «*утвержу: понеже сие на братеѳ не сходит, но на нис*-«*ходящую линѣю наслѣдства*» [1]).

Несомнѣнно, что въ послѣдней части своей резолюціи, относительно графскаго титула, Государь далъ понять Петру Апраксину, что на такой титулъ имѣлъ-бы скорѣе право его младшій родной братъ, по своимъ выдающимся государственнымъ заслугамъ, и потому отъ него зависитъ добровольно уступить ему это право, помимо своего нисходящаго потомства.

По всей вѣроятности, Петръ Апраксинъ воспользовался впослѣдствіи указаніями Государя, ибо новое всеподданнѣйшее ходатайство о пожалованіи ему графскаго достоинства было возбуждено уже Өедоромъ Матвѣевичемъ, при чемъ въ сохранившейся копіи съ диплома на графскій титулъ, выданнаго Императоромъ Петру Апраксину, подробно и преимущественно описаны заслуги младшаго его брата Өедора Апраксина, и прибавлено: «*И понеже онъ нис*«*ходящей линіи потомства не имѣетъ, которое бъ сію* «*отъ насъ пожалованную ему высокую честь* (графство) «*наслѣдствовать могло, и для того онъ насъ всепокор*«*ственно просилъ, дабы мы брата его первороднаго, намъ* «*любезно вѣрнаго боярина Петра Матвѣевича Апрак*«*сина съ его наслѣдниками нисходящей линіи того* «*графскаго титула удостоили и тою-же высокою честію* «*пожаловали. Того ради мы, для показанія особливой* «*нашей къ нему милости, ради его вышеупомянутыхъ* «*славныхъ дѣлъ и великихъ услугъ намъ и нашему*

---

[1]) Ороографія подлинника.

«государству показанныхъ, и понеже и онъ, братъ «его, намъ сначала государствованія нашего какъ въ «гражданскихъ, такъ и въ воинскихъ дѣлѣхъ вѣрно «служилъ, и на сіе его прошеніе всемилостивѣйше поз- «волили......»

Но число всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о титулахъ, подобныхъ только-что приведенному, было при Императорѣ Петрѣ Великомъ весьма незначительно, сравнительно съ количествомъ челобитныхъ о награжденіи внѣ правилъ чиномъ или рангомъ, во вниманіе къ какимъ-либо личнымъ заслугамъ просителей. Число такихъ челобитныхъ увеличилось еще болѣе, послѣ изданія Петромъ въ 1722 году [1]) «Табели о рангахъ», вводившей новый способъ пріобрѣтенія дворянства путемъ службы и существенно измѣнившей прежнее понятіе о чинѣ, которому стала соотвѣтствовать извѣстная должность, и отъ которой самый чинъ получалъ свое названіе.

Чтобы сдѣлаться дворяниномъ и быть причисленнымъ «въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству», т. е. пріобрѣсти потомственное дворянство, на основаніи табели о рангахъ, нужно было достигнуть перваго офицерскаго чина въ арміи, или-же получить въ гражданской службѣ чинъ не ниже 8 класса, а между тѣмъ всѣхъ чиновъ или классовъ было 14. Такимъ образомъ становится понятнымъ то необыкновенное стремленіе къ повышенію въ чинахъ не только по правиламъ, но и внѣ правилъ, по царской милости, какое замѣчается какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ сферахъ современнаго общества. Всякій добивался у Царя какого-нибудь званія или положенія, дабы, начиная съ этого поло-

---

[1]) П. С. З.—1722 г., № 3890.

женія, постепенно и путемъ дальнѣйшей выслуги пробраться въ дворяне.

«*Сижу я всенижайшій при дворѣ вашего величества* «*у огороднаго дѣлу, съ 1710 году, со всякимъ прилежа*-«*ніемъ*, пишетъ въ 1721 году какой-то Борисъ Нероновъ, состоящій въ штатѣ дворцовой прислуги,— «*а характеру* (т. е. положенія и званія) *и тракта*-«*менту никакого не имѣю. И нынѣ всемилостивѣйшимъ* «*вашего величества указомъ опредѣляются какъ граж*-«*данскіе, такъ и военные и придворные чины вновь, и* «*для того сочиняется регламентъ. Того ради, всемило*-«*стивѣйшій государь, прошу ваше величество, дабы я,* «*всенижайшій вашъ рабъ, по высокому вашего величества* «*милосердію, удостоенъ былъ характеромъ* [1]) . . . . . »

Таково было вліяніе на общество выслуги, какъ единственнаго способа, установленнаго Петромъ къ пріобрѣтенію дворянства, взамѣнъ прежняго, когда оно пріобрѣталось только рожденіемъ и весьма рѣдко пожалованіемъ.

Способъ этотъ впослѣдствіи нѣсколько измѣнился при Императрицѣ Екатеринѣ II и при Императорѣ Николаѣ I, но въ результатѣ всѣхъ послѣдующихъ измѣненій получилось положеніе, дѣйствующее и до сихъ поръ, въ силу котораго *дворянство на гражданской службѣ пріобрѣтается какъ-бы пожалованіемъ*, а слѣдовательно становится предметомъ одной только Монаршей милости.

---

[1]) Русская Старина: Іюнь, 1872 г.

ГЛАВА XVI.

Право помилованія въ царствованія преемниковъ Императора Петра Великаго. Постепенная регламентація и ограниченіе этого права самою Императорскою властью, въ интересахъ государственныхъ и общественныхъ. Ученіе о прерогативѣ помилованія Россійской Державности.

Со включеніемъ Россіи Императоромъ Петромъ Великимъ въ число европейскихъ державъ и съ подчиненіемъ ея, такимъ образомъ, дальнѣйшему вліянію западно-европейской цивилизаціи, само собою разумѣется, что несостоятельность его абсолютной государственной теоріи должна была обнаружиться при первомъ-же ея столкновеніи съ новыми нравственными и политическими понятіями, внесенными въ жизнь западныхъ народовъ политическими мыслителями второй половины XVIII вѣка, которые значительно измѣнили прежнія воззрѣнія на происхожденіе права, религіи, государства и общественныхъ отношеній.

Равнымъ образомъ, вмѣстѣ съ несостоятельностью государственнаго абсолютизма, политическая философія XVIII столѣтія доказала также и неумѣстность прежняго идеальнаго представленія о государствѣ, какъ о какомъ-то божествѣ, которому, по убѣжденію Императора Петра, не только всѣ подданные, но и Монархи одинаково обязаны приносить всевозможныя жертвоприношенія.

Между тѣмъ, подобный взглядъ на государство и на отношенія къ нему народа и Монарховъ не выдерживалъ уже критики съ точки зрѣнія началъ

личной свободы и свободы собственности, провозглашенныхъ, въ числѣ другихъ коренныхъ принциповъ, новою политическою теоріею, которая допускала обязательность упомянутыхъ жертвоприношеній государству на столько, на сколько того требовали его истинныя задачи и цѣль, состоявшія лишь въ обезпеченіи *общаго блага*.

Далѣе, подъ вліяніемъ тѣхъ-же политическихъ идей, а также гуманныхъ принциповъ XVIII вѣка, проникнувшихъ сначала въ науку уголовнаго права, а затѣмъ въ западное положительное законодательство, появилось и новое ученіе о правѣ и цѣли наказаній, вытѣснившее первоначальное, съ его системою устрашенія, доведенною Императоромъ Петромъ Великимъ до крайнихъ предѣловъ, замѣнивъ ее системою исправленія преступниковъ, которая, по мнѣнію тогдашнихъ криминалистовъ, болѣе обезпечивала государство и общество отъ всякаго рода преступленій, нежели наказанія, ужасающія своею безчеловѣчною жестокостью . . .

Наконецъ, при общемъ разборѣ правъ и отношеній верховной власти къ государству, почти всѣ политическія теоріи, какъ извѣстно, единогласно признали личныя ея права и привиллегіи неотъемлемою принадлежностью всякой Державности, независимо отъ формы государственнаго управленія, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями въ правѣ осуществленія одной изъ нихъ, а именно—*прерогативы помилованія*.

Главнымъ основаніемъ для такого ограниченія послужили соображенія, что въ качествѣ акта, имѣющаго могущественное политическое значеніе, право помилованія, при своей абсолютности и при отсутствіи какой-бы то ни было регламентаціи въ способѣ и порядкѣ его примѣненія, не взирая на свое

прекрасное назначеніе уравновѣшивать несовершенство человѣческихъ законовъ и правосудія съ идеей высшей правды и справедливости, можетъ, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ какихъ-либо злоупотребленій, поколебать въ народѣ уваженіе къ закону и къ органамъ государственнаго управленія . . .

Вполнѣ естественно, что всѣ эти идеи въ области государственнаго и уголовнаго права, которыя произвели радикальный переворотъ въ государственной и общественной жизни западныхъ народовъ, не могли не отразиться, до нѣкоторой степени, и на нашей современной политической и общественной жизни.

Слѣды такого вліянія вообще, а въ особенности новѣйшаго ученія о правѣ и цѣли наказаній, основаннаго на гуманныхъ началахъ, отразились прежде всего на уголовной практикѣ Правительствующаго Сената, изъ которой видно, что еще задолго до выхода знаменитаго указа Императрицы Елизаветы Петровны 1754 года, только условно отмѣнявшаго смертную казнь, Правительствующій Сенатъ уже отмѣняетъ таковую фактически, избѣгая, вопреки дѣйствующимъ законамъ, всякаго ея примѣненія въ многочисленныхъ своихъ приговорахъ.

За періодъ времени съ 1742 по 1757 годы, мы имѣемъ рядъ Сенатскихъ указовъ, принципіально устраняющихъ не только смертную казнь, но и пытку, при чемъ, дабы отъ вниманія и ревизіи Сената не ускользнули подобнаго рода приговоры низшихъ судебныхъ мѣстъ,—имъ строго воспрещается приведеніе въ исполненіе своихъ окончательныхъ рѣшеній, безъ предварительной ревизіи и утвержденія Сената [1]).

[1]) П. С. З.—1744 г. 7 Мая, 8944.

Изъ Сенатскихъ указовъ означеннаго періода, приводимъ слѣдующіе: а) 1742 года [1]), коимъ отъ смертной казни и пытки освобождаются всѣ малолѣтніе до 17-лѣтняго возраста включительно, осужденные за тяжкія преступленія; б) 1751 года [2]), которымъ предписывается, преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни, ссылать на работы въ Рогервикъ, съ правомъ полученія заработныхъ денегъ; в) того-же 1751 года [3]), коимъ предписывается, женщинъ, приговоренныхъ къ смертной казни, ссылать вмѣсто Рогервика въ Сибирь на жительство; г) 1757 года [4]), коимъ воспрещается вырываніе ноздрей и клейменіе лица у тяжкихъ преступницъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, послѣ наказанія ихъ кнутомъ, и т. д.

Приведенные и многіе другіе указы Сената второй половины XVIII вѣка, въ которыхъ обнаруживается видимое стремленіе къ возможно большему облегченію участи преступниковъ, служатъ лучшими доказательствами того просвѣтительнаго вліянія, какое имѣли и на наше отечественное уголовное правосудіе высокія гуманныя начала, преподанныя міру тогдашними политическими мыслителями, вмѣстѣ съ новыми теоріями о государствѣ и государственномъ устройствѣ вообще.

Сила такого вліянія сказывается, помимо Сенатскихъ приговоровъ, постановленныхъ въ предѣлахъ законами предоставленной Сенату власти, также и въ томъ фактѣ, что въ случаяхъ, когда Сенатъ оказывался безсильнымъ предъ неумолимымъ закономъ въ дѣлѣ спасенія жизни, чести и достоянія осужден-

---

[1]) П. С. З.—1742 г. 23 Августа, 8601.
[2]) Тамъ-же—1751 г. 31 Іюля, 9871.
[3]) Тамъ-же—1751 г. 28 Ноября, 9911.
[4]) Тамъ-же—1757 г. 22 Января, 10866.

ныхъ, на помощь къ нему, по его неоднократнымъ всеподданнѣйшимъ представленіямъ чрезъ Верховный Тайный Совѣтъ, или-же чрезъ Кабинеты, постоянно приходила Верховная власть, съ своимъ могущественнымъ и абсолютнымъ правомъ помилованія, къ дальнѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ о которомъ, въ царствованія преемниковъ Петра I, мы и переходимъ.

Отъ цитированнаго уже нами въ предшествующей главѣ указа Императора Петра I, 1722 года [1]), отличающагося тенденціозностью по адресу прерогативы помилованія, слѣдуетъ обратиться непосредственно къ такому-же указу, или точнѣе, къ Высочайшей Инструкціи Императрицы Анны Іоанновны, данной Ею, 7 Марта 1730 года [2]), Канцеляріи Конфискаціи.

Въ этой Инструкціи, вызванной самовольнымъ сложеніемъ правительственными учрежденіями разнаго рода казенныхъ штрафовъ и недоимокъ, Императрица Анна Іоанновна, поддерживая взглядъ Петра на исключительную принадлежность права помилованія одной Россійской Верховной власти, воплощаетъ его уже въ непреложное положеніе, недопускающее никакихъ возраженій, говоря, что: . . . . «*облегченіе и отставленіе штрафовъ токмо отъ Ея* «*Императорскаго Величества Высочайшей власти зави*«*ситъ, ибо къ случаямъ милости принадлежитъ и часть* «*права помилованія въ себѣ содержитъ. Того ради на*«*крѣпко повелѣвается дабы правосудіе съ милостью не* «*мѣшать*» [3]).

---

[1]) П. С З.—1722 г. 24 Января, 3890, стр. 18.

[2]) Тамъ-же—1730 г. 7 Августа, 5601.

[3]) Примѣчаніе: Внѣ всякаго сомнѣнія, что Императрица Анна Іоанновна воспользовалась настоящимъ случаемъ, чтобы окончательно и на-

Казалось-бы, что съ возведеніемъ, такимъ образомъ, Императрицею Анною Іоанновною права Монаршаго помилованія и всякаго рода внѣ законныхъ милостей къ народу на степень политическаго института, премникамъ Ея предстояла лишь постепенная его регламентація, т. е. подчиненіе въ порядкѣ своего осуществленія (exercitium juris) какимъ либо точно опредѣленнымъ правиламъ, для избѣжанія возможной и опасной коллизіи съ общественными или государственными интересами. Но о подобной регламентаціи не могло быть и рѣчи въ періодъ династическихъ переворотовъ на Россійскомъ Престолѣ со временъ Императрицы Екатерины I и до воцаренія Императрицы Екатерины Великой, включительно.

Каждый изъ Монарховъ этого періода заботился единственно о томъ, чтобы, путемъ необыкновеннаго милосердія къ осужденнымъ и широкими милостями къ своимъ приверженцамъ и къ народу, расположить ихъ къ себѣ и успокоить умы, взволнованные столь неожиданными и выдающимися историческими событіями. Вслѣдствіе сего, многочисленные милостивые манифесты и сепаратныя Высочайшія повелѣнія о помилованіяхъ украшаютъ страницы почти каждаго отдѣльнаго царствованія, при чемъ особеннымъ обиліемъ и наибольшею знаменательностью царскихъ милостей отличаются царствованія Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины Великой.

Къ такого рода чрезвычайнымъ поводамъ, которыми вызывалась необходимость примѣненія данной прерогативы только въ личныхъ политическихъ цѣ-

---

всегда закрѣпить личныя права Россійской Самодержавной власти, послѣ неудачной попытки къ ихъ ограниченію при вступленіи Ея на Престолъ, со стороны такъ называемыхъ верховниковъ.

ляхъ Монарховъ, и которые ставили ее въ условія не вполнѣ нормальныя, слѣдуетъ присоединить еще одно обстоятельство, а именно придворную партійную борьбу, временно обратившую прерогативу помилованія и царскихъ милостей въ слѣпое орудіе исключительно партійныхъ расчетовъ и партійной мести....

Дѣятельность и дальнѣйшая участь такихъ, напримѣръ, лицъ, приближенныхъ ко Двору, въ описываемую эпоху, какими были князь Меншиковъ, графъ Бестужевъ-Рюминъ, князья Долгорукіе, Биронъ, графъ Остерманъ, Минихъ, Лестокъ и другіе, представляетъ рядъ фактовъ произвольнаго возбужденія и направленія царскихъ опалъ и милостей, единственно по наущеніямъ и указаніямъ какой либо торжествующей, въ данную минуту, партіи.

Но, съ восшествіемъ на Престолъ Императрицы Екатерины Великой и послѣ щедраго награжденія Ею участниковъ событія 28 Іюня 1762 года, а также помилованія, съ возстановленіемъ въ правахъ, всѣхъ ихъ сторонниковъ, изъ числа опальныхъ минувшихъ царствованій,—наступаетъ уже эпоха болѣе правильнаго и нормальнаго примѣненія Россійскою Верховною Властью своего атрибута помилованія и милостей.

Императрица приступаетъ къ исполненію обѣщанія, выраженнаго въ Манифестѣ 6 Іюля 1762 года: «объ устраненіи всякаго произвола и о возстановле-«ніи строгой законности въ дѣятельности государ-«ственныхъ установленій, *для соблюденія добраго во* «*всемъ порядка и для предохраненія цѣлости Имперіи и* «*самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько* «*испровер женную* ...[1]).

---

[1]) Сборникъ указовъ Императрицы Екатерины 1764 г.; перепечатано въ «Осмнадцатомъ Вѣкѣ», кн. IV (Соловьевъ, т. XXV, стр. 133).

Задавшись такою серьезною и широкою политическою программою, Екатерина II, повидимому, нисколько не сомнѣвалась въ успѣшномъ ея выполненіи на началахъ, выработанныхъ современною политическою философіею, опираясь при этомъ на авторитетъ Монтескьё, произведеніе котораго «Esprit des lois», служило Ей, въ политическихъ вопросахъ, настольною книгою [1]).

Трактуя въ Своемъ Наказѣ Коммисіи о сочиненіи Уложенія 1767 года [2]), о значеніи и взаимной связи закона, общества и государства и обращаясь въ заключеніе къ личнымъ правамъ и привиллегіямъ Верховной власти, для выясненія той роли, какую она, въ свою очередь, должна играть въ этомъ тройственномъ союзѣ, прочностью котораго, по убѣжденію Императрицы, обусловливается *государственное и общественное бытіе всякаго народа*, Екатерина Великая настаиваетъ, во имя этого союза, *на ограничительной регламентаціи абсолютнаго права* Монаршаго помилованія.

Не отрицая случаевъ, когда абсолютное примѣненіе упомянутаго права представляется возможнымъ, безъ ущерба для государства и общества, Императрица возражаетъ въ тоже время, *«что бываютъ однако-же «и другія, когда власть должна дѣйствовать предѣлами «себѣ ею-же самою положенными»* [3]).

---

[1]) Примѣчаніе: Вотъ что говоритъ Императрица по этому поводу, въ письмѣ къ д'Аламберу, посылая ему экземпляръ своего знаменитаго Наказа Коммисіи о сочиненіи Уложенія 1767 года: «Vous y verrez comme, pour l'utilité de mon empire, j'ai pillé le president de Montesquieu, sans le nommer. J'espère qie si, dans l'autre monde, il me voit travailler, il me pardonnera ce plagiat, pour le bien de vingt millions d'hommes qui doit en resulter. Son livre est mon bréviaire». (Histoire Générale du IV Siècle à nos jours, par Ernest Lavisse et Alfred Rambaud. Tome VII, p. 437. Paris 1896).

[2]) П. С. З.—1767 г., 30 Іюля, 12949.

[3]) Тамъ-же—1767 г.—12949.—Наказъ, глава XX, ст. 512.

«Нельзя не дать предпочтеніе правленію, говоритъ «Она въ Наказѣ [1]), *въ которомъ-бы Государь ободрялъ, «а законы-бы угрожали, но спрашивается: когда-же Монарху должно наказывать и когда прощать?»*

«Сіе есть такая вещь», отвѣчаетъ Екатерина словами Монтескьё, *«которую лучше можно чувствовать, «нежели предписать. Когда милосердіе подвержено нѣкоторымъ опасностямъ, то опасности сіи очень видны. «Легко различить можно милосердіе отъ той слабости, «которая Государя приводитъ къ презрѣнію наказанія, «и въ такое состояніе, что Онъ Самъ не можетъ разобрать, кого наказать должно* [2]). *Правда, что хорошее «мнѣніе о славѣ и власти Царя могло-бы умножить «силы Державы Его, но хорошее мнѣніе о Его правосудіи равнымъ образомъ умножаетъ оныя»* [3]).

Итакъ становится яснымъ, что Императрица Екатерина Великая признаетъ необходимость извѣстной регламентаціи и самоограниченія Верховною властью своего права на абсолютное милосердіе къ подданнымъ, но, за отсутствіемъ для подобной ограничительной регламентаціи какихъ либо точно опредѣленныхъ нормъ, предоставляетъ личному усмотрѣнію и личной политической тактичности Монарховъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшеніе вопроса объ умѣстности и объемѣ такого самоограниченія, хотя и намѣчаетъ при этомъ нѣкоторыя положенія, подсказанныя Ей, по изъясненному предмету, тогдашними политическими тенденціями и опытомъ.

Этими немногими положеніями Императрица старается выяснить, какія, именно, преступленія могутъ подлежать безусловному и какія ограниченному дѣй-

---

[1] Тамъ-же, ст. 515.
[2]) П. С. З.—1767 г.—12949.—Наказъ, глава XX, ст. 518.
[3]) Тамъ-же—ст. 519.

ствію Монаршаго милосердія, для согласованія интересовъ такого милосердія съ государственной пользой и благомъ народнымъ. Отмѣчая преступленія, на которыя, по мнѣнію Ея, можетъ быть распространено право Монаршаго помилованія въ абсолютномъ видѣ, Екатерина Великая поименовываетъ, изъ числа государственныхъ, только оскорбленіе Величества, а изъ общеуголовныхъ всѣ, за исключеніемъ: *богохульства, смертоубійства* и *лихоимства* [1]). Что же касается до остальныхъ политическихъ, а равно трехъ поименованныхъ нами общеуголовныхъ преступленій, то, *ради сохраненія цѣлости государства, общаго благополучія и тишины,* Императрица рекомендуетъ Монархамъ въ вопросахъ милосердія быть крайне осторожными и осмотрительными.

Между тѣмъ, проводя идею о необходимости добровольнаго самоограниченія Монархами своего даннаго атрибута, въ интересахъ государственныхъ и публичныхъ, Екатерина Великая, въ тоже время, твердо отстаиваетъ его полноправность и неприкосновенность въ тѣхъ случаяхъ, когда дискреціонное примѣненіе не можетъ поколебать или нарушить чьихъ либо правъ.

Въ этомъ духѣ Она неоднократно высказывается въ Своихъ резолюціяхъ на сентенціяхъ верховнаго суда по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. «Отдавая, говоритъ Императрица, въ полную власть «вѣрноподданнаго собранія (т. е. верховнаго суда) «дѣла, касающіяся до цѣлости государства, общаго «благополучія и тишины,—*во всемъ же, что принад- «лежитъ до Нашего Величества собственнаго оскорбле- «нія, Мы Всемилостивѣйше прощаемъ, ибо сіи вины суть*

---

[1]) П. С. З.—1762 г.—11667; 1787 г.—16551, п. 15.

«единственно тѣ, въ коихъ при семъ случаѣ милосердіе «и человѣколюбіе Наше обыкновенно мѣсто имѣть мо- «жетъ [1]).

Чѣмъ руководилась Екатерина II при отнесеніи оскорбленія Величества къ ординарнымъ преступнымъ дѣяніямъ, объясняютъ намъ Ея соображенія, приведенныя по этому поводу въ Наказѣ 1767 года, которыми она доказываетъ, что большинство обвиненій въ означенномъ государственномъ преступленіи не даетъ обыкновенно правосудію никакого вѣрнаго критерія не только для убѣжденія въ его умышленности, но даже въ дѣйствительности самаго преступнаго событія. Вслѣдствіе сего, Императрица полагаетъ, что *«простое исправительное наказаніе при- «личествуетъ лучше въ сихъ случаяхъ, нежели обвиненіе «въ оскорбленіи Величества всегда страшное и самой «невинности»* [2]).

Переходя къ другимъ Екатерининскимъ принципіальнымъ положеніямъ, регламентирующимъ уже дѣйствія Монаршаго милосердія для гармоническаго ихъ сочетанія съ интересами дѣйствующаго закона правосудія, видимъ, что однимъ изъ такихъ положеній устанавливается, что *сила общихъ милостивыхъ манифестовъ отнюдь не должна распространяться на лицъ, уже осужденныхъ ко дню обнародованія манифеста, а только на обвиняемыхъ, по дѣламъ которыхъ къ этому сроку закончено лишь предварительное слѣдствіе, но самаго приговора еще не послѣдовало* [3]).

Другое ограничительное положеніе является результатомъ убѣжденія Императрицы въ томъ, что, для наибольшаго обезпеченія въ глазахъ народа право-

---

[2]) П. С. З.—1762 г.—11693; 1774 г.—12241; 1784 г.—14230.
[2]) Тамъ-же—1767 г.—12949, ст. 482.
[3]) Тамъ-же—1762 г.—11697.

16

мѣрности и правильности дѣйствій Верховной власти въ дѣлѣ примѣненія своего могущественнаго атрибута, слѣдуетъ предоставить какому нибудь высшему государственному органу право интерпретаціи всякаго милостиваго Манифеста или указа, при чемъ вниманіе Екатерины остановилось, въ этомъ отношеніи, на Правительствующемъ Сенатѣ, какъ на высшемъ судебно-административномъ органѣ.

А потому, воспользовавшись первыми возникшими недоразумѣніями при толкованіи Ея Манифеста, изданнаго по случаю коронованія, 22 Сентября 1762 года, Императрица, присутствуя лично въ Сенатѣ 25 Октября того-же года, не только преподала ему истинный смыслъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статей упомянутаго Манифеста, но и объявила одновременно Свою Высочайшую волю, чтобы и на будущее время, «*ежели отъ посылаемыхъ отъ* «*Ея Императорскаго Величества указовъ покажутся* «*какія неясности, то для изъясненія Сенату по онымъ* «*докладывать Ея Императорскому Величеству*» [1]).

Таковую волю Императрица подтверждаетъ и въ своихъ послѣдующихъ Манифестахъ: 27 Апрѣля 1780 г. [2]) и 28 Іюня 1787 г. [3]), а въ именномъ указѣ, данномъ на имя Генералъ-Прокурора Самойлова, 2 Сентября 1793 года [4]), выражаетъ даже нѣкоторое безпокойство и опасеніе относительно возможнаго извращенія смысла Манифеста, изданнаго Ею въ томъже 1793 году, и потому признаетъ необходимымъ предписать Генералъ-Прокурору, «*дабы онъ Именемъ* «*Ея объявилъ Сенату о строгомъ бдѣніи съ его стороны,*

---

[1]) П. С. З.—1762 г.—11667 и 11697.
[2]) Тамъ-же—1780 г.—15006.
[3]) Тамъ-же—1787 г.—16551.
[4]) Тамъ-же—1793 г.—17151.

«дабы милость въ статьяхъ 13, 14, 18 и 19 Мани-«феста изображенная [1]*), не была употреблена во зло, и «чтобы не почитали подходящими подъ сіи статьи «таковые случаи, до коихъ отнюдь оные не касаются....»*

Руководствуясь подобными правилами при осуществленіи прерогативы помилованія и внѣзаконныхъ милостей, Екатерина Великая была увѣрена, что, Сенатскою интерпретаціею Ея Манифестовъ и указовъ къ народу, будутъ, безъ сомнѣнія, устранены, сглажены и нормированы всякія въ нихъ недомолвки или чрезмѣрное увлеченіе чувствомъ человѣколюбія, въ ущербъ закону и правамъ третьихъ лицъ, и, что, такимъ образомъ, оказываемое народу милосердіе всегда будетъ оставаться въ предѣлахъ одного только сознательнаго, разумнаго и вполнѣ легальнаго акта.

И Правительствующій Сенатъ постоянно оправдывалъ ожиданія Монархини, нерѣдко внося въ Манифесты и указы, *съ предварительнаго Высочайшаго разрѣшенія,* извѣстныя поправки, которыя вызывались тѣми или другими государственными или общественными интересами, объ огражденіи которыхъ Императрица постоянно и главнѣйшимъ образомъ заботилась.

Преемники Екатерины Великой усвоили себѣ всѣ Ея положенія, понятія и взгляды на данный атрибутъ Россійскаго суверенитета и не только стали руководствоваться ими въ видѣ обычныхъ правилъ, освященныхъ опытомъ, но и пополняли ихъ новыми, которыя, хотя и съуживали постепенно сферу про-

---

[1]) Примѣчаніе: Вышеупомянутыя статьи Манифеста касаются освобожденія отъ тюремнаго заключенія лицъ, содержащихся подъ стражею по казеннымъ или уголовнымъ взысканіямъ, по начетамъ казеннымъ и по корчемнымъ и солянымъ дѣламъ.

*

явленія Монаршаго милосердія, тѣмъ не менѣе, въ качествѣ правилъ, предначертанныхъ себѣ самою верховною властью, отнюдь не лишали прерогативы ея, въ сущности, абсолютнаго характера....

Въ этомъ можно убѣдиться, пробѣгая милостивые Манифесты, разновременно изданные Россійскими Императорами, начиная съ Александра I-го—Благословеннаго и до Александра III-го—Миротворца, останавливаясь при этомъ преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ значеніе общихъ, а не сепаратныхъ актовъ милосердія.

Въ каждомъ изъ такихъ Манифестовъ мы, непремѣнно, встрѣтимъ вмѣстѣ съ всенароднымъ заявленіемъ Монарховъ *о твердомъ намѣреніи приступать къ осуществленію Своихъ личныхъ правъ и преимуществъ, не ослабляя закона и не умаляя* въ народѣ *уваженія къ правосудію,* также и всѣ остальныя Екатерининскія принципіальныя положенія, предназначенныя для регламентаціи прерогативы помилованія и Монаршихъ милостей.

Такъ напримѣръ, Императоръ Александръ Благословенный, объявляя въ Манифестѣ 2 Апрѣля 1801 года о желаніи воспользоваться *«однимъ изъ «преимуществъ, присвоенныхъ Ему отъ Вышняго, вмѣстѣ «съ Самодержавною властью, Промысломъ святымъ на «Него возложенною, а именно властью разрѣшать и «облегчать судьбы Своихъ подданныхъ, заблужденіемъ, «случаемъ или порочными примѣрами вовлеченныхъ въ «преступленія»,* присовокупляетъ, что къ осуществленію таковаго Своего права приступаетъ, *«не ослабляя общей силы закона»* [1]).

Далѣе, въ Именномъ указѣ Сенату 15 Сентября

---

[1]) П. С. З.—1801 г.—19814.

1801 года [1]), объ учрежденіи Коммисіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ, повторяя, *что первою обязанностью Государей должна быть забота о недопущеніи съ своей стороны ослабленія въ народѣ силы и уваженія къ закону и правосудію, во имя какого-бы то ни было человѣколюбиваго поступка*, Императоръ Александръ разъясняетъ, затѣмъ, цѣль учрежденія Коммисіи и знакомитъ ее съ Своимъ личнымъ взглядомъ на подлежавшія ея пересмотру дѣла по политическимъ преступленіямъ вообще и на оскорбленіе Величества въ особенности, трактуя о семъ послѣднемъ государственномъ преступленіи съ точки зрѣнія Державной Бабки Своей.

Упомянутый взглядъ Государя на истинный источникъ и на преходящее понятіе и значеніе государственныхъ преступленій представляется на столько интереснымъ по эпохѣ, обнимающей первые годы царствованія Александра Благословеннаго, что мы признаемъ необходимымъ цитировать ихъ словами Самого Государя.

«Неоднократно до свѣдѣнія Моего доходило», говоритъ Императоръ Александръ въ упомянутомъ указѣ, «что люди, коихъ вины важны были только «по обстоятельствамъ политическимъ, и не предпо«лагали впрочемъ ни умысла, ни разврата, ни без«честныхъ правилъ, ни нарушенія общаго государ«ственнаго порядка, осуждены и сосланы были какъ «преступники на вѣчное заключеніе.

«Часто одно безвинное и совершенно случайное «прикосновеніе къ дѣлу, одинъ слухъ, одно слово, «безъ намѣренія произнесенное, заставляло Прави«тельство, при разныхъ его преобращеніяхъ истор-

---

[1]). П. С. З.—1801 г.—20012.

«гать изъ среды общества людей невинныхъ, для «того только, чтобы сокрыть свидѣтелей какого либо «происшествія, и предупредить самую тѣнь его по«слѣдствій. Такимъ образомъ, именемъ закона на«казывалось не преступленіе, не порокъ, но единая «возможность разглашенія, и государственная тайна «погребалась вмѣстѣ не только со всѣми лицами, кои «въ ней участвовали, но кои могли или предпола«гали въ ней участвовать. Между тѣмъ, обстоятель«ства, рѣшившія Правительство на сію строгую мѣру, «прошли совершенно, но жертвы ихъ остались въ «томъ-же положеніи по забвенію, по равнодушію, «по недостатку искателей, а можетъ быть и по самой «неизвѣстности, куда они сосланы и гдѣ теперь на«ходятся. Сей родъ людей долженъ составить первый «классъ въ розысканіяхъ Коммисіи....»

«Было время, продолжаетъ Государь, когда, сообра«зуясь нравамъ и общенароднымъ понятіямъ, Прави«тельство полагало себя въ необходимости, раздѣляя «преступленія и наказанія на роды ихъ, назначать «степени важности ихъ не по существу вреда, отъ «нихъ признающаго, но по уваженію лицъ, къ коимъ «они относились. Такимъ образомъ оскорбительные «Величеству слова признаны были въ числѣ первыхъ «злодѣяній, но опытъ и лучшее познаніе о началѣ «преступленій показали, что мнимое сіе злодѣяніе «не что другое суть въ естествѣ своемъ, какъ сущій «припадокъ заблужденія или слабоумія, и что власть «и величество Государей, бывъ основано на общемъ «законѣ, не можетъ поколебаться отъ злорѣчія част«наго лица. Сколь не естественно сіе разсужденіе, «но встрѣтилось оно весьма поздно разуму законо«дателей, и тогда уже, какъ тысячи жертвъ прине«сены были противному предразсудку. Сіи-то жертвы «Я желалъ-бы открыть и облегчить ихъ участь....»

Такимъ образомъ, читая Манифестъ 2 Апрѣля 1801 года, а также указъ Сенату 15 Сентября того-же года, нельзя уже не замѣтить въ нихъ органическаго развитія двухъ изъ принципіальныхъ положеній, преподанныхъ Екатериною Великою для ограничительной регламентаціи прерогативы помилованія, а именно, съ одной стороны—положенія о необходимомъ сочетаніи интересовъ Монаршаго милосердія съ интересами государства и народа, а съ другой—извѣстнаго взгляда Императрицы на значеніе оскорбленія Величества, какъ преступленія государственнаго.

Но въ Императорѣ Александрѣ I-мъ, въ которомъ, по выраженію одного изъ современниковъ, «воскресла Екатерина», нашли себѣ, равнымъ образомъ, достойнаго послѣдователя и нѣкоторыя другія изъ Ея принципіальныхъ положеній по изслѣдуемой прерогативѣ.

Такъ, первою статьею того-же милостиваго Манифеста 2 Апрѣля 1801 года и статьею 16-ою Манифеста 30 Августа 1814 года [1]), Императоръ Александръ Благословенный, распространяя дѣйствіе этихъ статей, подобно Императрицѣ Екатеринѣ Великой, единственно на такихъ преслѣдуемыхъ за разныя преступленія лицъ, *которыя ко дню изданія манифестовъ только состояли подъ слѣдствіемъ и судомъ, но не осуждены*, и совершенно устраняя отъ всякаго Монаршаго милосердія обвиняемыхъ въ *смертоубійствѣ, разбоѣ и лихоимствѣ*, дополняетъ эту послѣднюю категорію еще двумя другими родами религіознонравственныхъ преступленій, какъ-то: *богохульствомъ и нарушеніемъ церковнаго благочестія* [2]).

---

[1]) П. С. З.—1814 г.—25671.
[2]) Тамъ-же—1818 г.—27585.

Незначительное отступленіе отъ Екатерининскихъ положеній въ царствованіе Александра I-го замѣчается лишь въ томъ, *что лицамъ, уже осужденнымъ, даруется облегченіе ихъ участи* замѣною тяжкихъ наказаній болѣе легкими, а именно: смертной казни ссылкою на работы, тѣлеснаго наказанія ссылкою на поселеніе или на работы безъ наказанія и т. д.

Наконецъ, съ тою-же цѣлью, какую преслѣдовала Императрица Екатерина II, указывая на необходимость интерпретаціи своихъ Высочайшихъ Манифестовъ и указовъ со стороны Правительствующаго Сената,—Императоръ Александръ I-й, въ свою очередь, предоставляетъ право подобной интерпретаціи вновь учрежденному Имъ Государственному Совѣту, который обязанъ былъ о всѣхъ своихъ Высочайше утвержденныхъ разъясненіяхъ истиннаго смысла Манифестовъ сообщать чрезъ Генералъ-Прокурора Сенату, для практическаго его руководства въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Со вступленіемъ-же на Престолъ Императора Александра II-го и по настоящее время, право интерпретаціи принадлежитъ снова Правительствующему Сенату.

Между тѣмъ, благодаря разъясненному Государственнымъ Совѣтомъ смыслу общихъ милостивыхъ Манифестовъ Императора Александра I-го, 30 Августа 1814 г. и 30 Іюня 1815 г. [1]),—создается и рядъ новыхъ принципіально-ограничительныхъ положеній по примѣненію права Монаршаго помилованія вообще, коими устанавливается, что дѣйствію означенныхъ Манифестовъ не должны подлежать: а) преступленія, за которыя въ законахъ полагается смертная казнь,

---

[1]) П. С. З.—1814 г.—25740 и 1816 г.—26484.

какъ то: *преступленія по первымъ двумъ пунктамъ* [1]), *а также святотатство*, б) *дѣланіе фальшивой монеты, ибо такое преступленіе*, по разсужденіямъ Государственнаго Совѣта, *нельзя приравнять къ частному грабежу, а скорѣе къ злодѣяніямъ, превосходящимъ оный, вслѣдствіе того, что, по точному своему смыслу, дѣланіе фальшивой монеты оказывается ничѣмъ инымъ, какъ грабежемъ общественнымъ*, в) *скопчество*, ибо Высочайшимъ указомъ 25 Іюля 1806 г. [2]), *скопцовъ повелѣно признавать врагами человѣчества, развратителями законовъ Божіихъ и гражданскихъ*, и г) *всѣ уголовныя дѣла, заключающія въ себѣ иски къ обвиняемымъ, какъ частныхъ лицъ, такъ и казны, относительно возмѣщенія понесенныхъ ими отъ преступленій убытковъ* [3]).

Слѣдуя тому же направленію въ вопросахъ о примѣненіи атрибута помилованія, Императоръ Николай Павловичъ, по совершенно правильнымъ основаніямъ, призналъ, однако-же, полнѣйшую несостоятельность одного изъ нихъ, какъ несоотвѣтствующаго ни принципіальному назначенію акта Монаршаго милосердія, примѣненіе котораго наиболѣе желательно по отношенію къ преступленіямъ, влекущимъ за собою тяжкія и суровыя наказанія, ни абсолютному характеру самой прерогативы присущей Россійской Самодержавной власти. Мы говоримъ о томъ ограничительномъ правилѣ, силою котораго ставились внѣ всякаго Монаршаго милосердія преступленія, за которыя въ законахъ полагалась смертная казнь... [4]).

---

[1]) Примѣчаніе I. Подъ преступленіями по первымъ двумъ пунктамъ разумѣются покушеніе на жизнь и здоровье Государя, бунтъ и измѣна.

[2]) Примѣчаніе II. Указъ этотъ не помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, но прописанъ въ ордерѣ Министра Юстиціи бывшему Оберъ-Прокурору Шетневу, 25 Іюля 1806 года. П. С. З.—1816 г.—26484.

[3]) П. С. З.—1815 г.—25892 и 25964.

[4]) Тамъ-же—1826 г.—275.

И потому, въ Манифестѣ 21 Апрѣля 1826 года [1]), Государь видимо высказываетъ общую мысль о необходимости ограниченія упомянутаго правила подчиненіемъ ему, въ крайнемъ случаѣ, однихъ только государственныхъ преступленій, такъ какъ они, по словамъ Монарха, «*имѣютъ цѣлью нарушеніе общаго «существованія: спокойствія Государственнаго, безопас«ности Престола и Святости Величества*». По всѣмъ-же остальнымъ преступленіямъ, заявляетъ Императоръ Николай I-й, «*Мы положили пользоваться присвоеннымъ «Намъ, по кореннымъ законамъ, правомъ для избавленія «преступниковъ отъ смертной казни*».

Но распространеніе силы и настоящаго ограничительнаго правила на одни только государственныя преступленія было допущено Императоромъ Николаемъ I только временно, въ виду извѣстныхъ внутреннихъ политическихъ безпорядковъ, которые Государь засталъ при вступленіи Своемъ на Престолъ, а потому, съ исчезновеніемъ ихъ, ограничительное правило уже теряло всякое право на дальнѣйшее существованіе въ числѣ другихъ, разумно регламентирующихъ дѣятельность Россійскихъ Монарховъ по осуществленію своей прерогативы помилованія и внѣзаконныхъ милостей, въ интересахъ государственныхъ и общественныхъ.

И дѣйствительно. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ изданія Манифеста 21 Апрѣля 1826 года, мы уже сталкиваемся съ фактомъ обхода упомянутаго правила и по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ. Въ Іюлѣ того-же 1826 года [2]), Императоръ Николай Павловичъ *пожелалъ согласить по возможности силу законовъ и долгъ правосудія съ чувствомъ*

---

[1]) П. С. З.—1826 г.—275.
[2]) Тамъ-же—1826 г.—464.

милосердія [1]) смягченіемъ участи большинства изъ осужденныхъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ на смертную казнь, за участіе въ государственныхъ преступленіяхъ, не взирая даже на предупрежденіе означеннаго Суда, выраженное въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю, въ которомъ, вмѣстѣ съ изложеніемъ существа приговора, произведена и соотвѣтствующая квалификація преступныхъ дѣйствій каждаго изъ подсудимыхъ.

Въ этомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, повергнутомъ на усмотрѣніе Государя Императора, между прочимъ, говорится, что, независимо отъ распредѣленія государственныхъ преступниковъ по разрядамъ, *согласно Высочайшей волѣ*, и помимо степени участія каждаго въ настоящихъ преступленіяхъ, всѣ они, тѣмъ не менѣе, безъ всякаго изъятія, по силѣ дѣйствующихъ законовъ, подлежатъ смертной казни, но «если установленіемъ разрядовъ въ наказаніяхъ, замѣчаетъ Верховный Уголовный Судъ, благоугодно «будетъ Его Величеству даровать нѣкоторымъ изъ «нихъ жизнь, то сіе будетъ не дѣйствіемъ закона, «а тѣмъ менѣе дѣйствіемъ Суда, но дѣйствіемъ единаго Монаршаго милосердія; будетъ особеннымъ «изъятіемъ, на сей токмо случай по Высочайшему «предначертанію допускаемымъ. *И хотя милосердію «отъ Самодержавной власти исходящему законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ, но Верховный «Уголовный Судъ пріемлетъ дерзновеніе представить: «что есть степени преступленія столь высокія и съ «общею безопасностью Государства столь смежныя, что «самому милосердію они кажется должны быть недо«ступными*».

---

[1]) П. С. З.—1826 г.—464.—Указъ Верховному Суду 10 Іюля 1826 г.

Одинаково знаменательнымъ, въ смыслѣ новаго регламентаціоннаго положенія, оказывается и впервые проводимое Императоромъ Николаемъ I, въ Своемъ коронаціонномъ Манифестѣ 22 Августа 1826 года [1]), положеніе римскаго права invito beneficium non datur, то есть о правѣ помилованнаго отказаться отъ дарованной ему милости и доказывать свою невиновность по суду.

Освобождая означеннымъ Манифестомъ разныхъ лицъ отъ слѣдствія и суда, Государь присовокупляетъ, что «*симъ* (т.-е. помилованіемъ) *не закры-«ваются, однако-же, средства законнаго предъ Судомъ «оправданія тѣхъ изъ подсудимыхъ,* кои по убѣжденію «въ невинности своей, сами пожелаютъ такого «оправданія».

Но впослѣдствіи, а именно въ 1842 году, Государственный Совѣтъ, при обсужденіи одного частнаго случая [2]), Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ призналъ необходимымъ ввести весьма существенное ограниченіе въ правѣ подобныхъ лицъ, въ случаѣ осужденія, ходатайствовать вновь о примѣненіи къ нимъ милостиваго Манифеста.

Такія лица, по соображеніямъ Государственнаго Совѣта, «*какъ отклонившія отъ себя дѣйствіе Монаршаго «милосердія*, въ случаѣ обвиненія ихъ по суду, должны «уже понесть мѣру взысканія, закономъ опредѣлен-«ную. Иначе—кромѣ неудобства въ отношеніи нрав-«ственномъ,—послѣдовало-бы и напрасное обреме-«неніе для судебныхъ мѣстъ, ибо неминуемо всѣ «подпавшіе отвѣтственности не переставали-бы про-«сить о разсмотрѣніи касающихся до нихъ дѣлъ на «основаніи законовъ, въ надеждѣ, что если они и

---

[1]) П. С. З.—1826 г.—540 п. I.
[2]) Тамъ-же—1842 г.—16300.

«не успѣютъ достигнуть оправданія по суду, то все «однако-же воспользуются прощеніемъ по мани-«фесту»....

Въ изъясненномъ видѣ положеніе о правѣ помилованнаго отказаться отъ дарованной ему манифестомъ милости, для оправданія по суду, признается и общими милостивыми Манифестами Императоровъ Александра II—Освободителя [1]), Александра III—Миротворца [2]) и нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора Николая II [3]), съ ограниченіемъ при этомъ извѣстными сроками самаго права на возбужденіе ходатайства о продолженіи слѣдствія и суда.

Кромѣ того, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 2 Апрѣля 1827 года [4]), сила общихъ милостивыхъ Манифестовъ распространяется не только на лицъ, состоящихъ ко дню ихъ изданія подъ слѣдствіемъ и судомъ, но и на обвиняемыхъ, *по дѣламъ которыхъ хотя уже и состоялись судебные приговоры, но подсудимымъ еще не объявлены въ установленномъ порядкѣ.*

Въ заключеніе описываемаго положенія данной прерогативы въ эпоху Императора Николая I, слѣдуетъ замѣтить, что вышеприведенные указы Императора Петра Великаго, 1691 и 1722 годовъ, и указъ Императрицы Анны Іоановны 1730 года, трактующіе о прерогативѣ помилованія, какъ о политическомъ институтѣ, послужили составителямъ Свода Законовъ Уголовныхъ 1833 года, вмѣстѣ съ нѣкоторыми позднѣйшими Высочайшими указами, изданными по

---

[1]) П. С. З.—1855 г.—29165, § XVIII и 1856 г.—30877, § XXXV.

[2]) Тамъ-же—1883 г.—1553, § XV.

[3]) См. Манифестъ 14 Ноября 1894 г., § XII, и Манифестъ 14 Мая 1896 г., § XXIV.

[4]) П. С. З.—1827 г.—1008.

вопросу о регламентаціи означеннаго атрибута Россійской Державности, единственными источниками и единственнымъ матеріаломъ для разработки общаго ученія о правѣ помилованія, которое изложено въ нижеслѣдующихъ законоположеніяхъ означеннаго Свода, въ отдѣлѣ «объ обстоятельствахъ, отмѣняющихъ наказаніе» [1]):

Ст. 148. «Помилованіе не можетъ быть даровано «Судомъ. Оно исходитъ единственно отъ Верховной «Самодержавной Власти и Монаршаго милосердія. «Оно не обращается въ законъ, но составляетъ изъ«ятіе изъ закона, изъятіе, коего сила и пространство «опредѣляются въ томъ-же Высочайшемъ указѣ, «коимъ помилованіе даруется.

«*Ст. 149.* Просьбы отъ осужденныхъ преступни«ковъ о помилованіи ихъ, принимать съ самою «строгою осмотрительностью и только тогда, когда «найдены будутъ уважительныя причины, для хода«тайства объ облегченіи ихъ участи.

«*Ст. 150.* Когда общимъ милостивымъ манифе«стомъ прощаются какія-либо преступленія, тогда сіе «прощеніе простирается единственно на тѣ изъ «оныхъ, кои статьями манифеста точно опредѣлены.

«*Примѣчаніе I:* Указомъ 1827 г. Марта 24 «(984) опредѣлено: не прекращать по Всемило«стивѣйшему Манифесту разсмотрѣніе такихъ «слѣдствій, кои заключаютъ въ себѣ частные «иски, и не обращать оныхъ къ гражданской «формѣ, а оканчивать въ установленныхъ судеб«ныхъ мѣстахъ тѣмъ-же порядкомъ, коимъ тѣ «дѣла начаты.

«*Ст. 151.* Прощеніе, Всемилостивѣйшимъ Мани«фестомъ дарованное, относится къ тѣмъ токмо

[1]) Сводъ Законовъ Уголовныхъ, изд. 1833 г., Разд. I, Глава V, Отд. II.

«подсудимымъ, коимъ, до изданія манифеста по«слѣдовавшій о нихъ окончательный приговоръ не «былъ еще объявленъ; но оно не простирается на «дѣла, уже оконченныя и на приговоры уже объ«явленные, хотя-бы приговоры сіи до изданія мани«феста и не были приведены въ окончательное ис«полненіе.

«*Ст. 152.* О всякомъ дворянинѣ, бывшемъ подъ «судомъ и прощенномъ по силѣ Всемилостивѣйшаго «Манифеста, сообщается губернскому начальству тѣхъ «губерній или областей, къ коимъ по сословію дво«рянскому подсудимый принадлежитъ, съ объясне«ніемъ и самой его вины, съ тѣмъ, чтобы сіе до«ведено было до свѣдѣнія Дворянскаго Общества «чрезъ Губернскаго Предводителя.

«*Ст. 153.* Прощеніе, общимъ милостивымъ мани«фестомъ даруемое, не отмѣняетъ права сословію «дворянства принадлежащаго: исключать изъ собранія «дворянина, опороченнаго судомъ, или котораго «явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ».

Въ послѣдующемъ-же изданіи Свода Законовъ Уголовныхъ 1842 года замѣчается не только измѣненіе, но и отмѣна нѣкоторыхъ статей о помилованіи, съ замѣною ихъ новыми.

Оставляя въ силѣ ст. 148 Свода 1833 года, опредѣляющую понятіе о прерогативѣ помилованія, редакторы Свода Законовъ Уголовныхъ 1842 года признали, однако-же, необходимымъ отмѣнить ст. 149 Свода изданія 1833 года, по всей вѣроятности, потому, что означенная статья, будучи скорѣе закономъ процессуальнаго, а не матеріальнаго уголовнаго права, была болѣе умѣстна въ уставѣ судопроизводства по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, куда и вошла и текстуально изложена въ ст. 460, т. XI, ч. II, изд. 1892 года.

Равнымъ образомъ, отмѣнена ст. 152 того-же Свода (1833 г.), какъ ограждающая честь и достоинство дворянскаго сословія вообще, а посему, по своей прямой принадлежности къ законамъ о состояніяхъ, отнесена къ тому-же отдѣлу о правахъ и преимуществахъ Собраній Дворянства, откуда первоначально была заимствована [1]).

Новыми же узаконеніями, введенными редакторами Свода 1842 года въ отдѣлъ о помилованіи, оказываются: а) *ст. 163*, въ которой говорится: «На «тѣ случаи, гдѣ дѣло идетъ не о наказаніи, а объ «очищеніи совѣсти, Всемилостивѣйшій Манифестъ «распространенъ быть не можетъ, и отъ церковнаго «покаянія виновныхъ по оному освобождать не «слѣдуетъ» и б) [2]) *ст. 165:* «Прощеніемъ по Все«милостивѣйшему Манифесту не отъемлются средства «законнаго предъ судомъ оправданія у тѣхъ изъ «подсудимыхъ, кои, по убѣжденію въ невинности «своей сами пожелаютъ такого оправданія» [3]).

При составленіи проекта Уложенія о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 года, появились также измѣненія и дополненія въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ о помилованіи, Свода 1842 года, а именно: *ст. 162* сего Свода, опредѣлявшая смыслъ и значеніе права Монаршаго помилованія вообще, редактирована нѣсколько иначе въ *статьѣ 170* Уложенія 1845 года, а именно: «Помилованіе и прощеніе «виновныхъ ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ «суда. Оно непосредственно исходитъ отъ Верховной «Самодержавной власти и можетъ быть дѣйствіемъ «Монаршаго милосердія. Сила и пространство дѣй-

---

[1]) П. С. З.—1831 г.—4989, 55, Отд. VII Манифеста 6 Декабря 1831 г.

[2]) Тамъ-же—1827 г.—1033.

[3]) Тамъ-же—1826 г.—540.

«ствія сего милосердія, какъ изъятія отъ законовъ «общихъ, опредѣляется въ томъ самомъ Высочайшемъ «указѣ, коимъ смягчается участь виновныхъ или-же «даруется имъ совершенное прощеніе».

Такому-же измѣненію, въ редакціонномъ отношеніи, подверглась и ст. 162 Свода 1842 года, которая изложена въ ст. 171 Уложенія о Наказаніяхъ 1845 года, въ слѣдующемъ видѣ: «На семъ основаніи «и даруемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ общими милостивыми Манифестами прощеніе распространяется «лишь на тѣ преступленія и проступки, которые въ «Манифестѣ означены».

Далѣе, отмѣнена ст. 164 Свода 1842 года, трактующая о прощеніи милостивымъ Манифестомъ подсудимыхъ, коимъ до изданія Манифеста не былъ еще объявленъ окончательный приговоръ, а также объ ограниченіи дѣйствія его по отношенію къ дѣламъ, уже оконченнымъ и съ приговоромъ уже объявленнымъ.

Полагаемъ, что отмѣна упомянутой 164 статьи вызвана единственнымъ желаніемъ дать болѣе широкій просторъ примѣненію Монаршаго милосердія по милостивымъ Манифестамъ къ лицамъ осужденнымъ, устраненіемъ, съ этою цѣлью, всякой зависимости подобнаго примѣненія отъ какихъ-либо процессуальныхъ моментовъ въ положеніи самаго уголовнаго дѣла, могущихъ только породить на практикѣ разнаго рода недоразумѣнія, а слѣдовательно и произволъ. Достовѣрность нашего предположенія подтверждается отчасти тою общею системою по разбору и редактированію всѣхъ законоположеній прежняго Свода Законовъ Уголовныхъ, какой придерживались составители Уложенія о Наказаніяхъ 1845 года, отмѣняя такія лишь статьи Свода 1842 года, которыя или несоотвѣтствовали общему понятію о справедли-

вости и общему духу нашего правительства, или-же могли создать произволъ при ихъ примѣненіи [1]).

Тою-же строго теоретическою систематизаціею Уложенія о Наказ. 1845 г. объясняется исключеніе изъ Свода 1842 года и статьи 165, вмѣстѣ съ примѣчаніемъ къ ней, въ которой упоминалось о лицахъ, хотя и прощенныхъ по Манифесту, но пожелавшихъ оправдаться по суду. Упомянутая статья была перенесена въ Уставъ Уголов. Судопр. и среди нынѣ дѣйствующихъ узаконеній изложена въ ст. 461, а примѣчаніе вошло въ ст. 651 того-же Устава (т. XVI, ч. II, изд. 1892 г.) по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ. При этомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, что въ примѣчаніи къ ст. 651 и какъ-бы въ дополненіе къ ст. 461 вводится весьма существенная оговорка, помѣщенная, согласно вышеприведенному нами Высочайше утвержденному 7 Декабря 1842 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, относительно утраты права на прощеніе по Манифесту тѣми изъ обвиняемыхъ, которые пожелали оправдаться по суду и были осуждены.

Подобно редакторамъ Свода Зак. Уголов. 1842 г., изъявшимъ изъ отдѣла о помилованіи ст. 152 Свода изд. 1833 года, и составители Уложенія о Наказ. уголов. и исправит. 1845 г., по тѣмъ-же соображеніямъ, отмѣнили ст. 166 Свода 1842 года, которой также отведено мѣсто въ законахъ о состояніяхъ, гдѣ она текстуально цитируется въ ст. 160 т. IX, изд. 1876 г.

Наконецъ, первое примѣчаніе къ ст. 162 Свода Зак. Угол. 1842 года, упоминающее о правѣ потерпѣвшихъ отъ преступленія частныхъ лицъ на воз-

---

[1]) См. Общую объяснительную записку (л. LXVII) къ проекту Уложенія о Наказ. уголовн. и исправит. 1844 г. СПБ. 1871 г.

награжденіе, послужило содержаніемъ новой 172 ст. Улож. о Наказ., значительно дополненной распространеніемъ Монаршаго милосердія и на послѣдствія понесенныхъ уже преступниками наказаній, съ присовокупленіемъ, что прекращеніе церковнаго покаянія, къ коему виновный былъ присужденъ, зависитъ отъ усмотрѣнія духовнаго начальства его вѣроисповѣданія.

Въ общемъ, статья 172 Улож. о Наказ. 1845 года была изложена въ слѣдующей редакціи: «Послѣдствія «наказаній, уже понесенныхъ виновными, отмѣняются «лишь въ тѣхъ случаяхъ, если сіе въ дарующемъ «прощеніе указѣ или общемъ милостивомъ Мани«фестѣ также именно постановлено. Взысканіе на «вознагражденіе за вредъ или убытокъ, какому либо «частному лицу преступленіемъ причиненный, и въ «случаѣ помилованія и прощенія его не прекращается. «Церковное покаяніе, къ коему прощенный виновный «былъ присужденъ, прекращается или продолжается «по усмотрѣнію духовнаго начальства его вѣроиспо«вѣданія».

Въ такомъ именно видѣ статьи о помилованіи: 170, 171 и 172 Улож. о Наказ. уголов. и исправит. изданія 1845 года, безъ всякихъ уже дальнѣйшихъ измѣненій, вошли въ статьи 165, 166 и 167 нынѣ дѣйствующаго Уложенія о Наказаніяхъ [1]), и только Судебные Уставы Императора Александра II-го пополнили ихъ ст. 154 того-же Уложенія, а также статьею 775 Устава Уголовнаго Судопроизводства, коими возбужденіе вопроса о помилованіи одинаково предоставляется и судебной власти.

Послѣднее право предполагаетъ сохранить за судомъ и Редакціонная Коммиссія по составленію

[1]) Глава IV, Разд. I, ч. 1, о смягченіи и отмѣнѣ наказ., изд. 1885 года.

проекта новаго Уложенія о Наказаніяхъ, принимая во вниманіе, что въ дѣйствительной жизни могутъ встрѣтиться преступныя дѣянія, по своимъ внѣшнимъ признакамъ вполнѣ удовлетворяющія понятію о нихъ, установленному въ законѣ, но по своей причинности и условіямъ, при которыхъ они совершены, требующія въ интересахъ справедливости возможнаго снисхожденія къ виновному, снисхожденія, выходящаго за предѣлы предоставленной суду власти. Въ подобныхъ случаяхъ, Редакціонная Коммиссія полагаетъ предоставить суду право обращаться чрезъ Министра Юстиціи къ Высочайшему милосердію, съ ходатайствомъ или о чрезвычайномъ снисхожденіи къ виновному, съ указаніемъ при этомъ предположительныхъ предѣловъ, или-же о полномъ его прощеніи [1]).

Разсматривая въ окончательной уже редакціонной формѣ приведенныя законоположенія, опредѣляющія значеніе права помилованія, какъ института политическаго, а равно и порядокъ его осуществленія, слѣдовало бы, повидимому, предположить, что за исключеніемъ вошедшихъ въ узаконенія только двухъ ограничительныхъ положеній, регламентирующихъ дѣйствія Монаршаго милосердія [2]), всѣ остальныя, поименованныя нами выше, какъ бы утратили свою

---

[1]) Проектъ Редакціонной Коммиссіи по Улож. о Наказ. (см. выноску подъ ст. 48).

[2]) Примѣчаніе: Въ ст. 167 Улож. о Наказ. (изд. 1885 г.) упоминаются лишь о непрекращеніи помилованіемъ и прощеніемъ: а) права на вознагражденіе частныхъ потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, и б) церковнаго покаянія, освобожденіе отъ котораго зависитъ отъ усмотрѣнія духовнаго начальства, присудившаго къ сему наказанію. При этомъ, въ томъ-же законѣ совершенно умалчивается объ изъятіи отъ дѣйствія Монаршаго милосердія обвиняемыхъ: 1) въ преступленіяхъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, 2) въ смертоубійствѣ, разбоѣ и лихоимствѣ, 3) въ святотатствѣ, 4) въ поддѣлкѣ монеты и 5) въ принадлежности къ скопчеству.

прежнюю силу и значеніе. Но подобное заключеніе было бы ошибочнымъ, такъ какъ означенныя положенія, оставаясь неизмѣнными въ существѣ, подвергались только разновременно дальнѣйшему своему развитію для установленія даннаго аттрибута Державности на началахъ непосредственно соотвѣтствующихъ требованіямъ закона, правосудія и современнымъ условіямъ внутренней государственной политики. Облеченіе-же ихъ въ форму дѣйствующихъ узаконеній противорѣчило бы, съ одной стороны, коренному принципу неограниченности самой Россійской Верховной Власти, которая, будучи поставлена выше всякаго закона Ею-же издаваемаго, очевидно, не можетъ и не должна быть стѣснена никакими точно опредѣленными въ немъ юридическими нормами, а съ другой, преходящему значенію и характеру внутреннихъ политическихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ, по справедливому замѣчанію Императрицы Екатерины Великой, Монархамъ приходится разрѣшать кардинальный въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ о томъ: «*когда должно наказывать и когда прощать* . . . . »

Однако-же, не смотря на фактическое только существованіе упомянутыхъ положеній, въ видѣ, такъ сказать, обычныхъ правилъ, — обстоятельство, которое лишаетъ возможности установить какую либо опредѣленную теорію о данномъ аттрибутѣ Россійской Державности, въ виду его абсолютности,—рекомендуемые этими положеніями принципы необходимаго самоограниченія и осмотрительности со стороны Верховной Власти въ дѣйствіяхъ по примѣненію абсолютнаго права помилованія не только соблюдаются Россійскими Императорами до сихъ поръ, но возведены Ими даже на степень догматическихъ положеній, развиваемыхъ, какъ мы

уже замѣтили, въ каждое послѣдующее царствованіе сообразно новымъ условіямъ и поводамъ, которые постепенно выдвигаются современною политическою и общественною жизнью государства.

Такъ, напримѣръ, изъ общихъ милостивыхъ Манифестовъ, а также изъ сепаратныхъ Высочайшихъ повелѣній о помилованіяхъ и милостяхъ царствованія Императора Александра II Освободителя, можно даже замѣтить при совершенно новомъ направленіи права Монаршаго милосердія и сравнительно болѣе ограничительное его примѣненіе.

О подобномъ направленіи свидѣтельствуетъ, прежде всего, введенный Александромъ II особенный порядокъ, какъ по составленію милостивыхъ Манифестовъ вообще, такъ и по пріему и разрѣшенію отдѣльныхъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о помилованіи и всякаго рода милостяхъ въ особенности, удовлетвореніе которыхъ съ тѣхъ поръ стало обусловливаться, помимо общаго значенія данныхъ и свѣдѣній, предварительно собранныхъ о каждомъ просителѣ, также и отзывомъ о степени уважительности заявленнаго имъ ходатайства, обязательно представляемаго на Высочайшее усмотрѣніе подлежащими и компетентными государственными органами и учрежденіями.

Въ изысканіяхъ-же лучшей общей системы и порядка составленія милостивыхъ Манифестовъ, которые, придавая даруемымъ Монаршимъ милостямъ строгую лойяльность, не подвергали бы въ то-же время чрезмѣрному стѣсненію и индивидуальныя чувства человѣколюбія и милосердія Монарховъ, Императоръ Александръ Николаевичъ остановился на способѣ повѣрки Манифестовъ до ихъ обнародованія, котораго придерживались Императоры Александръ I и Николай Павловичъ, подвергая заранѣе составленные

проекты предварительному разсмотрѣнію Комитета Министровъ.

Этому-то способу или системѣ составленія милостивыхъ Манифестовъ, наиболѣе удовлетворяющей намѣченнымъ условіямъ и цѣли умѣреннаго и правомѣрнаго проявленія Монаршаго милосердія, Императоръ Александръ Николаевичъ рѣшился придать возможно широкое примѣненіе, возложивъ на Главноуправляющаго бывшимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи не только повѣрку, но и составленіе самаго проекта Своего Коронаціоннаго Манифеста 21 Апрѣля 1856 года [1]), при непремѣнномъ участіи всѣхъ Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, съ тѣмъ, однако-же, чтобы составленный, такимъ образомъ, проектъ былъ представленъ, затѣмъ, на разсмотрѣніе Комитета Министровъ.

Впослѣдствіи, при изданіи 28 Октября 1866 г. [2]) милостиваго Манифеста, въ ознаменованіе торжественнаго дня бракосочетанія Государя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III, Императоръ Александръ Николаевичъ внесъ еще одну и уже окончательную поправку къ общему порядку составленія Манифестовъ, возлагая составленіе проектовъ непосредственно уже на Комитетъ Министровъ, со вмѣненіемъ въ обязанность каждому Министру и Главноуправляющимъ отдѣльными частями представлять въ Комитетъ всѣ предположенія о милостяхъ по своему вѣдомству, подлежащихъ помѣщенію въ текстъ Манифеста.

Благодаря окончательно установившемуся, такимъ

---

[1]) П. С. З.—1856 г.—30877.
[2]) Тамъ-же—1866 г.—43784.

образомъ, и нынѣ дѣйствующему порядку составленія милостивыхъ Манифестовъ, постепенно выработался и точно опредѣленный по формѣ и содержанію типъ этого рода актовъ Монаршаго милосердія, отличающихся правильностью группировки и ясностью изложенія отдѣльныхъ статей, что значительно облегчаетъ высшимъ и низшимъ судебнымъ и правительственнымъ учрежденіямъ правильную ихъ интерпретацію.

Что-же касается до содержанія, размѣра и общаго характера милостей, даруемыхъ обвиняемымъ и осужденнымъ Манифестами Императора Александра II и Его Августѣйшихъ Преемниковъ, то, сопоставляя ихъ съ тѣми, какія оказывались прежде Императорами: Александромъ I и Николаемъ Павловичемъ, нельзя не убѣдиться въ сравнительно прогрессивномъ развитіи со временъ Императора Александра II ограничительнаго принципа по примѣненію прерогативы Монаршаго милосердія вообще.

Вліяніе этого ограничительнаго начала на статьи Манифестовъ, касающіяся преступниковъ, сказывается въ нижеслѣдующихъ правилахъ, коими обусловливается въ каждомъ Манифестѣ примѣненіе того или другаго вида Монаршей милости [1]).

I. «*Объектами абсолютнаго помилованія,* говорится въ Манифестахъ, *могутъ быть только*: «а) *виновные въ «преступленіяхъ и проступкахъ, за которые высшее на-*

---

[1]) Примѣчаніе: Сравните Манифесты: а) Императора Александра II, 27 Марта 1855 г. (П. С. З.—29165, Гл. VI, п. п. 2, 3 и 4), 26 Августа 1856 г. (П. С. З.—30877, гл. XV, XIX, XXXV и XXXVI) и 28 Октября 1866 г. (П. С. З.—43748); б, Императора Александра III, 15 Мая 1883 г. (П. С. З.—1583, гл. VII, XIV и XV), и в) Императора Николая II, 14 Ноября 1894 г. (Собр. Узак. 1894 г., № 187, ст. 1303, гл. IV, п. п. 1, 3, 6—16; гл. XI, п. п. 1—5 и гл. XII) и 14 Мая 1896 г. (Гл. XIII, п. п. 1, 4; 10, 11, 13, 15—18 гл. XXIII, п. п. 1—6 и гл. XXIV).

«казаніе, опредѣляемое законами, ограничивается денеж-«нымъ взысканіемъ не свыше 300 руб., внушеніемъ, за-«мѣчаніемъ и выговоромъ; арестомъ, заключеніемъ въ «тюрьмѣ, смирительномъ домѣ и крѣпости, не соеди-«ненныя при этомъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ «правъ и преимуществъ лично и по состоянію присвоен-«ныхъ и, наконецъ, служебными взысканіями въ п.п. 2—«9 ст. Улож. о наказ. исчисленными; б) *виновные въ со-«ставленіи подложныхъ видовъ на жительство, или въ «проживаніи съ таковымъ видомъ, если при этомъ они «не обвиняются въ преступленіяхъ болѣе важныхъ, и* в) *«всѣ, виновные въ нарушеніи Устава лѣснаго и правилъ «по судоходству, въ нерасчисткѣ рѣкъ и канавъ и въ «неумышленномъ поврежденіи сооруженій на водяныхъ «путяхъ».*

Далѣе, помимо условій, перечисленныхъ въ трехъ предшествующихъ пунктахъ 1-го параграфа, для примѣненія къ обвиняемымъ абсолютнаго прощенія, требуются также: невозбужденіе противъ нихъ ко дню изданія Манифеста уголовнаго преслѣдованія; отсутствіе судебнаго приговора, или-же, въ крайнемъ случаѣ, то, чтобы таковой приговоръ къ указанному сроку не успѣлъ войти въ законную силу.

II. Устраняя предшествующимъ параграфомъ отъ абсолютнаго прощенія обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе только нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ лично и по состоянію присвоенныхъ, Манифестами признается также необходимымъ, съ тою-же цѣлью, и конкретное обозначеніе другихъ даже болѣе тяжкихъ по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ преступленій, каковы: кража, мошенничество, присвоеніе и растрата чужаго имущества, мздоимство, лихоимство.

III. Въ числѣ преступныхъ дѣяній, вполнѣ или частью изъятыхъ отъ дѣйствія милосердія по Мани-

фестамъ, въ каждомъ изъ нихъ, непремѣнно, упоминается: а) объ оскорбленіи чести, преслѣдуемомъ по частной жалобѣ и подлежащемъ прекращенію въ порядкѣ примиренія сторонъ; б) о правѣ потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ на вознагражденіе за вредъ и убытки, и в) о дѣяніяхъ, по коимъ денежныя взысканія поступаютъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета и не въ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія.

IV. Предоставляется состоящимъ подъ слѣдствіемъ и судомъ обвиняемымъ, освобожденнымъ силою Манифеста отъ суда и наказанія, а также тѣмъ, которые за учиненныя до обнародованія Манифеста дѣянія будутъ впослѣдствіи подведены подъ дѣйствіе онаго, право, первымъ въ теченіи шести, а послѣднимъ въ теченіи одного мѣсяца, просить о возобновленіи надъ ними слѣдствія и суда для оправданія себя по суду, но подъ условіемъ, что, въ случаѣ ихъ обвиненія, они уже не могутъ вновь воспользоваться однажды дарованною имъ Манифестомъ милостью.

Между тѣмъ, рядомъ съ такимъ строго ограничительнымъ направленіемъ въ вопросѣ о примѣненіи абсолютнаго помилованія, въ тѣхъ же Манифестахъ замѣчается болѣе широкое проявленіе Монаршаго милосердія, нежели прежде, *въ дѣлѣ облегченія участи преступниковъ*, которое одинаково распространяется и на обвиняемыхъ и на осужденныхъ и даже на отбывающихъ наказанія, какъ за общеуголовныя, такъ и за государственныя преступленія. Кромѣ того, въ отношеніи государственныхъ преступниковъ, помимо амнистированія совершенныхъ ими преступленій, остававшихся безгласными въ теченіи пятнадцати лѣтъ, до изданія милостиваго Манифеста, а также дѣлъ о преступленіяхъ, преду-

смотрѣнныхъ ст. 246—248 Улож. о Наказ. (т. е. преступленій объ оскорбленіи Величества) Манифестами Императора Александра III Миротворца и нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора Николая II, разрѣшается Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Юстиціи, входить съ особенными всеподданнѣйшими докладами о возможно бо́льшемъ смягченіи ихъ участи, сравнительно съ облегченіями, даруемыми общею милостивою статьею, во вниманіе къ ихъ раскаянію и доброму поведенію.

Министру-же Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется повергать на Высочайшее усмотрѣніе и участь лицъ, отбывающихъ наказанія, наложенныя въ административномъ порядкѣ, а также самовольно оставившихъ отечество, вслѣдствіе совершенныхъ ими государственныхъ преступленій, но не изобличенныхъ въ злодѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 241 Улож. о Наказ., если таковыя лица пожелаютъ возвратиться на родину.

Обращаясь засимъ къ сепаратнымъ Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ о помилованіяхъ и внѣзаконныхъ милостяхъ, или точнѣе къ разъясненію порядка направленія и разрѣшенія отдѣльныхъ по сему предмету всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, слѣдуетъ замѣтить, что до 1869 года подобнаго рода прошенія поступали обыкновенно въ Коммиссію прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, которая, руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 17 Марта 1841 года, путемъ сношеній съ подлежащими учрежденіями и вѣдомствами, предварительно собирала всѣ необходимыя по дѣлу и о личности просителя свѣдѣнія, по разсмотрѣніи которыхъ, въ случаѣ уважительности всеподданнѣйшаго его ходатайства, повергала таковое чрезъ Статсъ-Секретаря на Всемилости-

вѣйшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе. Но 25 Ноября 1869 года Министромъ Юстиціи былъ объявленъ Сенату Именной указъ [1]), коимъ повелѣно: *дѣла, рѣшенныя въ судебныхъ мѣстахъ, представлять на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества не иначе, какъ чрезъ Министра Юстиціи, за исключеніемъ случаевъ, именно въ законѣ указанныхъ.*

Съ тѣхъ поръ, примѣнительно къ порядку представленія на Высочайшее утвержденіе судебныхъ приговоровъ о помилованіи или о смягченіи участи осужденныхъ, принадлежащихъ къ привиллегированному сословію, всѣ по изъясненному предмету всеподданнѣйшія прошенія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя поданы осужденными судебными мѣстами прежняго устройства, а равно и большая часть ходатайствъ о дарованіи какихъ-либо внѣзаконныхъ милостей, только поступаютъ въ Канцелярію Его Императорскаго Величества по принятію прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, но ею не разсматриваются, а препровождаются по принадлежности къ Министру Юстиціи для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору [2]).

Таковъ собранный нами историческій и законодательный матеріалъ по вопросу о прерогативѣ помилованія и Монаршихъ милостей въ Императорскую эпоху.

Разбирая означенный матеріалъ и исключая изъ него все несущественное и случайное, оставляя лишь общее и коренное, мы имѣемъ полнѣйшую возможность установить и самую теорію или ученіе объ этомъ аттрибутѣ Россійской Державности,—ученіе,

---

[1]) П. С. З. — 1869 г. 20 Февраля — 46779 и т. I Св. Зак., изд. 1892 г., ст. 181.

[2]) Св. Зак. Т. I, ст. 778, п. 6, изд. 1892 г.

которому одинаково извѣстны какъ *амнистія*, со всѣми ея особенностями, даруемая общими милостивыми Манифестами, въ смыслѣ помилованія коллективной личности, такъ и *простое* или индивидуальное *помилованіе* съ его видовыми подраздѣленіями: а) на *аболицію* (abolitio), состоящую въ отпущеніи вины до воспослѣдованія окончательнаго судебнаго приговора; б) на *аграціацію* (aggratiatio или indulgentia specialis), состоящую въ отпущеніи наказанія, слѣдующаго преступнику по окончательному судебному приговору, и, наконецъ, в) *на реституцію* (restitutio in integrum), возстановляющую преступника во всѣхъ утраченныхъ имъ по судебному приговору правахъ. Согласно тому-же ученію признаются не подлежащими дѣйствію Монаршаго милосердія: 1) права потерпѣвшихъ на вознагражденіе за вредъ и убытки (Princeps non tollit jus quaesitum tertio), и 2) право преслѣдованія и наказанія по обвиненіямъ въ уголовно-частныхъ преступленіяхъ (delicta privata),—а вмѣстѣ съ тѣмъ допускается условно и право помилованнаго доказывать свою невиновность по суду (Invito beneficium non datur).

Такимъ образомъ, независимо отъ совершенной тождественности ученія о присущей Россійской Державности прерогативѣ помилованія съ общимъ ученіемъ западно-европейскихъ законодательствъ, самая регламентація дѣятельности Россійскихъ Монарховъ по ея осуществленію, одинаково, по мнѣнію нашему, отвѣчаетъ и всѣмъ тѣмъ условіямъ и требованіямъ, какими эта прерогатива обставлена въ западно-европейскихъ государствахъ, для предупрежденія возможныхъ ею злоупотребленій . . . . .

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

УЧРЕЖДЕНІЯ.

ГЛАВА XVII.

Историческій обзоръ органовъ, посредствовавшихъ до учрежденія Коммиссіи Прошеній между Россійскою Верховною Властью и народомъ по ходатайствамъ о правосудіи, помилованіи и милостяхъ. Форма челобитныхъ и всеподданнѣйшихъ прошеній въ различныя историческія эпохи.

Выше было уже замѣчено [1]), что, благодаря общему самобытному характеру нашей государственной жизни и поступательному развитію всѣхъ допетровскихъ политическихъ институтовъ и учрежденій, историческое изслѣдованіе почти каждаго изъ нихъ, непремѣнно, обнаружитъ его органическую связь съ первоначальнымъ, вызваннымъ тѣми или другими народными или государственными потребностями.

Вотъ почему Коммиссія Прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, будучи только послѣднимъ видомъ первоначальнаго органа, предназначеннаго служить проводникомъ личныхъ аттрибутовъ Россійской Державности, имѣетъ также свое отдѣльное историческое прошлое и свою историческую нить, связующую ее съ предшествующими однородными учрежденіями, которыя въ извѣстные періоды мѣ-

---

[1]) См. Предисловіе къ Особенной части, стр. 1—3.

няли одну лишь форму, но не коренную цѣль или назначеніе, обусловливавшія самое право ихъ на дальнѣйшее существованіе.

Первымъ изъ такихъ проводниковъ по времени и по строго религіознымъ основаніямъ и взглядамъ древне-рускихъ князей на смыслъ и значеніе самаго акта милосердія слѣдуетъ назвать русское духовенство [1]), дѣйствовавшее въ этой роли, начиная съ XIII по XVI столѣтія, во имя своего стариннаго и священнаго обычая печаловаться за слабыхъ и падшихъ,—обычая, отмѣненнаго, какъ извѣстно, Царемъ Іоанномъ IV Грознымъ по причинамъ и соображеніямъ чисто политическаго свойства.

Но уничтожая право печалованія духовенства, ради устраненія всякаго его участія въ дѣлахъ свѣтской власти вообще, а въ особенности, потому, что оно, по убѣжденію Царя, являлось сторонникомъ и защитникомъ ненавистнаго ему боярства, Іоаннъ IV, обѣщая народу свою личную, непосредственную защиту по всякаго рода его дѣламъ и сознавая необходимость установленія съ этою цѣлью посредствующаго между нимъ и народомъ спеціальнаго и самостоятельнаго органа, создаетъ таковой въ составѣ *нѣсколькихъ правдивыхъ судей отъ бояръ и вельможъ*, подъ предсѣдательствомъ своего любимца Адашева, на котораго возлагаетъ пріемъ челобитныхъ *отъ бѣдныхъ и обиженныхъ, не опасаясь сильныхъ и славныхъ, похитившихъ себѣ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ*, но и не потворствуя клеветникамъ, дабы Царю докладывалась одна только истина [2]). По удаленіи же отъ двора опальнаго Адашева, который, по справедливости, можетъ быть наз-

[1]) См. Особенную часть, главы: XI, XII и XIII.
[2]) А. И., т. I, № 16; С. Г. Г., т. II, № 37.

ванъ первымъ Россійскимъ Статсъ-Секретаремъ для принятія прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, находившееся въ его завѣдываніи учрежденіе и продолжавшее свою дѣятельность было переименовано Іоанномъ Грознымъ въ Челобитную Избу или Приказъ,—фактъ, удостовѣряемый первымъ оффиціальнымъ извѣстіемъ о названномъ учрежденіи, относящимся къ 1571 году [1]), т. е. къ эпохѣ конца царствованія Іоанна.

Въ этой, именно, формѣ и съ тою-же спеціальною программою, какая была преподана Іоанномъ Адашеву, Челобитный Приказъ существовалъ до 1677 года въ видѣ самостоятельнаго и личнаго органа Верховной Власти, послѣ чего былъ присоединенъ къ Судному Володимірскому Приказу, а въ 1685 году окончательно упраздненъ Императоромъ Петромъ Великимъ [2]).

Не смотря на скудность историческихъ свѣдѣній, сохранившихся о личномъ составѣ Челобитнаго Приказа, помѣщенныхъ, при томъ, въ историческихъ памятникахъ только начала XVII вѣка, однако-же, на основаніи этихъ свѣдѣній представляется возможнымъ возстановить какъ организацію, такъ и дѣятельность названнаго учрежденія, не опасаясь упрека въ смѣшеніи Челобитнаго Приказа временъ Грознаго съ Челобитнымъ Приказомъ царствованій Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, ибо одно изъ историческихъ извѣстій, которое мы встрѣчаемъ въ Запискѣ о Царскомъ Дворѣ подъ 1610—1613 годами [3]), касается періода дѣятельности Челобитнаго Приказа въ качествѣ еще самостоятельнаго

---

[1]) Неволинъ, Полн. Собр. Соч. т. VI, стр. 149.
[2]) П. С. З., т. II, № 1108.
[3]) А. И., т. II, № 355.

органа, до присоединенія его къ Володимірскому Судному Приказу,—обстоятельство, устраняющее возможность всякаго предположенія о какихъ-либо соотвѣтственныхъ коренныхъ измѣненіяхъ, которыя могли произойти въ его устройствѣ и компетенціи.

Между тѣмъ, въ упомянутой Запискѣ о Царскомъ Дворѣ мы находимъ слѣдующее описаніе Челобитнаго Приказа: «*Приказъ Челобитный: Какъ Государь «куды пойдетъ, бьютъ челомъ всякіе люди и предъ Госу«даремъ бояринъ и дьякъ того Приказу* (т. е. Челобит«наго), *принимаютъ челобитныя и по нимъ расправу «чинятъ, а которыхъ не могутъ, тѣ къ Государю вно«сятъ*».

Вполнѣ согласное съ Запискою о Царскомъ Дворѣ, но болѣе подробное описаніе личнаго состава и предметовъ вѣдомства Челобитнаго Приказа представляетъ намъ Котошихинъ [1]), говоря: «*А въ немъ «сидитъ окольничей да два дьяка. А вѣдомо въ немъ «челобитные: которые люди подаютъ царю въ походехъ «и на празники, и тѣхъ челобитенъ царь слушаетъ самъ «и бояре и по которой челобитной доведется быти «указу, или отказу, и на тѣхъ челобитныхъ подписы«ваютъ думные дьяки; и слушавъ царь тѣхъ челоби«тенъ, отсылаетъ въ тотъ Приказъ* (т. е. Челобит«ный), *а изъ Приказу посылаютъ тѣ челобитные съ «подъячими, велятъ имъ честь ихъ на площади предъ «Царскимъ дворомъ всѣмъ людемъ, и отдавать имянно «тѣмъ людемъ, чья та челобитная будетъ, а иные люди «емлютъ свои челобитные въ Приказѣ, и кто о чемъ «билъ челомъ, смотря по подписи, ходятъ въ тѣ При«казы, куды подписано будетъ и гдѣ дѣло его. Да въ «этомъ же Приказѣ вѣдомы судомъ приказные люди,*

---

[1]) О Россіи въ цар. Алексѣя Михайловича. Глава VII, ст. 28, стр. 91.

«дьяки и подъячіе и сторожи и ходаки и доходы денеж-«ные съ судныхъ дѣлъ небольшіе».

Совокупность приведенныхъ данныхъ даетъ, такимъ образомъ, право заключить, что обсужденіе челобитныхъ, подаваемыхъ Государю, вообще происходило подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, при чемъ по тѣмъ изъ нихъ, по которымъ, согласно послѣдовавшей Высочайшей резолюціи, помѣчаемой обыкновенно дьяками на самыхъ челобитныхъ, слѣдовало удовлетвореніе всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, исполненіе производилось Челобитнымъ Приказомъ чрезъ посредство состоявшихъ при немъ подъячихъ. Въ случаѣ же обращенія просителя къ Царю по дѣлу уже производящемуся въ какомъ-либо Приказѣ, поданное имъ прошеніе или жалоба, за преждевременностью возбужденнаго всеподданнѣйшаго ходатайства, препровождались Челобитнымъ Приказомъ по принадлежности на разсмотрѣніе того Приказа, въ производствѣ котораго находилось дѣло.

Независимо, однако-же, отъ упомянутыхъ свѣдѣній, а также дополнительнаго заявленія Котошихина въ концѣ своего описанія, что тому же Челобитному Приказу были подсудны приказные люди, дьяки, подъячіе, сторожа и ходаки и что имъ же вѣдались дѣла по взысканію незначительныхъ судебныхъ доходовъ, существуютъ, равнымъ образомъ, и нѣкоторые другіе историческіе факты, хотя и единичные, но дающіе поводъ предполагать, что обязанности Челобитнаго Приказа, въ царствованіе Іоанна IV, не ограничивались только пріемомъ и докладомъ Царю челобитныхъ, лично ему подаваемыхъ, но что Приказъ этотъ функціонировалъ и въ качествѣ тайной канцеляріи Государя, а иногда и высшей законодательной инстанціи. Въ описи Цар-

скаго архива 1575—1584 годовъ [1]), мы встрѣчаемъ, напримѣръ, извѣстіе о томъ, что въ Челобитную Избу была подана челобитная о непригожихъ рѣчахъ про Государя, а изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику, составленныхъ въ XVII вѣкѣ, видно, что нѣкоторые Царскіе указы, разрѣшавшіе спорные юридическіе вопросы, были разосланы изъ Челобитнаго Приказа [2]).

Во всякомъ случаѣ, едва-ли можно сомнѣваться, что Челобитный Приказъ, учрежденный по мысли Царя Іоанна Васильевича Грознаго, въ видѣ посредствующаго органа между Верховною Властью и народомъ, для защиты его отъ неправосудія и всякихъ обидъ, представлялъ собою личную Канцелярію Государя, отправлявшую вмѣстѣ съ упомянутою спеціальною обязанностью и другія временно возлагавшіяся на него Царскою волею, а потому долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ однородныхъ съ нимъ учрежденій, начиная съ рекетмейстерской части и кончая Коммиссіею Прошеній и Особымъ Присутствіемъ при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ на сенатскія рѣшенія.

Въ 1685 году, Петръ Великій упразднилъ Челобитный Приказъ [3]), а *всѣ челобитныя по тяжебнымъ дѣламъ* повелѣлъ подавать непосредственно въ подлежащія присутственныя мѣста, но не лично Государю, которому надлежитъ «*подавать челобитныя только* «*на неправое вершеніе судей, по таковымъ челобитнымъ*

---

[1]) А. И., т. I, № 16; С. Г. Г., т. II, № 37; Исторія Соловьева, т. VI, стр. 61; А. А. Э., т. I, № 289: опись Царскаго архива, 1575—1584, стр. 349. «Ящикъ 191 . . . . челобитная безъимянная, подали ее въ Челобитную Избу, на Петрово имя Волынскаго, что будто Петръ слышалъ у Ѳедора у Новосильскаго про Государя непригожія рѣчи . . . . .»

[2]) А. И. т. III, № 92, XII, XIV, XV; Дворцовые Разряды, т. VI, стр. 596

[3]) П. С. З., т. II, № 1108.

«между челобитчиковъ, судей и дьяковъ судить будетъ «самъ Государь»... [1]).

Но, если полнѣйшая деморализація административныхъ и судебныхъ учрежденій, которую засталъ при вступленіи своемъ на престолъ Петръ I, не удержала его ни отъ упраздненія Челобитнаго Приказа, ни даже отъ самаго ограниченія права на подачу ему челобитныхъ, которое было обусловлено единственнымъ поводомъ неправильно постановленнаго судебнаго рѣшенія, то неудивительно, что послѣ произведенныхъ уже коренныхъ преобразованій всѣхъ государственныхъ установленій съ цѣлью поднять ихъ авторитетъ и одновременно водворить въ народѣ уваженіе къ закону, упомянутыя ограниченія достигаютъ крайнихъ предѣловъ [2])...

Не долго, однакоже, прводолжалось такое увлеченіе Императора созданными имъ учрежденіями, ибо въ дѣятельности Коллегій, благодаря слабому за ними наблюденію Сената, обнаружились такія-же злоупотребленія, какими отличались и прежніе Приказы, вслѣдствіе чего Сенатъ не пріобрѣлъ въ глазахъ народа того значенія, какое желалъ ему придать Петръ Великій.

Современникъ Петра, извѣстный политикъ и публицистъ Посошковъ, въ виду такого бездѣйствія Сената и современнаго состоянія правосудія, отъ котораго страдалъ народъ, предлагалъ вмѣсто Сената учредить другой высшій правительственный органъ: [3]) *«И ради «самыя твердости въ судахъ и во всякомъ правленіи»*, пишетъ онъ, *«чтобы отъ правосудія ни много, ни мало судьи «не колебались, надлежитъ учинить особливую канцелярію,*

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1707.
[2]) См. главу VIII Особенной части, стр. 90—91.
[3]) Посошковъ: Глава III, о правосудіи, стр. 80 и 81.

«въ которой бы правитель былъ самый ближній и вѣр-«ный Царю. Еже бы онъ былъ око Царево, вѣрное око, «иже бы надъ всѣми судьями и правителями былъ вящій «и за всѣми правителями смотрѣлъ властительно, и «никого онъ кромѣ Бога, да Его Императорскаго Вели-«чества не боялся. А къ той канцеляріи приходъ былъ «бы самый свободный, а самъ бы тотъ правитель былъ «низокъ и ко всякимъ людемъ былъ низходителенъ, и ни «тяжелъ бы онъ былъ; аще и не то вся дни, обаче, «улуча время, по коллегіямъ ходилъ бы и смотрѣлъ, «каково кто дѣло свое управляетъ, и нѣтъ ли каковыя «въ дѣлахъ неисправности, и нѣтъ ли какихъ жалобщи-«ковъ. Такожде, обходя судебныя мѣста и челобитчи-«ковъ бы спрашивалъ, не чинятъ ли кому какова на-«падка и излишней волокиты и не осудили-ль кого не «противъ даннаго имъ положенія, и не взялъ-ли кой судья «или подъячій излишняго взятка. И у всѣхъ коллегій и «канцелярій прибить печатные листы съ объявленіемъ «такимъ: буде судья или подъячій какую учинитъ въ «дѣлѣ неправду, то приходили бы въ ту канцелярію, то «всякому лицу тамъ будетъ управа. Такожде, буде кто «изъ сильныхъ лицъ изобидитъ кого убогаго, или судья «гражданскій или военный офицеръ чѣмъ солдата или «драгуна изобидитъ, а онъ суда на него не сыщетъ, то «тутъ бы изобиженный искалъ бы обороны»...

Мысль Посошкова о необходимости подобнаго, именно, учрежденія совпадала съ мыслью и намѣреніемъ самого Императора Петра, который сознавалъ, что ни Кабинетъ, ни Сенатъ, ни Генералъ-Прокуроръ, по типу своему, отнюдь не соотвѣтствовали учрежденію или должностному лицу, которое въ дѣйствительности слѣдовало создать для противодѣйствія злоупотребленіямъ, и какое Посошковъ желалъ видѣть во главѣ проектируемой имъ высшей канцеляріи.

Условіямъ этимъ, по убѣжденію Императора, вполнѣ отвѣчала учрежденная Имъ въ 1720 году [1]) при Сенатѣ особенная *должность рекетмейстера*, или какъ онъ назывался впослѣдствіи, генералъ-рекетмейстера, на которую Петръ повелѣваетъ опредѣлить особаго человѣка, персону знатную, но не по своей родовитости, какъ предполагаютъ нѣкоторые, неправильно истолковывая смыслъ словъ «персона знатная», а по своимъ способностямъ и высокимъ нравственнымъ качествамъ [2]).

Оффиціальное положеніе рекетмейстера, какъ лица состоящаго при Особѣ Государя и облеченнаго полнымъ Его довѣріемъ, въ связи съ характеромъ обязанностей и отвѣтственности, какія возлагались на него наказомъ и особенною присягою [3]), казалось, несомнѣнно, должно было обезпечить народу въ его дѣлахъ во всемъ *судъ праведный и безпродолжительный.*

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3581.

[2]) Примѣчаніе I. На вопросъ, возбужденный военнымъ начальствомъ въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ о томъ, кого слѣдуетъ признать «знатнымъ» (дворяниномъ), Императоръ Петръ Великій отвѣтилъ въ собственноручной резолюціи: «знатность познается по годности».

[3]) Примѣчаніе II. Въ присягѣ, спеціально составленной для генералъ-рекетмейстера, онъ приноситъ клятву въ томъ, что: «пребудетъ вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и все къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти приналлежащія права и прерогативы (или преимущества) узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, предостерегать и оборонять, и въ томъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить, и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касаться можетъ; . . . и положенный на немъ чинъ какъ по сей данной инструкціи, такъ и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества Именемъ, отъ поставленныхъ надъ нимъ начальниковъ, опредѣляемыхъ инструкціями и регламентомъ, указомъ надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы или вражды противно должности своей и присяги не поступать, и такимъ образомъ себя вести и поступать, какъ доброму и вѣрному Его Императорскаго Величества рабу и подданному благопристойно есть и надлежитъ».

Въ чемъ-же состояли упомянутыя обязанности рекетмейстера? Онѣ заключались въ томъ, чтобы челобитчиковъ, жалующихся на Канцеляріи и Конторы, подчиненныя Коллегіямъ, отсылать въ подлежащія Коллегіи, а по жалобамъ «*въ многовременныхъ волокитахъ*» на Коллегіи и Канцеляріи, имъ не подчиненныя, принимать всѣ мѣры и наблюдать за скорѣйшимъ разрѣшеніемъ находящихся въ ихъ производствѣ дѣлъ, путемъ письменныхъ съ ними сношеній, или-же личнымъ понужденіемъ кого слѣдуетъ къ скорѣйшему ихъ окончанію. Въ случаѣ-же какихъ-либо жалобъ на неправосудіе въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ, или, наконецъ, такихъ, которыя не подлежали пріему самого рекетмейстера, онъ обязанъ былъ докладывать ихъ Сенату.

Послѣдующими указами 17 и 27 Апрѣля 1722 года [1]), рекетмейстеру повелѣвается уже въ чрезвычайныхъ случаяхъ докладывать челобитныя даже самому Государю, представляя Ему челобитчиковъ и донося о всѣхъ челобитчикахъ на неправый судъ Коллегій и Канцелярій имъ не подчиненныхъ; но въ 1725 году [2]), личные доклады генералъ-рекетмейстера были отмѣнены и ему предписывалось «*челобитныя* «(вносившіяся въ Сенатъ) *принимать всѣ и разсмо-«тря, которыя не подлежатъ Коллегіямъ, а подлежатъ «Сенату, по тѣмъ докладывать въ Сенатъ, а кото-«рыя подлежатъ къ поданію Ея Императорскому Вели-«честву, а не къ Сенату, и тѣ вносить ему* (рекетмей-«стеру) *въ Кабинетъ*».

Генералъ-рекетмейстеръ имѣлъ таварища и особую контору съ опредѣленнымъ числомъ служащихъ по штату [3]).

[1]) П. С. З., т. VI, № 3900.
[2]) Тамъ же, т. VII, № 4765.
[3]) Примѣчаніе. По книгѣ штатовъ до и послѣ 1797 г. (П. С. З.,

Въ дальнѣйшей судьбѣ генералъ-рекетмейстерской части, послѣ Императора Петра Великаго, замѣчаются частыя перемѣны, и самая должность рекетмейстера то упраздняется, то возобновляется, сообразно съ тѣмъ, считалась-ли она необходимою или нѣтъ. Такъ, въ 1727 году [1]), при Императрицѣ Екатеринѣ I, согласно Ея Именному указу, объявленному Сенату 7 Марта того-же года Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, должность рекетмейстера была уничтожена, а обязанности его поручены Оберъ-Прокурору, въ силу соображеній, что: «понеже должность генералъ-рекетмейстера состоитъ въ томъ, «что онъ по имѣющимъ у себя дѣламъ докладываетъ «Сенату и по резолюціямъ онаго поступаетъ, а Сенату о тѣхъ его дѣлахъ оберъ-прокуроръ представляетъ, то тако въ содержаніи Рекетмейстерской Конторы напрасное жалованье происходитъ, того ради «повелѣли Мы должность генералъ-рекетмейстера исправлять Сенатскому Оберъ-Прокурору, и тѣми-жъ «приказными людьми, которые при Сенатѣ, а Конторѣ «Рекетмейстерской не быть, чтобы напраснаго жалованья не происходило».

Однако-же, три года спустя, рекетмейстерская часть возобновляется и сенатскимъ указомъ 16 Апрѣля 1730 года [2]) обнародовано, что «понеже по указу Ея Императорскаго Величества, при Сенатѣ опредѣленъ (вновь) генералъ-рекетмейстеръ, которому «повелѣно поступать во всемъ по прежней генералъ-«рекетмейстерской должности, какова учинена при

1763 г., т., XLIV, ч. II), въ составъ конторы генералъ-рекетмейстера входили: а) секретарь, б) канцеляристъ, в) подканцеляристъ, г) копіистъ и д) два сторожа.

[1]) П. С. З., т. VII, № 5023.

[2]) П. С. З., т. VIII, № 5534.

«Петрѣ Первомъ, того ради ежели въ которыхъ Коллегіяхъ или Канцеляріяхъ, которыя Коллегіямъ не «подчинены, у кого дѣла рѣшены неправдою, въ «противность указамъ и Уложенію, или у кого дѣла «долговременною волокитою не рѣшены-жъ, тѣмъ, «по прежнимъ указамъ, о томъ съ явными доказа-«тельствы бить челомъ и челобитныя подавать тому «генералъ-рекетмейстеру».

Обязанности генералъ-рекетмейстера и состоявшей при немъ конторы, послѣ ихъ возобновленія, были почти тѣ-же, какія и въ прежнее время: генералъ-рекетмейстеръ принималъ и разсматривалъ челобитныя, подлежавшія разрѣшенію Сената *по спорнымъ, тяжбу имѣющимъ дѣламъ*, а также по дѣламъ уголовнымъ, докладывая ихъ Сенату.

Единственною дополнительною къ прежнимъ была обязанность, возложенная на генералъ-рекетмейстера Сенатомъ 1 Іюля 1741 года, состоявшая въ разборѣ челобитныхъ, присылаемыхъ въ Сенатъ изъ Кабинета съ его резолюціями, а также въ разсылкѣ этихъ прошеній по принадлежности къ исполненію. Необходимо при этомъ замѣтить, что всѣ сенатскія опредѣленія по докладамъ Рекетмейстерской Конторы обязательно скрѣплялись сенаторами и генералъ-рекетмейстеромъ.

Съ введеніемъ Императрицею Екатериною Великою, манифестомъ 15 Декабря 1763 года [1]), болѣе правильной организаціи Сената, раздѣленіемъ его на Департаменты, съ опредѣленіемъ предметовъ вѣдомства каждаго изъ нихъ, Рекетмейстерская Контора снова была упразднена, а должность рекетмейстера,

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 11989.

хотя и оставлена, но съ самыми ничтожными правами, состоявшими въ принятіи челобитныхъ и въ распредѣленіи ихъ по Департаментамъ, или же въ возвращеніи ихъ челобитчикамъ, если онѣ не подлежали принятію [1]).

Въ такомъ видѣ и въ качествѣ *третьяго* по числу предшествовавшихъ ему однородныхъ учрежденій, послѣ Адашевскаго Статсъ-Секретаріата и Челобитнаго Приказа, должность рекетмейстера продолжала существовать до Императора Александра I, которымъ, спустя шесть лѣтъ послѣ учрежденія при Государственномъ Совѣтѣ Коммиссіи Прошеній, была окончательно упразднена въ 1816 году.

Но прежде чѣмъ обратиться къ Коммиссіи Прошеній, какъ учрежденію, замѣнившему рекетмейстерскую часть, обозрѣніемъ которой должно завершиться бѣглое историко-законодательное изслѣдованіе учрежденій, разновременно посредствовавшихъ между Россійскою Верховною Властью и подданными по ходатайствамъ о правосудіи, помилованіи и милостяхъ, необходимо выяснить также и тотъ порядокъ, какой существовалъ въ принятіи и направленіи всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о помилованіи и милостяхъ, такъ какъ всѣ поименованныя учрежденія, а въ особенности генералъ-рекетмейстерская часть, по своему коренному назначенію и общему характеру дѣятельности, были скорѣе

---

[1]) Примѣчаніе. Такое ограниченіе дѣятельности генералъ-рекетмейстерской части было вызвано, по мнѣнію нашему, возбужденнымъ въ Сенатѣ 30 Января 1763 года вопросомъ о необходимости обязать генералъ-рекетмейстера принимать только прошенія, означенныя въ его инструкціи,—вопросъ, по которому послѣдовало разногласіе между сенаторами и генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, отстаивавшимъ съ меньшинствомъ сенаторовъ мнѣніе о предоставленіи рекетмейстеру принимать всѣ челобитныя, но Императрица Екатерина Великая согласилась съ большинствомъ.

учрежденіями съ судебнымъ значеніемъ, *вѣдая преимущественно всеподданнѣйтія ходатайства челобитчиковъ по ихъ тяжебнымъ дѣламъ.*

Что-же касается порядка пріема и направленія всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о помилованіи и милостяхъ, проводникомъ которыхъ до воцаренія Іоанна Грознаго было духовенство, а за тѣмъ непосредственно сама Верховная Власть по собственному почину, то можно съ достовѣрностью сказать, что упомянутый порядокъ впервые устанавливается вышеприведеннымъ сенатскимъ указомъ 17 Августа 1725 г., предписывающимъ рекетмейстеру *челобитныя, не заключающія въ себѣ ходатайствъ по дѣламъ судебнымъ, вносить въ Кабинетъ.*

По упраздненіи Кабинета, сначала Верховный Тайный Совѣтъ [1]), а за нимъ Императорскій Кабинетъ, временъ Императрицы Анны Іоанновны, служили такими-же мѣстами производства дѣлъ по докладамъ Императорской Власти всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о помилованіи и милостяхъ, какимъ былъ и Кабинетъ царствованія Екатерины I, до учрежденія 12 Ноября 1740 года [2]) отдѣльнаго и самостоятельнаго по этого рода ходатайствамъ органа, въ лицѣ придворнаго рекетмейстера, цѣль учрежденія котораго и кругъ его дѣятельности. ясно выражены какъ въ Именномъ указѣ Сенату, такъ и въ особенной инструкціи, данной назначенному на эту должность подполковнику Андрею Фенину.

Въ упомянутой инструкціи говорится: «Всемило-

---

[1]) Примѣчаніе. Для пріема челобитныхъ о милосердіи и милостяхъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ былъ назначенъ одинъ день въ недѣлю—Суббота (П. С. З., т. VII, № 5188).

[2]) П. С. З., т. XI, № 8288.

«стивѣйше повелѣваемъ тебѣ: всѣ подаваемыя Намъ «челобитныя, которыя нарочно для того тебѣ отдаваться будутъ, *разсматривая, представлять Намъ «токмо такія, которыя до собственной Нашей резолюціи касаются, а прочія, которыя надлежатъ до учрежденныхъ департаментовъ, отсылать для рѣшенія въ «Сенатъ.* И для того Всемилостивѣйше повелѣваемъ «быть тебѣ при Дворѣ Нашемъ безотлучно. Помянутыя подаваемыя Намъ челобитныя разсматривать «по примѣру должности генералъ-рекетмейстера, при «Нашемъ Сенатѣ учрежденнаго, безъ всякаго задержанія, дабы челобитчики долго не волочились; а что «по отосланнымъ отъ твоей должности челобитнымъ «учинится, о томъ отъ Сената требовать извѣстія по «недѣльно...» Инструкція заканчивалась слѣдующимъ наставленіемъ придворному рекетмейстеру: «Будучи «при сей Всемилостивѣйше отъ Насъ повѣренной «должности, поступать такъ, какъ надлежитъ до«брому, вѣрному и присяжному человѣку, какъ Вы«сочайшіе наши интересы требуютъ, уповая за хоро«шіе поступки Высочайшей Нашей милости, а за ху«дые высокаго Нашего гнѣва».

Между тѣмъ, придворный рекетмейстеръ Фенинъ не оправдалъ высокаго довѣрія, ему оказаннаго, ибо въ самомъ непродолжительномъ времени былъ уличенъ и повинился во взяточничествѣ [1]), вслѣдствіе чего уволенъ, а вмѣстѣ съ его увольненіемъ, послѣдовалъ Марта 4 1741 года Высочайшій указъ объ упраздненіи и должности придворнаго рекетмейстера, обязанности котораго снова перешли къ Императорскому Кабинету.

Среди крайне разнообразныхъ дѣлъ Император-

---

[1]) См. Приложеніе къ главѣ XVII, стр. 41—43.

скаго Кабинета, разсортированныхъ по группамъ, дѣйствительно встрѣчается за 1740 и 1741 годы [1]) огромное количество производствъ по однимъ только всеподданнѣйшимъ прошеніямъ о помилованіи, о наградахъ за службу и услуги государству, о дарованіи привиллегій, о пожалованіи недвижимостью и деньгами и т. п., словомъ по такого рода ходатайствамъ, удовлетвореніе которыхъ могло послѣдовать въ видѣ изъятія изъ закона, въ путяхъ Монаршаго милосердія.

Въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, Императорскій Кабинетъ былъ уничтоженъ и Высочайше повелѣно направлять всеподданнѣйшія прошенія о милосердіи и милостяхъ въ учрежденный Ею Кабинетъ, который Она обратила въ Свою личную канцелярію. А при Екатеринѣ Великой, Именнымъ указомъ 1763 года, объявляется челобитчикамъ относительно обязательной подачи ими всякаго рода всеподданнѣйшихъ прошеній въ спеціально учрежденную для сего Императрицею Коммиссію Прошеній, въ составѣ трехъ лицъ: Тайнаго Совѣтника Олсуфьева и Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣтниковъ Теплова и Елагина, долженствовавшихъ дѣйствовать по пріему и докладу Ея Величеству означенныхъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ на основаніи особенной Высочайше утвержденной инструкціи [2]).

Въ заключеніе настоящей главы слѣдуетъ упомянуть также о *формѣ челобитныхъ и всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній*, которая мѣнялась почти въ каждое царствованіе, начиная съ половины XVI столѣтія.

---

[1]) См. Внутренній бытъ русскаго государства, кн. II, стр. 28—40. Москва, 1886 г.

[2]) См. Главу X, Особенной части и приложеніе къ ней.

Общая форма челобитныхъ, неизмѣнно сохранившаяся съ XVI вѣка до вступленія на престолъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, состояла въ томъ, что въ началѣ каждой челобитной, независимо отъ ея содержанія, писалось: «*Царю Государю и Великому Князю* (такому-то) *всея Руссіи бьетъ челомъ*» (такой то), при чемъ, если челобитчикъ принадлежалъ къ знати или къ служилымъ людямъ, то послѣ словъ «*бьетъ челомъ*» слѣдовали слова: «*холопъ твой Государевъ*», съ уничижительными полуименами «Васюкъ», «Ивашка», «Андрюшка» и т. п., а послѣ сего помѣщалась фамилія просителя. Если-же челобитчикомъ являлось единичное духовное лицо, или-же коллективное церковное или монастырское духовенство, то за словами «бьетъ или бьютъ челомъ», слѣдовали слова «*богомолецъ или богомольцы твои Государевы*» (такой-то или такіе-то). Наконецъ низшее сословіе не иначе именовало себя въ челобитныхъ, какъ «*сиротами Государевыми*».

Послѣ прописанія титула излагались уже обстоятельства дѣла и просительный пунктъ, который завершался обыкновенно воззваніемъ: «*Царь Государь! Смилуйся, пожалуй!*» или-же: «*Великій Государь пожалуй меня* (холопа, богомольца, или сироту твоего), *умилосердись какъ Богъ!*»

Въ концѣ XVII столѣтія, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, титулъ челобитныхъ нѣсколько измѣненъ и послѣ словъ: «Царю Государю и Великому Князю», велѣно писать: «*всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу*», а въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича воспрещается, подъ страхомъ *великой опалы*, употребленіе въ челобитныхъ выраженія о томъ, чтобы, «*Великій Государь умилосердился, пожаловалъ какъ Богъ!*», но вмѣто того повелѣвается писать: «*для прилучивша-*

гося котораго наставшаго празника и для Государскаго многолѣтняго здравія» [1]).

Императоръ Петръ Великій, прежде всего, указомъ 23 Января 1699 года [2]), повелѣваетъ челобитчикамъ писать свои челобитныя не иначе, какъ на гербовой бумагѣ или, какъ сказано въ указѣ: «*на бумагѣ которая за печатью въ полы золотаго*» и писать при томъ «*прямое дѣло*» т. е. о чемъ, именно, проситель бьетъ челомъ, «*а лишняго и посторонняго не писать*» [3]). Далѣе, указомъ 1 Марта 1702 года [4]) предписываетъ, во всѣхъ городахъ Россійскаго Царства,—«Царевичамъ, Боярамъ, «Окольничимъ, Думнымъ и Ближнимъ, а также слу-«жилымъ, иноземцамъ, купецкимъ и чернослобод-«цамъ и всякаго чина людямъ», писать въ челобитныхъ Свою Государскую честь новымъ изложеніемъ, въ началѣ: «*Державнѣйшій Царь, Государь Милости-«вѣйшій*», и потомъ излагать дѣло, а предъ самымъ просительнымъ пунктомъ: «*Всемилостивѣйшій Государь «прошу Вашего Величества*», а въ заключеніи: «*Вашего «Величества нижайшій рабъ*» (такой-то).

Въ 1723 году [5]) форма челобитныхъ еще болѣе упрощена. Въ началѣ повелѣвалось писать титулъ, потомъ самую просьбу по пунктамъ, а въ заключеніи: «*прошу Ваше Величество о семъ моемъ челобитьѣ рѣшеніе учинить*».

Форма челобитныхъ временъ Императрицъ Екатерины I и Анны Іоанновны [6]) измѣнилась только въ своемъ титулѣ, который слѣдовало писать такъ: «*Все-«пресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня*

---

[1]) П. С. З., т. II, № 826.
[2]) Тамъ же, т. III, № 1673.
[3]) Тамъ же, т. IV, № 1806.
[4]) Тажъ же, т. IV, № 1899.
[5]) Тамъ же, т. VII, № 4344.
[6]) Тамъ же, т. VII, № 4755 и т. VIII, № 5501.

«*Императрица*» (имя и отчество), «*Самодержица Все-«россійская*».

Императрица-же Елизавета Петровна присовокупляетъ къ послѣднимъ словамъ титула «*Самодержица «Всероссійская*»: «*Государыня Всемилостивѣйшая*», повелѣвая въ тоже время писать самую челобитную слѣдующимъ образомъ: «Бьетъ челомъ имя рекъ на «имя река, *а въ чемъ мое прошеніе тому слѣдуютъ пункты*», каковые пункты излагать послѣдовательно одинъ за другимъ, а по окончаніи, въ началѣ просительнаго пункта писать: «*И дабы Высочайшимъ Вашего Величе-«ства указомъ повелѣно было*» (слѣдуетъ просительный пунктъ), а въ заключеніи челобитной воззваніе: «*Все-«милостивѣйшая Государыня! прошу Ваше Император-«ское Величество о семъ моемъ челобитьѣ рѣшеніе учи-«нить*» [1]).

Эту форму челобитныхъ можно признать послѣднею, такъ какъ она не подвергалась уже никакимъ измѣненіямъ въ послѣдующія царствованія, если не считать измѣненіями Высочайшія повелѣнія, съ одной стороны, Императрицы Екатерины II въ 1784 году [2]) о томъ, чтобы вмѣсто челобитныхъ, *подавать жалобницы или прошенія*, а подпись «всеподданнѣйшій рабъ» замѣнить подписью: «*всеподданнѣйшій или вѣрноподданнѣйшій*»; а съ другой—Императора Александра I, 1806 и 1819 годовъ [3]), которыми вмѣнялось въ обязанность просителямъ писать всеподданнѣйшія прошенія на гербовой бумагѣ съ непремѣннымъ обозначеніемъ въ нихъ именъ сочинителя и писца.

Всѣ перечисленныя нами формальности, нарушеніе которыхъ нерѣдко ставило челобитчиковъ подъ

---

[1]) П. С. З., т. XI, № 8475, п. 7.
[2]) Тамъ же, т. XXII, № 16329.
[3]) Тамъ же, т. XXIX, № 22076 и т. XXXVI, № 27724.

угрозу оставленія безъ всякихъ послѣдствій поданныхъ ими всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній, съ теченіемъ времени постепенно утрачивали свое значеніе и нынѣ замѣнены другими, означенными въ п.п. 10, 11, 12, 13 и 14 Высочайше утвержденныхъ правилъ [1]).

Въ приложеніи къ настоящей главѣ [2]) мы помѣстили избранныя челобитныя и всеподданнѣйшія прошенія, извлеченныя изъ разныхъ историческихъ памятниковъ и документовъ, которыя когда-либо подавались Русскимъ Царямъ и Императорамъ, начиная съ XVI по XIX в. и представляются весьма интересными въ бытовомъ отношеніи, рисуя повседневную домашнюю жизнь народа и его отношенія къ своимъ Монархамъ, въ различныя историческія эпохи.

ГЛАВА XVIII.

Учрежденіе Коммиссіи Прошеній, предметы ея вѣдомства и очеркъ періодическихъ реформъ, съ 1835 по 1895 г.г.

Одновременно съ преобразованіемъ въ 1820 году Государственнаго Совѣта, которое послужило началомъ введенія болѣе стройнаго государственнаго порядка, о чемъ мечталъ Императоръ Александръ I еще въ началѣ Своего царствованія, надѣясь: «*послѣ многихъ колебаній правительства составить, наконецъ,* «*твердое и на законныхъ основаніяхъ положеніе, сообраз*«*ное духу времени и степени просвѣщенія*» [3]), была учре-

[1]) Т. I, ч. II, кн. VI, Св. Зак. изд. 1895 года.

[2]) См. Приложеніе къ главѣ XVII Особенной части, стр. 44—265.

[3]) Графъ Сперанскій, 1772—1839 г.г. М. Лонгинова. Письмо графа Сперанскаго изъ Перми, 1813 г.

ждена при Совѣтѣ, въ видѣ особаго установленія и Коммиссія Прошеній, для разсмотрѣнія жалобъ и прошеній, приносимыхъ Его Императорскому Величеству [1]).

Само собою разумѣется, что при такой точно установленной по мысли законодателя компетенціи вновь образованнаго исполнительнаго органа Высочайшихъ указаній по вопросамъ правосудія и милосердія, учрежденіе это должно было сосредоточить у себя всѣ предметы вѣдѣнія не только предшествовавшей ей Екатерининской Коммиссіи Прошеній, но и генералъ-рекетмейстерской части.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 1 Января 1810 года положенія, Коммиссія Прошеній въ своемъ первоначальномъ видѣ являлась учрежденіемъ коллегіальнымъ, въ составъ котораго входили: предсѣдатель, назначаемый по Высочайшему повелѣнію изъ членовъ Государственнаго Совѣта, нѣсколько членовъ, опредѣляемыхъ Именными Высочайшими указами, и особый Статсъ-Секретарь, для принятія всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній, состоявшій, въ тоже время, членомъ Коммиссіи Прошеній и управлявшій ея письмоводствомъ [2]).

Распредѣляя [3]) всѣ поступавшія всеподданнѣйшія прошенія по тремъ, установленнымъ актомъ учрежденія, категоріямъ, какъ-то: 1) по жалобамъ на неправильныя рѣшенія Департаментовъ Сената и на Министерства, 2) по ходатайствамъ о какихъ либо наградахъ или милостяхъ и 3) по проектамъ, Статсъ-Секретарь обязанъ былъ вносить ихъ, затѣмъ, въ Коммиссію, за исключеніемъ: а) бумагъ, которыя

---

[1]) П. С. З., т. XXXI, № 24064.
[2]) Тамъ же, » » §§ 80, 88, 92 и 93.
[3]) Тамъ же, » » § 89.

подъ общимъ видомъ прошеній содержали въ себѣ дѣла особенной важности и посему подлежали непосредственному представленію на Высочайшее усмотрѣніе и б) нижеслѣдующихъ прошеній и жалобъ, обязательно подлежащихъ оставленію безъ всякаго дальнѣйшаго движенія и къ числу которыхъ относились: прошенія, по коимъ однажды уже послѣдовалъ отказъ, жалобы на рѣшенія Высочайше конфирмованныя или Именными указами оконченныя, развѣ бы онѣ касались не самаго рѣшенія, но представленія, на которомъ оно основано, и наконецъ, прошенія и жалобы безъ подписи имени [1]).

По всеподданнѣйшимъ жалобамъ первой категоріи, на рѣшенія Департаментовъ Сената и Министерствъ, Коммиссія предварительно собирала всѣ необходимыя по дѣламъ свѣдѣнія и справки и, въ случаѣ признанія жалобъ заслуживающими уваженія, а состоявшіяся рѣшенія Сената или Министерствъ подлежащими отмѣнѣ, подносила свои рѣшительныя заключенія въ журналахъ на Высочайшее усмотрѣніе со внесеніемъ журнала и дѣла въ Государственный Совѣтъ, тѣмъ-же порядкомъ, въ какомъ обыкновенно вносились дѣла министерскія. Буде-же всеподданнѣйшая жалоба признавалась неосновательною, то Статсъ-Секретарь именемъ Коммиссіи объявлялъ жалобщику отказъ [2]).

Прошенія второй категоріи, т. е. о наградахъ и милостяхъ, подчинялись одинаковымъ правиламъ въ порядкѣ представленія, какъ и жалобы, при чемъ внесенію въ Коммиссію отнюдь не подлежали: а) прошенія о наградахъ подчиненныхъ лицъ, приносимыя безъ вѣ-

---

[1]) П. С. З., т. XXXI, № 24064, § 90, п.п. 1, 2, 3 и 4.
[2]) Тамъ же, » » §§ 99, 100, 102, 103 и 104.

дома ихъ начальствъ и б) прошенія, по которымъ уже послѣдовалъ отказъ [1]).

По всеподданнѣйшимъ ходатайствамъ о наградахъ, Коммиссія, по полученіи необходимыхъ свѣдѣній отъ начальства просителей, заносила свои заключенія въ журналы, на основаніи которыхъ составляла каждое полугодіе списки, представлявшіеся ею на Высочайшее усмотрѣніе, для назначенія по нимъ удовлетворенія, подъ условіемъ, однако-же, если по сношеніи съ Министромъ Финансовъ, окажутся къ тому возможные способы въ остаткахъ [2]).

Наконецъ, по прошеніямъ съ представленіемъ какихъ-либо проектовъ, Коммиссія, останавливаясь на болѣе заслуживающихъ вниманіе, отсылала ихъ по принадлежности къ Министрамъ, дабы они были разсмотрѣны въ учрежденныхъ, съ этою цѣлью, при Министерствахъ Комитетахъ и Коммиссіяхъ [3]).

Между тѣмъ, по мѣрѣ развитія дѣятельности Коммиссіи Прошеній, необходимость организаціи при Статсъ-Секретарѣ особой канцеляріи оказывалась все болѣе и болѣе настоятельною, вслѣдствіе чего 20 Февраля 1828 года послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе о Канцеляріи Статсъ-Секретаря, которымъ былъ опредѣленъ не только личный ея составъ по штату, но и общій канцелярскій распорядокъ. Такимъ образомъ, со времени своего учрежденія въ 1810 году въ качествѣ особаго установленія при Государственномъ Совѣтѣ, съ правами и обязанностями, изложенными выше, Коммиссія Прошеній въ теченіи двадцати пяти лѣтъ продолжала свою дѣятельность, по предметамъ и на основаніяхъ,

---

[1]) П. С. З., т. XXXI, № 24064, § 105, п.п. 1 и 2.
[2]) Тамъ же, » » §§ 106 и 107.
[3]) Тамъ же, » » §§ 112 и 113

предначертанныхъ ей Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 1 Января 1810 года. Но съ 1835 года начинается рядъ почти непрерывныхъ реформъ, едва-ли испытанныхъ какимъ-либо другимъ изъ высшихъ государственныхъ установленій, составлявшихъ гордость и славу Императора Александра I и его достойнаго сподвижника графа Сперанскаго.

Постараемся изложить въ общемъ и сжатомъ, по возможности, очеркѣ сущность упомянутыхъ реформъ, такъ какъ мы еще возвратимся и разсмотримъ ихъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

Новымъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 18 Января 1835 года [1]), Коммиссія Прошеній, прежде всего, была преобразована въ *самостоятельное учрежденіе* и вслѣдствіе сего заняла мѣсто среди высшихъ государственныхъ установленій Имперіи, а затѣмъ, тѣмъ же положеніемъ произведены нѣкоторыя измѣненія въ личномъ составѣ Канцеляріи Статсъ-Секретаря, учрежденіемъ должности Директора Канцеляріи, его Помощника, дѣлопроизводителей съ помощниками и другихъ чиновниковъ по штату, опредѣляемыхъ, перемѣщаемыхъ и увольняемыхъ по общимъ правиламъ Учрежденія Министерствъ и Уставовъ о службѣ гражданской. Касательно-же предметовъ вѣдѣнія и дѣятельности самой Коммиссіи Прошеній, подчиненной вновь составленнымъ и преподаннымъ для ея руководства общимъ и особеннымъ правиламъ, то независимо отъ установленныхъ общими правилами сроковъ и другихъ формальностей, опредѣляемыхъ закономъ, которыми обусловливался пріемъ

---

[1]) Положеніе о Коммиссіи Прошеній 18 Января 1835 года, дополненное позднѣйшими узаконеніями подробно изложено въ Учрежденіи Коммиссіи Прошеній, т. I Св. Зак., изд. 1857 г. и въ продолженіяхъ его 1876, 1879 и 1881 годовъ.

жалобъ и прошеній по дѣламъ тяжебнымъ и уголовнымъ, Коммиссіи Прошеній предписывается особенными правилами: 1) отнюдь не входить безъ особаго Высочайшаго повелѣнія въ разсмотрѣніе жалобъ по дѣламъ, рѣшеннымъ въ Общемъ Собраніи Сената [1]), Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта, Положеніями Комитета Министровъ и, вообще, по дѣламъ Высочайшими указами оконченнымъ [2]); 2) въ своихъ заключеніяхъ по жалобамъ, признаннымъ уважительными, испрашивать разрѣшеніе Государя Императора: а) по дѣламъ, рѣшеннымъ въ Департаментахъ Сената, о пересмотрѣ ихъ въ Общемъ Собраніи, б) по дѣламъ, рѣшеннымъ въ Общемъ Собраніи, о пересмотрѣ ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, в) по дѣламъ, рѣшеннымъ въ Министерствахъ и въ Главныхъ Управленіяхъ, о пересмотрѣ ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ или Комитетѣ Министровъ, по принадлежности, и г) по дѣламъ, рѣшеннымъ Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта, положеніями Комитета Министровъ или Высочайшими указами, и 3) изъ числа всеподданнѣйшихъ прошеній оставлять безъ движенія: а) прошенія служащихъ лицъ о наградахъ, приносимыя безъ вѣдома ихъ начальства, б) прошенія объ узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей или воспитанниковъ, а также о сопричисленіи къ законнымъ дѣтямъ рожденныхъ въ бракѣ

---

[1]) За исключеніемъ случаевъ, когда дѣло состоитъ въ отысканіи правъ дворянскаго состоянія или въ огражденіи правъ малолѣтнихъ и умалишенныхъ.

[2]) За исключеніемъ однако того случая, когда жалоба принесена не на самое опредѣленіе, но на противное самому событію изложеніе въ немъ обстоятельствъ дѣла и когда это подтверждается актами или достовѣрными доказательствами.

съ настоящею женою, и в) просьбы объ установленіи попечительствъ по дѣламъ частныхъ лицъ, на какихъ бы правилахъ эти попечительства ни предполагались.

Во всемъ остальномъ прежнія основанія и порядокъ дѣятельности самой Коммиссіи Прошеній остались почти безъ всякой существенной перемѣны, за исключеніемъ правъ и обязанностей состоящаго при Коммиссіи Статсъ-Секретаря, которыя нѣсколько дополнены въ *наставленіи*, помѣщенномъ въ новомъ актѣ учрежденія Коммиссіи Прошеній.

Въ § 3 упомянутаго *наставленія* встрѣчается, между прочимъ, положеніе, значительно расширявшее права Статсъ-Секретаря, ибо ему предоставлялось при распредѣленіи полученныхъ бумагъ по родамъ: «*по прошеніямъ и жалобамъ, съ изъясненіемъ о дѣлахъ особенной важности, тайнѣ подлежащихъ, или свѣдѣній до круга дѣйствій Коммиссіи не относящихся, непосредственно докладывать Его Императорскому Величеству и только тѣ изъ нихъ вносить въ Коммиссію, по коимъ послѣдуетъ о семъ Высочайшее повелѣніе*». Далѣе, въ одиннадцати пунктахъ ст. 70 Учр. Ком. Прош. перечисляются разнаго рода прошенія и жалобы, которыя, по предметамъ ходатайствъ, обязательно должны препровождаться Статсъ-Секретаремъ по принадлежности въ подлежащія центральныя учрежденія, какъ то: по дѣламъ Великаго Княжества Финляндскаго къ Министру Статсъ-Секретарю Финляндскихъ дѣлъ; по дѣламъ духовнаго вѣдомства къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода; по ходатайствамъ о назначеніи пенсіи и другаго содержанія—въ учрежденія, по вѣдомству котораго служилъ проситель, и т. п.

Этимъ, однако-же, не закончились преобразованія Коммиссіи Прошеній во второй періодъ ея существо-

ванія въ видѣ самостоятельнаго учрежденія. 8 Марта 1843 года, бывшій Статсъ-Секретарь Коммиссіи Прошеній, князь Голицынъ, ссылаясь на вышеприведенный § 3 *наставленія*, вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ объяснилъ, что, руководствуясь предоставленнымъ ему означеннымъ параграфомъ правомъ, онъ, съ самаго вступленія своего въ должность, сталъ вносить въ Коммиссію Прошеній *только* жалобы на рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, а изъ просьбъ тѣ, которыя по своему содержанію требовали коллегіальнаго обсужденія, остальныя же разрѣшались имъ по меморіямъ, имъ самимъ утвержденнымъ, и находитъ, что такой порядокъ, съ одной стороны, даетъ возможность Коммиссіи съ большимъ тщаніемъ и безъ всякаго замедленія разсматривать дѣла въ нее внесенныя, а съ другой, по просьбамъ не далѣе какъ въ теченіи недѣли заготовлять записки, по нимъ резолюціи и самое исполненіе. Вслѣдствіе сего, представляя объ этомъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, князь Голицынъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Статсъ-Секретарю Коммиссіи Прошеній: 1) вносить въ нее *только* жалобы на рѣшенія Департаментовъ Сената, равно просьбы, которыя, по усмотрѣнію Статсъ-Секретаря, подлежатъ общему обсужденію, 2) для скорѣйшаго производства по симъ жалобамъ, предоставить Статсъ-Секретарю прямо отъ себя требовать копіи съ опредѣленій Сената или подлинныя производства и 3) остальныя просьбы, сообразно ихъ содержанію, разрѣшать Статсъ-Секретарю на основаніи существующихъ узаконеній. Государь Императоръ Николай Павловичъ, 13 Марта 1843 года, утвердилъ упомянутое представленіе князя Голицына и повелѣлъ принять его постояннымъ руководствомъ.

Хотя означенный порядокъ былъ признанъ впослѣдствіи, по указаніямъ опыта, неудобнымъ и отмѣненъ Высочайшимъ повелѣніемъ 17 Августа 1881 г., согласно всеподданнѣйшему докладу Статсъ-Секретаря, князя Долгорукова, тѣмъ не менѣе Высочайше утвержденное представленіе князя Голицына знаменательно въ смыслѣ первой попытки замѣнить коллегіальныя начала въ организаціи Коммиссіи Прошеній единоличнымъ.

Наиболѣе же обильною проектами преобразованій Коммиссіи Прошеній, какъ на единоличномъ, такъ и на другихъ основаніяхъ, оказывается эпоха общихъ государственныхъ реформъ и въ особенности судебной, въ царствованіе Императора Александра II.

Высоко поднятый этими реформами принципъ необходимой законности и правомѣрности въ дѣйствіяхъ каждаго государственнаго установленія, очевидно, не могъ гармонировать ни съ абсолютнымъ правомъ, ни съ способами и порядкомъ дѣятельности Коммиссіи Прошеній, которая вслѣдствіе сего нуждалась въ коренной реформѣ.

Но, пока вопросъ о преобразованіи находился только въ періодѣ зарожденія, а коллизія правъ новаго суда и административной юстиціи съ правами Коммиссіи Прошеній становилась неизбѣжною, то ради ея предупрежденія приступлено было къ постепенной делегаціи изъ вѣдѣнія Коммиссіи Прошеній разнаго рода дѣлъ и всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, входившихъ прежде въ кругъ его прямой и непосредственной компетенціи.

Такъ, 26 Февраля 1869 года, согласно всеподданнѣйшему ходатайству бывшаго Министра Юстиціи, Статсъ-Секретаря графа Палена, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на то, чтобы всѣ прошенія о помилованіи повергались на усмотрѣніе Государя Им-

ператора не иначе, какъ чрезъ Министра Юстиціи, примѣнительно къ существующему порядку представленія имъ-же на Высочайшее усмотрѣніе, какъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о помилованіи и смягченіи участи осужденныхъ, возбуждаемыхъ новыми судебными учрежденіями, по предоставленному имъ ст. 775 и 945 Уст. Уголов. Судопр. праву, такъ и по возложенной на него закономъ обязанности представленія на Высочайшее утвержденіе судебныхъ приговоровъ о лишеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ состоянія лицъ, принадлежащихъ къ привиллегированному сословію.

Въ силу такого Высочайшаго повелѣнія, Коммиссія Прошеній сохранила за собою лишь право разсмотрѣнія и дальнѣйшаго направленія всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о помилованіи, возбуждаемыхъ осужденными приговорами старыхъ судебныхъ учрежденій.

Одинаковой участи съ правомъ всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору холатайствъ о помилованіи, послѣдовали и всеподданнѣйшія ходатайства о титулахъ, дворянствѣ, объ учрежденіи маіоратовъ, опекъ, о назначеніи пенсій, наградъ и тому подобныхъ правахъ, которыя прежде докладывались Коммиссіею Прошеній Государю Императору непосредственно, а впослѣдствіи, на основаніи сепаратныхъ Высочайшихъ повелѣній, обязательно должны были передаваться ею съ тою-же цѣлью въ подлежащія правительственныя установленія.

Между тѣмъ, Высочайше учреждаемыя особыя Коммиссіи по вопросу о реформѣ [1]) смѣняютъ одна

---

[1]) Примѣчаніе. Въ 1879 г. была учреждена Коммиссія объ упраздненіи Коммиссіи Прошеній и о сліяніи ея дѣлъ съ дѣлами Перваго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

другую и проекты за проектами представляются разновременно на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Но послѣдній, не упуская изъ виду политическаго смысла и значенія самыхъ прерогативъ Россійскаго Самодержавія, проводникомъ которыхъ должно служить преобразуемое учрежденіе, относится ко всѣмъ этимъ проектамъ съ такимъ вниманіемъ и осмотрительностью, что въ результатѣ получаются Высочайше утвержденныя мнѣнія только по двумъ изъ нихъ, внесеннымъ на Высочайшее воззрѣніе бывшимъ Командующимъ Императорскою Главною Квартирою, Генералъ-Адъютантомъ Рихтеромъ.

По первому изъ упомянутыхъ проектовъ, разсмотрѣнному Особою Высочайше учрежденною Коммиссіею 23 Ноября 1883 г., состоялось 30 Мая 1884 г. Высочайшее повелѣніе: 1) объ упраздненіи Коммиссіи Прошеній, должности Статсъ-Секретаря и состоявшей при немъ Канцеляріи, и 2) объ установленіи въ видѣ временной мѣры на одинъ годъ порядка [1]) принятія и направленія всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній на слѣдующихъ основаніяхъ: а) обязанность принятія и направленія всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній возложить на Командующаго Императорскою Главною Квартирою, который подчиняется въ этомъ отношеніи непосредственно Его Величеству и руководствуется временными правилами [2]), б) дѣлопроизводство сосредоточить въ Канцеляріи по принятію прошеній при Императорской Главной Квартирѣ, согласно временному штату, и в) возложить на образуемое при Государственномъ Совѣтѣ

---

[1]) Примѣчаніе I. Порядокъ этотъ былъ продолженъ впослѣдствіи особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ на дальнѣйшее время.

[2]) Примѣчаніе II. Упомянутыя временныя правила помѣщены въ Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, 20 Іюня 14 г., № 66.

Временное Присутствіе предварительное разсмотрѣніе всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Сената (ст. 240, т. I, Учр. Прав. Сената).

По второму проекту того-же Генералъ-Адъютанта Рихтера, 1889 года, которымъ предполагалось измѣнить не только предметы, подлежавшіе разсмотрѣнію въ порядкѣ, установленномъ для пріема и направленія всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній, но и самый порядокъ ихъ разсмотрѣнія, г. Рихтеромъ было предложено по первому вопросу: 1) постановить, что жалобы на Министровъ, Главноуправляющихъ отдѣльными частями и Генералъ-Губернаторовъ могутъ быть приносимы на Высочайшее Имя во всѣхъ случаяхъ, когда въ законѣ нѣтъ точнаго указанія на принесеніе ихъ Сенату; 2) включить жалобы на высшія государственныя установленія въ число тѣхъ, какія закономъ дозволяется приносить на Высочайшее Имя, допустивъ изъятіе для высшихъ судебныхъ мѣстъ; 3) распространить общеустановленный порядокъ разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ прошеній на ходатайства о милостяхъ, дарованіе коихъ сопряжено съ изъятіемъ изъ закона или казеннымъ интересомъ, и на ходатайства о помилованіи и смягченіи участи лицъ, отбывающихъ наказанія по судебнымъ приговорамъ, за исключеніемъ политическихъ преступниковъ или осужденныхъ военными и морскими судами, и 4) передать дѣла о незначительныхъ денежныхъ пособіяхъ въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію.

Что же касается измѣненія самаго порядка разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній, то, по мнѣнію Генералъ-Адъютанта Рихтера, таковое измѣненіе должно послѣдовать на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1) учрежденіемъ постоянной Коммиссіи, которая положеніемъ своимъ въ ряду государ-

ственныхъ установленій и своимъ устройствомъ соотвѣтствовала бы высшему назначенію быть самостоятельнымъ и совершенно независимымъ отъ посторонняго вліянія органомъ непосредственнаго Царскаго правосудія и милосердія; 2) упомянутую Коммиссію, подъ названіемъ «Совѣтъ Прошеній», подчинить одной только Верховной Власти и образовать ее въ составѣ: Предсѣдателя и четырехъ членовъ, назначаемыхъ по непосредственному избранію Государя Императора изъ высшихъ сановниковъ, преимущественно изъ членовъ Государственнаго Совѣта; 3) въ составъ Совѣта долженъ войти и Командующій Императорскою Главною Квартирою на правахъ члена, съ обязанностями: принимать всѣ всеподданнѣйшія прошенія съ передачею прошеній о выдачѣ пособій не свыше 100 рублей въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію, а всѣхъ остальныхъ въ Совѣтъ Прошеній и докладывать Государю Императору мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣламъ несложнымъ; 4) Предсѣдателю Совѣта предоставить право единолично отклонять ходатайства, подлежащія по правиламъ оставленію безъ послѣдствій; 5) обсужденіе-же неотмѣненныхъ ходатайствъ должно принадлежать Совѣту, заключенія котораго объ удовлетвореніи просьбъ, равно какъ объ отклоненіи жалобъ на Департаменты Сената, повергались бы на Высочайшее воззрѣніе, а всѣ прочія заключенія приводились бы въ исполненіе безъ доклада Его Величеству, и 6) докладъ дѣлъ Совѣту и завѣдываніе дѣлопроизводствомъ въ Канцеляріи Совѣта возложить на управляющаго дѣлами Совѣта.

Однако-же, Особая Коммиссія, учрежденная для обсужденія означеннаго проекта, и Государственный Совѣтъ, соглашаясь съ предположеніями Генералъ-Адъютанта Рихтера о допущеніи всеподданнѣйшихъ

жалобъ на распоряженія высшихъ государственныхъ установленій, кромѣ Правительствующаго Сената, отклонили его предложеніе объ учрежденіи «Совѣта Прошеній», находя, что столь коренное преобразованіе порядка не вызывается самымъ свойствомъ дѣлъ, къ которымъ онъ долженъ примѣняться. А потому полагали сохранить существующій порядокъ, согласно коему направленіе всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній возлагается на власть единоличную, вслѣдствіе несложности вопросовъ о милостяхъ, сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ или съ изъятіемъ изъ закона. Равнымъ образомъ, Особая Коммиссія и Государственный Совѣтъ полагали необходимымъ сохранить и главное основаніе временныхъ правилъ, съ нѣкоторыми частными исправленіями, не касающимися, впрочемъ, ихъ существа, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставить въ силѣ и прежній порядокъ распредѣленія всеподданнѣйшихъ жалобъ на Департаменты Правительствующаго Сената, присвоивъ Временному Присутствію при Государственномъ Совѣтѣ наименованіе Особаго Присутствія при Государственномъ Совѣтѣ, для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената. Таковое мнѣніе Государственнаго Совѣта было Высочайше утверждено 21 Марта 1890 года.

Но и въ этомъ видѣ, съ тѣми правами и обязанностями, какія подробно изложены въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ 21 Марта 1890 г., Канцелярія Прошеній оставалась не долго. Именнымъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 26 Февраля 1895 года, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ, Высочайше повелѣно было, въ виду доказанныхъ десятилѣтнимъ опытомъ неудобствъ въ принятіи и направленіи всеподданнѣйшихъ жалобъ и

прошеній, вслѣдствіе соединенія въ одномъ лицѣ завѣдыванія такою важною частью при одновременномъ исполненіи имъ также и прямыхъ обязанностей по званію Командующаго Императорскою Главною Квартирою,—Канцелярію Прошеній выдѣлить изъ состава Императорской Главной Квартиры и присвоить ей наименованіе: «*Канцелярія Его Императорскаго Величества, по принятію прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ*» [1]).

Выдѣленіемъ Канцеляріи Прошеній изъ состава Императорской Главной Квартиры и учрежденіемъ, по Высочайше утвержденному 20 Марта 1895 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, должностей Главноуправляющаго означенною Канцеляріею и его Товарища, съ предоставленіемъ Главноуправляющему правъ и обязанностей Командуюшаго Императорскою Главною Квартирою, опредѣленныхъ ст. 128 Учр. Госуд. Совѣта, а также ст. 1, 4, 12, 14—20 и 22—25 правилъ о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ на Высочайшее Имя приносимыхъ,—завершается нами общій историческій очеркъ всѣхъ поступательныхъ преобразованій Коммиссіи Прошеній со времени ея учрежденія въ 1810 году, которыя едва-ли, однако-же, можно назвать послѣдними въ вопросѣ объ организаціи названнаго учрежденія на твердыхъ и соотвѣтствующихъ его истиннымъ задачамъ началахъ.

---

[1]) Примѣчаніе. Положеніе объ учрежденіи Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, помѣщено въ Приложеніи къ Особенной части, къ главѣ XVIII.

ГЛАВА XIX.

Историческія и политическія соображенія о типѣ учрежденія, которое бы въ качествѣ высшаго государственнаго органа, дѣйствующаго при томъ на исключительномъ правѣ, не нарушало гармонической дѣятельности остальныхъ государственныхъ установленій и въ то-же время соотвѣтствовало бы своему коренному назначенію. Заключеніе.

Историческимъ обзоромъ исполнительныхъ органовъ Россійской Верховной Власти, по примѣненію прерогативы суда, помилованія и внѣзаконныхъ милостей, мы могли бы закончить и свой монографическій трудъ въ предположеніи, что представили довольно ясную и исторически вѣрную картину происхожденія и дальнѣйшей исторической судьбы какъ самаго политическаго института, такъ равно и учрежденій, разновременно служившихъ ему проводниками въ жизнь. Но въ виду періодическихъ попытокъ къ реформѣ нынѣ существующаго учрежденія, продолжающихся до сихъ поръ и обнаруживающихъ явную неустойчивость во взглядахъ на основанія, на которыхъ она должна послѣдовать,—полагаемъ не лишнимъ высказать также и съ своей стороны нѣкоторыя отдѣльныя по сему предмету соображенія историческаго и политическаго характера.

Разбирая причины разногласія, существующаго по вопросу объ основаніяхъ для преобразованія даннаго учрежденія [1]), нельзя не замѣтить въ качествѣ главнѣйшей причины то мнѣніе, какое высказывается и энергически поддерживается защитниками реформы

---

[1]) См. Записку объ упраздненіи Коммиссіи Прошеній, ч. I, л. 11.

на единоличномъ и независимомъ началахъ, усматривающихъ въ подобной организаціи единственную форму учрежденія, удовлетворяющую требованіямъ достоинства Россійской Верховной Самодержавной Власти и Ея личныхъ аттрибутовъ, и въ то-же время обезпечивающую не только необходимую неприкосновенность традиціоннаго права народа непосредственно обращаться къ милосердію Монарха, но и его вѣками сложившихся патріархальныхъ отношеній и крѣпкаго единенія съ Царемъ.

Само собою разумѣется, что такое мнѣніе обязательно должно было вызвать во имя общаго государственнаго принципа и противоположное, вполнѣ основательное возраженіе, что при исключительномъ характерѣ дѣятельности названнаго учрежденія, *внѣ и даже вопреки закону*, преобразованіе его на требуемыхъ началахъ и условіяхъ, легко можетъ создать произволъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможное колебаніе авторитета и общей гармонической дѣятельности остальныхъ подзаконныхъ установленій, облеченныхъ строго опредѣленными правами и отвѣтственностью.

На этой-то почвѣ, т. е. на почвѣ чрезмѣрнаго идеализированія типа учрежденія одними и на упомянутыхъ опасеніяхъ, высказываемыхъ въ общегосударственныхъ интересахъ другими, строго говоря, и происходитъ та борьба и тѣ не лишенныя нѣкоторой страстности пререканія, которыя мѣшаютъ спокойному и правильному отношенію къ дѣлу реформы.

О дѣйствительныхъ требованіяхъ достоинства Россійской Верховной и Самодержавной Власти въ Ея непосредственной дѣятельности вообще, а въ дѣлѣ примѣненія своихъ личныхъ аттрибутовъ въ особенности, мы скажемъ впослѣдствіи, при разборѣ, но уже съ политической точки зрѣнія, того-же мнѣнія о превосходствѣ единоличной и независимой формы

учрежденія надъ коллегіальною. Теперь же останавливаемся на болѣе конкретномъ вопросѣ о зависимости права народа на непосредственное обращеніе къ Царскому милосердію, а также его патріархальныхъ отношеній и единенія съ Россійскими Монархами отъ той или другой формы даннаго учрежденія.

Будучи въ числѣ сознательныхъ сторонниковъ принципа неприкосновенности вышеупомянутаго права и отношеній народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ числѣ такихъ-же сознательныхъ противниковъ всякихъ усложненій въ его непосредственныхъ сношеніяхъ съ Монархами по жалобамъ на неправосудіе и по ходатайствамъ о милосердіи, если только такого рода усложненія не вызываются какими либо чрезвычайными государственными условіями и потребностями, мы не можемъ, однако-же, не замѣтить, что на сколько принципіально справедливо положеніе о желательной неприкосновенности патріархальныхъ отношеній и освященнаго вѣками права русскаго народа непосредственно обращаться къ милосердію Царя, выставляемое въ защиту единоличнаго и независимаго порядка, на столько неправильно и неосновательно выражаемое при этомъ опасеніе о неизбѣжномъ потрясеніи означенныхъ отношеній и права, въ случаѣ преобразованія учрежденія на коллегіальномъ началѣ, съ подчиненіемъ его дѣйствій правиламъ, одновременно опредѣляющимъ не только предметы вѣдомства и порядокъ дѣлопроизводства преобразуемаго учрежденія, но и случаи, въ которыхъ дозволяется вѣрноподданнымъ обращаться къ Монаршему милосердію.

При разсмотрѣніи этихъ двухъ положеній,—о правѣ и объ отношеніяхъ въ совокупности, вслѣдствіе ихъ органической и логической взаимной связи, такъ какъ первое положеніе относится къ послѣднему подобно силлогизму къ своей посылкѣ, намъ

необходимо, для правильнаго отвѣта на поставленный къ своему разрѣшенію вопросъ сосредоточиться исключительно на патріархальныхъ отношеніяхъ, ибо въ случаѣ доказанной невозможности вліянія на нихъ какой-либо формы учрежденія, вопросъ о подобной-же зависимости основаннаго на этихъ отношеніяхъ права разрѣшается уже самъ собою.

Извѣстно, что упомянутыя патріархальныя отношенія обязаны своимъ происхожденіемъ той вѣками сложившейся народно-родовой идеѣ о власти, какъ о власти отеческой, которая, какъ мы замѣтили выше[1]), никогда не допускала иныхъ правъ и отношеній между управителями и управляемыми, кромѣ правъ и отношеній чисто нравственныхъ, основанныхъ на безусловномъ довѣріи, любви и беззавѣтной преданности русскаго народа своимъ Властелинамъ и на глубокомъ проникнутомъ такими же чувствами сознаніи Монархами своихъ отеческо-опекунскихъ по отношенію къ нему обязанностей, состоявшихъ въ постоянной защитѣ его отъ всякаго насилія и обидъ. Объ этой защитѣ свидѣтельствуютъ и великокняжескія уставныя грамоты, такъ какъ почти каждая, при опредѣленіи обязанностей мѣстныхъ жителей и правъ намѣстниковъ и волостелей, непремѣнно, оканчивалась словами: «*а черезъ сію мою грамоту, кто что на нихъ возъметъ, или чѣмъ ихъ изобидитъ, быти ему отъ меня, великаго князя въ казни*», или «*а чрезъ сію мою грамоту, кто ихъ чѣмъ изобидитъ или кто не иметъ ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ мене, великаго князя, въ казни* [2])».

Однако же, далѣе такого идеальнаго представленія о правахъ и обязанностяхъ Царей, создавшаго и самыя патріархальныя отношенія, русскій народъ не пошелъ,

---

[1]) См. Особенную часть, главы I и V, стр. 7 и 65 и слѣд.
[2]) См. Акты Археогр. Экспед., т. I, № 13, 123, 143 и друг.

но видимо старался свято сохранить и сохранилъ во всей неприкосновенности до сихъ поръ, не взирая ни на внѣшнія и внутреннія событія, ни даже на цѣлый рядъ крупныхъ перемѣнъ въ его общественномъ и государственномъ быту.

Между тѣмъ, вдумываясь въ глубокій политическій смыслъ этихъ своеобразныхъ отношеній русскаго народа къ своимъ Монархамъ, а также въ дѣйствительную причину ихъ крѣпкаго взаимнаго единенія, хотя и невидимо существующаго, но постоянно проявляющагося, въ самые трудные моменты политической жизни Россіи, съ изумительною силою,— перестаешь удивляться ихъ необыкновенной жизненности, стойкости и несокрушимости, оказывающихся вполнѣ естественными, въ виду тѣхъ безупречныхъ по своей нравственной чистотѣ началъ, на которыхъ они зародились, развились и окрѣпли . . . . А потому, всякое предположеніе о возможной зависимости какъ бытія, такъ и силы названныхъ патріархальныхъ отношеній отъ какихъ либо *своекорыстныхъ цѣлей*, а еще болѣе отъ *незаконныхъ вожделѣній народа*, можетъ быть допущено лишь подъ условіемъ абсолютнаго забвенія выясненныхъ уже нами исторической ихъ причинности и исключительнаго характера, которыми они рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ отношеній общежитія, часто мѣняющихся подъ вліяніемъ разнообразныхъ жизненныхъ условій.

Ясно, слѣдовательно, что, говоря о патріархальныхъ отношеніяхъ, существующихъ между народомъ и Верховною Властью, какъ объ отношеніяхъ, на которыя, будто бы, можетъ повліять даже извѣстная регламентація порядка и поводовъ обращенія къ Монаршему милосердію, защитники проекта учрежденія, основаннаго на единоличномъ и независимомъ началахъ, очевидно смѣшиваютъ, такъ называемую

публику и ея отношенія къ учрежденію, съ *народомъ* и его патріархальными отношеніями къ своимъ Монархамъ. И въ самомъ дѣлѣ, одна только публика, которой извѣстно и фактическое существованіе даннаго органа, посредствующаго между нею и Верховною Властью по ходатайствамъ о Монаршемъ милосердіи, и даже порядокъ его дѣятельности, несомнѣнно, отнесется чутко ко всякимъ стѣсненіямъ своего права на непосредственное обращеніе къ Государю въ многоразличныхъ нуждахъ, но отнюдь не народъ, весьма часто игнорирующій не только существующій въ означенномъ учрежденіи порядокъ дѣятельности, но даже и самое существованіе такого посредствующаго спеціальнаго органа, адресуя, обыкновенно, свои челобитныя непосредственно на Имя Батюшки-Царя . . . .

Наконецъ, если бы сторонники проекта единоличнаго и независимаго учрежденія, протестуя противъ его организаціи на коллегіальномъ началѣ, съ строго нормированнымъ порядкомъ дѣятельности, имѣли бы въ виду *народъ*, а не публику, то навѣрное признали бы всю несостоятельность высказываемыхъ опасеній, при совершенной неумѣстности приписываемой народу корыстности въ его патріархальныхъ отношеніяхъ къ Монархамъ и при столь же неумѣстномъ предположеніи, будто бы отношенія эти поддерживаются въ немъ какими либо разсчетами на постоянное и предпочтительное покровительство или на всегдашнюю для себя доступность Царей, отрицаемую самимъ народомъ даже въ его извѣстной поговоркѣ: «*До Бога высоко, а до Царя далеко*». Равнымъ образомъ они убѣдились бы не только въ призрачности своихъ опасеній, но и въ наибольшей соотвѣтственности народнымъ воззрѣніямъ и требованіямъ всякаго, болѣе или менѣе опредѣленнаго порядка, если бы приняли

въ соображеніе, что по свойственной русскому народу лойяльности и отвращенію къ правовой неопредѣленности, онъ охотнѣе предпочтетъ и подчинится нормирующимъ его дѣйствія правиламъ, какъ бы стѣснительны они ни были, чѣмъ существующему дискреціонному порядку, хотя бы допущенному въ его собственныхъ интересахъ, но открывающему широкій просторъ произволу....

Тоже можно предсказать и въ случаѣ реформы настоящаго учрежденія на коллегіальномъ и регламентированномъ основаніяхъ по пріему и направленію всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, которая по тѣмъ же основаніямъ будетъ, несомнѣнно, встрѣчена народомъ скорѣе сочувственно, нежели враждебно, а по своему воспитательному, въ правовомъ отношеніи, значенію, въ качествѣ учрежденія, обязаннаго дѣйствовать на основаніи и въ предѣлахъ строго предначертанныхъ ему правилъ, точно и навсегда разъясняющихъ народу, когда, въ какихъ случаяхъ и въ какомъ порядкѣ онъ можетъ обращаться къ покровительству и милосердію Монарха,—такое учрежденіе безспорно вызоветъ къ себѣ сравнительно бо́льшее сочувствіе народа и постепенно искоренитъ въ немъ искони существующее предубѣжденіе противъ всякихъ посредствующихъ между нимъ и Царемъ органовъ, отказъ которыхъ въ его ходатайствахъ онъ, обыкновенно, привыкъ объяснять не Царскою волею, а лишь *интригами лихихъ Царскихъ думцевъ* . . .

Но и помимо приведенныхъ соображеній, въ пользу превосходства коллегіальной и регламентированной формы учрежденія надъ единоличною и независимою, одинаково говоритъ и его собственная исторія.

Организація Челобитнаго Приказа и Коммиссіи Прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, этихъ двухъ крайнихъ по времени своего возникновенія

видовъ одного и того же специальнаго органа, обязаннаго вѣдать челобитными, лично подаваемыми Царямъ и Императорамъ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что коллегіальное начало и регламентированный порядокъ дѣятельности оказываются явленіями исторически присущими названному учрежденію, трехвѣковая дѣятельность котораго не умалила однакоже ни древняго права народа на непосредственное обращеніе къ милосердію Монарховъ, ни его традиціонно сложившихся патріархальныхъ отношеній и крѣпкаго единенія съ Верховною Властью...

Изъ извѣстнаго уже намъ описанія Челобитнаго Приказа Котошихина и преимущественно изъ той его части, въ которой, касаясь способа, въ какомъ обыкновенно обсуждались челобитныя, лично подаваемыя Царю, онъ говоритъ, что: «*Царъ слушалъ тѣ дѣла самъ и бояре*»,—нельзя не заключить, что означенныя челобитныя разсматривались коллегіально. Трактуя, затѣмъ, о дальнѣйшемъ порядкѣ, въ какомъ Челобитнымъ Приказомъ исполнялись Высочайшія резолюціи, помѣченныя на челобитныхъ думными дьяками, мы знакомимся уже съ правилами, регламентирующими непосредственную дѣятельность Приказа какъ исполнительнаго органа Царскихъ указаній.

Что такой коллегіальный порядокъ разбора дѣлъ по челобитнымъ не былъ только порядкомъ въ Челобитномъ Приказѣ, современномъ Царю Алексѣю Михайловичу, но существовалъ и прежде, въ этомъ убѣждаетъ самый фактъ, впервые вызвавшій упомянутое учрежденіе къ жизни, а именно, то знаменательное порученіе, какое въ 1550 году было дано Царемъ Іоанномъ IV Грознымъ окольничему Алексѣю Адашеву, относительно пріема и личнаго всеподданнѣйшаго доклада *челобитныхъ отъ бѣдныхъ и обиженныхъ*.

Требуя отъ Адашева глубокаго вниманія и осторожности при исполненіи возлагаемыхъ на него обязанностей, «*не опасаясь сильныхъ и славныхъ*, но и *не* «*потворствуя клеветникамъ, дабы онъ могъ приносить* «*Царю одну только истину, боясь суда Божія*», Іоаннъ Грозный, сознавая, въ то же время, какую массу труда и личной отвѣтственности возлагалъ на своего любимца, повелѣваетъ ему избрать себѣ въ помощь «*судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ*», устанавливая, такимъ образомъ, тотъ коллегіальный порядокъ при обсужденіи челобитныхъ, подаваемыхъ на Высочайшее Имя, какой былъ преподанъ, съ паденіемъ Адашева, и учрежденному впослѣдствіи Челобитному Приказу,—порядокъ, которымъ, по убѣжденію Царя, обусловливалась правомѣрность альтруистической дѣятельности Верховной Власти, безъ ущерба и нарушенія чьихъ либо правъ и интересовъ.

На такомъ же коллегіальномъ началѣ, съ строго нормированнымъ при томъ порядкомъ дѣйствій, учреждается, наконецъ, въ 1810 году и Коммиссія Прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, сначала въ видѣ особаго только установленія при Государственномъ Совѣтѣ, а затѣмъ, въ 1835 году, въ качествѣ уже отдѣльнаго и самостоятельнаго государственнаго органа. Но какъ въ первоначальной, такъ и въ послѣдней формѣ, въ которой Коммиссія Прошеній существовала, съ нѣкоторымъ перерывомъ, до 1884 года, она постоянно являла собою коллегіальное учрежденіе въ составѣ Предсѣдателя, нѣсколькихъ членовъ, назначаемыхъ Именными Высочайшими указами, и Статсъ-Секретаря.

Изъ всего изложеннаго ясно, что ни приписываемое единоличному порядку исключительное назначеніе сохранить во всей неприкосновенности вѣками освященное право народа непосредственно об-

ращаться къ милосердію Царя, ради предупрежденія возможнаго, въ противномъ случаѣ, ослабленія силы патріархальныхъ отношеній и единенія Россійскихъ Монарховъ съ народомъ, ни исторія преобразуемаго учрежденія отнюдь не подтверждаютъ превосходства единоличнаго и независимаго начала въ системѣ его организаціи надъ коллегіальнымъ и регламентированнымъ, хотя бы даже въ ограничительномъ смыслѣ.

Остается, слѣдовательно, обсудить степень состоятельности еще одного и послѣдняго изъ аргументовъ, выставляемыхъ въ защиту проекта единоличнаго учрежденія, а именно наибольшую, будто бы, его соотвѣтственность достоинству Россійской Верховной Самодержавной Власти и Ея личныхъ аттрибутовъ.

Но и этотъ аргументъ не выдерживаетъ, по мнѣнію нашему, критики, ни съ точки зрѣнія условій, въ какія поставлена, прежде всего, *посредствующая дѣятельность* Россійской Верховной Власти по осуществленію всѣхъ своихъ государственныхъ правъ такими коренными политическими принципами, какіе проведены въ нашемъ законодательствѣ ради установленія правомѣрности характера государственнаго устройства и государственнаго юридическаго порядка, ни съ точки зрѣнія устанавливаемыхъ общимъ духомъ того же законодательства условій Ея *непосредственной компетенціи*.

Посредствующая дѣятельность Россійской Верховной Самодержавной Власти, основанная на двухъ вышеупомянутыхъ коренныхъ принципахъ, ясно и категорически выраженныхъ въ статьѣ 47 Основныхъ Законовъ, гласящей, что: *«Имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ отъ Самодержавной Власти исходящихъ»,*—обусловливается, съ одной сто-

роны, непремѣнною организаціею каждаго отдѣльнаго исполнительнаго органа на общихъ, соотвѣтственныхъ остальнымъ государственнымъ установленіямъ основаніяхъ, а съ другой, требованіемъ въ ихъ дѣйствіяхъ строгой законности. При этомъ забота объ удержаніи государственнаго юридическаго порядка на той, именно, высотѣ, какая указывается ему ст. 47 Зак. Осн. для отличія отъ произвольныхъ и деспотическихъ формъ, составляя въ порядкѣ верховнаго надзора одну изъ главнѣйшихъ миссій самой Россійской Верховной Власти, несомнѣнно, является въ то-же время и однимъ изъ требованій Ея дѣйствительнаго достоинства, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, статья 47 обратится въ мертвую букву закона.

Что же касается до *непосредственной компетенціи* Императорской Власти, то она ограничивается общимъ духомъ нашего законодательства лишь такими случаями, когда или отдѣльный вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ существующими законами, или же когда требуется видоизмѣненіе закона вообще.

Логическая и юридическая послѣдовательность въ такомъ конкретномъ опредѣленіи условій непосредственной дѣятельности Императорской Власти станетъ ясною, если принять въ соображеніе, что опредѣленіе иныхъ условій для этого рода дѣятельности, помимо нарушенія ст. 47 Зак. Основн., было бы равносильно допущенію въ одномъ и томъ же государствѣ существованія двухъ суверенныхъ органовъ, изъ которыхъ одинъ будетъ стремиться къ поддержанію, а другой къ разрушенію правомѣрности въ государственномъ устройствѣ и государственнаго юридическаго порядка..... Вотъ почему ради предотвращенія столь ненормальнаго и опаснаго во всѣхъ отношеніяхъ политическаго явленія и необходимо, чтобы Императорская Власть въ кругу даже своей непосредственной компе-

тенціи, по примѣненію личныхъ прерогативъ Державности, имѣла исполнительнымъ органомъ учрежденіе, которое условіями дѣятельности отнюдь не нарушало бы вышеупомянутаго принципа.

Между тѣмъ, опытомъ доказано, что подобнымъ, именно, требованіямъ не можетъ отвѣчать учрежденіе, дѣйствующее на исключительномъ правѣ и организованное при этомъ на единоличномъ и абсолютно-независимомъ началахъ, какъ учрежденіе наиболѣе доступное всякому произволу, но скорѣе учрежденіе коллегіальное, превосходство котораго такъ рельефно выражено Императоромъ Петромъ Великимъ въ Духовномъ Регламентѣ [1]): «.....*Но се* (т. е. коллегіальное «начало), *наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ «не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству и лихо-«имному суду, како бы могутъ сложитися въ заступле-«ніе винной или въ осужденіе невинной стороны, идѣ аще «и будетъ единъ отъ нихъ къ лицу судимому пристра-«стенъ или яростенъ, обаче другой и третій и прочіе «отъ гнѣва и пристрастія того свободны......*»

Такимъ образомъ, мы въ правѣ заключить, что съ точки зрѣнія приведенныхъ нами общихъ политическихъ соображеній *не единоличное, а только коллегіальное* устройство учрежденія, съ точно регламентированнымъ порядкомъ дѣятельности, представляется единственною формою, отвѣчающею не только условіямъ правомѣрности въ непосредственныхъ дѣйствіяхъ Императорской Власти по осуществленію своихъ личныхъ аттрибутовъ, но и *соотвѣтствующею Ея дѣйствительному достоинству, какъ Самодержавной*, которая, сосредоточивая въ себѣ, въ силу государственнаго верховенства, всѣ, безъ исключенія, права госу-

---

1) См. Духовный Регламентъ: П. С. З., т. VI, 1721 г., № 3718.

дарственной власти [1]), вслѣдствіе сего непосредственно заинтересована и въ томъ, чтобы альтруистическими дѣйствіями своими не нарушать авторитета Ею же созданныхъ и функціонирующихъ Ея именемъ подзаконныхъ государственныхъ установленій.

Обращаясь, затѣмъ, къ болѣе детальной разработкѣ только принципіально намѣченнаго типа будущаго учрежденія, мы признаемъ, однако же, возможнымъ ограничиться при этомъ немногими указаніями относительно конструктивной его стороны, посвящая сравнительно большую часть соображеній предметамъ его вѣдѣнія и выясненію началъ внутренняго распорядка, которыя, соотвѣтствуя коренному назначенію самаго учрежденія, могли бы въ то же время сдерживать и предупреждать нежелательную его коллизію съ остальными проводниками государственной власти.

Въ виду органической связи, существующей между Канцеляріею Его Императорскаго Величества по принятію прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ и Особымъ Присутствіемъ, утвержденнымъ при Государственномъ Совѣтѣ, для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія старыхъ Департаментовъ, подлежащихъ совершенному упраздненію въ недалекомъ будущемъ за исключеніемъ только трехъ, какъ-то Перваго, Втораго и Департамента Герольдіи, изъ которыхъ послѣдній отойдетъ, по всей вѣроятности, въ вѣдѣніе Министерства Юстиціи, а два первыхъ образуютъ собою такое же верховное и полноправное судилище по вопросамъ административнымъ, какимъ представляется нынѣ Кассаціонный Сенатъ по вопросамъ судебнымъ, мы полагаемъ, что первымъ вопросомъ при реформѣ Канцеляріи Его

---

[1]) Ст. 1, 51 и 80 Зак. Основн., т. I, изд. 1892 г.

Императорскаго Величества, слѣдовало бы поставить вопросъ о томъ, не представляется ли болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ слить его въ одно общее учрежденіе съ Особымъ Присутствіемъ, организованнымъ на коллегіальномъ началѣ и успѣшно дѣйствующимъ, въ предѣлахъ предоставленной ему компетенціи, въ теченіи болѣе 11 лѣтъ [1]).

Подобнымъ сліяніемъ одновременно достигалась бы, по мнѣнію нашему, троякая цѣль: 1) сохраненіе за учрежденіемъ, какъ состоящимъ при Государственномъ Совѣтѣ, значенія высшаго государственнаго установленія, 2) необходимое сосредоточеніе въ немъ всѣхъ подготовительныхъ работъ для доклада Его Величеству разнообразныхъ по своему содержанію всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, а также исполненіе Высочайшихъ по таковымъ ходатайствамъ повелѣній, съ устраненіемъ при этомъ ничѣмъ не оправдываемаго разобщенія и двойственности въ характерѣ организаціи и дѣйствій двухъ названныхъ исполнительныхъ органовъ Высочайшей воли по одному и тому же общему вопросу о Царской милости, и, наконецъ, 3) преобразованіе существующей Канцеляріи Его Величества на коллегіальныхъ основаніяхъ.

Само собою рарумѣется, что подобное сліяніе двухъ учрежденій съ ихъ канцеляріями въ одно установленіе, потребуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ составѣ и въ положеніи Особаго Присутствія, соотвѣтственно его новымъ задачамъ, но измѣненія эти не могутъ однако же вызвать коренной ломки. Всѣ преобразованія должны будутъ ограничиться: а) возложеніемъ на Предсѣдательствующаго непосредственнаго доклада

---

[1]) См. Обозрѣніе дѣятельности Особаго Присутствія въ 1884—1896 гг. Спб., 1896 г.).

Государю Императору мнѣнія Присутствія о степени основательности извѣстной всеподданнѣйшей жалобы или прошенія; б) увеличеніемъ личнаго состава Присутствія соотвѣтствующимъ числомъ членовъ, при чемъ во вниманіе къ тому обстоятельству, что предметами всеподданнѣйшихъ ходатайствъ могутъ быть уже не одни только судебно-правовые вопросы, но и вопросы милосердія, а также ходатайства, имѣющіе своимъ основаніемъ не только частные интересы отдѣльныхъ физическихъ или юридическихъ лицъ, но также интересы общіе, направленные къ достиженію общихъ цѣлей, было бы желательнымъ, чтобы будущій составъ Присутствія состоялъ частью изъ юристовъ, частью же изъ лицъ съ болѣе широкимъ и близкимъ къ дѣйствительной жизни взглядомъ на современныя нужды какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго общества, и в) дополненіемъ нынѣ дѣйствующихъ Высочайше утвержденныхъ правилъ, которыми руководствуется Особое Присутствіе въ своей спеціальной дѣятельности, новыми, которыя будутъ намѣчены нами только въ главнѣйшихъ чертахъ и одинаково должны будутъ регламентировать его будущую дѣятельность по предварительному разсмотрѣнію всеподданнѣйшихъ прошеній о Монаршемъ милосердіи и милостяхъ.

Несомнѣнно, что всякая регламентація дѣятельности находится, обыкновенно, въ прямой связи и въ прямомъ соотношеніи съ тою общею идеею или принципомъ, какимъ она вызывается и къ осуществленію котораго предназначается. Такимъ принципомъ для дѣятельности преобразуемаго учрежденія по ходатайствамъ въ путяхъ Монаршаго милосердія, должно быть постоянное стремленіе къ непремѣнному, по возможности, сочетанію акта милосердія съ тою, именно, справедливостью, которою не нарушаются

ни дѣйствія общаго закона, ни гражданскія права и интересы третьихъ лицъ.

Хотя означенный принципъ проведенъ уже въ правилахъ, преподанныхъ къ руководству Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, но правила эти носятъ на себѣ характеръ не постоянныхъ, а скорѣе временныхъ, изданныхъ ad hoc, въ ожиданіи радикальнаго преобразованія учрежденія, на основаніяхъ, которыя могли бы обезпечить его дѣятельность въ упомянутомъ направленіи, сравнительно съ нынѣ существующимъ органомъ, функціонирующимъ на дискреціонномъ правѣ....

Иначе, какъ предположеніемъ о временномъ и даже превентивномъ характерѣ названныхъ правилъ, нельзя себѣ объяснить того радикализма, какой проглядывалъ въ устанавливаемыхъ ими мѣропріятіяхъ, ставящихъ самое учрежденіе въ положеніе какой то общей для государственныхъ установленій регистратуры, а не отдѣльнаго и самостоятельнаго государственнаго органа.

Какія же, спрашивается, основанія въ преобразуемомъ учрежденіи могли бы служить дѣйствительнымъ залогомъ ненарушимости имъ въ своихъ дѣйствіяхъ вышеприведеннаго принципа, во имя котораго оно обездолено нынѣ дѣйствующими правилами?

Помимо коллегіальной формы учрежденія, не меньшую гарантію въ этомъ отношеніи должны будутъ представить, съ одной стороны, точно опредѣленная его компетенція, установленная при томъ сообразно вышеприведенному принципіальному положенію, а съ другой, строгая регламентація общей дѣятельности учрежденія, направленная къ той же цѣли.

Относительно предметовъ вѣдѣнія учрежденія необходимо, прежде всего, указать на всеподданнѣй-

шія ходатайства, которыя, независимо отъ перечисленныхъ въ ст. 12 Высочайше утвержденныхъ 21 Марта 1890 г. правилъ [1]), равнымъ образомъ, не могутъ быть заявляемы въ путяхъ Монаршаго милосердія, такъ какъ въ сущности они возбуждаются для обхода существующаго закона, суда, и въ явное нарушеніе гражданскихъ правъ и интересовъ третьихъ лицъ.

Къ такого рода всеподданнѣйшимъ ходатайствамъ слѣдовало бы отнести, независимо отъ жалобъ на Кассаціонный Сенатъ, также: а) прошенія о возстановленіи права на искъ; о пересмотрѣ дѣлъ, окончательно рѣшенныхъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; о возстановленіи сроковъ для обжалованія судебныхъ опредѣленій и рѣшеній въ порядкѣ частномъ, аппелляціонномъ и кассаціонномъ; о снятіи запрещеній съ имѣній и о пріостановленіи ихъ продажи, послѣдовавшихъ согласно окончательному судебному рѣшенію, и т. д., словомъ, всякаго рода прошенія и жалобы судебно-правоваго характера, которыя предусмотрѣны дѣйствующими законами матеріальнаго и процессуальнаго права; б) всеподданнѣйшія ходатайства по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ, и в) всеподданнѣйшія ходатайства и жалобы какъ по дѣламъ и вопросамъ церковно-административнымъ, такъ равно по дѣламъ и вопросамъ, касающимся раскола и раскольниковъ.

Необходимость абсолютнаго отказа въ принятіи всеподданнѣйшихъ прошеній по ходатайствамъ, означеннымъ въ пунктѣ а) вызывается условіями современнаго правосудія, напоминающими, что уже наступилъ моментъ для проведенія въ жизнь того общаго государственнаго принципа объ устраненіи себя Само-

---

[1]) Правила эти помѣщены нами въ Приложеніи къ настоящей главѣ.

державною Властію отъ отправленія правосудія для юридическаго перевоспитанія народа и для возбужденія въ немъ уваженія къ закону и къ суду, къ осуществленію котораго стремились всѣ наши вѣнценосные Монархи, начиная съ Императора Петра Великаго [1]), но вынуждены были временно отрѣшиться отъ своихъ попытокъ, въ виду прежней формы процесса, когда при отсутствіи кассаціоннаго суда и при господствѣ одного только аппелляціоннаго порядка каждое высшее судебное мѣсто разсматривало дѣла по существу и могло постановить новое рѣшеніе, и когда не существовало тѣхъ судебныхъ гарантій, какія установлены въ настоящее время судебными уставами Императора Александра II-го.

Такому же изъятію и по тѣмъ же основаніямъ, какъ и предыдущаго рода всеподданнѣйшія ходатайства, должны подлежать и всеподданнѣйшія прошенія по вопросамъ и дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ.

Извѣстно, что дѣла о семейныхъ несогласіяхъ переданы были въ вѣдѣніе Коммиссіи Прошеній впервые въ Декабрѣ 1881 года, послѣ упраздненія Третьяго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, при чемъ, по примѣрному исчисленію, количество всеподданнѣйшихъ прошеній, поступающихъ по такого рода дѣламъ, восходитъ отъ 1.500 до 2.000 въ годъ. Между тѣмъ, всѣ вышеупомянутыя всеподданнѣйшія прошенія ограничиваются обыкновенно или ходатайствомъ о выдачѣ отдѣльнаго вида на жительство, или объ устраненіи однимъ изъ супруговъ другаго отъ воспитанія дѣтей, или объ учрежденіи опеки надъ имуществомъ вслѣдствіе расточительности и порочнаго поведенія, и т. п. Всѣ эти ходатайства, въ сущности, представляются не болѣе, какъ вопросами *объ огражденіи или о возстановленіи*

---

[1]) См. Главы: VIII, IX и X Особенной части.

семейственныхъ гражданскихъ правъ, возникающихъ изъ брачнаго союза, которыя, будучи предусмотрѣны дѣйствующими гражданскими законами, безспорно являются вопросами, подлежащими обсужденію и разрѣшенію суда, а потому и не могутъ уже быть разсматриваемы въ путяхъ Монаршаго милосердія, безъ прямаго нарушенія вышеупомянутыхъ законовъ, а также гражданскихъ правъ и интересовъ другаго супруга.

Намъ могутъ возразить, что, въ виду категорическаго воспрещенія гражданскими и каноническими законами [1]) взаимнаго разлученія супруговъ, обращеніе ихъ къ суду о выдачѣ хотя бы отдѣльнаго вида на жительство немыслимо,—между тѣмъ обострившіяся супружескія отношенія дѣлаютъ иногда совмѣстное сожительство ихъ не только невозможнымъ, но даже опаснымъ, какъ по нравственно-растлѣвающему вліянію на дѣтей, оказывающихся невольными свидѣтелями взаимнаго раздора между родителями, такъ и для самихъ супруговъ, нерѣдко доходящихъ до отчаянія, до самоубійства, до преступленія,—а потому, ради предупрежденія всего этого, и должно быть допущено всеподданнѣйшее ходатайство о временномъ разлученіи, хотя бы въ видѣ милости сопряженной съ изъятіемъ изъ закона.

Не отрицая означенныхъ фактовъ, а также правильности выводовъ на нихъ основанныхъ, справедливо доказывающихъ, впрочемъ, только безусловную и настоятельную необходимость закона, силою котораго, независимо отъ развода, допускалось бы также и разлученіе супруговъ, полагаемъ, однако же, что вопросъ о взаимномъ разлученіи супруговъ, для предупрежденія несчастій и даже преступленій, воз-

---

[1]) Ст. 46, 76 и 1 п. 103, т. X, ч. I Зак. Гражд.

можныхъ въ семейномъ быту, въ виду враждебныхъ отношеній супруговъ, слѣдуетъ признавать до изданія желаемаго закона вопросомъ полицейскимъ, а потому подлежащимъ вѣдѣнію высшей административной власти, каковою, согласно п. I ст. 362 Учрежд. Минист. (т. I, 1892 г.), является Министерство Внутреннихъ Дѣлъ по Департаменту полиціи, но отнюдь не предметомъ всеподданнѣйшаго ходатайства въ путяхъ Монаршаго милосердія, вопреки вышеприведенному принципу непосредственной дѣятельности Верховной Власти по осуществленію своихъ личныхъ привиллегій.

Относительно-же всеподданнѣйшихъ ходатайствъ и жалобъ по дѣламъ церковно-административнымъ вообще, а также по дѣламъ и вопросамъ, касающимся раскола и раскольниковъ, нерѣдко возбуждающихъ ходатайства о расширеніи дарованныхъ имъ закономъ 3 Мая 1883 года правъ личныхъ и правъ по имуществу, необходимость совершеннаго ихъ устраненія вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ, въ большинствѣ случаевъ, зависитъ не только отъ общихъ гражданскихъ законовъ, но и отъ извѣстныхъ каноническихъ правилъ, мало доступныхъ по своему содержанію пониманію каждаго, не говоря уже о томъ, что въ интересахъ охраненія чистоты господствующей вѣры, съ ея догматическою и обрядовою стороною, правила эти нуждаются въ аутентическомъ толкованіи, что можетъ быть произведено лишь Святѣйшимъ Правительствующимъ Сvнодомъ, какъ наиболѣе компетентнымъ верховнымъ духовнымъ установленіемъ и какъ высшимъ органомъ Самодержавной Власти въ управленіи церковномъ [1]), подчиненнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ надзору госу-

---

[1]) Т. I, Св. Зак. Основн., ст. 43.

дарственной власти, въ лицѣ состоящаго при немъ Оберъ-Прокурора.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ нами поименованныхъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, *подлежащихъ безусловному изъятію изъ компетенціи будущаго учрежденія,* всѣ остальныя всеподданнѣйшія жалобы и прошенія должны уже безспорно служить или предметами его непосредственнаго вѣдѣнія, или-же косвеннаго участія въ ихъ обсужденіи подлежащими учрежденіями, въ которыя извѣстнаго рода ходатайства должны будутъ препровождаться по принадлежности, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору.

При этомъ не можемъ не обратить особеннаго вниманія на одинъ изъ видовъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, право на возбуженіе котораго недостаточно выяснено закономъ 21 Марта 1890 года. Рѣчь идетъ о всеподданнѣйшихъ ходатайствахъ, имѣющихъ предметомъ общіе вопросы, направленные къ достиженію общихъ цѣлей. Признавая подобное право за сословіями и общественными собраніями въ предѣлахъ, предначертанныхъ положеніями о земскихъ учрежденіяхъ, городовымъ положеніемъ и положеніемъ о крестьянахъ, законъ 21 Марта 1890 г. (ст. 12, п. 2), совершенно, однако-же, умалчиваетъ о таковомъ-же правѣ каждой организованной корпораціи и каждаго частнаго лица. Правда, что такого рода ходатайства, по общему духу означеннаго закона, могутъ быть подведены подъ категорію всеподданнѣйшихъ ходатайствъ съ представленіемъ разнаго рода проектовъ, указаній и проч., но отсутствіе прямаго разрѣшенія ставитъ вопросъ о принятіи и разрѣшеніи означенныхъ прошеній въ зависимость отъ одного личнаго и произвольнаго усмотрѣнія [1]). Поэтому болѣе кате-

[1]) Примѣчаніе. Весьма серьезнымъ и достойнымъ разработки является

горическое признаніе права на подачу упомянутыхъ всеподданнѣйшихъ прошеній, хотя бы даже въ существующемъ видѣ, весьма желательно, если принять въ соображеніе ту несомнѣнную пользу, какую они могутъ приносить періодическимъ освѣщеніемъ нашей внутренней государственной жизни и указаніями на тѣ или другіе недостатки дѣйствующихъ законоположеній и учрежденій.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, въ главныхъ чертахъ кругъ будущей компетенціи проектируемаго учрежденія, замѣтимъ, что при всей разновидности входящихъ въ этотъ кругъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, они, тѣмъ не менѣе, по своему содержанію, путемъ ассимиляціи, могутъ быть подведены подъ

также вопросъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ не по суду, а въ дисциплинарномъ порядкѣ, которыя тѣмъ же закономъ 1890 года безусловно изъяты отъ дѣйствія Монаршаго милосердія, и посему всякаго рода всеподданнѣйшія ходатайства по изъясненному предмету оставляются согласно ст. 12 п.п. 6 и 7, безъ послѣдствій, собственною властью Главноуправляющаго Канцеляріею Его Императорскаго Величества, и вовсе не повергаются имъ на усмотрѣніе Государя Императора. Мы только возбуждаемъ, но не входимъ въ подробное обсужденіе означеннаго вопроса, такъ какъ для этого представлялось бы необходимымъ критически разобрать ту аргументацію, какая приводится противъ распространенія права Монаршаго помилованія на дисциплинарныя взысканія вообще, хотя не можемъ не замѣтить, что если согласиться съ тѣмъ, напримѣръ, что увольненіе чиновника отъ должности по третьему пункту, безъ объясненія причинъ, на основаніи предоставленной начальству власти, и помѣщеніе въ его послужномъ спискѣ, аттестатѣ или указѣ объ отставкѣ отмѣтокъ о наложенныхъ на него взысканіяхъ, суть д ѣ й с т в и т е л ь н о н а к а з а н і я, нерѣдко лишающія наказаннаго всякихъ средствъ къ существованію, то нельзя же изъять ихъ отъ дѣйствія Монаршаго помилованія, принципіально распространяющагося на всѣ, безъ исключенія, наказанія, не нарушающія права третьихъ лицъ, потому только, что они налагаются не по судебному приговору, а въ дисциплинарномъ порядкѣ. Въ Бельгіи, гдѣ, подобно тому какъ и у насъ, признается за Верховною Властью право помилованія во всей своей полнотѣ,—оно одинаково распространяется и на дисциплинарныя взысканія (M. Hans, Principes géneraux du droit penal belge T. II, стр. 230 и слѣд.). Такое же подчиненіе дѣйствію права Монаршаго помилованія дисциплинарныхъ взысканій замѣчается и въ Германіи. (Staatslexikon von Bruder, Freibourg, 1888 г.; см. сл. Begnädigung).

нижеслѣдующія общія категоріи: 1) жалобы на неправильныя дѣйствія и распоряженія Министровъ, Главноуправляющихъ отдѣльными частями и Генералъ-Губернаторовъ, когда упомянутыя дѣйствія не подлежатъ обжалованію Правительствующему Сенату; 2) прошенія о дарованіи милостей въ особыхъ случаяхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общаго закона, когда симъ не нарушаются ничьи интересы и гражданскія права [1]); 3) прошенія о помилованіи или смягченіи участи лицъ, подвергшихся наказаніямъ и взысканіямъ по судебнымъ приговорамъ; 4) прошенія, имѣющія предметомъ общіе вопросы, направленные къ достиженію общихъ цѣлей, и, наконецъ, 5) прошенія о единовременныхъ пособіяхъ.

Относительно ходатайствъ первой категоріи нельзя не отмѣтить того факта, что, хотя п. 3, ст. IX, а также ст. XIX, нынѣ дѣйствующихъ Высочайше утвержденныхъ правилъ [2]), Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній и предо-

---

[1]) Примѣчаніе. Къ прошеніямъ второй категоріи могутъ быть приблизительно отнесены: а) объ учрежденіи и закрытіи опекъ и попечительствъ, а также о сосредоточеніи и переводѣ опекунскихъ управленій; б) объ учрежденіи маіоратовъ и заповѣдныхъ имѣній, а равно объ измѣненіи условій и состава сихъ имѣній; в) объ утвержденіи въ дворянскомъ достоинствѣ и о дозволеніи пользоваться почетными титулами: княжескимъ, графскимъ и баронскимъ; г) о возведеніи въ почетное гражданство; д) о дозволеніи перемѣнить фамилію, или присоединить къ своей другую фамилію или званіе, е) объ узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей и объ усыновленіи воспитанниковъ и родственниковъ въ случаяхъ не предусмотрѣнныхъ закономъ; ж) объ исключеніи изъ послужныхъ списковъ, аттестатовъ и указовъ объ отставкѣ отмѣтокъ о судимости и о бытности подъ судомъ и слѣдствіемъ; з) о зачетѣ времени бытности подъ судомъ и слѣдствіемъ; и) о сложеніи и разсрочкѣ денежныхъ штрафовъ, податей, повинностей и недоимокъ; к) о пожалованіи, продолженіи и увеличеніи пенсій; л) объ обращеніи въ частную собственность выморочныхъ имѣній; м) о вознагражденіи за имѣнія, отобранныя въ казну и о возвратѣ конфискованныхъ имѣній; н) о претензіяхъ къ казнѣ; о) о помѣщеніи дѣтей въ учебныя заведенія на казенный счетъ, во вниманіе къ заслугамъ родителей или родственниковъ, и т. д.

[2]) Т. I, ч. 2, кн. VI Св. Зак., изд. 1895 года.

ставляется право испрошенія Высочайшаго соизволенія или на оставленіе жалобъ, поданныхъ на неправильныя дѣйствія и распоряженія Министровъ, Главноуправляющихъ отдѣльными частями, безъ послѣдствій, или-же на внесеніе ихъ *по принадлежности* въ Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ или въ Правительствующій Сенатъ, но фактически дѣятельность Канцеляріи Его Величества ограничивается простою ихъ передачею *по принадлежности* тѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ, на дѣйствія которыхъ они принесены.

Независимо отъ того, что направленіе подобныхъ жалобъ ставитъ самихъ Министровъ и Главноуправляющихъ въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ имъ невольно приходится быть судьями въ вопросахъ о правильности своихъ собственныхъ дѣйствій и распоряженій,—отступленіе отъ предписываемаго приведенными правилами порядка лишаетъ въ тоже время ст. 9 правилъ ея практическаго значенія, ибо устраняетъ весьма серьезный коррективъ, вносимый этою статьею въ наше законодательство по вопросу о фактической отвѣтственности высшихъ должностныхъ лицъ въ ихъ дѣйствіяхъ, затрогивающихъ интересы управляемыхъ. Между тѣмъ, извѣстно, что никакая ошибка суда, ограничивающаяся обыкновенно сферою только частнаго случая и при томъ легко исправимая процессуальными средствами, не можетъ имѣть того государственнаго значенія, какъ ошибка административной власти въ ея общихъ мѣропріятіяхъ и распоряженіяхъ, нарушающихъ интересы частныхъ лицъ, въ особенности когда они предпринимаются и издаются съ отступленіемъ отъ дѣйствующихъ законовъ,—обстоятельство, которое, обнаруживая безсиліе закона, можетъ одновременно поколебать въ обществѣ всякую вѣру въ его силу, а

также въ силу и въ значеніе правосудія... А потому, если упомянутое изъятіе въ направленіи всеподданнѣйшихъ жалобъ на дѣйствія и распоряженія должностныхъ лицъ допускается нынѣ въ виду основательныхъ, быть можетъ, опасеній въ возможности безпристрастнаго ихъ обсужденія со стороны Канцеляріи, какъ единоличнаго учрежденія, дѣйствующаго при этомъ на дискреціонномъ правѣ, то въ случаѣ реорганизаціи его на коллегіальномъ и регламентированномъ началахъ, подобное отступленіе отъ порядка, установленнаго приведенною ст. 9 Высочайше утвержденныхъ правилъ, должно быть признано уже неумѣстнымъ и абсолютно стѣсняющимъ необходимую для проектируемаго учрежденія самостоятельность и свободу дѣйствій въ предѣлахъ непосредственной компетенціи.

По тѣмъ же соображеніямъ было бы желательнымъ устраненіе и того порядка, какой практикуется не только фактически, но и юридически, въ силу ст. 21 Высочайше утвержденныхъ правилъ, на основаніи которыхъ ходатайства о милостяхъ, дарованіе коихъ сопряжено съ изъятіемъ изъ закона, или съ интересами казны, но безъ нарушенія гражданскихъ правъ и интересовъ третьихъ лицъ, обязательно препровождаются подлежащимъ Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, по принадлежности, для непосредственнаго доклада Его Императорскому Величеству. Мотивы, вызвавшіе таковой порядокъ, не представляются, намъ кажется, на столько вѣскими, чтобы ограничить дѣятельность будущаго учрежденія по этого рода ходатайствамъ одною ихъ регистраціею, безъ всякаго активнаго участія.

И въ самомъ дѣлѣ, предметами просьбъ о милостяхъ внѣ закона бываютъ ходатайства, удовлетвореніе которыхъ выходитъ обыкновенно за предѣлы права,

предоставленнаго законами извѣстному вѣдомству, а слѣдовательно и стоящимъ во главѣ его Министрамъ или Главноуправляющимъ отдѣльными частями, которые по существу своей власти обязаны дѣйствовать только въ предѣлахъ закона и могутъ разрѣшать лишь то, что законами предусмотрѣно [1]). Отсюда ясно, что предоставленіе имъ непосредственнаго доклада Государю Императору всеподданнѣйшихъ ходатайствъ внѣ закона, въ путяхъ Монаршаго милосердія, требующихъ въ большинствѣ случаевъ отмѣну ихъ прежнихъ собственныхъ постановленій и распоряженій,—является, несомнѣнно, съ ихъ стороны актомъ, явно нарушающимъ органическіе законы объ учрежденіи Министерствъ,—фактъ, въ виду котораго уже не находятъ себѣ никакого оправданія ни практическія соображенія и выводы, коими руководствовались редакторы ст. 21 Высочайше утвержденныхъ правилъ, ни, равнымъ образомъ, тотъ доводъ, что въ числѣ подаваемыхъ просьбъ о внѣзаконныхъ милостяхъ нерѣдко бываютъ такія, которыя по содержанію своему подлежатъ непосредственному и при томъ на законномъ основаніи разрѣшенію компетентнаго вѣдомства,—доводъ, который можетъ быть допущенъ только подъ условіемъ предположенія о совершенной недоступности пониманію учрежденія, вѣдающаго пріемомъ всеподданнѣйшихъ прошеній, того различія, какое существуетъ между ходатайствомъ о правѣ, предусмотрѣнномъ закономъ, и тѣмъ, какое можетъ быть даровано лишь въ путяхъ Монаршаго милосердія.

Доказывая, такимъ образомъ, несостоятельность нынѣ существующаго порядка въ направленіи всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о милостяхъ внѣ закона, мы

---

[1]) Т. I. Свод. Зак. изд. 1895 г., ст. 190, 191 и 197.

не отрицаемъ, однако же, необходимости, чтобы каждое изъ нихъ представлялось будущимъ учрежденіемъ на Высочайшее воззрѣніе не иначе, какъ вмѣстѣ съ предварительно испрошеннымъ отзывомъ или мнѣніемъ подлежащаго вѣдомства.

Но въ совершенно иныхъ условіяхъ находятся ходатайства о помилованіи или о смягченіи участи осужденныхъ, по ихъ связи съ публичными или частными правами и интересами, вслѣдствіе чего, а также съ цѣлью ускоренія ихъ разрѣшеніемъ, статьею 23 Высочайше утвержденныхъ правилъ и установленъ тотъ исключительный порядокъ, согласно которому всеподданнѣйшія прошенія по упомянутымъ ходатайствамъ только поступаютъ въ Канцелярію Его Императорскаго Величества, но затѣмъ обязательно препровождаются для представленія ихъ на Высочайшее воззрѣніе: а) къ Министру Юстиціи, если проситель осужденъ судами гражданскаго вѣдомства, и б) къ Военному Министру, или къ Управляющему Морскимъ Министерствомъ въ отношеніи просителей, осужденныхъ военными или военно-морскими судами.

Аргументація въ пользу такого исключительнаго порядка представляется намъ болѣе солидною, сравнительно съ возраженіями, какія высказывались и высказываются противъ него до сихъ поръ, если принять при этомъ во вниманіе послѣдовавшее въ 1895 году Высочайшее повелѣніе [1]) о подчиненіи Министру Юстиціи Главнаго Тюремнаго Управленія. Мы придаемъ этому послѣднему факту особенное значеніе въ числѣ другихъ, потому, именно, что всякое помилованіе или смягченіе участи осужденнаго, не-

---

[1]) Именной Высочайшій указъ Правит. Сенату 13 декабря 1895 г.—въ Собр. узак. и распор. Правит. 1895 г. № 195, ст. 1635.

премѣнно, имѣетъ своимъ основаніемъ, помимо отвлеченнаго чувства человѣколюбія и сострaданія, также извѣстный поводъ, который заключается или въ личныхъ заслугахъ просителя, или же въ безупречномъ поведеніи во время отбыванія наказанія, свидѣтельствующемъ о его нравственномъ исправленіи. А при такой постановкѣ вопроса о помилованіи или смягченіи участи осужденнаго, не упуская изъ виду основнаго начала, что право помилованія составляетъ неотъемлемую прерогативу Верховной Власти, а задаваясь вопросомъ, на какое же учрежденіе удобнѣе всего возложить составленіе и поднесеніе на Высочайшее благоусмотрѣніе всеподданнѣйшихъ докладовъ по такого рода ходатайствамъ, нельзя не признать, что наиболѣе компетентнымъ для сего вѣдомствомъ является Министерство Юстиціи.

Не говоря уже о томъ, что строгая послѣдовательность и необходимость однообразія въ порядкѣ производства, а также во всеподданнѣйшихъ докладахъ Государю Императору ходатайствъ о помилованіи вообще, требуютъ непремѣннаго участія Министра Юстиціи, такъ какъ онъ же является посредникомъ по этого рода ходатайствамъ, возбуждаемымъ proprio motu судебными установленіями, согласно 775 и 945 ст. Уст. Угол. Судопр.,—въ пользу такого же посредничества и по непосредственнымъ ходатайствамъ самихъ осужденныхъ одинаково говорятъ и соображенія, которыя слѣдуетъ признать неопровержимыми.

Едва ли, напримѣръ, можно отрицать фактъ, что, располагая, съ одной стороны, всѣми, даже секретными свѣдѣніями, касающимися не только самаго преступленія, но и личности осужденнаго просителя, Министръ Юстиціи имѣетъ, такимъ образомъ, возможность вѣрно и категорично отвѣтить на весьма важный въ ходатайствѣ о помилованіи вопросъ, было ли совершенное

имъ преступленіе явленіемъ, такъ сказать, естественнымъ и неизбѣжнымъ, вслѣдствіе нравственной его испорченности, или же только случайнымъ, вызваннымъ чрезвычайными обстоятельствами, при совершенной безупречности его прошлаго поведенія и жизни, а съ другой, что въ качествѣ Главноначальствующаго надъ всѣми мѣстами заключенія и ссылки, располагая столь же достовѣрными свѣдѣніями и о поведеніи осужденнаго, отбывающаго наказаніе, онъ одинъ можетъ удостовѣрить дѣйствительное или мнимое его нравственное исправленіе.

Если же мы обратимся засимъ къ возраженіямъ противъ установленной, по вышеприведеннымъ соображеніямъ ст. 23 Высочайше утвержденныхъ правилъ, компетенціи Министра Юстиціи въ дѣлахъ по всеподданнѣйшимъ ходатайствамъ о помилованіи, то замѣтимъ, что они заключаются въ томъ, во-первыхъ, что по существу его обязанностей, какъ Генералъ-Прокурора, состоящихъ въ преслѣдованіи преступленій и въ стремленіи, дабы они не избѣгли наказанія,—всякое съ его стороны ходатайство объ ихъ помилованіи видимо противорѣчитъ этимъ задачамъ, будучи равносильно ходатайству объ отмѣнѣ приговора, постановленнаго по настоянію ему же подчиненнаго прокурорскаго надзора, состоящаго при судебныхъ установленіяхъ, и во-вторыхъ, что предоставленіе Министру Юстиціи непосредственнаго доклада Государю Императору всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о помилованіи или смягченіи участи осужденныхъ, вообще, ставитъ вопросъ объ ихъ удовлетвореніи въ прямую и непосредственную зависимость отъ одного личнаго и дискреціоннаго его усмотрѣнія [1]).

---

[1]) См. Записку объ упраздненіи Коммиссіи Прошеній. Особое мнѣніе бывшаго Статсъ-Секретаря князя Долгорукаго.

Но въ первомъ изъ приведенныхъ возраженій обнаруживается явное извращеніе понятія объ истинныхъ задачахъ Министра Юстиціи, какъ Генералъ-Прокурора, который, ограждая законъ и авторитетъ правосудія отъ всякихъ произвольныхъ нарушеній, самъ, однако же, не принимаетъ никакого участія въ отправленіи сего послѣдняго ни непосредственно, ни чрезъ подчиненную ему, только въ порядкѣ личнаго надзора, прокурорскую власть, самостоятельно дѣйствующую при судебныхъ учрежденіяхъ въ предѣлахъ, предначертанныхъ ей закономъ.

Ясно, слѣдовательно, что посредничество Министра Юстиціи въ ходатайствахъ о помилованіи не только не имѣетъ ничего общаго съ судебными приговорами объ осужденныхъ и не противорѣчитъ его законнымъ задачамъ и обязанностямъ, но и не можетъ вызывать въ немъ того односторонняго и пристрастнаго взгляда на такого рода ходатайства, какой ему также приписывается. Напротивъ, посредничество Министра Юстиціи по означеннымъ ходатайствамъ ставитъ ихъ въ тѣ условія, какими наиболѣе обезпечивается желаемое соглашеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ милосердія съ справедливостью.

Столь-же неосновательнымъ окажется и второе возраженіе противниковъ о томъ, будто направленіемъ упомянутыхъ ходатайствъ къ Министру Юстиціи, съ правомъ непосредственнаго доклада Государю Императору, обусловливается самый вопросъ объ ихъ удовлетвореніи его личнымъ усмотрѣніемъ, если принять въ соображеніе: а) что Министръ Юстиціи не представляетъ Его Величеству своихъ окончательныхъ заключеній по содержанію всеподданнѣйшихъ прошеній, но только всесторонне выясняетъ предметы и основанія ходатайства, облегчая, такимъ образомъ, высокую обязанность Верховной Власти въ дѣлѣ

сознательнаго и правильнаго примѣненія своего аттрибута милосердія и б) что ни существо выше разъясненныхъ нами и лежащихъ на Министрѣ Юстиціи обязанностей, какъ Генералъ-Прокурора, ни роль его, какъ хранителя и зоркаго наблюдателя за неуклоннымъ исполненіемъ новыми судебными установленіями завѣта, преподаннаго имъ зиждителемъ ихъ, Императоромъ Александромъ II, относительно непремѣннаго сочетанія, во всѣхъ своихъ приговорахъ и рѣшеніяхъ, *правды съ милостью*,—очевидно, не даютъ противникамъ права отрицать въ Министрѣ Юстиціи возможность какого либо сочувствія къ облегченію участи осужденнаго во имя даже одного чисто-нравственнаго начала потому только, что такое сочувствіе противорѣчило бы его первоначально оффиціально сложившемуся убѣжденію, что осужденный не заслуживаетъ милости больше той, какая уже была ему оказана судомъ.

Совершенно противоположный взглядъ на дѣйствительныя задачи Министра Юстиціи вообще и на отношеніе его къ вопросу о милосердіи къ осужденнымъ въ особенности весьма типично выраженъ Министромъ Юстиціи Н. В. Муравьевымъ въ его рѣчи, произнесенной 29 Мая 1894 года при открытіи Петрозаводскаго Окружнаго Суда[1]).

Привѣтствуя Олонецкій край съ такимъ достопамятнымъ и знаменательнымъ событіемъ, какъ распространеніе и на него порядковъ правосудія, признанныхъ законодателемъ въ ихъ главныхъ основаніяхъ за наилучшіе, *какъ зиждующіеся по Царственному завѣту на господствѣ и взаимодѣйствіи великихъ началъ правды и милости*, Н. В. Муравьевъ, послѣ выясне-

---

[1]) Новое Время, 3 Іюля 1894 г., № 6559.

нія значенія правды въ дѣлѣ отправленія правосудія, переходя къ такому же выясненію значенія милости. продолжалъ: «Но правды мало, нужна еще милость, «ея неразлучный спутникъ въ добромъ судѣ. Правда «безъ милости—суха и жестока, милость безъ прав«ды—произвольна, ошибочна, но вмѣстѣ онѣ—пол«ное выраженіе всей доступной намъ справедливости, «конечная цѣль правосудія, высшая задача судьи. *Ми«лость смягчаетъ, гдѣ слѣдуетъ, суровое дѣйствіе прав«ды, внушаетъ суду, что и въ виновномъ скрывается «человѣкъ, нерѣдко заслуживающій состраданія; милость «побуждаетъ не только судить и рѣшить умомъ, но и «понять, почувствовать сердцемъ; она позволяетъ обод«рить раскаявшагося, пожалѣть несчастнаго, поддер«жать, подчасъ спасти погибающаго.* Верховный источ«никъ милости заключается въ Монаршемъ милосер«діи, для котораго не существуетъ ни предѣловъ, ни «правилъ. Но именно къ этому то неисчерпаемому, «безграничному источнику милости и не возбраняется «прибѣгать новому суду, когда онъ найдетъ это не«обходимымъ по исключительнымъ обстоятельствамъ «дѣла, а кромѣ того онъ располагаетъ и собственною «ему отведенною областью нравственной оцѣнки и «снисхожденія, гдѣ онъ имѣетъ возможность прими«рить предписанія закона съ требованіями человѣко«любія».

При столь правильномъ взглядѣ Н. В. Муравьева какъ на истинныя задачи Министра Юстиціи, такъ и на значеніе милости и милосердія, долженствующихъ быть неразлучными спутниками правды въ добромъ судѣ, взглядѣ, основанномъ при этомъ не на отвлеченныхъ соображеніяхъ, приведенныхъ ради какого либо риторическаго эффекта, но, съ одной стороны, на общемъ духѣ законовъ, указывающихъ на дѣйствительную миссію Министра Юстиціи, какъ Гене-

ралъ-Прокурора, а съ другой, на коренныхъ началахъ нашего новаго уголовнаго процесса,—само собою разумѣется, что всякія опасенія и всякій протестъ противъ посредничества Министра Юстиціи между Верховною Властью и осужденными, по ходатайствамъ ихъ о помилованіи или о смягченіи участи, являются опасеніями и протестами абсолютно неумѣстными.

Единственное дополненіе, которое мы полагали бы, однако-же, не безполезнымъ внести въ ст. 23 Высочайше утвержденныхъ правилъ, частью для того, чтобы дать возможность Его Императорскому Величеству выслушать одновременно не одно, а два мнѣнія по такому важному ходатайству, какимъ представляется ходатайство о помилованіи, вообще, частью же съ цѣлью введенія однообразнаго порядка въ производствѣ и въ докладѣ Государю Императору, равнымъ образомъ, ходатайствъ о помилованіи и осужденныхъ военными или военно-морскими судами, можетъ быть выражено въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) чтобы по всѣмъ дѣламъ о помилованіи или смягченіи участи осужденныхъ, какъ Министръ Юстиціи, такъ равно Министры Военный и Морской входили въ соглашеніе съ лицомъ, стоящимъ во главѣ учрежденія, на которое возложено принятіе всеподданнѣйшихъ прошеній и исполненіе повелѣній Государя Императора и которое обязательно должно присутствовать при всеподданнѣйшихъ докладахъ по упомянутымъ дѣламъ, и 2) если проситель былъ осужденъ военнымъ или морскимъ судомъ, то до представленія доклада Его Величеству о помилованіи просителя со стороны Военнаго или Морскаго Министерствъ, докладъ этотъ подлежалъ бы предварительному разсмотрѣнію Министра Юстиціи, который высказываетъ свое личное мнѣніе по поводу ходатайства осужден-

наго, подлежащее обязательному докладу Военнаго или Морскаго Министра Государю Императору вмѣстѣ съ своимъ собственнымъ представленіемъ.

Таковымъ долженъ быть, по мнѣнію нашему, типъ и порядокъ дѣятельности будущаго учрежденія, реформируемаго на началахъ, обрисованныхъ нами въ общихъ только чертахъ, — учрежденія, которое, не угрожая ни силѣ и авторитету закона и правосудія, ни авторитету подзаконныхъ государственныхъ установленій, будетъ въ тоже время наиболѣе соотвѣтствовать какъ достоинству Россійской Верховной Самодержавной Власти, такъ равно и величію присущей Ей абсолютной прерогативы помилованія и милостей внѣ закона . . .

Указаніями на основныя положенія для реформы нынѣ существующей Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, которыя мы старались установить сообразно съ исторіею самаго учрежденія и съ современными условіями нашей государственной жизни, программа и задачи нашего монографическаго труда исчерпаны.

Весь разнородный и вѣками сложившійся историческій матеріалъ, помощью котораго представлялось возможнымъ прослѣдить и выяснить моменты зарожденія и развитія данныхъ могущественныхъ аттрибутовъ Россійской Державности, начиная съ ихъ первоначальной формы, соотвѣтствовавшей нравственно-религіозному основанію самого милосердія, и кончая формою политическаго института,—нами былъ собранъ, разработанъ и освѣщенъ. Строго придерживаясь при этой разработкѣ научнаго метода, мы не останавливались на отдѣльныхъ, отрывочныхъ фактахъ,

22

хотя бы непосредственно относившихся къ упомянутому институту, но въ ихъ взаимной органической связи искали объясненія причинъ всѣхъ тѣхъ измѣненій, какія постепенно происходили не только въ формѣ, но и въ существѣ изслѣдуемыхъ прерогативъ.

Нерѣдко въ поискахъ за возстановленіемъ внезапно прерванной связи между первоначальною и послѣдующею формою проявленія названныхъ аттрибутовъ, намъ приходилось находить факты, возстановлявшие эту связь или въ самой внутренней домашней жизни царствующихъ Государей, или же въ дѣятельности такихъ учрежденій, которыя по предметамъ своего вѣдомства не должны были, повидимому, имѣть ничего общаго съ вопросами великокняжескаго или царскаго милосердія, но которыя, тѣмъ не менѣе, оказывались его проводниками. И потому, если, быть можетъ, въ предлагаемомъ нами историко-законодательномъ изслѣдованіи права суда и помилованія какъ личныхъ аттрибутовъ Россійской Верховной Самодержавной Власти, нѣкоторыя ихъ стороны окажутся недостаточно выясненными, то причину такого явленія слѣдуетъ искать скорѣе въ совершенномъ отсутствіи историческаго матеріала, нежели въ недобросовѣстной разработкѣ того, какой находился въ нашемъ дѣйствительномъ распоряженіи и которымъ мы пользовались, слѣдуя наставленію великаго оратора: «Quoniam non potest id fieri quod vis, id velis, quod possis».

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ,

которыми авторъ пользовался при составленіи

ОБЩЕЙ и ОСОБЕННОЙ ЧАСТЕЙ и ПРИЛОЖЕНІЙ.

Bavoux, Leçons préliminaires sur le code pénal.

Cesar Beccaria, Dei delitti e delle pene. (Milano, 1754).

Bentham, Théorie des peines et de récompenses (2 т. Paris, 1812).

A. Fr. Berner, Lehrbuch des deutschen Strafrechts. (1857).

Его же, Учебникъ уголовнаго права. Переводъ Н. Неклюдовà. (СПБ., 1867).

Bertauld, Cours de code pénal. (Paris, 1864).

Blackstone, Commentaire sur le code criminel d'Angléterre. (1805).

Blountchly, Geschichte des Allgemeinen Staatsrecht und der Politik. (München, 1864).

Bodin, De la République. (1557).

Baudrillart, Iean Bodin et son temps. (Paris, 1853).

Bonneville, Traité des diverses institutions complementaires du Régime Penitentiaire. (Paris, 1847).

Его же, Traité des constitutions politiques.

Bourgnon de Laire, Essoi sur le code pénal.

G. Breuillac, Des recours en Grace. (Paris, 1885).

Champollion le jeune, Lettres écrites d'Egypte et de Nubie.

Benjamin Constant, Cours de politique constitutionelle, avec une introduction et des notes par Ed. Laboulaye. (Paris, 1861 и 2 edit. 1872).

De-Lolme, La constitution de l'Angleterre ou l'état du gouvernement anglais, dans lequel il est comparé à la fois avec les autres monarchiés de l'Europe. (Amsterdam, 1771).

Pierre-Denis, comte de Peyronnet, Pensées d'un prisonnier. (1834).

Charles Desmaze, Les pénalités anciennes. Supplices prisons et grâce en France, d'apres des textes inedits. (Paris, 1886).

Farinacius, Praxis et theoria criminalis.

Ferry, I nuovi orrizonti del diritto e della procedure penale. (1884).

Filangieri, La scienza della legislatione. (1784).

Fridrich der Grosse, Versuch über die Regierungsformen und über die Pflichten der Souveräne.

R. Garofolo, La Criminalogie, etude sur la nature du crime et la theorie de la pénalité. (Paris, 1890).

Gouraincourt, Traité du Droit de Grâce sous la République. (1881).

Hälschner, Das preussischen Strafrecht. (Bonn, 1858).

M. Hans, Principes géneraux du droit penal belge.

Hegel, Grundlinien der Philosophie des Rechts. (1820).

Hüllmann, Städtewesen des Mittelalters. (Bonn, 1825).

Paule-Janet, Histoire de la science politique, dans ses rapport avec la morale. (1876).

Jousse, Traité de la justice criminellé de France. (Paris, 1871).

Kleinschrod, Systematische Entwickelung der Grundbegriffe und Grundwahrheiten des peinlichen Rechts. (1805).

Koestlin, Systeme der deutschen Strafrechts. (1855).

Krawel, Entwurf nebst Gründen eines Strafs-Gesetzbuch. (Halle, 1862).

Ernest Lavisse et Alfred Rambaud, Histoire Générale du IV Siécle à nos jours. (Paris, 1893).

I. Legoux, Du Droit de Grace en France. (Paris, 1865).

Levingston, A sustem of penal law.

Levite, Das Recht der Nothwehr. (1856).

John Locke, Two treatises of Governement. (London, 1714).

Lombroso, Uomo delinquente. (1878).

Lueder, Das Souveränetäts-Recht der Begnädigung. (Leipzig, 1860).

I. F. Malblank, Geschichte der peinlichen Gerichts-Ordnung Kaiser Karls V von ihrer Entstehung und ihren weitern Schicksalen bis auf unsere Zeit. (Nürnb., 1783).

Michaelis, Mosaisches Recht.

Michaud, Biogrophie universelle ancienne et moderne. (Paris, 1842—65).

Montesquie, Esprit des lois. (Paris, 1868).

M. Ortolan, Résumé des éléments de droit pénal. (Paris, 1867).

Plochmann, Das Begnädigungsrecht. (1845).

Pothier, Traité de la procédure civile et criminelle. (Paris, 1778).

Anselm Ritter von Feuerbach, Lehrbuch des peinlichen Rechts. (1801).

Jean Jaques Rousseau, Du Contrat social (1762).

Savvas-Pacha, Etude sur la theorie du Droit Musulman. (1893).

Simonde de Sismondi, Histoire des républiques Italiennes du Moyen age. (Paris, 1826).

Stein, Das Königsthum, die Republik und die Souveränität der französischen Gesellschaft seit der Februarrevolution. (1855).

Thonissen, Etudes sur l'histoire du droit criminel des peuples anciens. T. I. (Bruxelles, 1869).

Xavier Trolley, Cours de droit administratif. (Paris, 1854).

В. Д. Спасовичъ, Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права. («Вѣстникъ Европы», 1891, № 10).

Бар. Николай Торнау, Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія. (СПБ., 1850).

Акты Археографической экспедиціи. (СПБ., 1836).

Акты Историческіе, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею. (СПБ., 1841—42).

Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. I. (СПБ., 1846).

Акты относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, подъ ред. Н. В. Калачова, т. I—III. (СПБ., 1857—84).

Лѣтопись по Ипатьевскому списку. (СПБ., 1872).

Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. Археографической Коммиссіи. (СПБ., 1872).

Русская Лѣтопись по Никоновскому списку. (СПБ., 1767—1792).

Полное собраніе лѣтописей. (СПБ., 1841—97).

Текстъ Русской Правды, изд. Н. В. Калачова. (СПБ., 1881),

Полное Собраніе Законовъ.

Сводъ законовъ уголовныхъ, изд. 1843 г. и др.

Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. (М., 1813—1828).

Русская историческая библіотека, т. VI. (СПБ., 1877).

Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта. 1726—30 г. (М., 1858).

Памятники дипломатическихъ сношеній, т. I. (СПБ., 1831).

S. Gerberstein, Rerum Moscovitarum Commentarii, edit. Starczewsky. (СПБ., 1841).

Записки Желябужскаго. (СПБ., 1840).

Флетчеръ, О государствѣ русскомъ.

Григорій Котошихинъ, О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. (СПБ., 1859).

И. Посошковъ, О скудости и богатствѣ. (М., 1842).

Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцовъ. (СПБ., 1844—47).

Акты Нижегородскаго Печерскаго Вознесенскаго монастыря, изд. А. Титовымъ. (М., 1898).

Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, собранныя и изд. акад. П. Пекарскимъ, т. I. (СПБ., 1871).

Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права. (Кіевъ, 1889).

Внутренній бытъ Русскаго Государства. 1740—41 г. Кн. II. (М. 1886).

Временникъ. (1855 г., кн. XXIII и 1857 г., кн. XXV).

Матеріалы для исторіи Сибири. Вып. II. Историческіе акты XVII ст. (1630—99), собр. и изд. И. П. Кузнецовымъ-Красноярскимъ. (Томскъ, 1897).

Православный Палестинскій Сборникъ. (Т. X, вып. III, 1890).

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XLI. (СПБ., 1884).

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный II-мъ Отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ, т. I. (СПБ., 1891).

В. Шишонко, Пермская Лѣтопись. Періодъ I. (Пермь, 1881).

Архим. Амвросій, Исторія Россійской Іерархіи, ч. I—7. (М., 1807—15).

Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго. (СПБ., 1818—24).

С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

Н. Арцыбашевъ, Повѣствованіе о Россіи. (М., 1838).

Памятники старинной русской литературы, т. IV. (СПБ., 1860).

Эверсъ, Древнѣйшее русское право, пер. Платонова. (СПБ., 1835).

К. Д. Кавелинъ, Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи. (СПБ., 1847).

Б. Чичеринъ, Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. (М. 1856).

Ѳ. Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго аппелляціоннаго производства отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ. (М. 1859).

В. О. Ключевскій, Боярская дума древней Руси. (М., 1883).

В. И. Сергѣевичъ, Лекціи по исторіи русскаго права. 1886—87 г. (СПБ. 1887).

Его-же, Русскія юридическія древности, т. I. (СПБ., 1890).

М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права. (СПБ., 1888).

М. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей. (СПБ., 1889).

П. Ивановъ, Опытъ біографіи генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи. (СПБ., 1863).

Н. М. Коркуновъ, Русское государственное право. (СПБ., 1893).

К. А. Неволинъ, Полное собраніе сочиненій. (СПБ., 1859).

А. Филипповъ, Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. (СПБ., 1895).

П. А. Безсоновъ, Русское государство въ половинѣ XVII в. (М., 1860).

Макарій, Исторія русской церкви. (СПБ., 1868—83).

И. Е. Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. (М., 1872).

Е. Е. Замысловскій, Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. (СПБ., 1871).

П. Знаменскій, Руководство къ русской церковной исторіи. (Казань, 1888).

Бар. М. Корфъ, Жизнь графа М. М. Сперанскаго. (СПБ., 1861).

Н. И. Костомаровъ, Смутное время Московскаго государства. (СПБ., 1866).

Его-же, Начало единодержавія въ древней Руси, въ XII т. Историческихъ монографій и изслѣдованій. (СПБ., 1872).

Его-же. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ дѣятелей, т. II. (СПБ., 1874).

Общая объяснительная записка къ проекту Уложенія о Наказ. угол. и исправ. 1844 г. (СПБ., 1871).

Обозрѣніе дѣятельности Особаго Присутствія въ 1884—96 г. (СПБ., 1896).

А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ. Кн. I и II. (СПБ., 1881—82).

А. Ѳ. Бычковъ, Описаніе рукописей Импер. Публичной Библіотеки. (СПБ., 1882).

А. Поповъ, Изборникъ изъ хронографовъ. (М., 1869).

И. И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. (СПБ., 1867).

Н. Шляковъ, Сводъ извѣстій о дворцѣ св. Царевича Димитрія въ Угличѣ. (Ярославль, 1889).

Историческій Вѣстникъ. (1881, № 8).

Кіевская Старина. (1883, № 6).

Москвитянинъ. 1842, № 3, кн. II).

Русскій Архивъ. (1865, № 9), и др.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОБЩЕЙ ЧАСТИ.

Глава VI.

Глава VII.

Глава VIII.

Глава IX.

Глава X.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

УЧРЕЖДЕНІЯ.

Глава XVII.

Глава XVIII.

Глава XIX.

ERRATA

къ Общей части.

Стран.	*Напечатано.*	*Надо читать.*
20 (2 прим.)	coeteris	ceteris
21 (1 прим.)	morentur	merentur
36 (1 прим.)	principis	principiis
61 (прим.)	partis	partibus
»	communam	communem
93 (1 прим.)	1874	1784
99	Peinlichen	peinlichen
»	Клойнхродъ	Клейншродъ
»	Гелхнеръ	Гельшнеръ
104 (прим.)	Bonnevilla	Bonneville

ERRATA

къ Особенной части.

Стран.	*Напечатано.*	*Надо читать.*
33	(1509 г.),	(1510 г.),
46	профессора И. Забѣлина:	И. Е. Забѣлина:
168	въ 1569 году,	въ 1570 году,
203	Артемона	Артамона